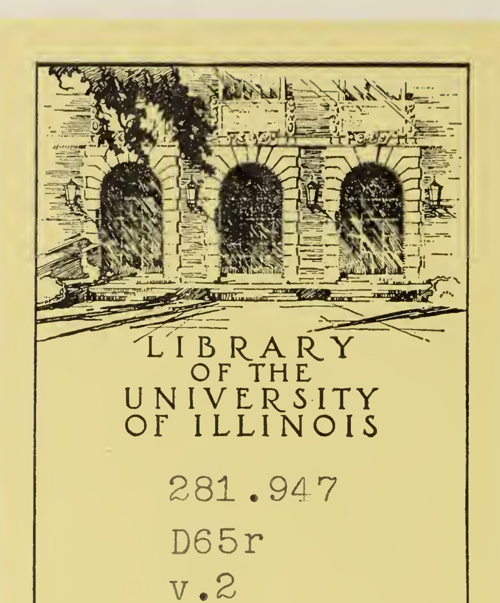

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

281.947
D65r
v.2

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

NOV 17 1982

JUL 19 1988

L161—O-1096

Digitized by the Internet Archive
in 2015

https://archive.org/details/rukovodstvopoist028800

7200-7

РУКОВОДСТВО

ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ,

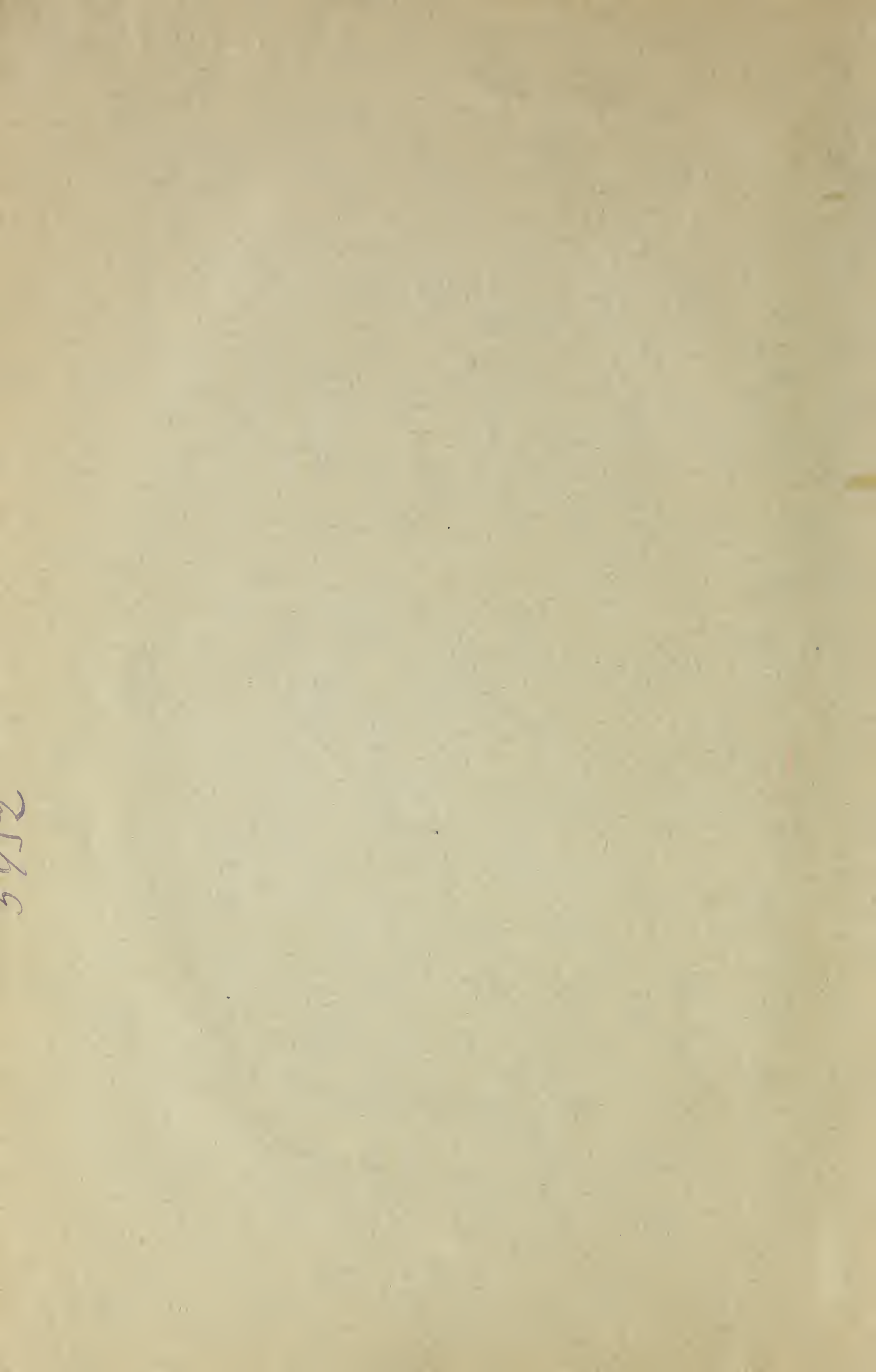
второй выпускъ

(Періодъ сѣверно-русской митрополіи 1237—1588 г.).

Составилъ

А. Доброклонскій.

МОСКВА.
Типографія Л. Ѳ. Снегирева. Остоженка Савел. п., д. Снегиревой.
1886.

Ж/54/43182
Б1 7/1
261

РУКОВОДСТВО

ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ.

(Періодъ сѣверно-русской митрополіи 1237—1588 г.).

Фунд. библ.
XLV
5
15
№ 4290

БИБЛІОТЕКИ
3-й С.П.Б. ГИМНАЗІИ

Составилъ

А. Доброклонскій.

МОСКВА.
Типографія Л. Ѳ. Снегирева. Остоженка Савел. п., д. Снегиревой.
1886

Дозволено Цензурою. Москва, Мая 13 дня 1886 года.
Цензоръ Архимандритъ *Амфилохій*

Изъ книгъ „Чтенія въ Общ Люб. Дух. Просвѣщенія".
Типогр. Л. Ѳ. Снегирева, Остож. Савел. пер. д. Снегиревой.

231.947
D65r
v.2

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Второй выпускъ моего „Руководства по исторіи Русской Церкви" обнимаетъ собою время отъ 1237 до 1589 года. Весь этотъ промежутокъ обыкновенно дѣлили на два періода—„монгольскій" и „раздѣленія русской митрополіи"; но у меня оба они соединены въ одинъ періодъ „сѣверно-русской митрополіи". Побужденіемъ къ этому для меня служили: 1) неосновательность обычнаго дѣленія и 2) желаніе болѣе связно и цѣлостно представить ходъ развитія русской церковной жизни XIII—XVI в. во всѣхъ ея проявленіяхъ. Чтобы дѣленіе на періоды было менѣе искуственно, нужно, чтобы въ основѣ его лежало важное различіе въ характерѣ самой церковной жизни и во главѣ періода стоялъ крупный историческій фактъ, вліявшій на измѣненіе этой послѣдней; но этого нѣтъ въ прежнемъ дѣленіи. За нѣкоторыми исключеніями жизнь церкви за оба періода—монгольскій и раздѣленія митрополіи—текла въ одномъ и томъ же направленіи, окончательно раскрывшемся въ XVI в.: самое раздѣленіе русской митрополіи на двѣ, окончательно состоявшееся въ половинѣ XV в., не только подготовлялось, но и временно уже существовало прежде; освобожденіе русской церкви отъ власти Константинопольскаго патріарха совершается постепенно за все время XIII—XV в.; одновременно съ этимъ же постепенно складывается подчиненіе церкви государству, рельефно проявившееся при Іоаннѣ IV; общій характеръ

церковной литературы XIII—XV в. тотъ же, что и въ XVI в., только ярче обрисовался въ этотъ послѣднiй вѣкъ; еретическiя движенiя—стригольническое (XIV и нач. XV в.) и жидовствующихъ (конца XV и первой полов. XVI в.) имѣютъ много сходства между собою; дѣятельность католиковъ въ интересахъ католической пропаганды или унiи за XII—XVI в. носитъ одинаковый характеръ; богослужебная практика русской церкви развивается за все это время, и особенно со времени м. Кипрiана (1376—1406 г.) становится на тотъ путь, на какомъ стоитъ въ XVI в.; одинаковъ наконецъ общiй складъ религiозно-нравственной и въ частности монашеской жизни, за все время XIII—XVI в. Поэтому страннымъ казалось мнѣ разрывать, такъ тѣсно связанные между собою, вѣка; разорвать ихъ значило въ моихъ глазахъ разорвать плавно и связно текущую жизнь русской церкви; и я соединилъ ихъ въ одинъ перiодъ. Гранями его я поставилъ съ одной стороны фактъ перенесенiя митрополичьей каѳедры съ юга Россiи на сѣверъ, съ другой—учрежденiя патрiаршей каѳедры въ Москвѣ. Первый фактъ существенно повлiялъ на опредѣленiе русской церковной жизни послѣдующаго времени, вызвавши раздѣленiе русской митрополiи, (см. § 6), способствуя измѣненiю въ положенiи митрополичьей и епископскихъ каѳедръ (§ 8 и 18), посредственно отразившись даже на богослужебной практикѣ, на собиранiи иконъ въ Москвѣ (§ 30) и т. п. Какъ такой, данный фактъ смѣло можетъ быть поставленъ во главѣ новаго перiода. Правда, этотъ фактъ въ собственномъ смыслѣ имѣлъ мѣсто лишь въ 1299 году, когда митр. Максимъ поселился во Владимiрѣ Клязьмскомъ, но Кiевъ потерялъ свое прежнее церковное значенiе еще раньше: первый митр. даннаго перiода, Кириллъ III, видя раззореннымъ митр. дворъ въ Кiевѣ, не захотѣлъ жить тамъ, а объѣзжая разные города для церковныхъ дѣлъ, останавливался чаще и на болѣе долгое время во Владимiрѣ. Такимъ образомъ въ дѣйствительности съ этого уже времени центръ русской церковной жизни съ юга пеерходитъ на сѣверъ и остается тамъ—сначала во Владимiрѣ, затѣмъ въ Москвѣ (съ 1325 г.). Правда, на югѣ Россiи снова возстановляется центръ для мѣстной незави-

симой митрополіи (съ полов. XV в.), но она не мало усвояетъ изъ сѣверной, гдѣ жизнь церковная, благодаря благопріятнымъ условіямъ, идетъ какъ-бы впереди. Поэтому мое „Руководство“ больше всего и занимается исторіей сѣверной митрополіи; поэтому же наконецъ и данный періодъ (второй) названъ періодомъ сѣверно-русской митрополіи; онъ оканчивается вмѣстѣ съ преобразованіемъ Московской каѳедры изъ митрополичьей въ патріаршую. Какъ и въ первомъ выпускѣ (изд. 1884 г.), я счелъ полезнымъ и въ настоящемъ приложить особыя „Приложенія“ для справокъ.

ГЛАВА I.

Распространеніе христіанской вѣры.

§ 1. Подобно жестокой бурѣ, пронеслись по Россіи полчища татаръ. Падали города, разграблялись, разрушались и сожигались храмы и монастыри, уничтожались христіанскія святыни и богослужебныя книги, убивались или отводились въ плѣнъ жители. Вмѣстѣ съ князьями, боярами и простолюдинами гибли епископы, пресвитеры и иноки *). Иногда плѣнникамъ предлагали дружбу Батыя подъ условіемъ отреченія ихъ отъ христіанской вѣры или исполненія языческихъ обрядовъ, и когда тѣ отказывались, умерщвляли ихъ [1]). Но все это не было слѣдствіемъ религіознаго фанатизма татаръ; скорѣе это было выраженіемъ обычнаго для восточныхъ кочевниковъ способа веденія войны. Поэтому-то, когда промчалась буря и полчища осѣлись на Волгѣ, Русь снова вздохнула свободно, и какъ гражданская, такъ и церковная жизнь въ ней пошла по прежнему. Монгольскіе ханы предоставили ей свободное теченіе, только требовали себѣ дани, вызывали къ себѣ князей и митрополитовъ и изрѣдка дѣлали набѣги на предѣлы Россіи. *По отношенію къ Христіанской вѣрѣ* они были терпимы. Къ этому обязывала ихъ „Яса" или „Книга запретовъ" великаго Чингисъ-Хана, которая требовала отъ всѣхъ хановъ одинаковаго уваженія къ различнымъ религіямъ и которую клятвенно обѣщали исполнять всѣ ханы подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ лишиться престола. Поэтому-то монгольскіе импе-

---

*) Митрофанъ еп. Владимірскій. Симеонъ еп. Переяславскій, Порфирій еп. Черниговскій, преп. Лукіанъ и Памво печерскіе, Пахомій Богородицерождественскій, архим. Ѳеодосій, игум. Спасскій и др.

раторы и ханы золотой Орды „никого не принуждали къ отступленію отъ христіанской вѣры или закона,“ [2]) на глазахъ у себя терпѣли христіанское богослуженіе и предъ дворцомъ своимъ христіанскую часовню, нѣкоторые (Гаюкъ) даже выдавали содержаніе христіанскимъ священникамъ, сами соблюдали обряды и присутствовали при богослуженіи христіанъ. О Кублаѣ напримѣръ одинъ очевидецъ разсказываетъ слѣдующее: въ праздники Пасхи и Рождества Христова онъ приказываетъ христіанамъ явиться во дворецъ съ Евангеліемъ, окуривалъ его ладономъ и торжественно поцѣловавъ, принуждалъ къ тому же своихъ приближенныхъ [3]). Сами относясь терпимо къ христіанской вѣрѣ, ханы требовали того же и отъ всѣхъ своихъ подданныхъ; въ своихъ ярлыкахъ, выдаваемыхъ русскимъ митрополитамъ, они заявили: „кто будетъ хулить вѣру русскихъ, или ругаться надъ нею, тотъ ни чѣмъ не извинится, а умретъ злою смертію“ [4]). Въ этихъ же ярлыкахъ представлялись русскому духовенству и всѣ тѣ привиллегіи, какими они пользовались раньше,—свобода отъ дани, неприкосновенность церковнаго суда и пр. Такая вѣротерпимость замѣчается въ монгольскихъ ханахъ не только тогда, когда они были язычниками, но и тогда, когда они приняли магометанство. Магометанинъ *Берге* съ удовольствіемъ слушалъ христіанскіе разсказы епископа ростовскаго Кирилла, вторично пригласилъ его къ себѣ для исцѣленія своего сына, и дозволилъ открыть въ своей столицѣ Сараѣ епископскую каѳедру (1261 г.); *Узбекъ*, вообще благосклонно относясь къ христіанству, не возбранилъ своей сестрѣ Кончакѣ не только выйдти за московскаго князя Юрія Даниловича, но даже принять крещеніе (съ именемъ Агаѳьи); *Чанибекъ* же выдалъ ярлыкъ митрополиту Алексію, обращался къ его помощи для исцѣленія своей жены Тайдулы и вообще, по свидѣтельству лѣтописи, былъ „добръ зѣло ко христіанству и многу льготу сотвори землѣ русской“. [5]).

§ 2. Впрочемъ и при терпимомъ отношеніи монголовъ къ христіанской вѣрѣ бывали случаи *мученической* кончины русскихъ князей. Таковы: Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій съ бояриномъ Ѳеодоромъ (1246 г.), Романъ Олеговичъ Рязанскій (1270 г.) и Михаилъ Ярославичъ Тверской (1319 г.)

Вызванный Батыемъ въ Орду и получивъ отъ епископа Іоанна наставленіе не покланяться идоламъ и не выполнять языческихъ монгольскихъ обрядовъ, *Михаилъ Черниговскій* отправился съ внукомъ Борисомъ ростовскимъ, бояриномъ Θеодоромъ и др. По порученію хана жрецы потребовали отъ Михаила, чтобы онъ прошелъ сквозь огонь и поклонился языческимъ идоламъ, угрожая въ противномъ случаѣ смертію. Михаилъ отвѣчалъ: „я готовъ поклониться царю..; но я христіанинъ и не могу поклониться тому, чему поклоняются жрецы". Напрасно уговаривали его и юный Борисъ и ростовцы; поддерживаемый Θеодоромъ, онъ твердо стоялъ на своемъ и святымъ причастіемъ приготовился къ смерти. Явились палачи; схватили Михаила, растянули за руки и за ноги, били кулаками и палками по груди, потомъ повернули лицомъ къ землѣ и долго топтали ногами, пока наконецъ какой-то отступникъ Доманъ не отрѣзалъ ему головы. Также поступили и съ бояриномъ Θеодоромъ, когда онъ отказался выполнить требуемое жрецами (20 сентября 1246 г.). Тѣла обоихъ мучениковъ брошены были на съѣденіе псамъ, но остались цѣлы и перенесены христіанами въ Черниговъ. [6]).

Романъ Олеговичъ Рязанскій принадлежалъ къ семьѣ, горячо преданной христіанской вѣрѣ, и самъ былъ воспитанъ въ такомъ же духѣ. Заступаясь за всѣхъ притѣсненныхъ, онъ разъ удержалъ ханскаго баскака отъ безчеловѣчныхъ насилій при сборѣ дани. Обиженный баскакъ нажаловался хану Менгу-Темиру, что будто князь Романъ поноситъ монгольскую вѣру и самого хана. Романъ былъ вызванъ въ Орду и принуждаемъ къ отреченію отъ христіанской вѣры. Не смотря на побои, оковы и тюремное заключеніе, онъ рѣшительно заявилъ: „я христіанинъ.... никто не заставитъ меня измѣнить святой моей вѣрѣ". Тогда послѣдовалъ приговоръ Менгу-Темира: „пусть князь умретъ мучительною смертію". На мѣстѣ казни Романъ сталъ было говорить о святости христіанской вѣры; но ему отрѣзали языкъ, затѣмъ вырѣзали глаза, обрубили пальцы на рукахъ и ногахъ, уши и губы, руки и ноги, содрали съ головы кожу и отрубленную голову воткнули на копье (19 Іюля. 1270 г.) [7]),

Михаилъ Ярославичъ Тверской велъ борьбу съ Юріемъ Даниловичемъ Московскимъ изъ-за великокняжескаго стола.

Разъ татарскій воевода Кавгадый помогалъ Юрію, но онъ и жена этого послѣдняго Кончака—Агаѳія попали въ плѣнъ къ Михаилу. Кончака здѣсь умерла; Кавгадый же былъ освобожденъ. Явившись въ Орду, онъ вмѣстѣ съ Юріемъ обвинилъ Михаила въ томъ, что онъ отравилъ Кончаку и не слушается хана. Узбекъ, которому Кончака была сестрой, разсердился и вызвалъ къ себѣ Михаила. Какъ не удерживали его бояре, онъ пошелъ (1318 г.) въ Орду, чувствуя, что идетъ на смерть. Послѣ пристрастнаго суда, на шею ему возложили тяжелую колоду и такъ водили за Узбекомъ во время охоты; на ночь руки забивали въ колодки; разъ преданныя ему лица приготовили все нужное для его побѣга и уговаривали его воспользоваться случаемъ, но онъ отказался; послѣ публичныхъ насмѣшекъ надъ нимъ, Кавгадый наконецъ прислалъ палачей. Князь заранѣе приготовился къ смерти. Убійцы вскочили въ вежу, гдѣ былъ князь, разогнали слугъ, схватили его за колоду и такъ ударили въ стѣну, что вежа проломилась; когда Михаилъ поднялся на ноги, его снова повалили на землю и долго били плетями, пока Реманецъ большимъ ножемъ не вырѣзалъ ему сердце (22 ноября 1319 г.). Тѣло его безъ всякаго почета и даже съ оскорбленіями было перевезено въ Москву и погребено въ Спасскомъ монастырѣ [8]).

Мученическая смерть русскихъ князей въ Ордѣ мало свидѣтельствуетъ о религіозной нетерпимости тѣхъ или другихъ хановъ. Самъ Батый, при которомъ пострадалъ св. Михаилъ Черниговскій, „не исповѣдывалъ никакой религіи, а поклонялся только единому Богу“, [9]) слѣдовательно не могъ быть горячимъ ревнителемъ язычества и врагомъ христіанства. Менгу-Темиръ, при которомъ погибъ Романъ Рязанскій, своимъ ярлыкомъ заявилъ благорасположеніе къ христіанамъ и даже родной своей дочери дозволилъ выйти за христіанина (Ѳеодора Ярославскаго) и принять крещеніе (съ именемъ Анны). Для обоихъ—Батыя и Менгу-Темира—была обязательна Яса Чингисъ-хана. Но будучи сами терпимы по отношенію ко всякимъ религіямъ и не допуская осмѣянія ихъ, они естественно могли требовать того же и отъ русскихъ князей. Когда же послѣдніе, какъ прилично христіанамъ,—отказывались исполнять языческіе обряды и говорили о превосходствѣ христіанства надъ язычествомъ,

они возбуждали неудовольствіе хановъ, какъ ослушники ихъ воли и оскорбители воли великаго Чингисъ-хана; такими особенно должны были они казаться, когда отказывались выполнять обычныя у татаръ церемоніи, какъ напр. прохожденіе чрезъ огонь, или когда на нихъ клеветали, какъ на хулителей хана и вѣры монгольской. Такимъ образомъ и потерпѣли смерть Михаилъ Черниговскій и Романъ казанскій. Кончина же Михаила Тверскаго вышла изъ политическихъ мотивовъ и обусловливалась клеветами на него со стороны Юрія и Ковгадыя предъ Узбекомъ, — клеветами чисто политическаго характера[10]).

§ 3. При терпимомъ отношеніи монголовъ къ христіанской вѣрѣ возможны были значительные *успѣхи христіанской проповѣди* между ними. Баскаки, проживавшіе въ Россіи, татары становившіеся съ русскими въ ряды одного войска для борьбы съ какимъ нибудь княземъ, русскіе являвшіеся въ Орду, плѣнники, захватываемые во время войнъ, дочери и сестры хановъ, выходившія за русскихъ князей и принимавшія христіанство[11]), жены хановъ — христіанки[12]), наконецъ нарочитыя христіанскія миссіи въ Монголіи и Ордѣ[13])— все вмѣстѣ способствовало успѣхамъ христіанской проповѣди. Въ 1261 г. уже открыта была въ Ордѣ цѣлая епархія съ епископской каѳедрой въ главномъ городѣ Сараѣ; съ этого времени, епископы сами должны были заботиться о христіанской миссіи и она пошла настолько успѣшно, что крестились многіе татары даже въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ трудно было достать воду для крещенія[14]). Древніе памятники говорятъ намъ и объ отдѣльныхъ лицахъ, принимавшихъ христіанство. Таковъ напр. *Петръ* царевичъ Ордынскій, племянникъ хана Берге. Первымъ толчкомъ къ христіанству послужило для него впечатлѣніе отъ бесѣды Кирилла Ростовскаго, приходившаго въ Орду. Онъ разсказывалъ о св. Леонтіи Ростовскомъ и чудесахъ, совершающихся при его мощахъ, также предложилъ нѣсколько христіанскихъ поученій; подъ вліяніемъ слышаннаго Петръ сталъ размышлять о суетности боговъ монгольскихъ и склонялся къ христіанству— Когда Кириллъ снова пришелъ въ Орду и своими молитвами исцѣлимъ сына Берге, Петръ рѣшился сдѣлаться христіаниномъ; бѣжалъ въ Ростовъ и чрезъ нѣсколько времени крестился. Долго онъ жилъ при епископской каѳедрѣ, усердно

посѣщая храмъ Божій и стараясь въ жизни своей выполнить правила христіанской нравственности; построилъ монастырь во имя св. апостоловъ Петра и Павла и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ семейной жизни принялъ монашество въ основанной имъ обители, гдѣ и скончался (1288 г.)[15]). Приняли крещеніе также; *Беклеминъ* (Михаилъ) сынъ князя Бахмета, родоначальника Мещерскихъ, со многими татарами; царевичъ *Берка* (Іоанникій), родоначальникъ Аничковыхъ; царевичъ *Аредичъ*, родоначальникъ Белеутовыхъ; князь *Четъ*, (Захарія) родоночальникъ Годуновыхъ; царевичъ *Серкизъ*, родоначальникъ Старковыхъ; князь *Олекса* (Александръ), родоначальникъ Глинскихъ; Казанскій царевичъ *Кайдакулъ* (1505 г. Петръ); *Два сына хана Кулъпы* (Іоаннъ и Михаилъ); мурза *Атунъ*, родоначальникъ Сабуровыхъ; *Кочевъ* (Онисифоръ), родоначальникъ Поливановыхъ; Мурза (Спиридонъ) родоначальникъ Строгоновыхъ; *Кичибей* (Селиванъ), родоначальникъ Кичибеевыхъ; баскакъ устюжскій *Буга*—(Іоаннъ) и нѣкоторые другіе[16]).

Вообще отдѣльные случаи обращенія татаръ въ христіанство за XIII — XVI вѣка можно встрѣтить не рѣдко. Но все-таки въ XV—XVI вѣкахъ, когда уже сила Орды ослабѣла, христіанство успѣшнѣе насаждалось между татарами. Татары, попадавшіе въ плѣнъ, обыкновенно или добровольно или по принужденію принимали христіанство. Такъ напр. въ 1536 г. по приказанію архіепископа Новгородскаго Макарія, священники окрестили 172 плѣнныхъ женъ и дѣтей татарскихъ въ Новгородѣ, Псковѣ, Орѣшковѣ и въ Корелѣ[17]). Когда же Іоаннъ IV началъ борьбу съ *Казанскимъ царствомъ*, онъ нарочито подготовлялъ почву для болѣе успѣшнаго введенія туда христіанства. Поэтому между прочимъ онъ приказалъ построить въ придѣлахъ Казанскихъ г. Свіяжскъ съ православными церквами, какъ бы центръ для христіанской миссіи и вмѣстѣ знаменіе скораго водворенія христіанской вѣры въ казанской землѣ. Самый походъ на Казань и вступленіе въ покоренный городъ (1552 г.) имѣлъ религіозный отпечатокъ: на приступъ воины шли, предварительно очистившись покаяніемъ, во время приступа были отслужены утреня, литургія и молебенъ, по взятіи города былъ отправленъ благодарственный молебенъ, водруженъ крестъ, выстроена обыденная церковь во имя Кип-

ріана и Іустины, дневныхъ святыхъ (2 октября), заложены церковь Спаса и соборъ Благовѣщенія, совершенъ крестный ходъ по стѣнамъ и улицамъ города, городъ окропленъ св. водою и посвященъ Пресв. Троицѣ; за городомъ велѣно построить монастырь Зилантовъ. По всему видно, что у Іоанна было сильное желаніе крестить казанцевъ. Это желаніе скоро стало осуществляться. Еще когда Іоаннъ находился въ Казани, „многіе изъ невѣрныхъ съ женами и дѣтьми крестились во имя Отца и Сына и Св. Духа". Прибывъ въ Москву, онъ поспѣлъ прислать въ Казань для устроенія церковныхъ дѣлъ архангельскаго протоіерея Тимоѳея, который и открылъ миссіонерскую дѣятельность. Крестились тогда „многіе изъ невѣрныхъ—мужчины и женщины, старые, юные и дѣвы, — лица всякаго возраста и рода царскаго, княжескаго и другаго чина и отъ крымскихъ и казанскихъ и черемисскихъ, и иныхъ ордъ". Въ Казани напр. крестился старецъ Стефанъ, немогшій по болѣзни ходить въ теченіи 30 лѣтъ и при крещеніи получившій исцѣленіе; въ Москвѣ приняли христіанство два казанскихъ царя со множествомъ татаръ: пятилѣтній Утемишъ-Гирей (Александръ) и старый Едигеръ (Симеонъ). Правительство употребляло иногда и насильственныя мѣры для обращенія татаръ въ христіанство; напр. въ 1555 г. дьяки метали въ воду тѣхъ плѣнныхъ татаръ, которые не хотѣли креститься, а желающихъ отправляли въ монастыри [18]. Но гораздо важнѣе были другія мѣры для успѣховъ христіанской проповѣди въ Казанской области. Именно въ 1555 г. на Московскомъ соборѣ рѣшено было открыть казанскую архіепископію, куда должны были войти Казань съ окрестными улусами, г. Свіяжскъ съ горною страною, г. Василь и вятская земля. Избранъ былъ на новую каѳедру игуменъ *Гурій*. Это былъ человѣкъ, еще въ юности закалившій свою волю и способный къ миссіонерской дѣятельности. Онъ происходилъ изъ незнатной боярской фамиліи Руготиныхъ, проживавшей въ Радонежѣ, при крещеніи названъ Григоріемъ, въ молодыхъ лѣтахъ поступилъ на службу къ князю Ивану Пенькову; оклеветанный въ преступной связи съ его женою, Григорій былъ посаженъ въ земляную темницу съ маленькимъ окномъ вверху, въ которое подавали ему немного воды для питья и снопы овса для пищи; два года пробылъ онъ

здѣсь, предаваясь молитвѣ и занимаясь писаньемъ азбукъ для дѣтей, выручаемыя деньги поручалъ раздавать нищимъ, по прежнему довольствуясь овсомъ и водой; освободившись, онъ постригся въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ, сдѣланъ былъ игуменомъ здѣсь, но чрезъ нѣсколько лѣтъ отказался отъ этой должности, пока не былъ назначенъ игуменомъ въ Селижаровъ монастырь Тверской епархіи, откуда и былъ взятъ на казанскую каѳедру. Торжественно было и рукоположеніе и отправленіе Гурія: въ рукоположеніи участвовали 10 святителей и вообще до 76 духовныхъ лицъ, кромѣ иподьяконовъ и низшихъ клириковъ. На епархію его торжественно провожали царь, митрополитъ и духовенство: всюду устроялись ему торжественныя встрѣчи, самъ онъ всюду служилъ молебны, кропилъ св. водою и говорилъ поученія. Онъ везъ съ собою иконы, книги, церковную утварь, казну Государя на сооруженіе церквей и монастырей. Естественно, теперь подъ непосредственнымъ надзоромъ архіепископа должно было успѣшнѣе пойти миссіонерское дѣло „Наказъ“, полученный св. Гуріемъ отъ царя и митрополита, указывалъ, какъ нужно было ему дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ. Именно внушалось употреблять мѣры кротости, любви и убѣжденія: заступаться за провинившихся въ чемъ нибудь и осужденныхъ татаръ, угощать ихъ пирами и просвѣщать христіанскими бесѣдами. Святитель дѣйствительно такъ и поступалъ; онъ питалъ нищихъ и бѣдныхъ, заступался за притѣсненныхъ, часто училъ невѣрныхъ и открылъ съ миссіонерскою цѣлію при Свіяжскомъ и Казанскомъ монастыряхъ училища для дѣтей христіанскихъ, языческихъ и магометанскихъ. Ближайшими сотрудниками его были архимандриты *Варсанофій и Германъ*. Первый былъ сынъ одного Серпуховскаго священника, въ юности попалъ въ плѣнъ къ крымскимъ татарамъ и по возвращеніи на родину постригся въ Андрониковомъ монастырѣ, черезъ нѣсколько времени сдѣлался архимандритомъ Пѣснопскаго монастыря и при открытіи казанской епархіи отправился туда вмѣстѣ съ Гуріемъ. Здѣсь онъ основалъ Спасо-Преображенскій монастырь и своимъ примѣромъ и бесѣдами дѣйствовалъ на татаръ. Познакомившись еще въ юности съ языкомъ ихъ, онъ теперь свободно могъ говорить съ ними, а изучивши коранъ, сталъ вести съ ними состязанія о вѣрѣ. Года на четыре

(въ 1567) удалившись въ качествѣ епископа въ тверскую епархію, онъ снова вернулся въ свой Казанскій монастырь, гдѣ и скончался (1576 г.). *Германъ* былъ родомъ изъ Старицы отъ бояръ Садыревыхъ-Полевыхъ, постригся въ Волоколамскомъ монастырѣ и подвизался тамъ подъ начальствомъ Гурія, два съ половиною года въ санѣ игумена правилъ Старицкимъ Успенскимъ монастыремъ и снова возвратился въ Волоколамскій монастырь. Отсюда вмѣстѣ съ Гуріемъ отправился въ Казань, устроилъ здѣсь Богородицкій Свіяжскій монастырь, служившій просвѣтительнымъ центромъ для всего свіяжскаго уѣзда, и самъ заправлялъ миссіонерскимъ дѣломъ въ этомъ краѣ. По смерти Гурія (1567 г.) Германъ занялъ казанскую каѳедру и дѣйствовалъ въ его духѣ (до 1569 г.). Цѣлыми тысячами присоединялись татары къ христіанской церкви [19]). Не мало къ этому побуждали и чудеса новоявленной (1571 г.) иконы Казанской Божіей Матери. Но преемники св. Германа мало заботились о просвѣщеніи новокрещенныхъ, такъ что начали отставать отъ христіанской вѣры: жили вмѣстѣ съ магометанами и язычниками, не ходили въ храмы Божіи, не носили на себѣ крестовъ, не держали иконъ по домамъ, не обращались къ христіанскимъ священникамъ, не крестили своихъ дѣтей, покойниковъ хоронили на старыхъ татарскихъ кладбищахъ, или совсѣмъ не вѣнчались по православному чину, или перевѣнчивались послѣ по татарскому обычаю, ходили къ мулламъ и въ магометанскія мечети [20]).

Въ составъ Казанской архіепископіи очень рано вошло и *Астраханское царство*, покоренное вслѣдъ за Казанскимъ (1556 г). Переходить въ христіанскую церковь начали здѣсь татары сейчасъ же за ихъ покореніемъ. Крестилась даже ихъ царица Ельякши съ своимъ сыномъ (Юліанія и Петръ). Чтобы не возбудить неудовольствія въ туземцахъ, и чтобы не стали говорить, что „христіанскій государь мусульманъ изводитъ“ [21]), Іоаннъ IV предписывалъ употреблять въ отношеніи къ нимъ мѣры кротости. Въ 1568 году онъ послалъ сюда игумена Кирилла для миссіи. Трудами его построенъ былъ въ Астрахани монастырь во имя Пресвятой Троицы съ 3 храмами, служившій вѣроятно центромъ для христіанскаго просвѣщенія мѣстнаго края. Къ началу XVII вѣка уже такъ успѣла здѣсь христіанская проповѣдь, что открылась особая Астраханская епархія.

§ 4. Въ XIII—XIII вв. кромѣ татаръ христіанство проникало и къ другимъ народамъ, какъ вошедшимъ въ составъ русскаго государства, такъ и сосѣднимъ, а вмѣстѣ распространялось и утверждалось тамъ, куда успѣло проникнуть еще раньше. Именно мы видимъ успѣхи православія въ Литвѣ, въ Водской землѣ и Кореліи, въ Пермской области, у Лапарей, въ Сибири и на Кавказѣ, не говоря о внутреннихъ областяхъ Россіи.

Въ *Литвѣ* православіе за данный періодъ имѣло значительнѣйшіе успѣхи и должно было вступить въ борьбу съ латинствомъ. Православіе проникло здѣсь даже въ княжескія семейства и нашло тамъ для себя защитниковъ. *Миндовгъ*, виликій князь Литовскій первый принялъ „христіанскую православную вѣру отъ востока со многими своими боярами“ [22]) и хотя впослѣдствіи оставилъ ее, однако не препятствовалъ сыну и дочери исповѣдывать православіе. Сынъ его *Войшелгъ* даже принялъ постриженіе въ Галиціи отъ Полонинскаго игумена Григорія и пробылъ подъ его руководствомъ 3 года; затѣмъ задумалъ идти на Аѳонъ, но вернулся и основалъ свой монастырь близъ Новогродка (въ Литвѣ). Занявши послѣ отца престолъ, онъ заботился о просвѣщеніи своей родины христіанствомъ и для этого вызывалъ изъ Новгорода и Пскова священниковъ, знавшихъ литовскій языкъ; литовецъ Довмонтъ (Тимофей), убѣжавшій со многими литовцами во Псковъ, крестившійся здѣсь съ ними и занявшій псковскій княжескій столъ, помогалъ ему въ этомъ. Не задолго предъ своей смертію Войшелгъ уступилъ престолъ *Шварну*, а самъ снова ушелъ въ монастырь. Послѣ Шварна, хотя на литовскомъ престолѣ сидитъ язычникъ *Тройденъ*, но онъ терпимо относится къ христіанству, такъ что 3 брата его исповѣдывали православную вѣру, а самъ Римундъ (Лавръ) принялъ даже монашество. Такимъ же образомъ поступалъ и язычникъ *Гедиминъ*, объединившій подъ своею властію кромѣ Литвы почти всѣ города и княжества западной Россіи (между прочимъ Кіевъ, Черниговъ и западную часть Волыни). Вторая и третья жены его были православныя россіянки, дочерей своихъ выдавалъ онъ за христіанскихъ князей, а сыновьямъ *) дозволялъ жениться на христіанкахъ

*) Коріатъ-Михаилъ, Наримундъ-Глѣбъ, Любартъ-Димитрій, Явнутъ—Іоаннъ.

и принимать православіе. Изъ сыновей его *Ольгердъ* занялъ мѣсто отца. Первая жена его Марія Витебская побудила его принять крещеніе и построить въ Витебскѣ двѣ православныя церкви; но вступивъ на великокняжескій престолъ, онъ снова обратился къ язычеству и даже началъ преслѣдовать христіанъ. При немъ пострадали придворные: Кумецъ, Нежило и Круглецъ (Антоній, Іоаннъ и Евстафій). Когда Кумецъ и Нежило отказались принимать участіе въ жертвоприношеніи огню, Зничу, Ольгердъ приказалъ бросить ихъ въ темницу. Чрезъ годъ старшій братъ Іоаннъ, подвергшись болѣзни, отрекся отъ христіанства, оба были освобождены; но Антоній продолжалъ упорствовать предъ требованіями языческихъ жрецовъ и снова былъ заключенъ; скоро раскаялся и Іоаннъ, объявилъ себя христіаниномъ и также былъ заключенъ. Къ страдальцамъ стекались толпы литовцевъ и крестились подъ вліяніемъ ихъ проповѣди. Тогда жрецы потребовали казни и оба брата послѣ страшныхъ пытокъ были повѣшены (14 января и 24 апрѣля 1347 г.). Подобной же участи вскорѣ подвергся и Круглецъ, родственникъ ихъ, обращенный ими ко Христу: по приказанію Ольгерда его били желѣзными прутьями, на морозѣ обливали его холодной водой, переломали ему ноги, отрѣзали носъ и уши, содрали съ головы кожу и наконецъ (13 декабря 1347 г.) повѣсили. Спустя нѣсколько времени Ольгердъ впрочемъ перемѣнился въ отношеніи къ христіанамъ: онъ подарилъ имъ землю, на которой пострадали эти мученики, самъ построилъ церковь пресвятой Богородицы въ Вильнѣ, не возбранялъ митр. Кипріану обращать литовцевъ въ христіанство и строить христіанскіе храмы, дозволилъ всѣмъ своимъ сыновьямъ принять православіе и наконецъ самъ предъ смертію принялъ крещеніе и схиму (1377 г.). Сынъ его *Ягелло*, сначала православный, принялъ латинскую вѣру, когда сѣлъ на польскій престолъ. При его поддержкѣ и усиливается теперь та католическая пропаганда, которая стала проникать въ Литву еще со времени Гедимина. На другой годъ послѣ принятія римскаго крещенія (1386 г.), Ягелло прибылъ съ латинскими священниками въ Литву и крестилъ литовцевъ и жмудь, остававшихся дотолѣ язычниками, строилъ латинскія церкви и открывалъ латинскія епископіи (въ Вильнѣ и Кіевѣ); затѣмъ уже сталъ стѣснять и православныхъ, за-

прещая имъ смѣшанные браки (1387 г.), лишая ихъ гражданскихъ привиллегій (1400 г.) и даже подвергая иногда смертной казни. Результатомъ этого было отпаденіе отъ христіанства четверыхъ его братьевъ и нѣкоторыхъ литовцевъ. Но впрочемъ и это было сдѣлано не искренно, такъ что они по прежнему были расположены больше къ православію и ему покровительствовали. Большинство же не захотѣло и наружно принимать латинство, оставаясь вѣрнымъ православію. Такіе находились и въ княжескомъ семействѣ и въ народныхъ массахъ. Православіе такъ было сильно, что Ягелло долженъ былъ уступить и объявить свободу вѣроисповѣданія (1432 г.). При *Витовтѣ* литовское княжество на время отдѣлилось отъ Польши. Самъ онъ, раньше крещенный по православному чину, принялъ латинство и, хотя былъ вѣротерпимъ по отношенію къ православнымъ, однако болѣе покровительствовалъ латинянамъ; поэтому не мало людей перекрещивалось въ латинство; но православіе всетаки было сильнѣе латинства и язычники „литвины обращались болѣе въ русскую, чѣмъ въ латинскую вѣру". При *Свидригайло* латинство подверглось преслѣдованію: сожжены были латинскіе храмы въ Литвѣ, изгнаны латинскіе епископы и монахи и отняты ихъ имѣнія [23]). При польскомъ литовскомъ королѣ *Казимірѣ* православные долго пользовались свободою церковною и гражданскою; только въ 1481 г. онъ издалъ было указъ, стѣснявшій православныхъ христіанъ въ постройкѣ храмовъ [24]). За то при *Александрѣ* литовскомъ открылись насильственныя дѣйствія съ цѣлію обратить православныхъ въ латинство; но и Алексадръ долженъ былъ уступить, когда московское правительство потребовало этого. При слѣдующихъ короляхъ православные также подвергались церковнымъ и гражданскимъ стѣсненіямъ; но всетаки православіе было господствующимъ въ литовско-русскихъ юго-западныхъ областяхъ: не только русскія княжескія фамиліи, но и литовскія Сангушекъ, Коривутовичей, Збаражскихъ, Огинскихъ, Сапѣгъ, Кырдѣевъ Тышкевичей и др. были православными. „Россія—пишетъ *Кампензе* въ 1525 г., находящаяся подъ властію короля, равно какъ Львовъ и вся часть Польши, простирающаяся на сѣверъ и сѣверо востокъ отъ горъ Сарматскихъ (Поднѣпровье и Подолія), непоколебимо держится греческаго закона и признаетъ надъ со-

бою власть константинопольскаго патріарха". Даже латиняне иногда переходили въ православную церковь. Успѣхи латинства значительны были лишь въ двухъ губерніяхъ — Ковенской и Виленской; впрочемъ латинство къ концу даннаго періода, хотя постепенно, но все больше и больше забирало силы, особенно со времени Люблинской уніи (1569 г.), соединившей Литву съ Польшей [25]). Крещеніе *ижорцевъ* (въ Водской пятинѣ) и *кореловъ*, начавшееся и успѣшно шедшее въ первый періодъ, продолжалось и теперь. Для кореловъ просвѣтительнымъ центромъ служилъ Валаамскій монастырь (на Ладожскомъ озерѣ), выходецъ изъ котораго Арсеній Коневскій особенно много содѣйствовалъ крещенію кореловъ. Въ Водскую и др. пятины христіанство передавалось изъ Новгорода и Пскова. Впрочемъ православіе прививалось здѣсь очень поверхностно. Поэтому, когда шведы захватывали Корелію въ свои руки, то успѣвали жителей склонять въ латинство, а когда русскіе возвращали ее себѣ, корелы снова обращались въ православіе. Какъ слабо было христіанство въ Водской пятинѣ, у Чуди, въ Копорскихъ, Ямскихъ, Ивангородскихъ, Корельскихъ и Орѣховскихъ уѣздахъ, это видно изъ посланія новгородскаго архіепископа Макарія къ тамошнему духовенству (1534 г.): „въ вашихъ мѣстахъ многіе христіане заблудили отъ истинной вѣры, въ церкви не ходятъ и къ отцамъ своимъ духовнымъ не приходятъ, молятся по сквернымъ своимъ мольбищамъ деревьямъ и камнямъ, и жертву и питія жрутъ и пьютъ мерзкимъ бѣсамъ и призываютъ на свои скверныя мольбища арбуевъ чудскихъ; мертвыхъ своихъ кладутъ въ селахъ по курганамъ и коломищемъ съ тѣми же арбуями, а къ церквамъ на погосты не возятъ хоронить; когда родится дитя, то они къ родильницамъ прежде призываютъ арбуевъ, которые младенцамъ имена нарѣкаютъ по своему... на кануны свои призываютъ тѣхъ же арбуевъ, которые и арбуютъ скверным бѣсамъ"... Чтобы все это вывести, Макарій послалъ было туда священника съ двумя боярскими дѣтьми, приказавъ имъ скверныя мольбища раззорять и огнемъ жечь, непослушныхъ арбуевъ хватать и присылать въ Новгородъ, а христіанъ просвѣщать [26]). Но не смотря на это, прежніе недостатки оставались: идолы и капища среди кореловъ и въ Водской пятинѣ стояли еще въ началѣ слѣдующаго періода [27]).

Довольно успѣшно распространялось христіанство въ краяхъ *Бѣлозерскомъ*, *Бѣломорскомъ*, *Вологодскомъ и Чуди сѣверодвинской*. Центрами христіанскаго просвѣщенія служили здѣсь многочисленные монастыри [28]), а просвѣтителями — иноки. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ Кириллъ Черногорскій, крестившій почти всю чудь близь Каргополя.

Изъ Вологодскаго края христіанство передавалось и сосѣдней *Пермской* области (Біарміи), куда оно прежде едва проникало. Просвѣтителемъ ея считается *св. Стефанъ* [29]). Онъ былъ сынъ соборнаго причетника въ г. Устюгѣ, рано выучился грамотѣ и пристрастился къ чтенію книгъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ должности чтеца при соборной церкви, онъ удалился въ россійскій монастырь св. Григорія Богослова и здѣсь постригся (1365 г.). Монастырская библіотека доставляла удовлетвореніе книжной страсти молодаго инока, а бесѣда съ разумными, опытными и духовными старцами давала пищу любознательной и стремящейся къ совершенству душѣ его. Впрочемъ ему не достаточно было совершенствовать лишь себя; онъ хотѣлъ приносить пользу и ближнимъ. Еще раньше въ Устюгѣ, куда нерѣдко пріѣзжали зыряне *), св. Стефанъ подумывалъ о мѣрахъ къ ихъ крещенію; теперь онъ сталъ готовить себя къ этому дѣлу. Въ теченіи 13 лѣтъ своей монастырской жизни онъ хорошо изучилъ греческій и зырянскій языки, составилъ зырянскую азбуку, перевелъ на зырянскій языкъ необходимыя священныя и богослужебныя книги, собралъ топографическія и этнографическія свѣдѣнія о Пермской области. Когда окончено было это подготовленіе, св. Стефанъ явился въ Москву; епископъ Коломенскій Герасимъ удостоилъ его священства, снабдилъ антиминсами и св. мѵромъ и благословилъ идти на проповѣдь; а князь далъ охранную грамоту (1379 г.). Изъ Устюга по сѣверной Двинѣ св. Стефанъ спустился до устья рѣки Вычегды, гдѣ стоялъ Котласъ, первое зырянское населеніе. Окрестивъ здѣсь многихъ жителей и построивъ храмъ, Стефанъ продолжалъ путь по правому берегу р. Вычегды, ставя кресты и часовни, пока не остановился въ Усть-Вымѣ, главномъ

*) Они принадлежали къ чудскому племени и жили между Печорой и Двиной.

поселеніи зырянъ *). Его онъ избралъ центромъ своей миссіонерской дѣятельности. Смѣло провозглашаетъ онъ здѣсь о Христѣ-Спасителѣ и обличаетъ невѣжество язычниковъ, вступаетъ въ препія о вѣрѣ съ мѣстными волхвами, строитъ церковь Благовѣщенія, срубаетъ „прокудливую“ березу, обожаемую туземцами, и сожигаетъ кумирницу съ зырянскими идолами. Ревнители язычества ставятъ ему препятствія и поднимаютъ противъ него народъ, крича: „не оставляйте боговъ отеческихъ, не слушайте московскаго бродяги. Можетъ ли быть для насъ изъ Москвы что-либо доброе? Не оттуда ли пришли на насъ тяжкія дани и насильства, тіуны и приставники“? Не разъ жизнь Стефана была въ опасности: то вооруженные зыряне окружаютъ его съ намѣреніемъ убить, то обложатъ соломой, чтобы сжечь; но кротость проповѣдника, сила его слова усмиряла враговъ, и проповѣдь его имѣла все больше и больше успѣха. Наконецъ сила самихъ волхвовъ пала въ лицѣ знаменитѣйшаго кудесника и начальника волхвовъ, стараго Пама, котораго зыряне чтили, какъ своего чародѣя и учителя. Долго онъ своимъ вліяніемъ удерживалъ зырянъ въ язычествѣ и даже многихъ новокрещенныхъ совращалъ въ прежнюю вѣру; часто онъ велъ горячія и продолжительныя прѣнія съ Стефаномъ, наконецъ предложилъ испытать достоинство зырянской и христіанской вѣръ посредствомъ огня и воды; Стефанъ согласился. Разъ при собравшемся народѣ подожжена была одна, одиноко стоящая храмина и, когда пламя охватило ее, Стефанъ, призвавъ на помощь Бога, взялъ за одежду волхва и смѣло пошелъ къ огню; но Памъ сопротивлялся и наконецъ палъ на землю, признавая свою немощь. Также отказался онъ спуститься и въ прорубь р. Вычегды; народъ возмущенный слабостью и обманомъ Пама, готовъ былъ умертвить его, но св. Стефанъ спасъ его и заставилъ выйти изъ предѣловъ Біарміи. Когда не стало сильной поддержки для язычества, успѣшнѣе пошла дѣятельность Стефана. Онъ построилъ еще храмъ въ Усть-Вымѣ, сталъ учить зырянъ азбукѣ и чтенію книгъ, переписывалъ книги, изъ туземцевъ готовилъ ставленниковъ на церковныя должности и отсылалъ ихъ за поставленіемъ къ сосѣднимъ епископамъ. Скоро нечего стало дѣлать въ Усть-

*) При устьѣ рѣки Вымѣ.

Вымѣ. Тогда св. Стефанъ съ своими учениками перенесъ дѣятельность свою въ окрестныя поселенія зырянъ: идолы Воипеля и Золотой Бабы всюду падали, украшенія капищъ сожигались, ставились христіанскія часовни и церкви, снабжались книгами и причтомъ. Въ 4 года христіанство такъ широко распространилось среди зырянъ, что можно было подумать объ особомъ для нихъ епископѣ, который бы самъ поставлялъ священнослужителей. Для этой цѣли св. Стефанъ нарочито отправился въ Москву и тамъ былъ рукоположенъ въ епископы митрополитомъ Пименомъ (1383). Возвратившись въ Усть-Вымь, онъ устроилъ здѣсь свой домовый Архангельскій монастырь, утвердилъ при немъ свою каѳедру и еще съ большею ревностію взялся за миссіонерское дѣло. Появились новые монастыри и церкви, народъ самъ отыскивалъ и истреблялъ кумиры, способствуя такимъ образомъ очищенію страны отъ язычества. Св. Стефанъ усердно заботился и о внѣшнемъ благосостояніи зырянъ: привозилъ хлѣбъ изъ Вологды и Устюга и раздавалъ бѣднымъ во время голода, ѣздилъ въ Москву и ходатайствовалъ предъ велимъ княземъ о нуждахъ и льготахъ зырянъ, заступался за утѣсненныхъ противъ насилій тіуновъ и бояръ, жаловался новгородскому Вѣчу на новгородскую вольницу, опустошавшую пермскую область, и самъ изъ своей архіерейской казны выдавалъ милостыню бѣднякамъ. Такъ дѣйствовалъ онъ въ продолженіи 18 лѣтъ († 1396 г.) и успѣлъ въ это время крестить почти всю старую или малую Пермь *). Преемникамъ его, Исаакію и Герасиму, оставалось поддерживать сдѣланное имъ и распространять христіанство въ новой великой Перми **). Эту послѣднюю задачу взяли на себя епископы, Питиримъ и Іона. Первый успѣвшій крестить многихъ вогуловъ, жившихъ по притокамъ Печоры, погибъ самъ мученическою смертію отъ руки мстившихъ ревнителей язычества (1455 г.). Но второму (1462 г.) удалось крестить самого князя великой Перми и очень многихъ вогуловъ, поставить церкви и священниковъ въ великой Перміи. Особенно замѣтны стали успѣхи хри-

---

*) По рѣкамъ Вычегдѣ и Вымѣ, — въ нынѣшнихъ уѣздахъ Сольвычегодскомъ Яренскомъ, Усть-Сысольскомъ и отчасти Мезенскомъ.

**) По рѣкамъ Вишерѣ, Камѣ и Чусовой,—въ нынѣшнихъ уѣздахъ: Чердынскомъ, Соликамскомъ и отчасти Верхотурскомъ и Оханскомъ.

стіанства здѣсь послѣ 1472 г., когда Пермь, подпала власти Московскаго князя. Много также способствовало успѣхамъ христіанской проповѣди поселеніе Строгановыхъ въ пермской области. Кругомъ ихъ усольевъ построилось много церквей и монастырей, которые служили разсадниками христіанскаго просвѣщенія. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи монастыри Пыскорскій и Соликамскій. Изъ Пыскорскаго вышелъ въ концѣ XVI в. извѣстный миссіонеръ для пермскихъ вогуловъ и остяковъ, Трифонъ Вятскій. Онъ доходилъ до мѣста теперешней Перми, крестилъ остяцкаго и вогульскаго князей съ ихъ семействами и многими изъ туземцевъ, основалъ на р. Чусовой Троицкій монастырь и 9 лѣтъ проповѣдывалъ близъ него, пока жители не прогнали его въ Вятку, гдѣ онъ и скончался (1613 г.). Впрочемъ, несмотря на быстрые внѣшніе успѣхи христіанской проповѣди въ перскомъ краѣ и на старанія пермскихъ епископовъ (Филоѳей 1471—1501), зыряне и вогулы мало были просвѣщены въ истинахъ христіанской вѣры. Въ началѣ XVI в. многіе изъ крещенныхъ, не посѣщали храмы Божіи, „служили кумирамъ, Воипелю и болванамъ молились по древнему обычаю, тризны творили идоламъ“ [30]); а въ лѣсахъ кое-гдѣ даже попадались и идолы [31]), (послѣ 1526 г.) [32]).

На сѣверномъ поморьѣ (По сѣверо-западнымъ берегамъ Бѣлаго моря и на Сѣверномъ Океанѣ), у мурмамъ, каянъ и лопарей христіанство распространялось и утверждалось благодаря основывавшимся тамъ монастырямъ и отправлявшимся туда миссіонерамъ. Обитель Аввы Лазаря на Мурмѣ, островѣ Онежскаго озера (съ 1352), привлекла къ себѣ еще въ XIV в. лопарей и мурманскую чудь, кочевавшихъ по мурманскому берегу, такъ что многіе изъ нихъ крестились, а иные даже приняли иночество [33]). Въ XV и XVI вв. просвѣтительнымъ центромъ для нихъ является Соловецкій монастырь, на одномъ изъ острововъ Бѣлаго моря. Еще при преп. Зосимѣ много кочевниковъ изъ Лапландіи и Финляндіи приходило сюда и принимало иночество или крещеніе [34]). Когда же этотъ монастырь сталъ имѣть обширныя вотчины по всему поморскому берегу, то онъ заселялъ ихъ русскими, строилъ церкви и еще успѣшнѣе насаждалъ христіанство между туземцами. Привыкшіе къ суровой жизни, иноки этого монастыря, не боялись дальняго сѣвера и шли туда, чтобы тамъ подвизаться

и миссіонерствовать. Такъ возникъ Троицкій монастырь на устьѣ рѣки Колы. Основателемъ его былъ пр. *Ѳеодоритъ* (род. ок. 1480 и ум. ок. 1577 г.), урожденецъ ростовскій, съ 14 лѣтъ постриженникъ Соловецкой обители, жившій здѣсь около 15 лѣтъ подъ руководствомъ пр. Зосимы, обошедшій потомъ множество волжскихъ и бѣлозерскихъ монастырей и наконецъ удалившійся въ пустынные непроходимые лѣса Лапландіи. Долговременное пребываніе здѣсь и частыя сношенія съ лопарями дали Ѳеодориту возможность изучить языкъ ихъ и заняться миссіонерствомъ. Онъ училъ лопарей грамотѣ и переводилъ на ихъ языкъ христіанскія молитвы; оглашаемыхъ крестилъ самъ. Проповѣдь его была такъ успѣшна, что въ одинъ напр. день онъ крестилъ до 2000 дикарей. Но къ сожалѣнію она чрезъ нѣсколько времени прекратилась: иноки, недовольные строгостію Ѳеодорита, изгнали его и онъ принужденъ былъ проживать въ другихъ монастыряхъ: Новгородской, Владимірской и Вологодской областей. Впрочемъ и отсюда онъ еще раза два пріѣзжалъ на р. Колу для утвержденія въ вѣрѣ крещенныхъ имъ раньше лопарей и для просвѣщенія вновь еще некрещенныхъ. Еще далѣе на сѣверѣ при болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ просвѣщалъ лопарей пр. *Трифонъ* (въ мірѣ Митрофанъ 1495—1583 г) [35]). Сынъ священника изъ Новгородской области, онъ рано почувствовалъ въ себѣ стремленіе къ уединенной жизни и, еще будучи юношею, нерѣдко удалялся въ пустыню. Разъ во время молитвы тамъ, онъ услыхалъ голосъ: „не здѣсь твое мѣсто; тебя ждетъ земля непросвѣщенная и жаждущая“; онъ повиновался и отправился къ лопарямъ на р. Печенгу (близь Нордъ-Капа). Болота, горы, суровость климата и дикость туземцевъ не устрашили св. проповѣдника. Отъ одной юрты или поселка онъ переходилъ въ другіе, иногда лежащіе на значительныхъ разстояніяхъ и всюду смѣло говорилъ о Христѣ. Кебуны (волхвы) вступали съ нимъ въ пренія, поднимали противъ него народъ и кричали: „ступай прочь отселѣ, иначе ждетъ тебя злая смерть“, били его иногда и таскали за волосы, а разъ даже вышли противъ него съ дреколіемъ, чтобы осуществить свою угрозу. Но пр. Трифонъ, на время удаляясь въ горныя разщелины, снова показывался въ средѣ успокоившихся дикарей. Эта настойчивость мало по малу награждалась успѣхами. Уже лопари стали дѣлиться на пар-

тіи; одна кричала: „убьемъ его“, другая же возражала: „онъ ни въ чемъ не виноватъ предъ нами, напротивъ онъ желаетъ намъ добра; за что же убивать его“? По рѣкамъ Печенгѣ и Паэзъ стали наконецъ слышаться христіанскія молитвы, переведенныя блаж. Θеодоритомъ на туземный языкъ, и высказываться желаніе принять крещеніе. Но самъ Трифонъ, не имѣя священническаго сана, пока не могъ удовлетворить ихъ желанію. Чтобы еще болѣе подвинуть дѣло просвѣщенія лопарей, онъ сходилъ въ Новгородъ, взялъ оттуда благословеніе на постройку церкви, антиминсъ и мастеровъ и, возвратившись на Печенгу, построилъ тамъ храмъ во имя св. Троицы. Чрезъ три года привелъ съ собою изъ Колы іеромонаха Илію и при его помощи освятилъ свой храмъ, крестилъ просвѣщенныхъ имъ лопарей и самъ постригся въ иночество. Основавъ при храмѣ обитель и выхлопотавъ для нея дарственныя грамоты у московскаго царя, онъ построилъ еще храмъ Бориса и Глѣба на рѣкѣ Паэзъ и самъ продолжалъ трудиться по просвѣщенію лопарей.

Благодаря миссіонерской дѣятельности Соловецкой обители, пр. Θеодорита и Трифона, лопари въ XVI в. сами уже стали стремиться къ христіанской вѣрѣ. Такъ напр. въ 1526 г. жители Кандалашской губы (на Терскомъ берегу) просили у великаго князя Василія Ивановича антиминса и священниковъ; по порученію князя новгородскій архіепископъ Макарій отправилъ туда священника и діакона; они и дѣйствительно крестили многихъ лопарей и освятили построенную ими церковь. По просьбѣ лопарей съ мурманскаго берега, рѣкъ Колы и Тутоломы, тѣмъ же Макаріемъ чрезъ 6 лѣтъ была послана туда миссія, которая крестила много туземцевъ за св. Носомъ и освятила 2 церкви. Около того же времени по просьбѣ лопарей является миссія на р. Понoѣ, строитъ тамъ церковь въ честь св. апостоловъ Петра и Павла и креститъ нѣкоторыхъ туземцевъ; въ 1575 г. по просьбѣ ихъ эта церковь была ремонтирована, а чрезъ 6 лѣтъ передана на попеченіе Троице-Сергіеву монастырю. Лопари печенжскіе, когда Трифонъ основалъ Троицкую обитель, сами приносили сюда деньги, жертвовали земли, озера и приморскія угодья и сѣмена христіанства передавали непросвѣщеннымъ сосѣдямъ. Только шведы своими набѣгами ослабляли успѣхи христіанской проповѣди въ Лифляндіи и Лапландіи[36]).

Въ Сибирь: христіанство начинаетъ проникать еще во времена перваго ея покоренія Ермакомъ. Въ 1582 г. по волѣ Государя вологодскій епископъ послалъ туда 10 священниковъ съ ихъ семействами; послѣ же вторичнаго покоренія (1585) стали тамъ основываться русскіе города съ православными церквами (въ Тобольскѣ, Табарахъ, въ Пелымѣ и др.), отсылаться туда миссіонеры и церковная утварь; а въ Енисейскѣ въ концѣ XVI в. былъ даже построенъ монастырь [37]).

Сношенія русскихъ съ *Кавказомъ* установились главнымъ образомъ благодаря покоренію Казани и Астрахани. Результатомъ этихъ сношеній являются успѣхи тамъ христіанской проповѣди. Съ половины XVI в. черкесскіе князья пріѣзжаютъ въ Москву и принимаютъ здѣсь крещеніе вмѣстѣ съ своими семействами; по просьбѣ ихъ, а также кабардинскихъ князей и грузинскаго царя Александра посылались на Кавказъ русскіе миссіонеры и церковная утварь; но впрочемъ, насколько успѣшна была ихъ дѣятельность, это не успѣло еще обнаружиться [38]).

Изъ исторіи распространенія христіанства въ XIII—XVI в. можно видѣть, какъ широко дѣйствовала русская миссія. Объединеніе русскихъ областей подъ властію московскаго князя и политическая его сила много способствовали успѣхамъ христіанской проповѣди. Къ этому нужно еще прибавить обиліе монастырей на глухомъ сѣверѣ, которые служили тамъ центрами русской колонизаціи и христіанскаго просвѣщенія. Иноки, проживающіе въ монастыряхъ, миссіонеры, изъ нихъ выходящіе, русскіе поселенцы приходящіе, на монастырскія земли, миссіи, отправляемыя русскими князьями и церковными іерархами, непосредственная дѣятельность этихъ послѣднихъ, торговыя и политическія сношенія и интересы, — вотъ въ частности благопріятныя условія, въ которыя поставлено было распространеніе христіанства въ Россіи и ея окрестностяхъ.

ГЛАВА II.

Состояніе церковнаго управленія и іерархіи.

§ 5 Во время перваго нашествія Монголовъ пропалъ безъ вѣсти Кіевскій митрополитъ Іосифъ, родомъ грекъ. На его мѣсто, благодаря старанію Галицкаго князя Даніила, избранъ былъ въ Россіи и получилъ рукоположеніе отъ патріарха Кириллъ III, родомъ русскій (около 1246 г). Митрополичій дворъ былъ раззоренъ, и новый митрополитъ сталъ искать себѣ новаго жилья. Вслѣдъ за движеніемъ южнорусскихъ обывателей въ сѣверовосточную Русь, въ видахъ большей безопасности отъ монголовъ, пошелъ и онъ во Владимірское княжество, занимавшее тамъ первенствующее мѣсто. Но впрочемъ, хотя во Владимірѣ онъ проживалъ чаще, чѣмъ гдѣ либо, однако онъ еще не перенесъ сюда своей каѳедры, не перевелъ сюда своихъ клирошанъ и большею частью тратилъ время на разъѣзды по южнорусскимъ и сѣверовосточнымъ епархіямъ. Только преемникъ его Максимъ сдѣлалъ *Владиміръ* своимъ каѳедральнымъ городомъ (1299 г.), посадивши Владимірскаго епископа въ Ростовѣ. Третій митрополитъ Петръ, полюбивъ Московскаго князя Ивана Калиту, и, можетъ быть сознавая возвышающееся значеніе Московскаго княжества, поселяется на жительство въ *Москвѣ* (1325 г.), строитъ каменную церковь Успенія Пр. Богородицы, предуказываетъ на то, что городъ этотъ „будетъ славенъ между всѣми городами русскими, что святители будутъ въ немъ жить“, и здѣсь предаетъ свой духъ Богу. Но какъ при немъ, такъ и при его ближайшихъ преемникахъ Москва отнюдь не считалась ка-

ѳедральнымъ городомъ. Каѳедры митрополита лишь были въ Кіевѣ и Владимірѣ. Только съ теченіемъ времени мало-помалу въ Москвѣ заведена была недостававшая каѳедра. Константинопольскіе патріархи долго не могли освоиться съ этимъ перенесеніемъ митрополичьей каѳедры на сѣверъ Россіи: въ своихъ граматахъ они называли русскаго митрополита „Кіевскимъ и всея Россіи"; а о Владимірской каѳедрѣ русскаго митрополита впервые говорятъ они лишь съ 1354 г. „Соборнымъ дѣяніемъ чрезъ нашу соборную грамату — говоритъ Константинопольскій патріархъ — повелѣваемъ, чтобы какъ святѣйшій митрополитъ Россіи Алексій, такъ и всѣ его преемники пребывали во Владимірѣ и имѣли Владиміръ своею каѳедрою неотъемлемо и неизмѣнно навсегда. Но пусть и Кіевъ числится ихъ собственнымъ престоломъ и первою каѳедрою архіерея, если останется цѣлымъ. А послѣ Кіева и съ нимъ пусть будетъ второю каѳедрою и мѣстомъ пребыванія и успокоенія для русскаго митрополита святѣйшая епископія Владимірская, въ которой онъ безпрепятственно... да совершаетъ поставленія чтецовъ и иподіаконовъ, рукоположеніе діаконовъ и іереевъ и все прочее, что подобаетъ... мѣстному архипастырю" [39]). Подобное же читается въ граматѣ Константинопольскаго собора 1380 г. на имя митр. Пимена: „онъ долженъ называться Кіевскимъ и вслѣдъ затѣмъ Владимірскимъ и всея Россіи, по примѣру прежняго митрополита Алексія" [40]). Имя Москвы до самаго митрополита Герасима (1433—5 г.) не встрѣчается въ титулѣ русскаго митрополита [41]), и только послѣ смерти митрополита Іоны (1461 г.) онъ перестаетъ называться Кіевскимъ.

§ 6. Удалившись на сѣверъ Россіи, митрополитъ естественно подчинился вліянію, сначала Владимірскаго, а затѣмъ Московскаго князей и сравнительно рѣдко сталъ посѣщать южно-русскія епархіи. Отсюда возникло неудовольствіе южно-русскихъ князей и епископовъ. Они стали выражать желаніе имѣть своего митрополита для южной Россіи. Когда же юго-и западно-русскія области подпадали власти литовскихъ князей и польскихъ королей, это желаніе дѣлалось болѣе рѣшительнымъ, потому что они стремились поставить новоподчиненныя русскія области въ совершенную

независимость отъ сѣверной Россіи. Московскимъ митрополитамъ и иногда Констанстинопольскимъ патріархамъ приходилось въ этихъ случаяхъ бороться за *единство русской митрополіи*.

Стремленіе южно-русскихъ князей имѣть своего митрополита сказывается очень рано. Послѣ смерти митрополита Максима (2-го митр.) явились два кандидата на вакантную каѳедру: игуменъ Геронтій, выставленный, вѣроятно, Владимірскимъ княземъ и Ратскій игуменъ Петръ, избранный Владимірскимъ княземъ Георгіемъ Львовичемъ. Оба они пріѣхали въ Константинополь; только Геронтій нѣсколько запоздалъ. Поэтому патріархъ Аѳанасій поставилъ митрополитомъ *Петра* (1308 г.). Итакъ южно-русскій кандидатъ получилъ митрополичью каѳедру въ Россіи, но онъ не остался въ Галичѣ, какъ хотѣлось было князю Георгію, а переѣхалъ въ Москву. Волей-неволей Георгій съ этимъ помирился. Но при *Ѳеогностѣ*, преемникѣ св. Петра, снова обнаруживается желаніе южно-русскихъ епархій имѣть своего митрополита. Неизвѣстный по имени, Галицкій епископъ получилъ митрополичьи права и открылъ особую митрополію въ Галичѣ, подчинивъ ей всѣ Волынскія епархіи (т. е. Владиміро-Волынскую, Холмскую, Перемышльскую, Луцкую и Туровскую). Московскій митрополитъ и великій князь (Симеонъ) принесли жалобу Константинопольскому императору (Іоанну Кантакузену) и патріарху (Исидору Бухиру). Тѣ постановили закрыть митрополію въ Галичѣ и Волынскія епархіи снова подчинить Кіевскому и всея Россіи митрополиту (1347 г.); объявили объ этомъ, какъ въ Галичѣ, такъ и въ Москвѣ и потребовали Галицкаго епископа на судъ въ Константинополь [42]). Чѣмъ кончилось дѣло епископа, неизвѣстно; только Ѳеогностъ дѣйствительно получилъ власть надъ волынскими епархіями и воспользовался ею во время ихъ обозрѣнія (1348 г.). Однако желаніе имѣть особаго митрополита подолжаетъ твердо держаться въ южно-русскихъ областяхъ. Выраженіемъ этого можетъ служить поступокъ инока Ѳеодорита. Еще при жизни Ѳеогноста онъ (1352 г.) явился къ Константинопольскому патріарху и просилъ поставить его на каѳедру русской митрополіи, увѣряя, что Ѳеогностъ скончался. Патріархъ (Филоѳей) предлагаетъ ему

подождать, пока онъ наведетъ справки; но тотъ не захотѣлъ быть обличеннымъ въ своемъ обманѣ, удалился въ Болгарію и тамъ отъ Терновскаго патріарха получилъ посвященіе въ санъ митрополита. Пріѣхавъ въ Россію, онъ сѣлъ на каѳедрѣ въ Кіевѣ и выдалъ себя за законнаго митрополита, претендуя даже на подчиненіе себѣ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ епископовъ (напр. Новгородскаго). Патріархъ вынужденъ былъ писать грозныя граматы въ Россію, чтобы не признавали здѣсь Ѳеодорита митрополитомъ, самого его лишалъ свящ. сана [43]); но тотъ не скоро смирился; только при митрополитѣ *Алексіѣ*, преемникѣ Ѳеогноста (послѣ 1354 г.), онъ сходитъ со сцены. На мѣсто его выступаетъ другой, болѣе сильный, противникъ Московскаго митрополита, именно Романъ, поддерживаемый Литовскимъ княземъ Ольгердомъ. Этотъ, узнавъ объ избраніи въ Москвѣ Алексія преемникомъ Ѳеогносту, захотѣлъ противопоставить ему своего кандидата, чтобы или влiять черезъ него на сѣверовосточную Русь, если удастся ему получить всероссійскую каѳедру, или въ крайнемъ случаѣ охранить литовскія и русскія земли, бывшія подъ его властью отъ вліянія Москвы, если придется Роману только надъ ними получить митр. власть. Оба кандидата, Алексій и Романъ встрѣтились въ Константинополѣ (1354 г.) и получили здѣсь посвященіе въ санъ митрополита. Естественно, что вслѣдъ за этимъ открылись несогласія. Еще изъ Константинополя и тотъ и другой посылали пословъ къ тверскому епископу, требуя церковной дани; по пріѣздѣ же ихъ въ Россію „сотворися положительный мятежъ во святительствѣ“. Алексій былъ принятъ въ Москвѣ, а Романъ—въ Литвѣ въ Волыни, но такъ какъ предѣлы ихъ митрополій не были опредѣлены, то оба претендовали на подчиненіе себѣ всѣхъ русскихъ епархій. Это заставило патріарха созвать въ Константинополѣ соборъ (1356 г.), который и постановилъ: Алексію считаться митрополитомъ Кіева и всей Россіи, а Роману—Литовскимъ, послѣднему имѣть подъ своею властью епархіи литовскія и волынскія, а каѳедру — въ Новгородкѣ литовскомъ. Но Романъ и послѣ того продолжалъ врываться въ предѣлы кіевской митрополіи, производить тамъ поборы, мятежи и даже кровопролитіе. Чтобы усмирить его, патріархъ

уступилъ ему еще брянскую епархію; но это не удовлетворило Романа. Поэтому патріархъ нарядилъ слѣдствіе надъ дѣйствіями Романа. Однако Романъ не дожилъ до его окончанія († 1361 г. [44]). Алексій тогда сдѣлался митрополитомъ всея Россіи. Но Ольгердъ не могъ помириться съ нимъ. Онъ препятствовалъ ему объѣзжать юго-западныя епархіи, и разъ даже схватилъ и ограбилъ его свиту, самого его заключилъ въ тюрьму, и, можетъ быть, умертвилъ бы, если бы тотъ не ушелъ тайно [45]). Во враждѣ къ митроп. Алексію сходился съ Ольгердомъ еще его шуринъ, тверской князь Михаилъ Александровичъ, боровшійся съ Москвою. Оба они отправили на митрополита жалобы къ константинопольскому патріарху. Ольгердъ писалъ, что Алексій совсѣмъ не посѣщаетъ южной Россіи; а Михаилъ Тверской,—что будто бы по коварству Алексія великій князь Московскій держалъ его въ тюрьмѣ (1368 г). Патріархъ уговаривалъ Алексія помириться съ князьями и посѣщать литовскія епархіи, подобныя же примирительныя письма шлетъ и Ольгерду; но ничто не помогло; Ольгердъ къ прежнимъ жалобамъ прилагаетъ еще новыя, обвиняя Алексія въ томъ, что онъ будто бы принимаетъ къ себѣ и освобождаетъ отъ присяги литовскихъ перебѣжчиковъ и „благословляетъ москвитянъ на пролитіе крови“, въ заключеніи же рѣшительно требовалъ: „дай намъ другаго митрополита на Кіевъ, на Смоленскъ на Тверь, на Малую Россію, на Новосиль, на Нижній Новгородъ“—т. е. на земли литовскія и тѣ изъ русскихъ, которыя были недовольны Москвою и митрополитомъ Алексіемъ (1371 г. [46]). Въ то же время и съ подобнымъ же требованіемъ обратился къ константинопольскому патріарху еще польскій король Казиміръ III, владѣвшій многими Волынскими областями и Галиціей. Онъ даже отправилъ за митроп. саномъ епископа Антонія съ согласія князей и бояръ Волынскихъ. Патріархъ долженъ былъ уступить и рукоположить Антонія въ галицкаго митрополита съ подчиненіемъ ему Владиміро-волынской, перемышльской, холмской и галицкой епархій (1371 г. [47]). Скоро (1370 г.) было двинуто впередъ и дѣло по жалобамъ Ольгерда на митр. Алексія. Патріархъ (Филоѳей) для разслѣдованія дѣла отправилъ въ Россію инока Кипріана, родомъ серба. Тотъ явился къ митр. Алексію,

лестью заискалъ себѣ его расположеніе, уговорилъ его не безпокоиться и обѣщалъ за него ходатайствовать предъ патріархомъ; а между тѣмъ втайнѣ стремился самъ сѣсть на его мѣсто; для этого по отъѣздѣ изъ Москвы заручился расположеніемъ Ольгерда и другихъ князей, приготовилъ ложныя обвиненія на Алексія, отъ лица литовскихъ князей, самъ составилъ граматы съ просьбою поставить для нихъ митрополитомъ Кипріана, съ угрозою въ противномъ случаѣ отдаться римскому престолу и отправился въ Константинополь. Патріархъ и на этотъ разъ уступилъ: Кипріанъ (1376 г.) сдѣланъ былъ митрополитомъ кіевскимъ и литовскимъ, съ правомъ на всю Россію послѣ смерти Алексія. Такимъ образомъ на Руси явились одновременно три митрополита: Алексій, Антоній и Кипріанъ и три каѳедры: въ Москвѣ, Галичѣ и Кіевѣ [48]). Кипріанъ, управляя литовскими и южно-русскими епархіями, не хотѣлъ однако этимъ удовлетвориться: онъ домогался низложенія митр. Алексія и объявлялъ о себѣ, что его патріархъ благословилъ на всероссійскую митрополію. Но замыселъ не удавался. Въ Москвѣ съ цѣлью охранить сѣверовосточную митрополію отъ Кипріана, еще при жизни св. Алексія былъ избранъ преемникомъ ему архимандритъ *Митяй* (Михаилъ), духовникъ великаго князя Димитрія Донскаго; а по смерти Алексія получены были отъ патріарха граматы, гдѣ онъ требовалъ, чтобы отнюдь не принимали въ Москвѣ Кипріана, и предоставлялъ митрополичьи права Митяю. Этотъ послѣдній дѣйствительно сталъ пользоваться своими правами еще до рукоположенія и своею энергичною дѣятельностью возбудилъ противъ себя сильное недовольство въ духовенствѣ. Кипріанъ задумалъ воспользоваться этимъ. Торжественно съ большой свитой онъ пріѣхалъ въ Москву, но послѣ ругательствъ, насмѣшекъ и насилій былъ позорно выпровожень отсюда (1378 г.) Митяй съ огромною свитою и съ бланками, скрѣпленными княжескою печатью, отправился за рукоположеніемъ въ Константинополь; но на дорогѣ номеръ. Свита избрала на мѣсто него архимандрита *Пимена*, на одномъ изъ бланковъ написала актъ объ его избраніи, и путемъ подкуповъ добилась его рукоположенія (1380 г.). Кипріанъ былъ лишенъ Кіевской и всея Россіи каѳедры и получилъ себѣ лишь Литву и Малую Россію.

Когда въ Москвѣ узнали о поставленіи Пимена, великій князь сказалъ: „Я не посылалъ Пимена ставиться въ митрополиты..., Пимена я не принимаю и видѣть его не хочу“ и послалъ звать въ Москву *Кипріана*. Тотъ явился и торжественно вступилъ на каѳедру; Пименъ же былъ схваченъ на дорогѣ и вмѣстѣ съ своей свитой посаженъ въ монастырское заключеніе (1381 г.). Но впрочемъ и Кипріанъ не долго пользовался расположеніемъ великаго князя. Съ одной стороны граматы патріарха за Пимена, съ другой побѣгъ Кипріана въ Тверь во время нашествія Тохтамыша на Москву, настроили великаго князя противъ Кипріана, и онъ рѣшительно объявилъ ему, что не хочетъ его на митрополіи терпѣть (1382 г.). Позванъ былъ и съ почетомъ принятъ митрополитъ Пименъ. Но и этотъ не могъ утвердиться на каѳедрѣ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ избранъ кандидатомъ на мѣсто его Діонисій, епископъ Суздальскій, отправленъ въ Константинополь и получилъ тамъ благословеніе отъ патріарха. Не пришлось однако ему сѣсть на Московской митрополіи: на дорогѣ онъ былъ захваченъ Кіевскимъ княземъ Владиміромъ Ольгердовичемъ и умеръ въ заключеніи (1385 г.). Положеніе Пимена въ виду враждебнаго отношенія къ нему великаго князя было очень плохо, — его осудилъ даже на низложеніе Константинопольскій соборъ. Послѣ его смерти (1389 г.), послѣдовавшей вслѣдъ за этимъ, Кипріанъ возвратился въ Москву и получилъ такую грамату отъ Константинопольскаго собора и патріарха: „настоящимъ синодальнымъ дѣяніемъ постановляемъ, чтобы митрополитомъ Кіевскимъ и всея Россіи и былъ и назывался киръ Кипріанъ, который до конца своей жизни да завѣдываетъ ею и всѣми областями ея... И всѣ послѣ него митрополиты всея Россіи да будутъ такими же, послѣдуя одинъ послѣ смерти другаго. И это да сохранится ненарушимо отнынѣ впредь во всѣ вѣки... И никогда да не нарушится настоящее дѣяніе и постановленіе ни нами, ни преемниками нашими, ибо опытомъ удостовѣрились мы въ томъ, какъ велико зло — раздѣленіе и раздробленіе на части сей церкви и какъ велико добро имѣть одного митрополита въ цѣлой этой епархіи“ [49]). Подъ властью Кипріана объединились Московская и Кіевская митрополіи. Только Галицкая

и Перемышльская епархіи, бывшія подъ властью Польши, не входили въ составъ русской митрополіи [30]). Еще при жизни Кипріана назначенъ былъ ему преемникъ, *Фотій*, съ правомъ на всю Россію и дѣйствительно по смерти Кипріана (1406 г.) былъ рукоположенъ въ митрополита Кіевскаго и всея Россіи (1408 г.) Но какъ при рукоположеніи его, такъ и послѣ дѣло не обошлось безъ попытокъ къ отдѣленію южной митрополіи. Узнавъ о смерти Кипріана, Литовскій князь Витовтъ послалъ къ патріарху Полоцкаго епископа Θеодосія съ просьбою: „поставьте его намъ митрополитомъ, чтобы онъ сидѣлъ на столѣ Кіевской митрополіи". Патріархъ (Матθей) не исполнилъ просьбы. Витовтъ временно согласился принять Фотія, но подъ условіемъ, чтобъ тотъ жилъ въ Кіевѣ. Когда же, полгода просидѣвши здѣсь, онъ ушелъ въ 1410 году въ Москву, Витовтъ опять сталъ подумывать объ отдѣленіи южной митрополіи. И вотъ въ 1414 г. вмѣстѣ съ подручными ему князьями онъ отказалъ Фотію въ управленіи и литовскими епархіями, послалъ въ Константинополь жалобу на него и просилъ поставить митрополитомъ серба Григорія Цамблака или Семивлаха, племянника Кипріанова. Получивъ и на этотъ разъ отказъ со стороны патріарха, Витовтъ созвалъ въ Новгородкѣ Литовскомъ соборъ изъ духовныхъ лицъ и тѣ послѣ колебаній рѣшили просить патріарха о томъ же; но видя медлительность патріарха, сами 15 ноября 1416 г. рукоположили себѣ митрополита *Григорія Цамблака*, подчинивъ ему семь епархій: Полоцкую, Черниговскую, Луцкую, Владиміроволынскую, Смоленскую, Холмскую и Туровскую [31]). Какъ соборъ, такъ и Витовтъ въ своихъ граматахъ старались оправдать свой поступокъ указаніемъ на церковные каноны, дозволяющіе собору епископовъ рукополагать митрополита — на бывшіе случаи такого рукоположенія въ Россіи, Болгаріи и Сербіи, на мзду, на которой поставляются въ Константинополѣ русскіе митрополиты и которая приводитъ къ неурядицамъ въ церковной жизни. Какъ ни старался митрополитъ Фотій уничтожить состоявшееся раздѣленіе Русской митрополіи, не могъ этого сдѣлать до самой смерти Григорія (1419 г.). Только тогда онъ помирился въ Витовтомъ и временно объединилъ обѣ митрополіи

подъ своею властью. Послѣ его смерти (1430 г.), хотя въ Москвѣ нарекли митрополитомъ Рязанскаго епископа Іону, однако изъ Царяграда пришелъ съ патріаршей граматой новый митрополитъ, бывшій Смоленскій епископъ *Герасимъ*, поставленный не только для Литвы, но для всей Россіи (1433 г.), и, сѣвши на Смоленской каѳедрѣ, сталъ править русскою церковію какъ митрополитъ. Впрочемъ, скоро (1435 г.) онъ былъ сожженъ литовскимъ княземъ Свидригайломъ. На его мѣсто прибылъ изъ Константинополя митрополитъ *Исидоръ* (1437 г.). Но и этотъ, осужденный соборомъ русскихъ епископовъ за участіе въ Флорентійской уніи (1441 г.), бѣжалъ въ Римъ. Тогда на Московскую и всея Россіи каѳедру рукоположенъ былъ въ Россіи прежде „нареченный" митрополитъ *Іона* (1438 г.). Польскій король и Литовскій великій князь Казиміръ IV вмѣстѣ съ другими юго-западными князьями далъ ему грамату на управленіе и литовскими епархіями (1451 г.). Но не долго пришлось русской митрополіи наслаждаться единствомъ и покоемъ. Въ 1458 г. римскій папа Каллистъ III, переговоривши съ Исидоромъ, постановилъ раздѣлить русскую церковь на двѣ половины и одну изъ нихъ, состоящую изъ литовскихъ епархій (Брянской, Смоленской, Перемышльской, Туровской, Луцкой, Владимірской, Полоцкой, Холмской и Галицкой) отдать особому митрополиту. Въ томъ же году патріархъ Константинопольскій Григорій Мамма, проживавшій въ Римѣ, рукоположилъ на эти епархіи митрополита *Григорія Булгара*, ученика Исидорова, и этотъ снабженный граматами папскими и патріаршими явился въ Польшѣ. Какъ ни противился Московскій митрополитъ Іона, однако Казиміръ принялъ Григорія и югозападные епископы одинъ за другимъ входили съ нимъ въ общеніе; такъ что послѣ смерти Іоны (1461 г. или еще при его жизни установилось окончательное раздѣленіе русской митрополіи: на сѣверовосточную или Московскую и югозападную или Литовскую [52]). Въ той и другой со времени Іоны и Григорія начался непрерывный рядъ своихъ митрополитовъ; Московскіе перестали уже называться Кіевскими и сохранили лишь титулъ „митрополитовъ всея Россіи"; прежній же титулъ „кіевскихъ и всея Россіи" перешелъ къ Литовскимъ митрополитамъ. И въ той и дру-

гой митрополіи установляются нѣкоторыя особенности внутренней и внѣшней церковной жизни.

§ 7 Во время споровъ о единствѣ русской митрополіи значительно расшаталась *власть Константин. патріарха надъ русской церковію*. Продолжительная опека его надъ нашею церковною жизнію еще въ предшествовавшій періодъ для многихъ изъ нашихъ князей и іерарховъ казалась обременительною и вредною. Теперь же, чѣмъ болѣе устроется и усиливается русское государство, тѣмъ сильнѣе должно было сказываться стремленіе и церковную жизнь въ Россіи поставить самостоятельно на чисторусской почвѣ, освободить русскую митрополію отъ греческой опеки. Такъ это было и на самомъ дѣлѣ. Уже первый митрополитъ даннаго періода, Кириллъ III, былъ избранъ на Руси и только получилъ рукоположеніе отъ Константинопольскаго патріарха. Фактъ знаменательный! Современникамъ его онъ какъ будто предуказывалъ, какого порядка нужно ждать въ послѣдующее время касательно замѣщенія митрополичьей каѳедры. Порядокъ этотъ — избраніе митрополита въ Россіи—и дѣйствительно утвердился въ данный періодъ: митрополиты обыкновенно избирались въ самой Россіи или въ княжествѣ Литовскомъ. Правда, Константинопольскіе патріархи стараются удержать свои прежнія права и, утверждая избраннаго на Руси митрополита, иногда заявляютъ, что это дѣлаютъ они въ видѣ исключенія, изъ уваженія къ личнымъ достоинствамъ того или другаго лица [53]); сами даже иногда посылаютъ на русскую митрополію избранныхъ ими кандидатовъ. Но такихъ митрополитовъ за весь данный періодъ мы находимъ лишь 6-хъ: Максима, Ѳеогноста, Фотія, Исидора, Григорія Булгара и Спиридона; при томъ же сами патріархи все слабѣе и слабѣе протестуютъ противъ складывающагося на Руси порядка и все больше и больше дѣлаютъ уступокъ. Исторія спора о единствѣ русской митрополіи показываетъ, какъ они уступали предъ требованіемъ польскихъ королей, Литовскихъ и Московскихъ князей, даже вопреки своему желанію и постановленіямъ, ставя на Русь заразъ нѣсколько митрополитовъ. Подкупы, которые въ этихъ случаяхъ имѣли мѣсто при патріаршей каѳедрѣ, еще больше уронили ея положеніе. Граматы Но-

вгородскаго собора 1416 г. и Витовта свидѣтельствуютъ о томъ, что русскіе возмущались этими под[illegible]ами и сознавали зло, исходящее отсюда для русской церкви [54]). Когда же избранный патріархомъ митрополитомъ Исидоръ и сами патріархи уклонились въ латинство и подписали актъ Флорентійской уніи (1439 г.), тогда для сѣверо-восточной Руси совсѣмъ палъ авторитетъ патріарха. Послѣ осужденія Исидора великій князь Василій Васильевичъ въ своихъ письмахъ къ патріарху и императору писалъ съ горечью объ уклоненіи въ ересь грека Исидора, „все дѣло и прихожденіе котораго соборъ русскихъ епископовъ находитъ чуждымъ и страннымъ отъ божественныхъ и священныхъ правилъ“ и просилъ прислать въ Русь письменное разрѣшеніе впредь свободно совершать поставленіе для себя митрополита въ нашей землѣ, такъ какъ это нужно и по дальности и непроходимости пути въ Константинополь, по частымъ набѣгамъ татаръ въ русскіе предѣлы, по нестроеніямъ и мятежамъ въ сосѣднихъ странахъ, и потому, что всякому православному христіанину приходится бесѣдовать съ митрополитомъ о духовныхъ своихъ дѣлахъ, а государю— и о гражданскихъ, иногда сокровенныхъ,—между тѣмъ съ митрополитомъ изъ грековъ можно говорить не иначе, какъ чрезъ молодыхъ переводчиковъ, которые такимъ образомъ первые узнаютъ то, чего имъ не слѣдовало бы знать“ [55]). Однако письма эти не были отправлены въ Константинополь по случаю введенія тамъ Флорентійской уніи. Сношенія съ Константинополемъ были на нѣсколько времени прерваны. Соборъ русскихъ епископовъ, сознавая, что „церковныя правила не только не возбраняютъ, а напротивъ повелѣваютъ епископамъ извѣстной области поставлять большаго святителя, или митрополита“, самостоятельно поставилъ Іону. Съ патріархомъ въ это время не списывались, даже и не знали, „есть ли уже въ царствующемъ градѣ патріархъ или нѣтъ“ только чрезъ нѣсколько времени послѣ рукоположенія Іоны приготовлена была великимъ княземъ грамата Константинопольскому императору, но едва ли была отправлена по случаю взятія Константинополя турками [56]). На Руси стало ходить мнѣніе, что греки на Флорентійскомъ соборѣ „къ своей погибели отъ истины свернулися, что „развра-

щеннымъ грековомъ" вѣрить не нужно, что и въ первосвятительской церкви цареградской — „мерзость и запустѣніе" [57]). Послѣ взятія Константинополя турками къ этому мнѣнію прибавилось еще другое, что греки всѣ уклонились въ магометанство, что поэтому не должно „принимать поставленія ни на митрополію, ни вообще на владычество отъ цареградскаго патріарха, какъ живущаго во области безбожныхъ турковъ поганаго царя;" — такъ что инокъ Максимъ грекъ, проживавшій въ Россіи, долженъ былъ писать нарочитыя по этому поводу статьи [58]). По контрасту съ греками, русскіе стали думать о себѣ, какъ хранителяхъ истиннаго православія, и о своемъ государѣ, какъ прямомъ наслѣдникѣ Византійскихъ императоровъ.

Рядомъ съ этимъ самомнѣніемъ русскихъ развивались матеріальное благосостояніе Москвы и политическая сила Московскаго царя и Польскаго короля. Патріархъ же съ паденія Константинополя все болѣе и болѣе бѣднялъ и слабѣлъ; онъ уже сталъ нуждаться въ сторонней правительственной и экономической поддержкѣ, поэтому обращался съ просьбами къ Россіи или чрезъ своихъ пословъ, или самъ лично. Естественно, что при такомъ положеніи Польскій король и Московскій царь должны были свысока смотрѣть на Константинопольскаго патріарха, заботиться о возвышеніи своего митрополита и дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ смѣлѣе, а патріархъ не имѣлъ силъ противиться и долженъ былъ уступать предъ ихъ желаніями и требованіями. Такимъ образомъ открылось, что когда посланный патріархомъ на Кіевскую митрополію митрополитъ Спиридонъ (1476 г.) не былъ принятъ тамъ, патріархъ не могъ настоять на своемъ и долженъ былъ прислать „благословенный листъ" избранному въ Россіи Симеону, также какъ и его преемникамъ [59]). А когда на соборѣ 1495 г. былъ избранъ кіевскимъ митрополитомъ Макарій, патріархъ дозволилъ и впредь выбирать митрополита на Руси, но только требовалъ для его поставленія получать отъ него благословеніе [60]). Такой обычай съ этого времени и установился въ *южной* митрополіи. По отношенію къ *сѣверной* митрополіи при митрополитѣ Іонѣ патріархъ Геннадій сдѣлалъ еще большую уступку: обязанный матеріальными пожертвованіями со стороны Московскаго

митрополита и великаго князя, онъ дозволилъ на будущее время выбирать и поставлять сѣверо-восточнаго митрополита на Руси соборомъ мѣстныхъ іерарховъ безъ предварительнаго сношенія съ нимъ. Въ такомъ духѣ русскіе епископы на Московскомъ соборѣ 1459 г. постановляютъ: по смерти Іоны повиноваться тому только митрополиту, который по правиламъ св. Апостоловъ и отцевъ, будетъ поставленъ въ соборной церкви на Москвѣ у гроба св. чудотворца Петра [61]); при выборѣ преемника св. Іонѣ (Θеодосія) такъ и дѣйствительно было поступлено.

Итакъ къ концу XV вѣка Константинопольскій патріархъ поступился своимъ правомъ избранія митрополитовъ на Русь, которымъ такъ дорожилъ въ прежнее время. Рядомъ съ этимъ шло ослабленіе и другихъ его правъ. Въ XIII—XIV вѣкахъ онъ еще приглашаетъ къ себѣ на соборы нашихъ митрополитовъ или ихъ уполномоченныхъ [62], принимаетъ жалобы на митрополитовъ, наряжаетъ [63]) судъ надъ ними (Романомъ, Алексіемъ, Пименомъ), иногда вызываетъ на судъ къ себѣ (Кипріана) и низлагаетъ, награждаетъ русскихъ епископовъ архіепископскимъ саномъ (Діонисія Суздальскаго и Θеодора Ростовскаго); разсылаетъ граматы по различнымъ вопросамъ въ предѣлы русской митрополіи; русскіе сами обращаются къ нему нерѣдко за разрѣшеніемъ недоумѣній; митрополиты являются иногда на патріаршихъ соборахъ (митрополитъ Максимъ, Кипріанъ); нѣкоторые монастыри русскіе дѣлаются ставропигіальными патріаршими (Московскій Симоновъ). Но все это было или результатомъ неурядицъ въ русской митрополіи, или традиціоннымъ остаткомъ старинннаго порядка. Поэтому когда во 2-й половинѣ XV вѣка *сѣверо-восточная* митрополія освободилась отъ іерархическихъ смутъ и когда тамъ уже подозрительно стали смотрѣть на патріарха, права его надъ нею фактически перестали существовать. Мѣсто его занялъ соборъ русскихъ іерарховъ: онъ сталъ не только избирать и поставлять, но и судить Московскаго митрополита [64]); во всемъ же прочемъ этотъ послѣдній сталъ полновластнымъ главою Русской церкви.

Осталась лишь *номинальная* зависимость его отъ Константинопольскаго патріарха, которую порвать предстояло

слѣдующему періоду. И только *въ южной* митрополіи уцѣлѣла нѣкоторая часть патріаршихъ правъ. Тамъ митрополитъ испрашивалъ себѣ благословенія у патріарха, сносился съ нимъ по дѣламъ церковнымъ, принималъ отъ него граматы, подвергался его суду и иногда низлагался имъ. Это обусловливалось съ одной стороны борьбой противъ католической пропаганды и свѣтскихъ притязаній на церковныя дѣла, также какъ и іерархическими неурядицами, побуждавшими искать опоры въ личности патріарха, съ другой—бѣдностію южно-русскихъ епархій, побуждавшей ихъ мало благотворить въ пользу Константинопольской каѳедры, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлавшей патріарха менѣе обязаннымъ передъ ними и менѣе уступчивымъ, чѣмъ предъ богатой Московской митрополіей.

§ 8. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ отношеній къ Константинопольскому патріарху должно было явиться измѣненіе и въ *положеніи русскаго митрополита;* съ другой стороны это вызывалось еще ослабленіемъ, а затѣмъ и полнымъ разрушенія удѣльно-вѣчеваго строя. *Каноническія* права митрополита на Руси оставались тѣ же, что были и прежде; они обыкновенно указывались въ благословенныхъ патріаршихъ граматахъ [65]). Но пользованіе этими правами *и дѣйствительное положеніе* митрополита въ русской церкви подвергалось перемѣнамъ.

Пока существовалъ удѣльно-вѣчевой строй, митрополиты давали благословенныя граматы по большей части тѣмъ кандидатамъ на епископскія каѳедры, которыхъ избиралъ князь и народъ. Въ вольномъ Новгородѣ этотъ обычай держался дольше, чѣмъ гдѣ либо еще [66]). Съ теченіемъ времени митрополитъ самъ съ своимъ соборомъ избиралъ и поставлялъ епископа [67]), а со времени Василія Темнаго такой порядокъ избранія получилъ законное утвержденіе на соборѣ [68]). Въ этомъ случаѣ дѣло нерѣдко рѣшалось такимъ образомъ: соборъ епископовъ выбиралъ трехъ кандидатовъ, а изъ нихъ одного уже поставлялъ митрополитъ [69]). По отношенію къ епископамъ онъ является „отцемъ и господиномъ“ и преподавалъ имъ нерѣдко благословеніе [70]). Въ своемъ „исповѣданіи“, публично произносимомъ въ церкви предъ рукоположеніемъ, каждый новоизбранный давалъ между про-

чимъ обѣтъ „повиноваться преосвященному господину своему, митрополиту Кіевскому и всея Руси“, соблюдать пошлины митрополичьяго престола и безъ всякаго возраженія пріѣзжать на судъ по митрополичьему зову на соборъ [71]). На соборѣ обыкновенно предсѣдательствовалъ и постановленія его скрѣплялъ своею подписью митрополитъ; онъ же большею частію самъ и созывалъ ихъ. Въ случаѣ какихъ-нибудь церковныхъ или гражданскихъ нуждъ онъ, какъ глава всей русской церкви, разсылалъ по епархіямъ или окружныя граматы, или частныя посланія. Въ этихъ граматахъ онъ или вооружался противъ іерархическихъ смутъ и еретическихъ мнѣній, или излагалъ правила поведенія міряиъ, духовенства и иноковъ, или давалъ указанія касательно богослужебной практики, или удерживалъ народъ и князей отъ гражданскихъ волненій, или побуждалъ ихъ на какое-нибудь полезное для государства дѣло и т. п. [72]). Митрополитъ самъ объѣзжалъ епархіи и такимъ образомъ непосредственно наблюдалъ за положеніемъ церкви. Въ случаѣ виновности епископовъ онъ самъ или соборно, или даже единолично производилъ надъ ними судъ и лишалъ ихъ каѳедры или сана; самъ же иногда и возвращалъ епископу отнятую у него кеѳедру. Въ 1280 г. напр , митрополитъ Кириллъ III запретилъ было ростовскаго епископа Игнатія за то, что тотъ осудилъ умершаго князя Ростовскаго Глѣба Васильковича и тѣло его вынесъ изъ соборной церкви, но потомъ по просьбѣ князя Димитрія Борисовича простилъ его и ограничился только строгимъ выговоромъ [73]); въ 1295 году митрополитъ Максимъ свелъ съ епископіи Владимірскаго владыку Іакова, а въ 1312 г. митрополитъ въ 1351 г. Петръ лишилъ сана сарайскаго еп. Измаила [74]); митрополитъ Ѳеогностъ лишилъ каѳедры Суздальскаго епископа Даніила, а потомъ снова благословилъ его [75]). Митрополитъ принималъ жалобы на епископа и разслѣдывалъ ихъ. Такъ напр., жаловались (1390 г.) тверское духовенство и міряне на епископа Евѳимія „о мятежи и раздорѣ церковнѣмъ“ [76]); такъ жаловался (1405 г.). Витовтъ на Антонія Туровскаго [77]); такъ жаловался Іосифъ Волоколамскій на Новгородскаго архіепископа Серапіона (1509 г. [78]). Митрополитъ самъ отличалъ тѣхъ или другихъ епископовъ крестчатыми ризами, напр. Ѳеог-

ностъ наградилъ ими Василія Новгородскаго и Алексія Владимірскаго [79]). Митрополитъ даже ограничивалъ канонически опредѣленныя права епископовъ, вмѣшиваясь въ епархіальное управленіе; именно онъ сталъ имѣть въ чужихъ епархіяхъ свои „извѣчные", какъ бы ставропигіальные, монастыри*), присвоилъ себѣ право „мѣсячнаго суда" въ епаріяхъ, наѣзжая туда чрезъ 3 года или насылая своего намѣстника, производя тамъ въ продолженіи мѣсяца вмѣсто епархіальнаго епископа судъ по всѣмъ дѣламъ, подлежавшимъ вѣдѣнію церковной власти, взимая пошлины и штрафы; наконецъ дозволялъ нерѣдко Псковичамъ, обходя своего епархіальнаго владыку прямо обращаться къ нему въ Москву даже по такимъ дѣламъ, какъ поставленіе клириковъ или упорядоченіе богослужебнаго чина и т. п. [80]). Митрополитъ же Исидоръ дошелъ до болѣе произвольныхъ дѣйствій; онъ отнялъ въ Псковѣ судъ, печать, воды, земли и оброки Новгородскаго владыки у его намѣстника и посадилъ здѣсь своего, присоединивъ такимъ образомъ Псковъ къ своей митрополичьей епархіи [81]). Митроп. Максимъ, какъ извѣстно, взялъ себѣ Владимірскую епархію, пославъ Владимірскаго епископа въ Ростовъ.

Такому возвышенію и иногда произвольнымъ дѣйствіямъ митрополита противились было на первыхъ порахъ епархіальные владыки. Они или жаловались на него Константинопольскому патріарху, *) или рѣшительно отказывались ему повиноваться. Это особенно часто замѣчается въ Новгородѣ. Такъ архіепископъ Моисей жаловался въ 1353 г. на „непотребныя вещи, происходящія съ насиліемъ отъ митрополита"—именно на поборы его въ Новгородѣ и на то, что Моисей былъ обдѣленъ крестчатами ризами; преемникъ его Алексій самовольно надѣлъ на себя такія ризы и не слушался митрополита, когда тотъ запрещалъ ему ихъ носить [82]). Въ 1385 г. новгородцы не только не дозволили митроп. Пимену мѣсячнаго суда, но и дали клятвенное обѣщаніе

---

*) Напр. Чудовъ Московскій, Благовѣщенскій Нижегородскій, Константиновскій и Борисоглѣбскій Владимірскіе.

*) Андрей Тверской—на Петра, Моисей Новгородскій—не Θеогноста, Діонисій Суздальскій—на Митяя.

на вѣчѣ „не зваться имъ никогда на судъ къ митрополиту, а судиться у своего архіепископа". Патріархъ, узнавъ объ этомъ, граматой требовалъ подчиниться митрополиту, но новгородцы съ пренебреженіемъ ее бросили и остались при своемъ рѣшеніи (1390 г.). Въ слѣдующемъ году они высказали о своемъ постановленіи митроп. Кипріану, когда онъ явился въ Новгородъ, и отказали ему въ судѣ. Кипріанъ наложилъ на весь Новгородъ отлученіе, запретилъ въ немъ церковныя службы и удалился, не преподавъ никому благословенія. Но и это не смутило новгородцевъ: владыка и священники по прежнему продолжали совершать всѣ церковныя службы; послано даже было въ Константинополь посольство съ докладомъ новгородцевъ, что они не хотятъ „судиться у митрополита, не хотятъ, что бы онъ унижалъ новгородскаго епископа, чтобы митрополитъ приходилъ въ Новгородъ и судилъ въ теченіи одного мѣсяца или чтобы присылалъ къ нимъ своего человѣка для суда"; что если патріархъ не исполнитъ ихъ просьбы, то они „сдѣлаются латинами". Только побѣда Димитрія Донскаго, который добивался отъ Новгорода „чернаго бора", заставила ихъ смириться, искать благословенія у московскаго митрополита, съ почетомъ принять новую патріаршую грамоту и дать митрополиту судъ [83]). Иногда новгородскіе владыки, вмѣстѣ съ новгородцами враждуя противъ Москвы, обращались за благословеніемъ къ югозападному митрополиту и считали себя независимыми отъ Московскаго (Евфимій II XV вѣка [84]); иногда же откладывали года на 2—3 полученіе благословенія отъ послѣдняго. Константинопольскіе патріархи въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно стояли на сторонѣ митрополита, подтверждали его рѣшенія и въ своихъ грамотахъ заявляли тому или другому епископу: „ты долженъ оказывать святѣйшему митрополиту своему покорность, къ какой ты обязанъ... А если ты не будешь оказывать въ отношеніи къ своему митрополиту... подобающей покорности по своей обязанности, то знай, что онъ уполномоченъ отъ нашей мѣрности дѣлать съ тобою все, на что имѣетъ право по канонамъ, и то, что въ такомъ случаѣ будетъ имъ сдѣлано, непремѣнно будетъ утверждено согласіемъ и нашей мѣрности. И ты не найдешь отъ насъ

совершенно никакой помощи, если паче чаянія явишься непослушнымъ и непокорнымъ къ утвержденному митрополиту твоему" [85]). Но впрочемъ не столько эти грамоты, сколько естественный ходъ государственной жизни, заставили смолкнуть епископовъ, прежде противившихся митополиту. Именно въ основѣ подобныхъ протестовъ обыкновенно была политическая борьба между Москвою и другими городами и протесты поддерживались удѣльными князьями или народнымъ вѣчемъ. Поэтому, когда пало удѣльновѣчевое устройство и московскій князь собралъ Русь, вмѣстѣ съ этимъ и епархіи собрались вокругъ каѳедры московскаго митрополита. Тогда даже новгородскіе архіепископы стали ѣздить въ Москву. для совѣта съ митрополитомъ [86]). Установившееся избраніе епархіальныхъ епископовъ въ Москвѣ, давая митрополиту возможность участвовать въ ихъ выборѣ, въ свою очередь конечно немало гарантировало митрополичью власть отъ оппозиціонныхъ элементовъ.

Московскій митрополитъ такимъ образомъ сталъ въ совершенно начальническое отношеніе къ епархіальнымъ владыкамъ: прежде бывшее пустымъ титуломъ слово „господинъ или государь" теперь сдѣлалось дѣйствительнымъ выраженіемъ отношеній Московскаго митрополита къ епископамъ. Онъ не могъ равнодушно выслушивать, когда кто нибудь изъ нихъ называлъ его „братомъ", и даже посылалъ такому письменный выговоръ [87]). Если прибавить къ этому постепенное освобожденіе отъ власти патріаршей, то окажется, что московскій митрополитъ въ данное время распоряжался дѣлами русской церкви самовластно, какъ бы на правахъ патріарха. Не даромъ поэтому титуловали его „святѣйшимъ" [88]). Въ южной Россіи не было такого возвышенія; ослушаніе епископовъ было здѣсь обычнымъ даже въ XVI вѣкѣ [89]).

Но тоже самое, что возвышало митрополита надъ епископами, вмѣстѣ подготовляло и *ограниченіе* его власти. Это ограниченіе шло съ двухъ различныхъ сторонъ: 1) уничтоженіе удѣловъ и собраніе Руси около Москвы возвысивъ свѣтскую правительственную власть, въ зависимость отъ нея поставило Московскаго митрополита; 2) Права патріарха, потерянныя имъ въ отношеніи къ русскому мит-

рополиту, въ концѣ XV вѣкѣ перешли къ собору мѣстныхъ іерарховъ и такимъ образомъ этотъ послѣдній связалъ освободившагося было, митрополита.

1) При установившемся порядкѣ избранія митрополитовъ дома—въ Россіи, естественно, московскій князь получилъ сильное вліяніе на самый выборъ нашихъ первосвятителей и нерѣдко возводилъ на каѳедру людей ему преданныхъ и послушныхъ. Извѣстно, напр., что Димитрій Донской, не смотря на долгое сопротивленіе митрополита Алексія, добился при его жизни „нареченія" митрополитомъ своего духовника Митяя или Михаила: самъ же по своей волѣ избралъ Діонисія Суздальскаго при жизни митрополита Пимена, а митрополитовъ, поставленныхъ безъ его согласія, иногда не принималъ, напр., Кипріана и Пимена. Съ XVI вѣка наши Московскіе государи стали даже обходить соборное избраніе митрополитовъ, сами возводя ихъ на каѳедру. Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ иностранецъ, посѣтившій тогда Россію: „прежде митрополиты и архіепископы избирались здѣсь соборомъ всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ... А нынѣшній государь (Василій III), говорятъ, обыкновенно призываетъ къ себѣ извѣстныхъ ему и самъ изъ числа ихъ избираетъ одного по своему усмотрѣнію" [90]). Такъ напр., были избраны Варлаамъ [91]), Даніилъ [92]) и Филиппъ II [93]). Если же въ подобныхъ случаяхъ иногда и созывался соборъ святителей, то это было лишь формальной прикрасой, состоявшагося напередъ, единоличнаго государева выбора. „По волѣ" и подъ давленіемъ царя соборъ даже иногда погрѣшалъ противъ церковныхъ каноновъ; напр., митрополита Іоасафа онъ поставилъ раньше, чѣмъ прежній митрополитъ успѣлъ отречься отъ каѳедры [94]). Такое же участіе, если не больщій произволъ, въ избраніи митрополитовъ практиковалось со стороны свѣтской власти и въ югозападной Россіи. Петръ, Романъ, Антоній и Ѳеодосій полоцкій были избраны единолично самими великими князьями Галицкими, Литовскими и Польскими. Григорій Цамблакъ избранъ по указанію Витовта, почему послѣдній и счелъ нужнымъ съ своей стороны въ оправданіе этого разослать окружное посланіе. Въ половинѣ XV вѣка Поль-

сколитовскіе короли между другими правами надъ церковною жизнію усвоили себѣ и право утвержденія епископовъ (jus investiturae), подъ прикрытіемъ этого права прямо вліяя на ихъ выборъ [95]), или даже единолично избирая ихъ [96]). При такомъ положеніи дѣла естественно, что и на сѣверѣ и на югѣ Россіи митрополитъ нѣсколько обязывался предъ свѣтскою властью и эта послѣдняя старалась о проведеніи на митрополичью каѳедру лицъ послушныхъ и уступчивыхъ. Таковы напр. при Іоаннѣ IV, Кириллъ IV, Антоній и Діонисій. Съ митрополитами же, противъ которыхъ были настроены враждебно, князья наши поступали довольно сурово. Димитрій Донской сажаетъ въ тюрьму митрополита Кипріана и Пимена, когда они пріѣхали въ Москву, также совершенно произвольно низлагаетъ Кипріана послѣ его возвращенія изъ Твери, когда онъ убѣжалъ отъ Тохтамыша; митрополита Геронтія едва не лишилъ каѳедры великій князь Іоаннъ III за то, что тотъ разъ при освященіи храма совершалъ крестный ходъ не по солнцу (не „по солонь“); митрополитъ Варлаамъ былъ посаженъ за что-то въ заточеніе Василіемъ III [97]); митрополитъ Даніилъ въ малолѣтство Іоанна IV былъ низвергнутъ съ престола Шуйскими, захватившими въ свои руки управленіе государствомъ [98]). Особенно произвольно обращался съ митрополитами царь и великій князь Иванъ Васильевичъ. Митрополитъ Аѳанасій, видя, что ничего не можетъ сдѣлать съ буйной и развратной опричиной, которую учредилъ царь и съ которой самъ упивался кровью своихъ подданныхъ, счелъ за лучшее оставить каѳедру. На мѣсто его былъ выбранъ архіепископъ казанскій Германъ; когда онъ отказывался занять каѳедру, то былъ „принуждаемъ“ къ тому царемъ и соборомъ. Но чрезъ два дня, когда Германъ осмѣлился дѣлать увѣщанія и совѣты царю. онъ послалъ изгнать его изъ митрополичьихъ палатъ и объявить ему: „ты еще и на митрополію не возведенъ, а уже связываешь меня неволею“. На мѣсто него былъ избранъ игуменъ Соловецкаго монастыря, Филиппъ II. Этотъ, подобно Герману, отрекался, но „понуждаемый“ на митрополію, смѣло требовалъ уничтоженія опричины, какъ непремѣннаго условія своего вступленія на каѳедру. Разгнѣванный царь велѣлъ ему сказать, чтобы онъ „въ опри-

чину и царскій домовый обиходъ не вступался и на митрополію ставился, и послѣ поставленія не оставлялъ ее изъ-за того, что царь не отмѣнилъ опричнины и не велѣлъ ему вступаться въ царскій домовый обиходъ, а совѣтывалъ бы съ царемъ, какъ прежніе митрополиты совѣтывали съ отцемъ его и дѣдомъ..." Филиппъ уступилъ. Но чрезъ нѣсколько времени сначала тайно на единѣ, а потомъ публично сталъ обличать царя за дѣйствія опричнины. Послѣдній началъ гнѣваться. Разъ 22 марта 1568 г. онъ пришелъ въ соборную церковь. Митрополитъ обратился къ нему съ такою рѣчью: „о державный царь!... Тебѣ данъ скипетръ власти земной, чтобы ты соблюдалъ правду въ людяхъ и царствовалъ надъ ними по закону... Какъ смертный не превозносись, а какъ образъ Божій, не увлекайся гнѣвомъ... Отъ вѣка не слыхано, чтобы благочестивые цари волновали свою державу, и при твоихъ предкахъ не бывало того, что ты творишь; у самихъ язычниковъ не случалось ничего такого..." — „Что тебѣ — чернецу за дѣло до нашихъ царскихъ совѣтовъ?—со злобой отвѣчалъ ему царь... одно тебѣ говорю, отче святый: молчи, а насъ благослови дѣйствовать по нашему изволенію". Святитель продолжалъ свои увѣщанія; царь вскрикнулъ: „Филиппъ, не прекословь державѣ нашей, да не постигнетъ тебя мой гнѣвъ, или сложи свой санъ", и, наморщивъ лобъ, вышелъ изъ церкви. Чрезъ нѣсколько дней снова открылось подобное столкновеніе между царемъ и митрополитомъ въ Успенскомъ соборѣ. Царь пришелъ сюда съ опричниками въ черныхъ одеждахъ съ высокими шлыками на головахъ и просилъ у митрополита благословенія. Тотъ молчалъ. Бояре сказали ему: „святый владыко! къ тебѣ пришелъ благочестивый государь и требуетъ благословенія". Тогда Филиппъ отвѣчалъ грозною рѣчью: „Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не знаю царя православнаго. Кому поревновалъ ты, принявъ на себя такой видъ и измѣнивъ свое благолѣпіе? Убойся суда Божія: на другихъ законъ ты налагаешь, а самъ нарушаешь его. У татаръ и у язычниковъ есть правда, въ одной Россіи нѣтъ ея: во всемъ мірѣ можно встрѣчать милосердіе, — а въ Россіи нѣтъ состраданія даже къ невиннымъ и правымъ. Здѣсь мы приносимъ Богу безкровную жертву за спасеніе міра, а за алтаремъ безвинно проливается кровь

христіанская. Ты самъ просишь прощенія во грѣхахъ своихъ предъ Богомъ,—прощай же и другихъ, согрѣшающихъ предъ тобою.... „Разсерженный царь закричалъ: о Филиппъ! нашу волю думаешь измѣнить? Лучше было бы тебѣ быть единомысленнымъ съ нами“... на замѣчанія святителя сталъ махать руками, грозить изгнаніемъ и муками. Опричники старались усилить въ Іоаннѣ эту злобу къ святителю. Разъ (28 іюля) во время крестнаго хода вокругъ Новодѣвичьяго монастыря митрополитъ только—что хотѣлъ читать евангеліе, какъ замѣтилъ на одномъ опричникѣ тафью, и сказалъ государю: „чтеніе слово Божія слѣдуетъ слушать христіанамъ съ непокровенною головою, а эти откуда взяли агарянскій обычай предстоять здѣсь съ покрытыми главами?— „Кто такой?“ спросилъ царь и, обернувшись, ни на комъ не замѣтилъ тафьи; а когда ему сказали, что митрополитъ говоритъ неправду, издѣваясь надъ его царскою державою, онъ вышелъ изъ себя и публично называлъ святителя лжецомъ, мятежникомъ и злодѣемъ. Наряженъ былъ по требованію царя судъ надъ митрополитомъ. Въ Соловецкомъ монастырѣ нашлись лица, которыя поддались на царскія ласки, обѣщанія и угрозы и представили клеветы на митрополита.

На соборѣ, куда онъ былъ призванъ, онъ даже не хотѣлъ оправдываться и, объявивъ, что онъ не боится смерти, что лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія несчастнаго времени, началъ снимать съ себя знаки своего сана. Царь велѣлъ ждать судебнаго приговора. Этотъ послѣдній скоро состоялся и былъ объявленъ всенародно въ церкви архангела Михаила, гдѣ святитель служилъ обѣдню. Опричиники здѣсь же сняли съ него святительское облаченіе, одѣли въ разодранную монашескую одежду, съ позоромъ выгнали изъ церкви и отвезли въ Богоявленскій монастырь. Царь хотѣлъ было сжечь митрополита, по обвиненію въ волшебствѣ, но ограничился заключеніемъ его въ сырой тюрьмѣ и ссылкою въ Отрочь Тверской монастырь, гдѣ на слѣдующій годъ (23 декабря 1569 года) приближенный царя Малюта Скуратовъ задушилъ его подушкою [99]). Болѣе произвольнаго обращенія съ митрополитомъ, кажется, невозможно и представить. Естественно, что при такомъ отношеніи великихъ князей къ мит-

рополиту, этотъ послѣдній чувствовалъ себя шаткимъ на каѳедрѣ и чтобы, удержаться на ней, долженъ былъ угождать князю. Потому то митрополиты: Аѳанасій, Кириллъ XV и Антоній молчали, видя, какъ Іоаннъ IV губитъ народъ. По этому же митрополитъ Даніилъ соглашался на не законныя и безнравственныя дѣйствія Василія Ивановича, какъ напр. нарушеніе клятвы, данной князю Василію Шемячичу въ его безопасности, или разводъ царя съ безплодной женой Соломоніей, насильственное постриженіе ея въ инокини и вступленіе царя въ бракъ съ Еленой Глинской [100]), а Іосифъ Болгариновичъ, южнорусскій митрополитъ, даже старался въ угоду Польскому королю о введеніи латинской уніи въ средѣ православныхъ [101]).

Поставленные въ такую тѣсную зависимость отъ воли князя, митрополиты, естественно, могли терпѣть притязанія его на вмѣшательство въ ихъ права и въ церковное управленіе. Это было и на самомъ дѣлѣ.

Уже извѣстно, что въ южной митрополіи Польсколитовскіе короли съ половины XV вѣка пользовались правомъ утвержденія избранныхъ епископовъ, получивъ это право по наслѣдству отъ Волынскихъ князей; впрочемъ однимъ утвержденіемъ они не довольствовались, а стали сами раздавать епископскія каѳедры тѣмъ или другимъ лицамъ, — большею частью изъ свѣтскаго сословія, — и иногда заразъ двоимъ-троимъ одну каѳедру; а Сигизмундъ I предоставлялъ пользоваться этимъ правомъ даже своей женѣ Бонѣ [102]). Митрополиту оставалось только рукополагать избранныхъ. Короли заступались за поставленныхъ ими епископовъ, пусть бы они были недостойны и не удовлетворяли требованіямъ церковныхъ правилъ [103]); равнымъ образомъ и въ сильныхъ князьяхъ епископы находили себѣ нерѣдко горячихъ защитниковъ; поэтому-то часто епископы ослушались митрополита [104]). Естественно, что чрезъ это ограничивалось право митрополичьяго суда. Короли даже трактовали судъ надъ епископами, какъ дѣло принадлежащее по праву только имъ — и принимали жалобы на епископовъ [105]). Митрополитъ судилъ епископа только тогда, когда это представлялъ ему самъ король [106]). Въ сѣверной Россіи, хотя притязанія свѣтской власти не доходили до такихъ размѣровъ, однако бывали случаи, когда

великіе князья сами производили судъ и казнь надъ епископами или заступались за нихъ въ спорѣ съ митрополитомъ. Напр., Іоаннъ III заключилъ въ заточеніе Новгородскаго архіепископа Ѳеофила, когда Новгородъ нарушилъ договоръ съ Московскимъ княземъ и передавался Казиміру Литовскому (1480 г.) [107]); подобнымъ образомъ Василій III сослалъ въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей Смоленскаго епископа Варсанофія, подозрѣваемаго въ передачѣ Смоленска польскому королю Сигизмунду (1515 г.) [108]); Іоаннъ III заступился за архіепископа Ростовскаго Вассіана, когда митрополитъ Геронтій взялъ у него Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь и передалъ князю Верейскому (1478 г.) [109]). Іоаннъ IV заточилъ Новгородскихъ епископовъ Серапіона и Пимена, по подозрѣнію въ поддержкѣ Новгородскаго возстанія (1570 г.), а Леонида (1576 г.) велѣлъ лишить жизни (по однимъ сказаніямъ — удавить, по другимъ — зашить въ медвѣжью шкуру и затравить собаками). [110])

Какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Россіи свѣтская власть нерѣдко брала въ свое непосредственное вѣдѣніе монастыри въ предѣлахъ епископскихъ или даже митрополичьей епархіи. Въ „княжихъ" монастыряхъ самъ князь назначалъ настоятеля, самъ заправлялъ жизнію монастыря, самъ даже судилъ настоятеля, а митрополиту запрещалъ его „судить и рядить", кромѣ дѣлъ собственно духовныхъ, когда тотъ долженъ участвовать въ судѣ вмѣстѣ съ князьями [111]). На югѣ Россіи такіе монастыри даже передавались нерѣдко въ управленіе, или — лучше сказать — въ аренду свѣтскимъ лицамъ за какія-нибудь гражданскія заслуги или за деньги, и король считалъ себя въ правѣ такъ дѣлать (право подаванья или покровительства — jus patronatus) [112]). Впрочемъ ставить настоятелей осмѣливались князья Московскіе и короли Польскіе не въ одни только княжи монастыри; равнымъ образомъ сами же произвольно переводили ихъ изъ одного монастыря въ другой. Митрополиту оставалось въ этихъ случаяхъ лишь исполнять требованія князя. Право же утвержденія избираемыхъ архимандритовъ и игуменовъ считалось за обычное право князей какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи, и вотъ что говоритъ на этотъ счетъ 86 отвѣтъ Стоглаваго собора (1551 г.): „по-

велѣваютъ св. правила избирати митрополиту и архіеписко помъ, и епископомъ, коемуждо въ своемъ предѣлѣ, архимандритовъ и игуменовъ въ честные монастыри, и избравъ посылаютъ къ благочестивому царю, и аще будетъ Богу угоденъ и царю, и таковъ... да поставленъ будетъ" [113]). Право созывать на соборы епархіальныхъ епископовъ также подвергалось ограниченіямъ. Для этого нужно было согласіе великаго князя: онъ же и утверждалъ своею граматою соборныя постановленія; самъ иногда присутствовалъ и велъ пренія на соборѣ; самъ иногда и настаивалъ на созваніе собора, — хотя бы для маловажныхъ вопросовъ, которые можно было рѣшить иначе [114]); иногда же въ южной Россіи принималъ и апелляціи на соборныя рѣшенія [115]). Митрополитъ только съ согласія великаго князя могъ измѣнять штатъ своихъ домовыхъ слугъ [116]); на югѣ же Россіи нерѣдко король пріурочивалъ себѣ право ставить митрополичьяго „справцу" (намѣстника), или уполномочивалъ на это кого нибудь еще, напр. Сигизмундъ I—Львовскаго католическаго аруибискупа [117]). Наконецъ всѣ вообще важныя распоряженія свои митрополитъ могъ выполнять неиначе, какъ съ согласія великаго князя; поэтому-то епископы по дѣламъ церковнымъ, сносясь съ митрополитомъ, обыкновенно вмѣстѣ сносились съ великимъ княземъ, и отъ обоихъ получали рѣшеніе [118]).

2. Съ освобожденіемъ отъ Константинопольскаго патріарха и съ возвышеніемъ на Руси соборовъ, митрополитъ утратилъ свою судебную власть надъ епископами. Между тѣмъ какъ прежде онъ иногда единолично судилъ и низлагалъ ихъ, теперь онъ могъ дѣлать это лишь съ своимъ „освященнымъ" епископскимъ соборомъ, который можно назвать „домашнимъ". За митрополитомъ осталось въ отношеніи къ судебному процессу право дѣлать внушенія провинившемуся епископу, уговаривать его оставить свою каѳедру и даже производить предварительное слѣдствіе; а самый судъ производился соборно и утверждался царскою печатью [119]).

Вообще русскій митрополитъ, быстро возвышавшійся надъ епископами и въ своемъ отношеніи къ патріарху, съ конца XV вѣка вдругъ еще быстрѣе сталъ терять свое высокое

положеніе. Свѣтская власть съ одной стороны и духовные соборы съ другой — такъ съузили его власть, что онъ по отношенію къ епархіямъ остался лишь ограниченнымъ администраторомъ, безъ прежнихъ судебныхъ правъ. До болѣе крайней степени дошло это стѣсненіе въ юго-западной митрополіи, тѣмъ болѣе, что тамъ и власть патріарха еще признавалась.

Стоя во главѣ управленія Русскою церковію, митрополиты вмѣстѣ съ тѣмъ были и епархіальными архіереями. Епархіи ихъ иногда были очень обширны; въ своей епархіи митрополитъ былъ главою духовенства и мірянъ, судьею ихъ и учителемъ, а вмѣстѣ и хозяиномъ церковныхъ вотчинъ. Такимъ образомъ дѣлъ у митрополита было такъ много, что одному ему невозможно было ихъ выполнять. Поэтому надобились помощники.

Ихъ и дѣйствительно было при немъ не мало. Одни помогали ему вѣдать дѣла епархіальныя, и были тѣже, что у всѣхъ епархіальныхъ владыкъ; другіе же были помощниками собственно по митрополичьему управленію. Такими прежде всего служили епископы по преимуществу сосѣднихъ епархій, съѣзжающіеся въ Москву по вызову митрополита, особенно чисто является въ Москвѣ Коломенскій епископъ, который иногда даже временно управляетъ вакантной митрополіей. Со времени же закрытія Сарайской епархіи, когда епископъ ея поселился въ Москвѣ на Крутицахъ, въ лицѣ его явился постоянный викарій у Московскаго митрополита[120]). Соотвѣтственно своему церковногражданскому значенію и богатству, митрополитъ имѣлъ значительный штатъ служителей. Между ними, какъ и у великаго князя, мы видимъ бояръ, боярскихъ отроковъ, стольниковъ, постельничихъ, печатниковъ и т. п. У митрополита даже было свое войско, надъ которымъ онъ самъ ставилъ воеводу, которое во время походовъ становилось подъ стяги Московскаго князя. Избраніе, или „нареченіе“ митрополитовъ производилось не всегда по смерти наличнаго владыки: такъ напр. при жизни митрополитовъ были наречены имъ преемники: Алексій, Митяй, Фотій, Іона, Ѳеодосій. Особенно часто это практиковалось въ южной митрополіи. Всѣхъ митрополитовъ за данный періодъ было въ сѣверной Руси 25 и въ

юговападной—19 *). Большинство изъ нихъ были родомъ русскіе, хотя встрѣчались иногда греки и балканскіе славяне. Существенными заботами ихъ были отстаиваніе правъ и привиллегій церкви предъ монгольскими ханами, великими князьями московскими, литовскими королями польскими, приведеніе въ порядокъ церковнаго управленія, уничтоженіе обнаружившихся недостатковъ въ духовенствѣ, упорядоченіе богослужебнаго строя, нравственное вліяніе на паству и посильная служба интересамъ государства. По *церковной* дѣятельности болѣе выдающимися митрополитами являются: Кириллъ III, Максимъ, Петръ, Өегностъ, Алексій, Кипріанъ, Фотій, Өеодосій, Даніилъ, Макарій, (въ сѣверной митрополіи); Григорій Цамбланъ, Іосифъ II. Салтанъ и Іона III Протасовичъ (въ южной митрополіи).

Митрополитъ *Кириллъ III* вступилъ на митрополичью каөедру тогда, когда митрополичій дворъ стоялъ раззореннымъ и опустошеннымъ отъ татаръ, когда нѣкоторыя епархіи вдовствовали и священническія мѣста не всѣ были заняты. По этому, не оставаясь къ Кіевѣ, онъ посвятилъ свои труды на разъѣзды по сѣвернымъ и южнымъ епархіямъ, всюду ставилъ епископовъ и низшихъ клириковъ, „училъ, наказывалъ и въ порядокъ все приводилъ". Познакомившись лично съ недостатками въ іерархіи и въ богослужебномъ строѣ, онъ позаботился выписать изъ Болгаріи Номоканонъ и дать его въ руководство русскому духовенству; на Владимірскомъ соборѣ 1274 г. предложилъ епископамъ сообща выработать мѣры къ исправленію указанныхъ недостатковъ и составленныя здѣсь правила опубликовалъ по всѣмъ епархіямъ. Наконецъ онъ постарался выхлопотать у хановъ Золотой Орды ярлыки, гарантировавшіе всѣ права и привиллегіи русской церкви.

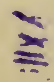
*) Въ *сѣверной* Руси: Кириллъ III, Максимъ, Петръ, Өеогность, Алексій, Кипріанъ, Пименъ, Фотій, Герасимъ, Исидоръ, Іона, Өеодосій, Филиппъ I, Геронтій, Зосима, Симонъ, Варлаамъ, Даніилъ, Іоасафъ, Макарій, Аөанасій, Филиппъ II, Кириллъ IV, Антоній и Діонисій.

Въ *югозападной* Руси: Галицкій епископъ, неизвѣстный по имени, Романъ, Антоній, Григорій Цамблакъ, Григорій Булгаръ, Мисаилъ, Спиридонъ, Симеонъ, Іона Глезна, Макарій, Іосифъ Болгариновичъ, Іона II, Іосифъ II Солтанъ, Іосифъ III, Макарій II, Сильвестръ Бѣлькевичъ, Іона III Протасовичъ, Илья Куча, и Онисифоръ Петровичъ Дѣвочка.

Митрополитъ *Максимъ* (1283—1305), родомъ грекъ, пошелъ по стопамъ своего предшественника. Утвердивъ свою каѳедру во Владимірѣ на Клязьмѣ, онъ побывалъ въ Ордѣ для полученія ханскаго ярлыка, объѣжалъ русскія епархіи и непосредственно слѣдилъ за ихъ состояніемъ, своимъ „Правиломъ“ ввелъ однообразіе въ практикѣ касательно недѣльныхъ постовъ, и наконецъ участвовалъ въ выработкѣ правилъ касательно богослуженія на константинопольскомъ соборѣ 1301 года.

Митрополитъ *Петръ* (1308—1326 г.) происходилъ отъ благочестивыхъ родителей, проживавшихъ на Волыни; рано выучился грамотѣ и двѣнадцати лѣтъ поступилъ въ монастырь; здѣсь изучилъ иконописаніе и написанныя иконы или раздавалъ даромъ, или продавалъ, обращая вырученныя деньги на помощь нищимъ, служилъ въ пекарнѣ и совершалъ черныя работы на братію, пока не удостоился сана іеродіакона и чрезъ нѣсколько времени—іеромонаха. По благословенію своего наставника, въ уединенномъ мѣстѣ на рѣкѣ Ратѣ онъ основалъ свой монастырь и, управляя имъ въ качествѣ игумена скоро прославился своими подвигами во всей Волыни. Этимъ и объясняется его избраніе на митрополичью каѳедру. Во все время своего правленія св. Петръ продолжалъ вести странническую жизнь, передвигаясь съ мѣста на мѣсто; вездѣ „училъ заблудшихъ христіанъ, толковалъ и излагалъ евангельскія и апостольскія писанія, вездѣ ставилъ клириковъ и наставлялъ ихъ“; ѣздилъ въ Орду и подобно предшественникамъ выхлопоталъ у Узбека ярлыкъ. Свидѣтельствомъ его заботъ объ іерархіи и паствѣ осталось „поученіе игуменомъ, попомъ“ и діакономъ. Въ концѣ своей жизни онъ поселился въ Москвѣ, заложилъ здѣсь каменный храмъ Успенія Божіей Матери и устроилъ при немъ гробъ для себя.

Митрополитъ *Ѳеогностъ* (1328—1353), родомъ грекъ, поселился въ домѣ своего предшественника въ Москвѣ, но постоянно объѣзжалъ епархіи, разъ былъ въ Греціи и два раза въ Ордѣ. Во второй разъ (1342) кто то изъ русскихъ донесъ Чанибеку, что Ѳеогностъ получаетъ много дохода съ духовенства; тотъ началъ требовать, чтобы онъ ежегодно вносилъ дань за себя и все русское духовенство. Ѳеогностъ,

не смотря на истязанія, долго не соглашался и достигъ того, что получилъ желаемые ярлики отъ Чанибека и его жены Тайдулы съ утвержденіемъ всѣхъ прежнихъ привиллегій русской церкви. Охраняя предѣлы своей митрополіи, Ѳеогностъ долженъ былъ вести борьбу съ галицкимъ епископомъ и инокомъ Ѳеодоритомъ, которые хотѣли отторгнуть отъ его власти южно русскія епархіи.

Митрополитъ *Алексій* (1354—1378 г.) происходилъ отъ знатнаго боярина Ѳеодора, который пришелъ изъ Чернигова въ Москву, здѣсь пользовался благосклонностью великаго князя Даніила Александровича и занималъ почетное мѣсто. Елевѳерій (мірское имя Алексія) рано изучилъ грамоту и „всѣмъ книгамъ извыче", съ 12 лѣтъ въ немъ обнаружилась необыкновенная перемѣна: онъ сталъ молчаливъ, бросилъ дѣтскія игры, непрестанно читалъ книги и подвизался въ постѣ и молитвѣ. Двадцати лѣтъ онъ уже дѣлается инокомъ въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ и здѣсь горячо отдается иноческимъ подвигамъ, по прежнему занимаясь чтеніемъ книгъ. Болѣе двадцати лѣтъ онъ прожилъ здѣсь, пока полюбившій его митрополитъ Ѳеогностъ, не взялъ его къ митрополичьему двору и не сдѣлалъ его своимъ намѣстникомъ. Лѣтъ чрезъ 12 онъ получилъ епископскую каѳедру во Владимірѣ и при жизни Ѳеогноста нарекается митрополитомъ. Получивши въ Константинополѣ рукоположеніе, Алексій долженъ былъ бороться съ Ѳеодоритомъ, Романомъ, Антоніемъ и Кипріаномъ, отдѣлившими южно-русскія епархіи отъ Московской митрополичьей каѳедры и даже желавшими низложить Алексія. Но онъ не оставлялъ и своихъ пастырскихъ заботъ: объѣзжалъ епархіи, ѣздилъ въ Орду и получалъ тамъ обычные ярлыки (отъ Чанибека и Бердибека). Разъ онъ былъ вызванъ туда ханомъ Чанибекомъ по слѣдующему случаю. Жена Чанибека Тайдула лишилась зрѣнія; ничто не помогало. Ханъ, до котораго дошли слухи о силѣ молитвъ и чудотвореніяхъ Алексія, съ угрозою вызвалъ его для исцѣленія болящей. Святитель отслужилъ молебенъ въ Московской соборной церкви и во время его получилъ ободрительное для себя знаменіе: свѣча у раки св. Петра зажглась сама собой; явившись въ Орду, св. Алексій совершилъ молебенъ, зажегъ свѣчу, сдѣланную изъ воска

той, которая чудесно зажглась въ Москвѣ, освятилъ воду, окропилъ сю царицу, и та немедленно прозрѣла. Святитель не чуждался и литературной дѣятельности.

Митрополитъ *Кипріанъ* (1376—1406 г.), родомъ сербъ, съ невыгодной стороны выказавшій себя во время борьбы митрополита Алексія съ Ольгердомъ, однако послѣ окончательнаго занятія московской каѳедры (1390 г.) показалъ себя очень дѣятельнымъ и достойнымъ митрополитомъ. Онъ объѣзжалъ сѣверовосточныя и югозападныя епархіи, подчинилъ новгородцевъ своему мѣсячному суду, въ которомъ они ему было отказали; много потрудился для возстановленія и утвержденія церковнаго суда, для огражденія и уясненія вотчинныхъ митрополичьихъ правъ и даней съ духовенства. Но особенно много заботился онъ объ упорядоченіи богослуженія; для этого разсылалъ по епархіямъ различныя церковныя чинопослѣдованія и уставы, иногда написанныя собственноручно, исправлялъ въ богослужебныхъ книгахъ замѣченныя ошибки, самъ перевелъ съ греческаго языка служебникъ, писалъ наставленія касательно богослужебной практики и снабжалъ церкви антиминсами. Впрочемъ среди этихъ заботъ онъ не оставлялъ и литературной дѣятельности, памятникомъ чего осталось нѣсколько — по преимуществу историческихъ — сочиненій.

Митрополитъ *Фотій* (1408—1431 г.), родомъ морейскій грекъ, съ юныхъ лѣтъ подвизавшійся въ пустынѣ. По вступленіи на московскую каѳедру онъ энергично занялся паствой: словесно и письменно онъ побуждалъ міранъ и духовенство оставить дурные обычаи и исправиться; когда явилась секта стригольниковъ, онъ употреблялъ мѣры къ ея подавленію; возстановилъ опустошенный митрополичій домъ и возвратилъ митрополичьей каѳедрѣ всѣ угодья и земли, большинство которыхъ по смерти Кипріана было расхищено князьями, боярами и другими лицами; заботился объ единствѣ раздѣлившейся русской митрополіи и успѣлъ добиться желаемаго по смерти Григорія Цамблака; наконецъ, по примѣру своего предшественника, не мало сдѣлалъ для богослужебнаго строя.

Митрополитъ *Ѳеодосій* (1461—1464 г.), до занятія московской каѳедры былъ 10 лѣтъ архимандритомъ Чудова

монастыря въ Москвѣ, и около 7 лѣтъ Ростовскимъ архіепископомъ. Какъ въ Ростовѣ, такъ и въ Москвѣ, онъ заявилъ себя ревностнымъ исправителемъ духовенства. Онъ самъ напр. совершилъ путешествіе въ Бѣлозерскъ, чтобы вразумить на мѣстномъ съѣздѣ Бѣлозерское бѣлое и черное духовенство, которое, наставленій отъ божественнаго писанія и правилъ св. Отцевъ слышать не хотѣло, о церковномъ исправленіи своемъ стадѣ не брегло и всячески заблудило отъ праваго пути, но въ Ростовѣ на глаза къ епископу не показывалось. Въ Москвѣ, видя лѣность и зазорную жизнь духовенства, онъ каждую недѣлю созывалъ его къ себѣ и поучалъ; нѣкоторыхъ—священниковъ и діаконовъ лишалъ священства, а вдовыхъ постригалъ въ монахи. Но все это не понравилось духовенству; поднялся ропотъ. Митрополитъ огорчившись оставилъ митрополичій престолъ и проживалъ 11 лѣтъ въ Чудовомъ монастырѣ, ухаживая за однимъ разслабленнымъ и прокаженнымъ старцемъ; подъ конецъ своей жизни перешелъ въ Сергіеву лавру, гдѣ и скончался.

Митрополитъ *Даніилъ* (1522—1532 г.) до вступленія на каѳедру нѣсколько лѣтъ подвизался въ Іосифовомъ Волоколанскомъ монастырѣ „въ трудахъ, постѣ и молитвѣ“, снискалъ уваженіе братіи и выбранъ былъ игуменомъ. Онъ былъ богословски начитанъ и оставилъ послѣ себя не мало сочиненій. Въ нихъ—словахъ и посланіяхъ—онъ обличаетъ современные пороки міранъ и духовенства, вооружается противъ вольномыслія и остатковъ ереси жидовствующихъ, даетъ наставленія тѣмъ или другимъ лицамъ касательно образа жизни, отвѣчаетъ на поставленный тогда вопросъ о правдѣ владѣніямонастырей землями и въ свое время стоитъ во главѣ сильной литературно-церковной партіи Іосифлянъ. Какъ человѣкъ, дорожившій просвѣщеніемъ, онъ естественно покровительствовалъ иноку Максиму греку въ дѣлѣ перевода святоотеческихъ твореній; но чрезъ нѣсколько времени по честолюбію, не нашедшему удовлетворенія со стороны свободнаго и правдимаго Максима, онъ сталъ питать къ нему непримиримую злобу. По дѣлу развода великаго князя съ женой и по дѣлу Василія Шемякича Даніилъ также показалъ въ неприглядномъ свѣтѣ свою нрав-

ственную личность. По неудовольствію князей Шуйскихъ, Даніилъ долженъ былъ оставить каѳедру и выдать грамату, которой признавалъ свою неспособность къ такому высокому служенію и отрекался отъ митрополіи. [123])

Митрополитъ *Макарій* (1542—1563 г.), сначала архимандритъ Можайскаго Лужецкаго монастыря, потомъ Новгородскій архіепископъ и наконецъ митрополитъ Московскій, былъ выдающимся дѣятелемъ. Управляя Новгородской епархіей, онъ расширилъ, обновилъ и богато украсилъ Софійскій соборъ, исправлялъ нравы духовенства, уничтожалъ безпорядки въ монастыряхъ и вводилъ въ нихъ общежительный уставъ, отправлялъ миссіонеровъ на дальный сѣверъ и принималъ мѣры къ уничтоженію язычества у новокрещенныхъ инородцевъ. Но самымъ любимымъ и главнымъ занятіемъ Макарія было книжное дѣло. Хотя онъ самъ писалъ и не много, но за то поручилъ другимъ или переводить полезныя книги, или составлять вновь жизнеописанія святыхъ, содержалъ при себѣ множество писцовъ, самъ собиралъ и другимъ поручалъ собирать житія, книги св. Писанія, творенія св. отцевъ и другія назидательныя произведенія, самъ просматривалъ и исправлялъ рукописи. Памятникомъ такихъ трудовъ остались Четьи—Минеи и Степенной списокъ (продолженіе и дополненіе Степенной книги). Сдѣлавшись митрополитомъ, Макарій не оставилъ прежней заботы о собираніи житій; подъ его предсѣдательствомъ и по его инициіативѣ на соборахъ 1547 и 1549 г. было канонизовано нѣсколько русскихъ святыхъ; въ 1553 г. разсматривалось дѣло еретиковъ Ѳеодосія Косаго, Башкина, Висковатаго и другихъ, 1551 г. на Стоглавомъ соборѣ подъ его предсѣдательствомъ и руководствомъ, выработывались правила касательно церковнаго управленія, суда, церковныхъ вотчинъ, жизни духовенства и мірянъ, богослуженія и духовнаго просвѣщенія. Въ редактированіи Стоглавника—сборника постановленій этого собора—онъ принималъ личное участіе, и самъ обнародывалъ ихъ своими граматами [124]).

Григорій Цамблакъ (1416—1419 г.) родомъ сербъ, племянникъ митрополита Кипріана, проходилъ различныя церковныя должности въ Болгаріи, Малдавіи и Сербіи; вызван-

ный въ Россію своимъ дядею и не заставши его въ живыхъ, онъ остался въ южной Россіи и здѣсь былъ выбранъ въ митрополита. Это былъ вполнѣ православный и образованный пастырь, что видно изъ его поученій (22) и полемической статьи противъ латинянъ.

Іосифъ II (1509—1521 г.) происходилъ изъ очень знатной фамиліи Солтановъ, нѣсколько лѣтъ былъ смоленскимъ епископомъ, затѣмъ въ 1507 году выбранъ былъ и въ 1509 г. поставленъ въ митрополита. Съ самаго начала своего правленія онъ показалъ себя ревностнымъ владыкою. Въ 1509 году онъ созвалъ въ Вильнѣ соборъ противъ различныхъ „нестроеній и безчиній“ въ церкви. Спустя полтора года Іосифъ во главѣ южно-русскихъ епископовъ выпросилъ у Сигизмунда грамату, подтверждавшую всѣ митрополичьи и епископскія права, такъ часто нарушавшіяся прежде свѣтскими властями; въ 1514 году митрополитъ съ соборомъ епископовъ установилъ празднованіе въ честь почитаемаго въ южной Россіи преп. Елисея Лаврншевскаго; заботился о томъ, чтобы сдѣлать жизнь христіанъ болѣе согласною съ требованіями церковнаго устава, для этого разсылалъ своихъ слугъ и приводимыхъ ими виновныхъ судилъ; писалъ граматы съ цѣлію упорядочить отношеніе прихожанъ къ причту, редактировалъ общежительный уставъ и вводилъ его въ южно-русскихъ монастыряхъ; наконецъ, не оставлялъ безъ вниманія и матеріальное благосостояніе митрополичьяго двора.

Іона III Протасовичъ (1568—1577 г.), бывшій Пинскій и Туровскій епископъ, едва вступилъ на митрополичью каѳедру, какъ показалъ свою ревность о благѣ церкви. Онъ представилъ Сигизмунду цѣлый рядъ просьбъ съ цѣлію уничтожить болѣе вредныя изъ золъ, отъ которыхъ страдала южная митрополія; просьбы эти касались судебныхъ и имущественныхъ правъ духовенства, уравненія гражданскихъ правъ православныхъ епископовъ съ католическими, запрещенія отдавать духовныя должности свѣтскимъ лицамъ и т. п. Нѣкоторыя изъ просьбъ дѣйствительно имѣли успѣхъ; а на нѣкоторыя получены были только обѣщанія, оставшіяся невыполненными. Наконецъ не мало заботился Іона и о матеріальномъ благосостояніи Виленскихъ церквей, особенно

своей каѳедральной церкви и своего Троицкаго монастыря.

§ 10. При успѣхахъ христіанской миссіи въ предѣлахъ Россіи, при измѣненіяхъ географическихъ предѣловъ Русскаго государства и при перемѣнахъ въ политической жизни отдѣльныхъ областей, естественно и въ положеніи русскихъ *епархій* происходили своего рода перемѣны. Однѣ изъ епархій были закрыты, другія же открыты вновь; изъ-подъ власти одного митрополита онѣ переходили иногда къ другому и т. п. Изъ прежде существовавшихъ епархій къ концу даннаго періода упразднились: Владиміроклязьемская (1299 г.), Переяславская, Бѣлгородская, Юрьевская и Черниговская (или Брянская—1500 г.), Галицкая, съ 1414 до 1539 г. оставалась безъ православнаго епископа, а съ 1539 г. получила викарнаго (у южнаго митрополита) епископа. На болѣе или менѣе долгое время открываемы были и къ концу разсматриваемаго періода прекратили свое существованіе слѣдующія епархіи: Сарайская (1261—1454 г.), Звенигородская (около 1389 г.) и Юрьевская-Дерптская (1570—1582 г.). Изъ новыхъ епархій къ 1589 г. существовали: Тверская (около 1271 г.), Луцкая (съ 1288 г.), Суздальская (около 1347 г.), Коломенская (около 1353 г.), Пермская (1383 г.) съ каѳедрой сначала въ Устьвымѣ, а затѣмъ (въ XVI в.) въ Вологдѣ, и казанская (1555 года). Такимъ образомъ всѣхъ епархій къ 1589 году было 18, считая въ томъ числѣ и двѣ митрополичьи — Московскую и Кіевскую. Изъ нихъ 10 состояло подъ управленіемъ Московскаго митрополита *) и 8—Кіевскаго **). Впрочемъ въ подчиненіи епархій тому или другому митрополиту происходили въ XV—XVI вѣкахъ измѣненія, соотвѣтственно гражданскому отношенію ихъ къ Польшѣ и Москвѣ. Напр. Смоленскъ до 1514 г., состоявшій подъ властію Польши, принадлежалъ къ кіевской митрополіи и, только взятый Василіемъ Ивановичемъ, долженъ былъ признать власть московскаго митрополита; подобнымъ образомъ Полоцкъ, въ 1563 г. отнятый у поляковъ Иваномъ Васильевичемъ IV вошелъ въ составъ московской ми-

*) Кіевская, Новгородская, Ростовская, Суздальская, Тверская, Коломенская, Рязанская, Смоленская, Пермская и Казанская.

**) Кіевская, Львовская (Галицкая) Владиміроволынская, Полоцкая, Луцкая, Туровская Перемышльская и Холмская (Угорская).

трополіи и отпалъ отъ нея, когда въ 1578 г. польскій король Стефанъ Баторій снова возвратилъ его себѣ; черниговская епархія, со времени подчиненія ея Москвѣ, была раздѣлена между сѣвернорусскими епископами (1500 г.). Предѣлы епархій обыкновенно опредѣлялись или границами княжескихъ удѣловъ, соединившихся съ Москвою, какъ было въ прежнее время, или же волею великаго князя. Такъ напр. при Иванѣ III и при Иванѣ IV были присоединены къ пермской епархіи нѣкоторыя церкви въ Вологодскомъ краѣ и Новгородскомъ (Двина, Вага, Холмогоры и Каргополь), принадлежавшія прежде или московскому митрополиту или новгородскому архіепископу. Между епископами велись иногда распри изъ-за предѣловъ епархій. Такъ извѣстно, что рязанскій и сарайскій епископы спорили изъ-за Червленаго Яра, т. е. земель, лежащихъ между рѣками Воронежемъ, Дономъ, Хопромъ и Великой Вороной; митрополитъ Ѳеогностъ рѣшилъ этотъ споръ сначала въ пользу сарайскаго, а потомъ — рязанскаго епископа; митрополитъ Алексій подтвердилъ въ свою очередь права рязанской каѳедры на Червленый Яръ. Извѣстны также пререканія относительно Нижняго-Новгорода и Городца между суздальскими епископами и московскимъ митрополитомъ. Первые два суздальскіе епископа довольствовались только Суздалемъ, третій же, Алексій, началъ было величаться „суздальскимъ, новгородскимъ и городецкимъ"; но митрополитъ Алексій отнялъ у него и Нижній-Новгородъ и Городецъ; по смерти же его, суздальскіе епископы Діонисій и Евфросинъ получили въ Константинополѣ отъ патріарха и императора грамоты (1382 и 1389 г.), уполномочивавшія ихъ на владѣніе означенными городами. Только митрополитъ Купріанъ, поддерживаемый великимъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ, снова добился у константинопольскаго патріарха возвращенія въ свои руки и навсегда обоихъ этихъ городовъ (1394 г.). Епархіи были вообще очень обширны и нерѣдко земли, принадлежащія какой либо одной каѳедрѣ, были разбиты по разнымъ болѣе или менѣе отдаленнымъ областямъ. Такъ сарайскій и подонскій епископъ, лишившись сарайской каѳедры и поселившись въ Москвѣ на Крутицахъ, завѣдывалъ церквами въ нынѣшнихъ Орловской, Тульской и Смоленской

губерніяхъ; ростовскій архіепископъ, кромѣ Ростовской области, управлялъ Бѣлозерскимъ краемъ, Устюгомъ и Сольвычегодскомъ; епархія новгородскаго архіепископа обнимала собою всѣ Новгородскія владѣнія, Волокаламскую область и земли въ Вологодскомъ краѣ; московскій митрополитъ, перебравшись на сѣверъ Россіи, пріобрѣлъ здѣсь для себя новую епархію, владиміро-московскую, но оставилъ за собою земли, ему принадлежавшія въ южной Россіи; даже послѣ окончательнаго отдѣленія южной митрополіи и потери тамъ московскимъ митрополитомъ своей власти, онъ имѣлъ очень обширную епархію: именно въ нее входили Москва, Владиміръ, Нижній-Новгородъ, Городецъ, Дмитровъ, Кострома, Галичъ, Грязовецъ, Пошехонь, Череповецъ Вятка, и земли въ Вологодскомъ раѣ [125]).

§ 11. По своему *достоинству* не всѣ епископы были равны между собою. Между ними существовало нѣчто въ родѣ мѣстничества, соотвѣтственно которому они разсаживались на соборахъ и подписывались подъ соборными актами. Нѣкоторые даже носили титулъ архіепископовъ. Такими были въ половинѣ XV вѣка епископы Новгородскій, Ростовскій и Полоцкій, и въ XVI вѣкѣ прибавился еще Казанскій [126]). Раньше, во второй половинѣ XIV вѣка, два Суздальскихъ епископа, Діонисій и Евфросинъ, титуловались также въ силу патріаршей граматы (1382 г. [127]). Архіепископскимъ достоинствомъ награждались иногда лично тѣ или другіе іерархи, независимо отъ занимаемой ими каѳедры, и не передавали этого достоинства своимъ преемникамъ; таковъ напр. Исаакій Черниговскій [128]). Нѣкоторые архіепископы и епископы имѣли видимое отличіе отъ другихъ, получая его какъ преимущество чести личной или каѳедральной. Такъ извѣстно, что Новгородскіе архіепископы Василій (1346 г.) и Моисей (1353 г.), а также епископы Владимірскій Алексій (1352 г.) и Суздальскій Діонисій (1382 г.), по благословенію или митрополита или патріарха, носили крестчатыя ризы[129]); преемникъ же Моисея, Алексій, получилъ отъ патріарха выговоръ за самовольное облаченіе въ такую ризу и принужденъ былъ снять ее (1370 г. [130]). На соборѣ (1564 г.) было постановлено Новгородскому и Казанскому архіепископамъ, также какъ Московскому митрополиту, носить

бѣлый клобукъ (вмѣсто чернаго) и печатать выходящія отъ нихъ граматы краснымъ воскомъ (также вмѣсто чернаго [131]).

Но всѣ эти отличія, какими пользовались одни епископы преимущественно предъ другими, не сопровождались различіемъ въ каноническихъ правахъ ихъ: права были у всѣхъ одинаковы и опредѣлялись общими для всѣхъ законами.

§ 12. *Церковное законодательство*, которымъ опредѣлялось внутреннее управленіе нашей церкви, внѣшнія права и положеніе духовенства, за данный періодъ значительно пополнилось и пришло въ большій порядокъ. Прежніе церковные уставы Владиміра и Ярослава, Номоканоны Фотія и І. Схоластика, церковное правило митрополита Іоанна II и проставались въ употребленіи даже въ XVI вѣкѣ. Но рано почувствовалась ихъ недостаточность. Еще митрополитъ Кириллъ III сознаⅼъ „неразумность (невразумительность) церковныхъ правилъ“ [132]) и чрезъ болгарскаго князя Іакова Святислава выписалъ переведенную на славянскій языкъ съ греческаго патріаршаго экземпляра книгу правилъ, или *Кормчую* (1270 г.). Въ ней содержались не только церковныя и гражданскія правила (какъ въ Номоканонѣ), но и толкованія на нихъ Аристина и Зонары. Кормчая эта стала списываться и распространяться по Россіи, при чемъ вносились въ нее измѣненія, сокращенія и добавки; впрочемъ сохранившіеся списки болѣе или менѣе приближаются только къ двумъ древнѣйшимъ редакціямъ, Новгородской Софійской (около 1282 г.) и Рязанской Іосифовской (1284 г.). Будучи сначала собраніемъ только греческихъ правилъ, Кормчая скоро стала пополняться и русскими, прежде дѣйствовавшими и вновь появлявшимися, правилами. Особенно много ихъ въ такъ называемой „сводной кормчей“, которая исподоволь составлялась къ половинѣ XVI вѣка. Здѣсь послѣ сокращеннаго Фотіева Номоканона помѣщены правила св. апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, толкованія на нихъ, извлеченія изъ постановленій греческихъ императоровъ, толковаго евангелія и апостола, святоотеческихъ твореній, житій святыхъ и наконецъ нѣсколько статей русскаго происхожденія съ характеромъ каноническимъ или повѣствовательнымъ. Рядомъ съ кормчими у насъ употреблялись и другіе канонинескіе сборники съ болѣе частнымъ

содержаніемъ, заимствованные изъ Греціи; извлеченія изъ нихъ иногда вносились въ кормчія книги. Таковы: *покаянный номоканонъ патріарха Константинопольскаго (VI вѣка) Іоанна Постника*, содержащій въ себѣ правила для духовниковъ касательно исповѣди и епитимій [133]); подобный же *номоканонъ безъименнаго автора*, содержащій, кромѣ покаянныхъ, еще правила о правахъ и обязанностяхъ духовныхъ лицъ, о брачныхъ дѣлахъ и семейныхъ отношеніяхъ міряпъ [134]); *пандекты и тактиконъ Никона Черногорца*, гдѣ находится много свидѣтельствъ изъ апостольскихъ и соборныхъ правилъ, святоотеческихъ твореній, древнихъ уставовъ, житій святыхъ и другихъ книгъ относительно разнообразнѣйшихъ предметовъ церковнаго права и церковной жизни [135]). Подобные же сборники составлялись и на Руси; напр. сборники Кирилла Бѣлозерскаго „отъ правилъ св. апостолъ и св. Отецъ“ и „отъ Никонскихъ (Никона Черногорца) правилъ“ [136]); или юридическій сборникъ подъ именемъ „мѣрила праведнаго“, употреблявшійся вѣроятно въ нашихъ церковныхъ и гражданскихъ судахъ и содержавшій въ себѣ извлеченія изъ греческихъ гражданскихъ узаконеній рядомъ съ русскими [137]). Такимъ образомъ церковное законодательство у насъ все болѣе и болѣе развивалось Развитіе касалось не только формальной его стороны, но и его объема: кромѣ собиранія, приведенія въ порядокъ и толкованія древнихъ каноническихъ правилъ, у насъ въ практику входили и новыя. Одни изъ нихъ шли изъ Греціи, другія составлялись на Руси. Пока Русь стояла въ зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, постановленія тамошнихъ соборовъ и самихъ патріарховъ принимались въ Русской церкви, какъ обязательныя для нея; таковы напр. постановленія Цареградскаго собора 1301 г., граматы патріаршаго собора (домашняго) о раздѣленіи или возсоединеніи русской митрополіи, о возведеніи какой нибудь каѳедры (напр. Суздальской 1382 г.) на степень архіепископіи, — или напр. посланія патріарха какому нибудь епископу о подчиненіи его Московскому митрополиту (1370 г. грамата Алексію Новгородскому). Въ Россіи такое же значеніе для епархій имѣли правила и посланія митрополитовъ, такъ что даже вносились въ кормчія книги. Нѣкоторыя изъ такихъ посла-

ній предназначались для всей Русской церкви, другія же для отдѣльныхъ лицъ и мѣстъ; на ряду съ граматами касательно христіанской жизни и богослужебной практики, не мало встрѣчается такихъ, которыя опредѣляли границы епархій (напр. граматы митропол. Өеогноста и Алексія о Рязанской и Сарайской епархіяхъ), отношеніе свѣтской и церковной властей, церковный судъ, церковное управленіе и жизнь духовенства. Изъ нихъ напр. важны правила митрополитовъ Кирилла III[138]), Петра[139]), Кипріана[140]) и Фотія. Но гораздо больше помогли развитію нашего церковнаго законодательства соборы, по вызову нуждъ составлявшіе тѣ или другія постановленія. Въ этомъ отношеніи важны соборы Владимірскій (на Клязьмѣ) 1274 г., Московскій 1503 г., Виленскій 1509 г. и Стоглавый 1551 г. *Владимірскій соборъ* созванъ былъ митроп. Кирилломъ III для уничтоженія, замѣченныхъ имъ, безпорядковъ въ Русской церкви. Онъ выработалъ нѣсколько постановленій на счетъ Богослужебной практики, и вмѣстѣ — испытанія, поставленія и жизни священнослужителей [141]). На это же обратилъ серьезное вниманіе и *соборъ 1503 г.* подъ предсѣдательствомъ митроп. Симона; между его постановленіями особенно важны тѣ, которыя касаются ставленныхъ пошлинъ, вдовыхъ священнослужителей и монастырскихъ вотчинъ [142]). *Соборъ Виленскій* составился изъ пастырей, принадлежавшихъ къ югозападной митрополіи, подъ предсѣдательствомъ Кіевскаго митрополита Іосифа II Солтана: здѣсь было 7 епископовъ, 6 архимандритовъ, 7 игуменовъ, 7 протопоповъ и нѣсколько священниковъ. По указанію самого митрополита соборъ разсудилъ „о церковныхъ вещахъ и исправленіи дѣлъ духовныхъ“, и составилъ 15 правилъ, которыя удобно могутъ быть сведены къ 3 группамъ: а) одни касаются поставленія на священныя степени, б) другія — поведенія духовныхъ лицъ и отчасти мірянъ, в) третьи — отношенія свѣтскихъ лицъ къ церкви; послѣднее 15-е правило ограждаетъ авторитетъ всѣхъ составленныхъ правилъ [143]). *Стоглавый соборъ* состоялся въ Москвѣ въ присутствіи царя Ивана Васильевича Грознаго подъ предсѣдательствомъ митроп. Макарія изъ бывшихъ тогда іерарховъ сѣверовосточной митрополіи, многихъ архимандритовъ и игуменовъ. На обсуж-

деніе этого собора царь представилъ составленный раньше „судебникъ" и 37 письменныхъ вопросовъ касательно разныхъ сторонъ церковной жизни (гл. 5.); отцы собора составили по нимъ свои опредѣленія (г. 6—40.); снова представлены были еще 32 царскихъ вопроса и на нихъ даны отвѣты (гл. 41), составлены новыя постановленія или по вызову царскихъ вопросовъ или независимо отъ нихъ (гл. 42—97); все это было послано въ Сергіеву Лавру на разсмотрѣніе бывшихъ тамъ на покоѣ митр. Іосифа, ростовскаго архіепископа Алексія, Чудовскаго архимандрита Вассіана и другихъ; тѣ изъявили свое согласіе на „соборное уложеніе," сдѣлавъ замѣчанія относительно нѣкоторыхъ его постановленій (гл. 99); соборъ согласился со многими изъ этихъ замѣчаній и соотвѣтственно имъ измѣнилъ кое-что въ своемъ прежнемъ уложеніи (гл. 100). Таковъ ходъ соборныхъ дѣяній. Памятникомъ ихъ служитъ книга, извѣстная подъ именемъ „стоглава или стоглавника" и содержащая въ себѣ не только постановленія собора, но и его дѣянія. Она сохранилась во множествѣ списковъ, восходящихъ къ XVI вѣку и удобно сводимыхъ къ тремъ редакціямъ; по двумъ изъ нихъ стоглавъ дѣлится на 100 главъ, *) по третьей же—въ немъ нѣтъ такого дѣленія [144]). Какъ въ вопросахъ царя, такъ и въ постановленіяхъ собора, изложенныхъ здѣсь, затронуты были всѣ стороны церковной жизни: ученіе, училища, богослуженіе, управленіе и церковный судъ, поведеніе духовенства, бѣлаго и монашествующаго, жизнь мірянъ и отношеніе церковной власти къ гражданской; такимъ образомъ разсмотрѣно то, что было предметомъ обсужденія на прежнихъ соборахъ, и многое другое, чего они не касались. Поэтому стоглавъ въ царствованіе Іоанна IV сдѣлался почти такимъ же сводомъ узаконеній для церковной жизни, какимъ былъ для гражданской—его „судебникъ," и на практикѣ часто замѣнялъ собою кормчую книгу; только великій Московскій соборъ 1666—7 г. подорвалъ его авторитетъ.

Кромѣ постановленій церковной власти, у насъ были *узаконенія и гражданской власти*, которыя большею частію утверждали собою первыя или гарантировали наличное состояніе церковнаго управленія и суда, и иногда впрочемъ

*) Отсюда получилось названіе и книги, и собора.

и привносили нѣчто новое въ церковную жизнь. Таковы напр. ярлыки монгольскихъ хановъ, охранявшіе неприкосновенность вѣры, Богослуженія и законовъ русской церкви, освобождавшіе духовенство и церковныхъ людей отъ гражданскаго суда, ихъ имущество отъ податей въ пользу хановъ и т. п. [145]). Таковы многія граматы русскихъ князей; напр. грамата Литовскаго князя Александра 1499 г. о неприкосновенности святительскаго суда и церковнаго имущества [146]), подобная же грамота Польскаго короля Сигизмунда I (1511 г. [147]), данная по просьбѣ Кіевскаго митроп. Іосифа II для огражденія церковнаго управленія и суда отъ притязаній свѣтскихъ властей; таковы жалованныя и тарханныя граматы удѣльныхъ и великихъ князей, предоставлявшія духовнымъ лицамъ разныя судебныя и хозяйственныя права на тѣ или другія земли к проживавшихъ тамъ людей; несудимыя граматы, даваемыя церквамъ и монастырямъ съ цѣлію освобожденія ихъ отъ подсудности духовнымъ или свѣтскимъ лицамъ [148]); указы, скрѣплявшіе соборныя правила, напр. нѣсколько указовъ (дек. 1551 г., Апр. 1552 г. 1572 г.) Іоанна IV, повторявшихъ собою нѣкоторыя постановленія стоглаваго собора [149]), наконецъ и гражданскіе кодексы—судебники Іоанна IV для сѣверной митрополіи и Литовскій статутъ Сигизмунда I (1529 г.) для югозападной, кромѣ того, что охраняли церковный судъ отъ вмѣшательства свѣтскихъ властей, служили постояннымъ руководствомъ въ церковныхъ судахъ при обсужденіи дѣлъ гражданскаго характера и наложеніи наказаній [150]).

§ 13. На основаніи всѣхъ этихъ законовъ и постановленій у насъ съ достаточною ясностью и подробностью опредѣлилось *церковное управленіе*. Во главѣ его стоитъ митрополитъ—въ митрополіи, и епископъ — въ епархіи. Послѣдній сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ властъ административную, судебную и экономическую, простирая ее на всѣхъ живущихъ въ епархіи, не только духовныхъ, но и мірянъ и земли, приписанныя къ его каѳедрѣ. Это прямо указывалось и въ „настольной“ грамотѣ, которую онъ получалъ отъ митрополита и которой долженъ былъ руководиться въ управленіи паствою. „По преданію св. апостолъ и св. отецъ уставу, еже то уставили предѣлы церквамъ, еписко-

піамъ, да еже что потягло къ которой епископіи, монастыреве, и игумени, и черньци, попы и діакони, и всякъ церковный человѣкъ, то все подъ областью и въ послушаніи святителю...; також и села и земли и воды, со всѣми пошлинами, что потягло въ домъ св. Софіи изъ старины..., и ни кто же да не смѣетъ въ та дѣла вступатись"—говоритъ напр. одна изъ такихъ граматъ Новгородскому архіепископу" [131]). Въ сущности права епископа остались тѣ же, какими были въ предшествующій періодъ, и подверглись измѣніямъ лишь въ частностяхъ.

а) *Административная* власть епископа по прежнему выражалась въ поставленіи клириковъ, въ контролѣ надъ ними, въ созывѣ духовенства на съѣзды, въ освященіи церквей и въ разрѣшеніи на постройку монастырей, въ выборѣ себѣ помощниковъ по управленію и въ высшемъ надзорѣ за епархіей.

б) *Судебная* власть его была, какъ прежде, очень велика. Церковные уставы Владиміра и Ярослава, опредѣлившіе прежде церковную юрисдикцію, сохраняли свою силу и въ данное время до самого конца періода, какъ въ сѣверной, такъ и въ южной митрополіяхъ [132]). Поэтому и теперь, какъ прежде, епископу были подсудны всѣ духовныя лица и церковные люди вмѣстѣ съ его дворовыми людьми и крестьянами какъ по духовнымъ, такъ и гражданскимъ дѣламъ, наконецъ всѣ міряне по духовнымъ и нѣкоторымъ гражданскимъ дѣламъ. Всѣ эти дѣла и церковные люди указаны были еще прежними церковными уставами, а въ законодательствѣ даннаго періода повторяются лишь какъ извѣстные. Разница только въ томъ, что теперь начинаетъ ограничиваться объемъ уголовныхъ дѣлъ, подсудныхъ архіерею. Правда, въ ханскихъ ярлыкахъ и въ нѣкоторыхъ княжескихъ граматахъ, по прежнему, духовенство и церковные люди отдаются суду епископа по всѣмъ дѣламъ, не исключая разбоя, душегубства и воровства [133]); но въ XV—XVI вѣкахъ гораздо больше встрѣчается такихъ княжескихъ граматъ, по которымъ или одно душегубство, или душегубство и разбой съ поличнымъ, или даже душегубство, разбой и татьба отдаются въ вѣдѣніе гражданскихъ судовъ [134]). Наконецъ церковная власть на Стоглавомъ соборѣ сдѣлала такое же исключеніе [135]).

Соотвѣтственно различному характеру дѣлъ и лицъ, подсудныхъ церковной власти, епархіальный судъ къ половинѣ XVI вѣка въ обѣихъ митрополіяхъ подраздѣлился на 1) судъ по дѣламъ духовнымъ; 2) судъ по дѣламъ недуховнымъ и наконецъ 3) смѣстный или общій. Вѣдомству перваго, по постановленіямъ Стоглаваго собора, принадлежали всѣ міряне по дѣламъ духовныхъ, т. е. преступленіямъ противъ вѣры и церкви, все бѣлое и монашествующее духовенство, какъ по тѣмъ же дѣламъ, такъ и по преступленіямъ противъ обязанностей своего званія, наконецъ настоятели и настоятельницы монастырей по всѣмъ духовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Власть втораго не простиралась дальше гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ; именно здѣсь должно было судиться все бѣлое духовенство и міряне— первое по всѣмъ не духовнымъ дѣламъ, вторые—по гражданскимъ дѣламъ, отданнымъ въ подсудность церковной власти. Тоже было и съ чернымъ духовенствомъ до 1551 г.; исключеніе представляли лишь тѣ монастыри, которые получили жалованныя или несудимыя грамоты отъ князя или епископа, освобождавшія всѣхъ лицъ, проживавшихъ здѣсь, отъ подсудности то архіерейскимъ чиновникамъ, то самому архіерею, и отдававшія ихъ въ подсудность или настоятелю, или самому князю. Стоглавый соборъ, запретивъ князьямъ выдавать такія граматы, однако выдѣлилъ настоятелей и настоятельницъ въ вѣдѣніе исключительно духовныхъ судовъ, а иноковъ и инокинь—въ вѣдѣніе мѣстныхъ монастырскихъ властей [156]). Соотвѣтственно различному характеру дѣлъ въ обоихъ судахъ, судьями были тамъ и здѣсь различныя лица. Именно въ первомъ были лишь духовные судьи—самъ владыка и его помощники,—архимандриты, игумены, протоіереи, поповскіе старосты и десятскіе священники соборно; если же присутствовали здѣсь свѣтскія лица, то въ качествѣ лишь писцовъ. Въ судѣ по недуховнымъ дѣламъ судили свѣтскіе архіерейскіе чиновники—дворецкій, намѣстники и десятники—и только въ качествѣ депутатовъ сидѣли здѣсь еще отъ духовенства—поповскіе старосты и десятскіе священники, по 2 или 3 на каждую недѣлю, и отъ свѣтской власти— градскіе старосты, цѣловальники и земскій дьякъ (писецъ), назначаемые правительствомъ. И тѣ и другіе смотрѣли,

чтобы судьи „во всякихъ дѣлахъ чинили управу по суду и по обыску въ Божію правду, безпосульно", и въ случаѣ несправедливости судей доносили церковной или свѣтской власти. Разбирательство дѣлъ того и другаго круга (духовныхъ и не духовныхъ) производилось и при каѳедрѣ епископа и въ епархіальныхъ округахъ (десятинахъ). Высшее и окончательное рѣшеніе судебныхъ дѣлъ принадлежало самому владыкѣ; для этого окружные суды и каѳедральные, въ случаѣ предсѣдательствованія на послѣднихъ намѣстника, дворецкаго или другаго какого нибудь архіерейскаго чиновника должны были вести точные судные списки и отписывать архіерею о дѣлопроизводствѣ, даже посылать ему на разсмотрѣніе самые списки совсвоими печатями[157]). Смѣстный или общій судъ, какъ и прежде, производился въ тѣхъ случаяхъ, когда искали другъ на друга лица разныхъ вѣдомствъ—духовнаго и мірскаго. Судъ составлялся тогда изъ судей мірскихъ и святительскихъ и главнымъ судьею былъ тотъ, къ вѣдомству котораго принадлежалъ отвѣтчикъ[158]). Если же приходилось быть такимъ отвѣтчикомъ игумену или инокамъ монастыря, имѣющаго несудимую грамату, то въ силу этой самой граматы, освобождающей его отъ архіерейскаго суда, онъ судился или самимъ княземъ, или уполномоченнымъ отъ него бояриномъ[159]), а со 2-й половины XVI вѣка—въ приказѣ Большаго Дворца[160]). Исключеніе изъ смѣстнаго суда представляли тѣ еще случаи, когда церковные владѣльцы имѣли тяжбу съ посторонними лицами о недвижимыхъ имуществахъ, такая тяжба разбиралась лишь самимъ государемъ съ его боярами[161]). Наконецъ къ князю за окончательнымъ рѣшеніемъ обращались и тогда, когда въ смѣстномъ судѣ представители того или другаго вѣдомства не приходили къ согласію по вопросамъ о тяжбѣ церковныхъ крестьянъ съ посторонними лицами[162]).

в) *Экономическая* власть епископа была очень обширна; она простиралась на имущества не только архіерейскаго дома, но и всѣхъ церквей и монастырей въ епархіи. Обыкновенно у церквей, монастырей и епископскихъ каѳедръ бывали свои вотчины, надъ которыми церковный владѣлецъ имѣлъ опредѣленныя судебныя и хозяйственныя права; эти права часто обозначались въ жалованныхъ и тарханныхъ

граматахъ, выдаваемыхъ на эти вотчины князьями и епископами; здѣсь же указывались и льготы, какими пользовались крестьяне этихъ вотчинъ предъ крестьянами частныхъ вотчинъ. Эти льготы состояли въ томъ, что крестьяне освобождались отъ всѣхъ или только части княжескихъ оброковъ и повинностей, то навсегда, то безсрочно, то на опредѣленный срокъ, равнымъ образомъ — и отъ власти княжескихъ чиновниковъ; хозяйственныя же права церковныхъ владѣльцевъ состояли въ томъ, что они вполнѣ самостоятельно могли распоряжаться своими вотчинами и проживавшими тамъ лицами. Каноны церковные и соборное постановленіе 1500 г. ограничиваютъ эту самостоятельность лишь тѣмъ, что запрещаютъ продавать и отдавать кому-либо въ вѣчное владѣніе церковныя земли. Въ частности церковные владѣльцы могли отдавать земли въ аренду, мѣнять ихъ и покупать новыя, приглашать на нихъ поселенцевъ и заключать съ ними условія, собирать съ земель доходы и съ крестьянъ оброки, наконецъ, назначать отъ себя управителей и инструкціями или наказами передавать имъ свои судебныя экономическія права надъ земельными участками, оставляя себѣ высшій надзоръ за вотчинымъ хозяйствомъ. Въ такихъ наказахъ обыкновенно говорилось, что прикащикъ или управитель подвѣдомой ему вотчины долженъ заботиться объ улучшеніи здѣсь хозяйства, заключать контракты съ крестьянами, собирать съ нихъ оброки, хранить запасы, расходовать ихъ, наблюдать за точнымъ выполненіемъ крестьянами контракта, даже за ихъ внутреннею жизнью,— разрѣшать имъ браки и пріемъ прохожихъ лицъ, не дозволять жительства между ними волхвамъ, бабамъ-ворожеямъ, скоморохамъ, ворамъ и разбойникамъ, и во всемъ этомъ отдавать отчетъ церковному владѣльцу. Тѣже права, какія имѣлъ всякій церковный владѣлецъ, принадлежали епархіальному архіерею въ его домовыхъ вотчинахъ; какъ сравнительно богатый владѣлецъ, онъ имѣлъ возможность давать или своимъ служилымъ людямъ, или монастырямъ и церквамъ жалованныя граматы на земельные участки и угодья, принадлежащіе его каѳедрѣ. Но кромѣ того онъ имѣлъ нѣкоторыя другія права, какихъ не имѣли другіе церковные владѣльцы. Именно онъ собиралъ съ духовныхъ и мірянъ ему принадле-

жащія пошлины и наблюдалъ за хозяйствомъ всѣхъ церквей и монастырей въ епархіи, повѣряя монастырскую казну при замѣнѣ одного настоятеля другимъ и заботясь, чтобы имущество церквей и монастырей употреблялось должнымъ образомъ съ пользою и выгодою для нихъ *), а такъ называемые „домовые“ архіерейскіе монастыри, имѣвшіе свое недвижимое имущество, но приписанные къ архіерейскому дому, стояли въ еще большей зависимости отъ мѣстнаго епископа; именно безъ его разрѣшенія не имѣли права мѣнять и отдавать свои земли въ аренду, у него брали уставныя граматы, опредѣлявшія отношеніе монастыря къ крестьянамъ, платили ему оброкъ и чрезъ него просили у князя о льготахъ себѣ [164]).

Таковы были права епископовъ въ предѣлахъ его епархіи по канонамъ восточной церкви и постановленіямъ нашей русской церковной и гражданской властей. Но на практикѣ *пользованіе этими правами* было ограничиваемо со стороны митрополитовъ, князей, мѣстныхъ чиновниковъ, народа и самихъ епископовъ. Митрополиты въ чужихъ епархіяхъ имѣли свои извѣстные монастыри, совершали мѣсячный судъ, иногда (какъ во Псковѣ) поставляли клириковъ, стѣсняли епископскаго намѣстника и т. п. Князья своими несудимыми граматами, а польскіе короли своими „подаваньями“ освобождали множество монастырей и церквей отъ вѣдѣнія епархіальной власти **), вмѣшивались въ поставленіе епископовъ, даже произвольно назначали ихъ, сгоняли съ каѳедръ или жалобами предъ митрополитомъ добивались ихъ низложенія. Областные гражданскіе чиновники нерѣдко нарушали неприкосновенность церковнаго суда, управленія и церковныхъ имуществъ; даже „судили и казнили въ церковныхъ вещехъ“ поповъ. Какъ ни грозили проклятіемъ въ своихъ ставленныхъ, жалованныхъ и соборныхъ граматахъ епископы и митрополиты [167]), какъ ни оговаривали въ своихъ

---

*) До Стоглаваго собора, которымъ передавался этотъ контроль дворецкому и дьякамъ великаго князя [163]).

**) На югѣ Россіи въ половинѣ XVI вѣка около половины наличныхъ монастырей было изъято изъ-подъ власти епархіальныхъ епископовъ [165]). Несудимыя граматы выдавались на сѣверѣ Россіи и послѣ Стоглаваго собора, ихъ запретившаго [166]).

граматахъ неприкосновенность епископскихъ правъ русскіе князья и польскіе короли (Александръ, Сигизмундъ I, Стефанъ Баторій и Сигизмундъ II),—все было напрасно; злоупотребленія продолжались и особенно въ южной митрополіи. При развившемся тамъ правѣ патронатства міряне вмѣшивались во всѣ стороны церковной жизни, напр. въ поставленіе митрополичьяго справцы и клириковъ для церквей, иногда даже запирали соборный храмъ отъ самаго епископа; такъ напр. поступилъ Луцкій староста съ епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ (въ XVI вѣка). Народъ иногда поднималъ руку на своего епископа и изгонялъ его изъ города; напр. муромцы, по напрасному подозрѣнію, выгнали отъ себя св. Василія, удалившагося тогда въ г. Рязань († 1294 или 5 году), Ростовцы, по такому же мотиву, прогнали св. Іакова († 1392 г. [168]). Новгородское вѣче до 1483 или 4 года само избирало себѣ архіепископа при помощи жребія, какъ это было прежде въ XII вѣкѣ; даже самый способъ избранія до XIV вѣка былъ тотъ же, но съ XIV вѣка нѣсколько измѣнился; именно онъ производился съ этого времени такъ: выбирались 3 кандидата, жребіи ихъ клались на престолъ въ Софійскомъ соборѣ, послѣдовательно вынимались протопопомъ и выносились народу, послѣдній оставшійся жребій указывалъ будущаго епископа [169]). Понятно, что, имѣя право выбора, новгородцы тѣмъ самымъ нѣсколько связывали своего архіепископа и въ послѣдующей его дѣятельности; въ 1424 г. было даже такъ, что они прогнали отъ себя избраннаго два года назадъ Ѳеодосія безъ всякой вины съ его стороны, единственно будто бы за то, что онъ былъ „шестникъ", т. е. пришлецъ, не природный новгородецъ [170]). Больше всего производило безпорядки псковское вѣче по своему враждебному отношенію къ новгородскому вѣчу и чрезъ это къ владыкѣ. Оно постоянно вступало въ пререканія съ владыкою то изъ-за мѣсячныхъ судовъ, то изъ-за его намѣстника; обходя своего владыку, сносилось съ московскимъ митрополитомъ, само судило и наказывало священниковъ, иногда отлучало отъ службы удовыхъ поповъ и дьяконовъ (1468 г.), вмѣшивалось въ управленіе церковнымъ имуществомъ и стѣснило владыку въ поставленіи намѣстника для Пскова, обязавши выбирать

его изъ природныхъ псковичей. Не разъ оно просило себѣ особаго епископа (при Θеогностѣ 1331 г. и Θеодосіѣ 1463 г.) и, получивъ отказъ, въ 1468 году порѣшило управляться въ церковныхъ дѣлахъ безъ владыки своими выборными священниками, и Новгородскому владыкѣ, когда тотъ уговаривалъ бросить затѣю, отвѣтило, что это необходимо, такъ какъ у него и безъ Пскова очень много дѣлъ, съ которыми онъ едва можетъ справляться; рѣшеніе это было отмѣнено только въ 1470 году по требованію Московскаго государя и митрополита [171]). Впрочемъ народное давленіе на епископовъ въ сѣверовосточной митрополіи держалось только благодаря прежнему удѣльно вѣчевому строю и сильнѣе — тамъ, гдѣ больше и упорнѣе отстаивался онъ; съ паденіемъ же его прекратились и злоупотребленія. Но на югѣ Россіи народъ и особенно болѣе вліятельные міряне, до самаго конца настоящаго періода не упускали изъ своихъ рукъ вліянія на епархіальное управленіе и въ частности на положеніе епископа. Наконецъ сама церковная власть или частными грамотами, или соборными постановленіями вносила ограниченіе въ кругъ непосредственно ей подлежащихъ правъ; напр. епископъ и митрополитъ выдавали часто жалованныя грамоты, освобождавшія тѣ или другіе монастыри отъ подсудности ему или его чиновникамъ, передавая въ этомъ случаѣ свою власть настоятелямъ; на Стоглавомъ же соборѣ церковная власть сама отказалась въ пользу свѣтской отъ повѣрки монастырскихъ кассъ.

§ 14. Такъ какъ кругъ архіерейскихъ правъ и обязанностей былъ очень широкъ, а потому дѣлъ и лицъ подлежавшихъ его вѣдѣнію было очень много, то понадобилось много лицъ и рукъ, чтобы удобнѣе совершалось епархіальное управленіе. Поэтому епископъ имѣетъ у себя разныхъ *помощниковъ*; одни изъ нихъ остались отъ прежняго времени, другіе—явились вновь; одни — лица духовныя, другія — свѣтскія. Для постоянныхъ совѣщаній по епархіальнымъ дѣламъ у епископа по прежнему находятся *клирошане*; въ данный періодъ это—не члены только каѳедральнаго духовенства, но и архимандриты, и игумены, и даже иногда приходскіе священники [172]). Архимандриты, игумены и протоіереи участвуютъ въ духовныхъ судахъ, контролируютъ по порученію

епископа епархіальное духовенство и архіерейскихъ помощниковъ въ назначенныхъ округахъ [173]); наконецъ архимандриты и игумены вѣдаютъ свое монастырское и вотчинное хозяйство, судятъ живущихъ тамъ крестьянъ, и, по постановленіямъ Стоглаваго собора,—всѣхъ иноковъ своего монастыря [174]). *Намѣстники*, появившіеся еще въ прежній періодъ, также существуютъ и теперь, ихъ можно встрѣтить, не только въ большихъ епархіяхъ и у престарѣлыхъ епископовъ, но и у многихъ другихъ; въ XVI вѣкѣ ихъ бывало по нѣскольку въ каждой епархіи; намѣстники иногда сидѣли даже въ незначительныхъ городахъ; напр. митрополитъ Московскій, пока Кіевъ не отошелъ отъ него, кромѣ намѣстниковъ въ Москвѣ, Владимірѣ и Кіевѣ, имѣлъ еще и въ Кричевѣ, городкѣ Бѣлорусскомъ; а Новгородскій архіепископъ, кромѣ Новгорода и Пскова, имѣлъ намѣстника въ Волоколамскѣ [175]). Намѣстники были или духовными, по преимуществу монашествующими, лицами, или же свѣтскими; иногда намѣстниками у митрополита бывали лица въ епископскомъ санѣ. Права намѣстниковъ были очень широки, и притомъ духовныхъ—шире,—чѣмъ свѣтскихъ. Первые какъ бы представительствовали собою во ввѣренныхъ имъ округахъ самихъ архіереевъ и обязаны были „дѣла духовныя управляти, церкви святыми антиминсы новопоставленныя освящати, а ветхія подтверждати, села церковныя и митрополичьи (или епископскія) строити“ (въ порядкѣ держать). Вторые смотрѣли за духовенствомъ, церквами ми и вотчинами архіерея, собирая съ нихъ доходы въ его и свою пользу. Намѣстники имѣли у себя также, какъ и владыки, помощниковъ. Въ сѣверной митрополіи намѣстники обыкновенно назначались самимъ епископомъ: впрочемъ въ началѣ періода бывали случаи назначенія митрополичьяго намѣстника Константинопольскимъ патріархомъ [176]), а въ южной митрополіи очень часто (въ XVI вѣкѣ) избирали намѣстниковъ или городскіе старосты по волѣ короля [177]), или же вообще міряне и духовенство подлежащаго округа [178]); когда же Львовскій католическій арцибискупъ, въ силу королевскаго приказа, ставилъ самъ по нѣскольку намѣстниковъ Кіевскому митрополиту; иногда это дѣлалъ король [179]), и только изрѣдка самъ митрополитъ по своему

желанію назначалъ „справцу“, наконецъ на Львовскомъ соборѣ подъ предсѣдательствомъ митрополичьяго викарія, а впослѣдствіи Кіевскаго митрополита Макарія (II) въ 1539 году было постановлено избирать его соборно клирошанамъ и утверждать—епископу [180]). Остались также отъ прежняго времени *десятники*,—свѣтскіе чиновники, имѣвшіе въ своемъ вѣдѣніи опредѣленные округа—десятины; въ нихъ они производили судъ по недуховнымъ дѣламъ, смотрѣли за духовенствомъ, собирали пошлины на епископа и на себя; ихъ юрисдикцію ограничилъ Стоглавый соборъ, введя въ ихъ недуховные суды депутатовъ отъ духовенства и князя, и учредивши новыя должности для надзора за духовенствомъ. Это были должности поповскихъ старостъ и десятскихъ священниковъ. Такіе духовные надзиратели за духовенствомъ стали появляться еще съ начала даннаго періода съ именемъ поповскихъ или соборскихъ старостъ, но къ половинѣ XVI вѣка еще не вездѣ существовали. Вопросъ о нихъ подробно былъ обсужденъ на Стоглавомъ соборѣ по предложенію царя, и было поставлено учредить цѣлый рядъ духовныхъ властей для надзора за духовенствомъ. Съ этого времени появляются всюду въ городахъ *протопопы*,—кажется, по одному на городъ—и *поповскіе старосты*—по нѣскольку на городъ. Они избираются городскимъ духовенствомъ и утверждаются архіереемъ, получая отъ него наказъ. Для надзора за сельскимъ духовенствомъ сами эти старосты выбираютъ *десятскихъ священниковъ*, контролируя ихъ. Обязанности всѣхъ этихъ лицъ состояли въ слѣдующемъ: „каждому въ своемъ предѣлѣ накрѣпко вѣдать и назирать священниковъ и діаконовъ, чтобы они совершали всѣ службы сполна по уставу, чинно и немятежно, сами жили по священству въ чистотѣ и въ прочихъ добродѣтеляхъ, и воздерживались отъ пьянства, да и дѣтей своихъ духовныхъ всѣхъ учили страху Божію и благочестію. А если нѣкоторые священники и діаконы начнутъ жить въ слабости, или нерадѣть о церкви Божіей и о своихъ дѣтяхъ духовныхъ, то старостамъ и десятскимъ накрѣпко уговаривать такихъ священниковъ и діаконовъ, чтобы они покаялись и исправились...; если же не послушаютъ и не исправятся, то писать объ нихъ святителямъ...; у всѣхъ поповъ и діако-

повъ дозирать ставленныхъ, благословенныхъ и отпускныхъ граматъ, и у кого не будетъ этихъ граматъ, такимъ священникамъ и діаконамъ не дозволять служить, а посылать ихъ за поруками къ святителямъ для полученія граматъ..," Они же съ помощниками, святительскую дань и десятильничи пошлины собираютъ вмѣсто десятинниковъ. Если старосты и десятскіе священники не выполняли, какъ должно, своихъ обязанностей, то подвергались наказаніямъ. Надзоръ за ними поручался или соборнымъ священникамъ и протопопу, или же мѣстнымъ архимандритамъ и игуменамъ [181]). Въ качествѣ помощниковъ у всѣхъ указанныхъ лицъ являются *тіуны,* смотрящіе за ставленными, благословенными и другими граматами у приходящихъ въ города духовныхъ лицъ, и выдающіе имъ „знамена",—свидѣтельства на право службы въ городѣ; *заѣщики,* объѣзжавшіе церкви и монастыри для сбора архіерейскихъ пошлинъ; *приставы, недѣльщики и доводчики,* бывшіе разсыльными, и *дьяки* — занимавшіеся письмоводствомъ. По управленію архіерейскимъ имуществомъ у архіерея былъ также цѣлый классъ помощниковъ: именно *казначей,* вѣдавшій денежные архіерейскіе доходы и лицъ, собиравшихъ архіерейскія пошлины; *дворецкій* — духовный или чаще свѣтскій, — завѣдывавшій имуществомъ и прислугою архіерейскаго дома, также всѣми архіерейскими вотчинами и служившими тамъ лицами, иногда же по порученію епископа производившій судъ по недуховнымъ дѣламъ; въ волостяхъ за архіерейскими вотчинами смотрѣли *волостели,* имѣвшіе помощниковъ въ *прикащикахъ* и *посельскихъ,* а также низшихъ полицейскихъ служакъ — *тіуновъ, доводчиковъ, недѣльщиковъ, приставовъ,* выполнявшихъ временныя порученія. Волостели, прикащики и иногда посельскіе въ своихъ округахъ имѣли, согласно архіерейскимъ наказамъ, судебную, экономическую и администативную власть надъ лицами, проживавшими въ архіерейскихъ вотчинахъ. Наконецъ у архіерея было много своихъ *бояръ и дѣтей боярскихъ,* которымъ онъ давалъ нерѣдко временныя, очень важныя, порученія касательно церковниго суда и надзора за ввѣренными ему лицами. До Стоглаваго собора всѣ архіерейскіе чиновники назначались и смѣщались единолично архіереемъ; но Стоглавый соборъ распорядился, чтобы въ

данномъ случаѣ испрашивалось согласіе царя; исключеніе допускалось лишь тогда, когда чиновники возьмутъ „лишнее и посулъ", епископъ тогда безъ вѣдома царя могъ смѣнять ихъ [182]).

Такимъ образомъ можно видѣть, что количество свѣтскихъ чиновниковъ у епархіальныхъ владыкъ за данный періодъ значительно увеличилось; почти всѣ они получили имена и обязанности приблизительно тѣ же, какіе имѣли княжескіе чиновники этого времени. Такъ какъ тогда не раздѣлялись строго административная, судебная и экономическая стороны въ управленіи, то почти всѣ они сосредоточили въ своихъ рукахъ различныя права и обязанности. Кругъ ихъ правъ былъ иногда очень великъ, такъ что они вмѣшивались въ суды по духовнымъ дѣламъ и управляли низшимъ духовенсвомъ. Особенно сильно это чувствовалось до Стоглаваго собора. Не даромъ въ 1503 году ростовскій священникъ Георгій Скрипица обратился на соборѣ къ епископамъ съ такими словами: „священноначальницы!.. Вы надзираете церковь по царскому чину земнаго царя—боярами, дворецкими, недѣльщиками, доводчиками... Вамъ достоитъ пасти церковь Христову священниками благоразумными, а не мірскимъ воинствомъ" [183]). Стоглавый соборъ своими постановленіями постарался уменьшить существовавшее зло; поэтому то увеличилъ количество духовныхъ помощниковъ по епархіальному управленію, введя сюда архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ, поповскихъ старостъ и десятскихъ священниковъ, а значеніе свѣтскихъ епархіальныхъ чиновниковъ ограничилъ.

§ 15. При широтѣ своихъ правъ и обязанностей епископы могли вліять на разныя стороны въ жизни своихъ пасомыхъ, быть отцами для паствы и попечительными главами для своей епархіи. Нужды церкви и государства дѣйствительно вызывали многихъ изъ нихъ на энергичную дѣятельность. Не мало достойныхъ іерарховъ встрѣчаемъ мы въ данный періодъ. *Св. Стефанъ, Питиримъ и Іона* памятны, какъ просвѣтители Пермской области и заступники за притѣсняемыхъ ея жителей; *св. Гурій, Варсанофій и Германъ*,—какъ крестители Казанскаго царства; *Серапіонъ еп. Владимірскій* (1274—1275) извѣстенъ, какъ проповѣдникъ. *Діонисій епископъ*

Суздальскій (1364—1384) до занятія епископской каөедры подвизался въ пещерѣ недалеко отъ нижняго Новгорода, сдѣлался архимандритомъ основаннаго имъ Нижегородскаго печерскаго во имя Воздвиженія монастыря, на епископской каөедрѣ смѣло вооружался противъ поставленія въ русскаго митрополита Митяя, ѣздилъ въ Псковъ для борьбы съ распространившеюся тамъ ересью стригольниковъ и въ 1384 г. былъ избранъ въ митрополита для Россіи; лично узнавшій его, константинопольскій патріархъ такъ отзывался объ немъ: „мы нашли его достойнымъ всякой похвалы, видѣли пощеніе и слезы его, молитву и милостыню,—все, чѣмъ обозначается Божій человѣкъ... онъ показалъ ревность къ вѣрѣ и глубокое разумѣніе священныхъ правилъ"... онъ мужъ честный, благочестивый, добродѣтельный, извѣстный хранитель священныхъ каноновъ [184]). *Св. Игнатію*, епископу Ростовскому (1262—1288), Ростовская область обязана была водвореніемъ тамъ внутренняго спокойствія. *Симеонъ Тверской* (1243—1280), по свидѣтельству лѣтописи, былъ учителемъ, хорошо зналъ св. книги, благотворилъ нищимъ и сиротамъ, безъ боязни говорилъ правду князьямъ и вельможамъ [185]). Изъ Новогородскихъ епископовъ болѣе извѣстны: *Моисей* (1325—1330: 1352—1359), жизнь котораго такъ описываетъ древній лѣтописецъ: „онъ пасъ церковь свою, какъ пастырь добрый, защищалъ обиженныхъ, берегъ бѣдныхъ и вдовъ; собравъ множество писцовъ, на свой счетъ написалъ множество книгъ," въ которыхъ тогда нуждались церкви, „многихъ утвердилъ онъ въ благочестіи своими наставленіями;" кромѣ того онъ извѣстенъ постройками монастырей и церквей и своимъ подвижничествомъ. Отказавшись въ 1330 г. отъ каөедры, въ продолженіи 20 лѣтъ, пока его снова не упросили ее занять, онъ предавался уединеннымъ подвигамъ; тоже повторилось и въ 1359 г., когда онъ окончательно оставилъ паству: въ Сковородской обители два года онъ подвизался въ постѣ и молитвѣ; келейная мантія и вериги его, хранящіеся въ Софійской ризницѣ, служатъ памятниками его подвижнической жизни [186]). *Св. Василій* (1331—1352), занявшій Новгородскую каөедру послѣ оставленія ея Моисеемъ, ревновалъ объ украшеніи и сооруженіи храмовъ, даже самъ писалъ для нихъ иконы, прини-

малъ участіе въ городскихъ постройкахъ, напр.—стѣны вокругъ города и Волховскаго моста, смѣло усмирялъ поднимавшійся въ городѣ мятежъ, старался противодѣйствовать латинскому вліянію, шедшему изъ Швеціи, наконецъ свою любовь къ паствѣ проявилъ во Псковѣ, когда съѣздилъ туда для подъема упавшаго въ народѣ духа во время свирѣпствовавшей моровой язвы, и безбоязненно совершалъ тамъ крестный ходъ и богослуженіе [187]). Къ сожалѣнію этотъ архипастырь мало углублялся въ предметы вѣры. Св. *Евфимій* II (1429—1458 г.) своею дѣятельностію напоминаетъ Моисея Новогородскаго. Съ 15 лѣтъ подвизавшійся въ пустынномъ монастырѣ, онъ привлекъ къ себѣ вниманіе архіепископа Новгородскаго, блаженнаго Симеона, и сдѣланъ былъ казначеемъ при его каѳедрѣ; послѣ смерти этого епископа онъ удалился въ Хутынскій монастырь, перешелъ затѣмъ въ качествѣ игумена на Лисичью гору и оттуда взятъ на Новгородскую каѳедру. Многіе храмы были или воздвигнуты, или украшены имъ; на архіепископскомъ дворѣ выстроены были каменныя палаты, удивлявшія собою современниковъ; много книгъ было переписано на его счетъ и по его распоряженію, много труда было предпринято имъ и много скорбей испытано по поводу неправильнаго суда и поборовъ въ Новгородской области. Но заботясь о паствѣ, преп. Евфимій не оставлялъ и подвижничества: чего днемъ не успѣвалъ онъ сдѣлать по требованію иноческихъ правилъ, то довершалъ ночью; за часъ до утрени вставалъ онъ на келейную молитву и потомъ слушалъ церковную службу; „часто всю ночь проводилъ онъ безъ сна; укрощая плоть, носилъ на себѣ вериги, но о ихъ никто не зналъ до самой его кончины“; на первую недѣлю великаго поста онъ удалялся въ Вяжицкую обитель и тамъ безъ пищи подвизался въ безмолвной молитвѣ [188]). *Геннадій* 1484—1505) является однимъ изъ просвѣщенныхъ пастырёе своего времени; извѣстны его старанія о подъемѣ духовнаго образованія среди духовенства, о подавленіи ереси жидовствующихъ и собираніи книгъ Св. Писанія въ полную Библію. Очень многіе изъ епископовъ даннаго періода чествуются какъ мѣстные святые за свои личныя достоинства и за свою дѣятельность на пользу паствы. Но, конечно, могли быть рядомъ съ ними и недостойные пастыри; особенно много

такихъ было въ южной митрополіи въ XV — XVI вѣкахъ, благодаря вліянію мірянъ въ замѣщеніи каѳедръ. „Одни изъ епископовъ здѣсь получали каѳедры за услуги ихъ сыновей королю и въ уплату королевскаго долга, другіе выпросили, или, вѣрнѣе, купили себѣ каѳедры разными приношеніями то самому королю, то окружающимъ его лицамъ и купили въ то время, когда каѳедры были еще заняты наличными епископами“; иногда силою приходилось имъ занимать каѳедру (напр. Ѳеодосію Холмскому—Владиміроволынскую) [189]. Благодаря этому на каѳедрѣ появляются лица, несогласующія свою жизнь и дѣятельность съ церковными канонами: одни изъ епископовъ двоеженцы (Кириллъ Терлецкій, Луцкій епископъ, и митроп. Онисифоръ Дѣвочка), другіе (Діонисій Збпруйскій, Холмскій списокъ, Леонтій Пельчинскій, Пинскій епископъ и др.) „на епископскомъ сѣдалищѣ живутъ, безъ всякаго стыда, съ женами и рождаютъ дѣтей“ [190]; почти всѣ они отличаются ревностію объ умноженіи своихъ имѣній, объ огражденіи ихъ королевскими граматами, и полученіи гражданскихъ правъ наравнѣ съ католическими бискупами, нисколько не заботясь о паствѣ, иные даже грабятъ и опустошаютъ имѣнія подвѣдомственныхъ имъ монастырей, многіе живутъ, какъ паны, въ замкахъ, окруженные вооруженными слугами, наѣзжаютъ на чужія земли, производятъ буйство и даже драки между собою: напр. на Кирилла Терлецкаго, епископа Луцкаго, сосѣди постоянно жаловались, обвиняя его въ опустошительныхъ наѣздахъ на ихъ земли и даже въ убійствахъ; такимъ же является Ѳеодосій Лозовскій, Владиміроволынскій епископъ. Не даромъ паства называла иногда своихъ пастырей не святителями, а „сквернителями“ [191]).

§ 16. Къ *церковному причту* причислялись въ настоящій періодъ тѣ же лица, какія были и прежде: священникъ, діаконъ, дьячекъ, пономарь и просвирня; при каѳедральныхъ соборахъ видимъ еще протопоповъ. Въ самомъ началѣ періода въ низшемъ духовенствѣ, благодаря татарскому разгрому, чувствовалась большая надобность, и митрополитъ Кириллъ III принужденъ былъ позаботиться объ удовлетвореніи ея. Но съ теченіемъ времени количество духовныхъ лицъ быстро разросталось, а въ XVI вѣкѣ ихъ былъ такой

избытокъ, отъ котораго проистекали крупные безпорядки. Самыми большими были причты каѳедральныхъ церквей; напр. при Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ въ 1552—1554 г. состояли протопопъ, 18 поповъ, протодіаконъ, 4 діакона, архидіаконъ, 2 псаломщика и 17 дьячковъ; при Владимірскомъ Успенскомъ въ 1534 г.—протопопъ, 7 поповъ, протодіаконъ, 4 діакона и пр.; въ некаѳедральныхъ соборахъ составъ причта былъ меньше, хотя бывало по нѣскольку священниковъ и діаконовъ; въ приходскихъ церквахъ — городскихъ и сельскихъ былъ или полный причтъ, или неполный—безъ діакона и съ однимъ причетникомъ. [192]) Но рядомъ съ этимъ приписнымъ духовенствомъ существовалъ многочисленный классъ безприходныхъ или безмѣстныхъ священнослужителей.

Въ сѣверной и южной Руси издавна существовалъ обычай, въ силу котораго прихожане избирали причтъ для своихъ церквей; для ружныхъ церквей — дворецкіе и другіе княжескіе чиновники, наконецъ на югѣ—для церквей бывшихъ чьимъ нибудь „подаваньемъ“ — тѣ, кому онѣ даны подъ покровительство. Этотъ обычай настолько вошелъ въ силу, что сама церковная власть соглашалась утвердить его своими постановленіями; такъ напр. сдѣлали Виленскій соборъ 1509 г. [193]) Іосифъ II [194]) и Стоглавый соборъ [195]). Но тотъ же обычай на практикѣ приводилъ къ большимъ злоупотребленіямъ. Прихожане часто избирали кандидатовъ, не знающихъ грамотѣ, не удовлетворявшихъ каноническимъ требованіямъ, нанимали себѣ бывшихъ подъ запрещеніемъ священнослужителей и предоставляли имъ право служенія безъ архіерейскаго благословенія, переманивали къ себѣ священниковъ изъ другаго прихода, или нанимали для службы монаховъ, не принимали присланныхъ архіереемъ ставленниковъ и прогоняли даже своихъ священниковъ, отбирая отъ нихъ церковные ключи; дворецкіе и дьяки передавали ружныя церкви тѣмъ кандидатамъ, которые давали больше денегъ, безъ вниманія къ ихъ внутреннимъ качествамъ; на югѣ Россіи часто ставились двоеженцы и троеженцы на священнослужительскія мѣста [196]), церкви по долгу иногда оставались безъ священниковъ, и тамъ чаще, чѣмъ гдѣ либо, было произвольное смѣщеніе членовъ причта и распоряже-

ніе церковнымъ имуществомъ. Понятно, что изъ всего этого косвенно проистекали и другіе крупные безпорядки: противленіе священниковъ епископской власти, недостойная жизнь ихъ, уступчивость предъ незаконными даже требованіями прихожанъ или патроновъ церкви, произвольное оставленіе своихъ приходовъ и скитаніе по чужимъ. Такимъ образомъ и развился классъ безмѣстныхъ священниковъ, которые или были выгнаны прихожанами, или, не сошедшись съ ними, сами оставили ихъ, или наконецъ должны были оставить въ силу архіерейскаго запрещенія. Всюду ходили такіе священнослужители, нанимались на службы въ домовыхъ, приходскихъ и монастырскихъ церквахъ; нерѣдко заходили они даже въ чужія епархіи *); предлагали свои услуги и, оказываясь сами уступчивыми, побуждали прихожанъ требовать того же и отъ ихъ пастырей, въ случаѣ же несогласія ихъ,—прогонять ихъ и принимать пришлыхъ. Къ этому еще присоединилось обиліе *крестцоваго* духовенства, обусловленное отчасти тою же причиною, отчасти бѣдностію сельскихъ приходовъ. Въ городахъ на перекресткахъ (крестцахъ) улицъ постоянно встрѣчались священнослужители, нанимавшіеся для службъ. Это были или безмѣстные, или приходскіе, по пріѣхавшіе въ городъ по разнымъ причинамъ и съ различными цѣлями,—одни по своей волѣ — по дѣламъ монастырскимъ, церковнымъ и даже домашнимъ, другіе по требованіямъ суда—„за поруками, за приставами, по кабаламъ, по срочнымъ, въ бояхъ, грабежахъ и въ прочихъ различныхъ дѣлахъ". Не всегда приличнымъ образомъ вели себя и эти священнослужители: пьянствовали, бранились и дрались.

Такимъ образомъ нужно было церковной власти позаботиться объ уничтоженіи открывшихся въ духовенствѣ золъ. Съ этого цѣлію она издавала постановленія, направленныя къ ограниченію права прихожанъ на замѣщеніе духовныхъ должностей и къ упорядоченію жизни духовенства. Виленскій соборъ 1509 г. предоставляетъ епископу право замѣстить по своему выбору священническую должность, если та не замѣстилась въ продолженіи 3 мѣсяцевъ; митрополитъ

*) Въ Псковъ напр. приходили бѣлые и черные попы не только изъ областей Новгородской, Московской и Тверской, но даже изъ Литвы; т. е. изъ другой—юго-западной митрополіи.

Іосифъ II своей граматой къ Виленскимъ гражданамъ предписываетъ также поступать въ отношеніи къ тѣмъ священнослужительскимъ мѣстамъ, на которыя прихожане не найдутъ и своевременно не представятъ епископу своего кандидата, или же изберутъ негоднаго по мнѣнію епархіальной власти. Избранный непремѣнно долженъ былъ получить благословеніе отъ мѣстнаго епископа (прав. II Виленскаго собора). Этотъ послѣдній, по постановленіямъ соборовъ Владимірскаго 1274 г., Виленскаго 1509 г. и стоглаваго 1551 г., долженъ былъ производить испытаніе новоизбраннаго въ присутствіи его духовнаго отца, другихъ духовныхъ лицъ и свидѣтелей отъ мірянъ. Испытаніе, или „обыскъ", касались прежней и настоящей жизни испытуемаго лица, его умственныхъ и нравственныхъ качествъ, знанія церковныхъ службъ, возраста, положенія въ обществѣ и т. п. Для руководства составляемы были правила. Кто хочетъ занять священническую, діаконскую и даже причетническую должности, обязанъ былъ имѣть „непорочное житіе"; Владимірскій соборъ въ частности требуетъ, чтобы онъ былъ свободенъ отъ кощунства, воровства, пьянства, прелюбодѣянія и блуда, лихоимства, ябедничества, вольнаго или невольнаго убійства, притѣсненія своихъ слугъ и противоестественныхъ пороковъ. Если откроется виновность новоизбраннаго въ какомъ либо изъ этихъ недостатковъ послѣ поставленія, то онъ подлежалъ запрещенію. Далѣе, тотъ же Владимірскій соборъ требуетъ, чтобы испытуемый зналъ грамату; но такъ какъ на практикѣ это правило въ послѣдующее время обходилось, то Стоглавый соборъ считаетъ нужнымъ повторить его съ нѣкоторыми добавками: именно онъ требуетъ въ члены причта ставить „искусныхъ и грамотѣ гораздыхъ, священное писаніе въ конецъ вѣдующихъ и могущихъ строить все пастырское, исполнять церковный чинъ по божественному уставу"; кто же не достаточно понавыкъ въ чтеніи и совершеніи церковныхъ службъ, того отсылать къ мастерамъ въ училища, чтобы тамъ доучились, и къ священникамъ соборныхъ церквей, чтобы тамъ практически изучили весь церковный чинъ; въ городахъ для подготовленія грамотныхъ ставлениковъ соборъ предполагалъ открыть училища, гдѣ-бы дѣти обучались „грамотѣ, книжному письму, церковному

пѣнію и налойному чтенію (гл. 26 и 89). По постановленію Владимірскаго собора, лицо, ищущее себѣ мѣста въ причтѣ, должно или быть дѣвственнымъ или состоять въ законномъ бракѣ съ дѣвою. Въ послѣдующее время являются на этотъ счетъ болѣе подробныя и ясныя правила. Именно Стоглавый соборъ даже отъ причетниковъ требуетъ, чтобы они были единобрачными, а отнюдь не второбрачными, такъ какъ непристойно двоеженцамъ и троеженцамъ входить въ алтарь и прикасаться къ священнымъ предметамъ; равнымъ образомъ и просвирни должны быть честными единобрачными вдовами не моложе 40 или 50 лѣтъ (гл. 8 и 12). Особенно много правилъ издавалось относительно вдовыхъ священниковъ и діаконовъ, которые своею зазорною жизнію производили соблазнъ въ обществѣ. Еще митрополитъ Петръ на счетъ нихъ писалъ въ своемъ „поученіи": „если у попа умретъ попадья и онъ пойдетъ въ монастырь и пострижется, то онъ сохраняетъ свое священство; если же захочетъ пребывать въ мірѣ и любить мірскія сласти, то да не служитъ, и если не послушаетъ моего писанія, да будетъ не благословенъ, равно какъ и тѣ, которые будутъ сообщаться съ нимъ." [197]); митрополитъ Фотій въ своемъ „посланіи во Псковъ о вдовствующихъ попѣхъ" повторяетъ тоже [198]), и только на время моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Псковской области, снимаетъ съ нихъ запрещеніе, чтобы ими пополнить количество недостававшихъ тогда духовныхъ лицъ. На основаніи этихъ правилъ дѣйствовали въ послѣдующее время митрополитъ Ѳеодосій въ Москвѣ и вѣче во Псковѣ,—первый, заставляя вдовыхъ священниковъ и діаконовъ постригаться въ монашество, а обвиненныхъ въ конкубинатѣ лишая священства, второе само въ 1468 г. отлучило отъ церковныхъ службъ вдовыхъ поповъ во Псковѣ. Но впрочемъ и въ XVI вѣкѣ такихъ священнослужителей было не мало и они продолжали жить по прежнему. Соборъ 1503 г., поэтому, напоминаетъ о прежнихъ правилахъ митрополитовъ Петра и Фотія и дѣлаетъ новое распоряженіе: „всѣмъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ воспретить священнослуженіе на будущее время; тѣхъ изъ нихъ, которые обличены или сами сознались въ сожитіи съ наложницами и возвратили свои ставленныя граматы святителямъ, раз-

лучить съ наложницами и лишить сана, такъ чтобы они жили въ мірѣ, ходили въ мірской одеждѣ и платили подати на ряду съ мірянами; если же кто изъ такихъ, не возвративъ своей граматы, отойдетъ въ дальнія мѣста съ своею наложницею, какъ будто съ женою, и будетъ священнодѣйствовать въ чужихъ епархіяхъ, то виновнаго, по обличеніи, предавать гражданскому суду; тѣмъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ, которые, по смерти женъ, живутъ чисто и незазорно, стоять въ церквахъ на клиросахъ и причащаться въ алтаряхъ, — священникамъ въ епитрихили, а діаконамъ въ стихарѣ съ ораремъ, и за стояніе на клиросахъ (т. е. исправленіе должности чтецовъ и пѣвцовъ) пользоваться четвертою частію церковныхъ доходовъ отъ священниковъ и діаконовъ, поступившихъ на ихъ мѣста [199]). Одинъ изъ вдовыхъ священниковъ города Ростова, Георгій Скрипица, выразилъ было въ своемъ посланіи къ отцамъ собора [200])—рѣзкій протестъ. „Вы осудили—писалъ онъ—всѣхъ іереевъ и діаконовъ, настоящихъ и будущихъ, за смерть ихъ женъ; но въ смерти они не виновны, смерть наводитъ Богъ. И за такую вину, за посѣщеніе Божіе, вы, какъ злодѣевъ, отлучили отъ священства братію свою, не испытавъ грѣховъ ихъ... Зачѣмъ вы смѣшали добрыхъ со злыми и, не разлучивъ злыхъ отъ праведныхъ, велите постригаться въ монашество, чтобы священнодѣйствовать?.. Писано (въ канонахъ): священнику, впавшему въ блудъ, не священствовать; а о чистыхъ іереяхъ и діаконахъ гдѣ писано, чтобы отлучать ихъ отъ священства и принуждать къ постриженію!.. Вы говорите: мы совершали то ради благочинія, очищая церковь, такъ какъ попы вмѣсто женъ держатъ наложницъ. Но разсудите, отъ кого это зло сталось въ нашей землѣ: не отъ вашего ли нерадѣнія, что вы злыхъ не казнили, не отлучали отъ священства... Прибавлять что нибудь къ правиламъ св. отцевъ, какъ и убавлять отъ нихъ,—за это угрожаетъ проклятіе". Въ заключеніе онъ убѣждалъ епископовъ помиловать невиновныхъ въ зазорной жизни священнослужителей — вдовцовъ, ограничившись отлученіемъ отъ священства нечистыхъ и законопреступныхъ. Но протестъ этотъ остался безъ послѣдствій. Правда, на практикѣ вдовые попы продолжали совершать

всѣ требы и службы, кромѣ литургіи, но самое постановленіе 1503 г. не было отмѣнено. На Стоглавомъ соборѣ оно нашло себѣ еще новое подтвержденіе. Этотъ соборъ совсѣмъ запрещаетъ какъ бы то ни было священнодѣйствовать вдовымъ попамъ и діаконамъ, кромѣ тѣхъ, которые постригутся въ монашество; послѣднимъ дозволяетъ служить лишь въ монастыряхъ, а не мірскихъ церквахъ; кто не принимая монашество обѣщаетъ пребывать въ чистотѣ, тѣмъ позволяетъ стоять на клиросѣ и исправлять здѣсь причетническія обязанности, за что получать $^1/_4$ часть церковныхъ доходовъ, но въ церковныя дѣла отнюдь не вмѣшиваться; даетъ имъ право причащаться въ епитрахиляхъ и стихаряхъ съ орарями, на что должны получать „благословенныя епитрахильныя и орарныя грамоты“ отъ епархіальнаго епископа; наконецъ предписываетъ сгонять съ клироса, лишать церковнаго дохода и исключать изъ разряда лицъ тѣхъ изъ вдовыхъ священнослужителей, которые начнутъ заниматься мірскими дѣлами (гл. 5, и 77 — 81). Для южной митрополіи было въ XVI вѣкѣ обязательно постановленіе Виленскаго собора 1509 года, запрещавшее вдовымъ попамъ и діаконамъ священнодѣйствовать (Прав. 6). Только въ XVII вѣкѣ Московскій соборъ 1667 года отмѣнилъ такое постановленіе, какъ несогласное съ канонами восточной Церкви, хотя и похвалилъ его, какъ временную удачную и разумную мѣру противъ распущенной жизни вдовыхъ священнослужителей. Далѣе постановленіями соборовъ Владимірскаго, Московскаго 1503 г. и Стоглаваго опредѣленъ возрастъ лицъ для замѣщенія духовныхъ должностей—священнической 30 лѣтній, дьяконской—25 лѣтній и иподьяконской 20 лѣтній—согласно 14 и 15 правиламъ Трульскаго собора. Также на основаніи соборныхъ правилъ (4 пр. IV всел. и 83 VI всел.) и граматы Германа II, Владимірскій соборъ 1274 г. запретилъ ставить въ члены клира рабовъ раньше представленія ими отпускной граматы; а въ граматѣ великаго князя Василія Димитріевича митроп. Кипріану (1404 г.), составленной по ихъ обоюдному согласію, встрѣчается еще запрещеніе ставить въ попы или діаконы княжихъ слугъ или его „данныхъ людей“ [201]). Изъ чужой епархіи кого либо можно было

посвящать лишь тогда, когда онъ имѣетъ отъ своего епископа „повелѣнную“ или „отпускную“ грамату (Виленскій соборъ); неизвѣстнаго же кандидата отнюдь не должно поставлять въ церковныя степени (Владим. соборъ). Чтобы безпристрастнѣе производилось самое избраніе членовъ клира, русскіе соборы одинъ за другимъ запрещаютъ подкупы и мзду при избраніи и поставленіи; такъ соборъ Владимірскій запретилъ епископамъ брать что либо со ставленниковъ больше 7 гривенъ — въ пользу клирошанъ и въ качествѣ „проторовъ“ или вознагражденія убытковъ; соборъ 1503 г. поступилъ еще рѣшительнѣе: „отъ сего времени впредь намъ святителямъ — заявилъ онъ — отъ поставленія архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, поповъ и діаконовъ и отъ всего священническаго чина ничего никому не брать и поминковъ никакихъ не принимать; также отъ ставленныхъ граматъ, печатнику отъ печати и дьякамъ отъ подписи, ничего не брать... и пошлинъ отъ ставленія никакихъ не брать; также намъ святителямъ у архимандритовъ, игуменовъ, поповъ и діаконовъ отъ свящ. мѣстъ и отъ церквей ничего не брать, но каждаго ставить безъ всякаго дара и отпускать на его мѣсто“ [202]). Стоглавый соборъ также требовалъ „въ попы и во діаконы ставити безо мзды, даже и до самаго ключаря и прочихъ причетниковъ“, хотя дозволилъ брать за посвященіе архимандрита и игумена 1 р., священника 1 р. и гривну, діакона полтину и гривну [203]). Кромѣ того, чтобы гарантировать добросовѣстность поставленія духовныхъ лицъ, еще соборомъ Владимірскимъ было повелѣно совершать его въ храмѣ всенародно и въ присутствіи свидѣтелей, участвовавшихъ при испытаніи, — но отнюдь не тайно. При всемъ томъ по временамъ дѣлались и частныя постановленія, направленныя противъ замѣченныхъ недостатковъ въ жизни духовенства. Именно на соборѣ 1509 г. строго запрещается „подкупаться подъ живыми епископами, архимандритами и священниками“; на Стоглавомъ предписывается прихожанамъ къ своимъ приходскимъ церквамъ, дворецкимъ и дьякамъ къ церквамъ ружнымъ избирать членовъ причта, не требуя и не принимая отъ нихъ денегъ и мзды (гл. 41, вопр. 14 и 15); священниковъ же, не имѣющихъ у себя благословенныхъ или ставленныхъ гра-

мать отъ епископа, — не принимать. Равнымъ образомъ на обоихъ этихъ соборахъ запрещалось мірянамъ самовольно прогонять отъ себя поставленнаго епископомъ клирика, а предписывалось въ случаѣ вины послѣдняго доносить объ этомъ епископу, чтобы тотъ сдѣлалъ разслѣдованіе и распоряженіе. Тоже самое можно встрѣтить и въ нѣкоторыхъ митрополичьихъ граматахъ, напр. граматѣ Іосифа II къ гражданамъ Вильны. Здѣсь же запрещается міряпамъ брать къ себѣ церковные ключи при освобожденіи священническаго мѣста и самолично давать ихъ вновь поставляемому священнику, „увязывая“ его этимъ къ церкви, но предписывается все это дѣлать епископскому намѣстнику въ присутствіи депутатовъ отъ міранъ [204]). На переходы клириковъ изъ одной епархіи въ другую соборы 1509 и 1551 года требовали отпускныхъ, а на переходы изъ одного прихода въ другой — перехожихъ граматъ, которыя можно было получать при каѳедрѣ епархіальнаго епископа, безъ нихъ же запрещалось совершать священнодѣйствія. Отъ вдовыхъ священнослужителей, стоящихъ на клиросѣ, соборъ Стоглавый спрашиваетъ епитрахильныя и орарныя граматы (гл. 81); отъ священнослужителей, являющихся въ городъ и нанимающихся здѣсь на службы, — „знамена“; ихъ можно было получить у владычняго тіуна послѣ представленія ему граматъ ставленныхъ, благословенныхъ и отпускныхъ; впрочемъ не всѣ приходящіе священнослужители могли получить „знамена“, а только тѣ, которые приходили въ городъ по своей волѣ и по своимъ дѣламъ, но отнюдь не тѣ, которые явились по требованію суда. За всѣмъ этимъ, подъ угрозою отвѣтственности, долженъ былъ наблюдать тіунъ (гл. 69). Чтобы поднять нравственный уровень духовенства и удобнѣе слѣдить за выполненіемъ имъ своихъ служебныхъ обазанностей, подробно излагаемыхъ въ ставленныхъ граматахъ и приложенныхъ къ нимъ поученіяхъ [205]), Стоглавый соборъ увеличилъ количество архіерейскихъ помощниковъ, на которыхъ и возложилъ контроль духовенства. Виновныхъ въ различныхъ порокахъ и нерадѣніи къ своему пастырскому служенію, они обязаны были увѣщавать и въ случаѣ невниманія со стороны тѣхъ представлять на судъ епархіальной власти; въ противномъ случаѣ сами подвергались отвѣтственности (гл. 29) [206]). Къ со-

жалѣнію, не всѣ указанныя мѣры осуществлялись на практикѣ; поэтому и послѣ соборовъ 1509 и 1551 года недостатки въ духовенствѣ были очень значительны, особенно въ южной митрополіи.

Что касается *юридическаго* положенія духовенства и взаимо-отношенія его членовъ, то можно видѣть, что въ данный періодъ поднимается еще больше значеніе городскаго духовенства: протопопы и поповскіе старосты являются лицами, принимающими непосредственное участіе въ епархіальномъ управленіи, предъ которыми должны были послушно преклоняться другіе священнослужители (Стогл. гл. 29).

Иногда и кое-гдѣ и простые приходскіе священники городскихъ церквей въ качествѣ клирошанъ или членовъ епископскаго совѣта призывались къ участію въ епархіальномъ управленіи. Наконецъ городское духовенство пользовалось правомъ выбора изъ своей среды поповскихъ старостъ, и эти послѣдніе – десятскихъ священниковъ. Сельское же духовенство, по прежнему, оставалось лишь подчиненнымъ. Надъ нимъ возвышается черное духовенство, въ лицѣ своихъ архимандритовъ и игуменовъ надзиравшее за бѣлымъ.

Въ *соціальномъ* отношеніи въ данный періодъ подвинулось впередъ, хотя и не дошло еще до полнаго развитія, обособленіе духовенства въ сословіе. Благодаря тому, что легче было найти грамотныхъ и привычныхъ къ церковной службѣ лицъ въ причетническихъ семьяхъ, естественно происходило то, что выборъ прихожанъ на освободившееся въ причтѣ мѣсто останавливался на ближайшихъ родственникахъ выбывшаго лица: это вошло едва ли не въ обычай. Въ южной Россіи, напр., когда „подавалась" владѣльцемъ церковь какому либо слугѣ или попу, то вмѣстѣ съ этимъ ему предоставлялось съ нисходящимъ потомствомъ и право священства здѣсь; въ случаѣ малолѣтства сыновей или внуковъ дозволялось до ихъ возраста держать при церкви наемнаго попа; это прямо обозначалось иногда и въ жалованныхъ граматахъ [207]); въ церквахъ не „поданныхъ" также, по свидѣтельству каноника Краковскаго Сакрана (1500 г.), сыновья духовныхъ лицъ имѣли право наслѣдства на тѣ мѣста, которыя занимали ихъ отцы [208]). Этотъ обычай поддерживаютъ и свѣтскія власти; такъ напр. польская королева Бона дала

въ 1520 г. приказъ своему пинскому державцѣ, чтобы въ пинскомъ замкѣ къ Юрьевской церкви былъ опредѣленъ священникъ внукъ тогдашняго, уже состарѣвшагося, священника, „якожъ есть обычай въ Россіи, ижъ церковь и доходы церковные на потомки спадастъ" [209]). Въ законодательствѣ сѣверовосточной Россіи есть также признаки обособленія духовенства въ наслѣдственное сословіе. Въ ярлыкахъ ханскихъ и въ граматѣ Василія Димитріевича митрополиту Кипріану различаются братья и дѣти духовныхъ лицъ, проживающіе вмѣстѣ съ послѣдними и въ раздѣлѣ съ ними; въ первомъ случаѣ они освобождались отъ дани, во второмъ же нѣтъ; въ первомъ были церковными людьми, во второмъ—ханскими и княжими; притомъ же въ граматѣ Василія Димитріевича было замѣчено: „слугъ моихъ и моихъ данныхъ людей въ діаконы и въ попы не ставить" [210]). А Стоглавый соборъ прямо приговорилъ: „который попъ или дьяконъ овдовѣетъ, а будетъ у него сынъ или братъ, или зять или племянникъ, и на его мѣсто пригожъ и граматѣ горяздъ и искусенъ, ино его въ попы на мѣсто поставити" [211]).

§ 17. *Матеріальное положеніе духовенства*, по прежнему, оставалось въ данный періодъ привиллегированнымъ; но привиллегіи уже подвергались ограниченіямъ. Въ ханскихъ ярлыкахъ все духовенство, церковные люди и церковныя имущества освобождались отъ всякаго рода податей, пошлинъ и повинностей ханамъ: „Весь чинъ поповскій и вси церковные люди, какова дань ни буди, или какая пошлина, или которые доходы, или заказы,—или работы, или сторожа, или кормы—ино тѣмъ церковнымъ людемъ не вѣдѣти, ни слышати того не надобь" [212]). Поэтому-то татарскіе чиновники, составляя перепись податныхъ лицъ для сбора ханской дани, не включали въ нее только „архимандритовъ, игуменовъ, иноковъ, поповъ, дьяконовъ, клирошанъ и всего причета церковнаго" [213]). Въ послѣдующее время русскіе князья и польскіе короли также давали духовенству и лицамъ, проживавшимъ на церковныхъ земляхъ, различныя льготы, освобождая ихъ то отъ земскихъ и городскихъ повинностей, то отъ княжеской дани и сборовъ на свѣтскихъ чиновниковъ, то отъ денежныхъ взносовъ въ городскія ратуши (на юго-западѣ), то отъ торговыхъ и про-

мысловыхъ пошлинъ. Однѣ изъ этихъ льготъ давались на время (отъ 2 лѣтъ и выше) и въ опредѣленной только мѣстности, другія навсегда; однѣ съ оговорками, ихъ ограничивающими, другія—безъ подобныхъ оговорокъ, такъ что вообще льготы духовенства не вездѣ и не всегда были одинаковы *). Наиболѣе значительнымъ ограниченіямъ онѣ подвергались въ XVI вѣкѣ. Именно на сѣверѣ Россіи тогда церковныя земли „положены были въ сохи или обжы", за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя обработывались на самихъ церковныхъ владѣльцевъ; крестьяне церковныхъ вотчинъ обязаны были платить оброкъ и отбывать государственныя повинности; равнымъ образомъ и сами священно-церковно-служители, жившіе не на церковной, а на „черной" землѣ, привлекались къ государственному тяглу, какъ и всѣ черные люди; должны были вносить оброкъ намѣстникамъ и другимъ чиновникамъ, деньги ямскія, стрѣлецкія, пищальныя и др. Наконецъ и бѣлая церковная земля не освобождалась отъ губной повинности, т. е. содержала губнаго старосту [214]). Въ юго-западной Россіи различными универсалами и частными граматами также духовенство съ половины XVI вѣка принуждалось къ оброкамъ и земскимъ павинностямъ [215]). Въ XVI вѣкѣ сдѣлалось обязательнымъ для духовенства и „городское дѣло". Правда, еще граматой кіевскаго князя Александра Владиміровича, данной митроп. Исидору въ 1441 г., на митрополичьихъ людей въ Кіевѣ налагается обязанность строить и чинить извѣстную часть городской стѣны и отбывать подводы; правда, что и въ другихъ городахъ, епископы сами на свой счетъ воздвигали городскія постройки; но все это было или мѣстною повинностію, или же—большею частію свободнымъ дѣломъ самаго духовенства, или же наконецъ злоупотребленіемъ со стороны городскихъ чиновниковъ; къ половинѣ же XVI вѣка

---

*) См. Граматы Василія Димитріевича Кипріану 1404 г., Александра Владиміровича Кіевскаго Исидору 1441 г.; грамату 1515 г. Владимірскому собору, множество тарханныхъ граматъ; граматы Сигизмунда I 1522, 1530 и 1536 г. Въ граматѣ Василія Димитріевича митроп. Кипріану встрѣчаемъ напр. такія оговорки: когда князь платитъ „выходъ" въ Орду, и церковные люди участвуютъ въ платежѣ оброка; когда они торгуютъ въ прикупъ, а не свое продаютъ, то платятъ пошлину и т. п.

„городское дѣло“ является почти всюду—и въ сѣверной и въ южной Руси—обязанностію духовенства. Поэтому въ 1517 г. Псковское духовенство получаетъ приказъ отъ великаго князя помогать при постройкѣ развалившейся кремлевской стѣны; въ 1534 г. Новгородскому и Московскому духовенству по волѣ государя Іоанна IV и матери его Елены дается „урокъ“,—первому при постройкѣ деревяннаго города на Софійской сторонѣ, второму—при сооруженіи стѣны вокругъ Китай—города [216]). Въ XVI вѣкѣ обычною повинностію духовенства сдѣлалась еще „ратная“. Правда, и раньше оно участвовало въ покрытіи военныхъ издержекъ, даже епископы посылали своихъ бояръ, а Новгородскій—и цѣлый полкъ на войну; но всетаки духовенство иногда выражало протестъ противъ производимыхъ съ него сборовъ на ратное дѣло. Такъ напр. во Псковѣ въ 1495 г., когда вѣче хотѣло взять съ своего духовенства конныхъ людей, оно воспротивилось, говоря, что это противно церковнымъ правиламъ. Но когда церковныя земли стали полагаться въ обжи, церковные владѣльцы, наравнѣ съ другими вотчинниками, обязывались собирать и содержать на свой счетъ „даточныхъ людей„ (рекрутовъ), и само духовенство непосредственно привлекалось къ участію въ военныхъ расходахъ, какъ къ должной повинности. Въ 1518 г. Псковское духовенство уже было обязано поставить извѣстное количество коней и телѣгъ, въ 1545 г. духовенство и всего Новгородскаго края — попы, дьяконы, причетники, просвирни, вмѣстѣ со всѣми прочими жителями, должны были по волѣ великаго князя дать съ своихъ дворовъ извѣстное количество ратныхъ людей и пороха для похода на Казань; исключены были лишь дворы Софійскаго каѳедральнаго собора, боярскихъ дѣтей и служилыхъ людей Новгородскаго владыки [217]). Наконецъ въ XVI вѣкѣ духовенство обязано было выплачивать пошлину подъ именемъ „полоняничныхъ денегъ“. Хотя прежде оно и выкупало плѣнныхъ, но то было дѣломъ его собственнаго желанія и усердія. Послѣ же Стоглаваго собора расходъ на выкупъ плѣнныхъ раскладывался на сохи и собирался съ нихъ въ видѣ особой пошлины каждогодно; для церковныхъ земель и церковныхъ владѣльцевъ въ этомъ случаѣ исключенія ни было [218]).

Матеріальное положеніе *высшаго* духовенства въ XIII — XVI вѣкахъ вообще было обозначено достаточно, а въ нѣкоторыхъ епархіяхъ даже съ излишкомъ. Свое содержаніе епископы извлекали изъ различныхъ доходныхъ статей; то были недвижимыя имущества, окладные и неокладные сборы. *Недвижимыя имущества* архіерейскихъ каѳедръ были очень разнообразны: дома, дворы, подворья, мельницы, лавки, соляныя варницы, огороды, пашни, лѣса, луга, рѣки и озера, бобровыя и бортныя угодья, наконецъ земли, населенныя крестьянами, — починки, деревни, села, слободы, города и волости. Одни изъ этихъ имуществъ жаловались удѣльными и великими князьями, укрѣплялись за каѳедрами жалованными граматами, другія дарились богатыми лицами разныхъ званій; третьи вымѣнивались самими епископами и укрѣплялись за ними мѣновыми записями; иныя покупались и закрѣплялись купчими записями. Такъ напр. митрополитъ Петръ купилъ городъ Алексинъ „съ волостями и съ селами, и съ водами, и со всѣми угодьями, что издавна тянули къ тому городу, также съ данью и съ оброками, и съ судомъ, и со всѣми пошлинами“ [219]); митрополитъ Кипріанъ впослѣдствіи вымѣнялъ на этотъ городъ слободку Святославлю [220]). Не довольствуясь наличными записями (купчими и мѣновыми), граматами (жалованными и „данными“), епископы обыкновенно испрашивали у каждаго новаго князя граматы подтвердительныя на свои владѣнія [221]). Очень часто князья давали различныя льготы поселенцамъ, проживавшимъ на церковныхъ вотчинахъ. Поэтому крестьяне, до прикрѣпленія ихъ къ землѣ очень часто перебѣгали съ частныхъ вотчинъ на церковныя. Давались иногда льготы церковныя владѣльцамъ и по сбыту произведеній съ своихъ промысловъ и угодій, напр. безпошлинная торговля и провозъ товаровъ. Благодаря всему этому, церковныя недвижимыя имущества были очень доходны, болѣе всего доходовъ извлекалось изъ вотчинъ и угодій. При нѣкоторыхъ епископскихъ каѳедрахъ ихъ было очень много. Напр. къ концу XV и началу XVI вѣка владѣнія Московскаго митрополита находились въ 15 уѣздахъ: Московскомъ, Владимірскомъ, Ростовскомъ, Суздальскомъ, Переяславскомъ, Муромскомъ, Костромскомъ, Вологодскомъ, Нижегородскомъ,

…БЛІОТЕКИ
3-й С.П.Б. ГИМНАЗ…

Бѣлозерскомъ, Коломенскомъ, Дмитровскомъ, Звенигородскомъ, Галичскомъ и Юрьевскомъ; во всѣхъ нихъ было приблизительно 103,500 десятинъ земли. За весь XVI вѣкъ однако владѣнія митрополита продолжали увеличиваться; доходъ его съ недвижимыхъ имуществъ простирался тогда до 3000 руб. Новгородскій архіепископъ былъ еще богаче. Не смотря на то, что въ XV вѣкѣ Иванъ Васильевичъ III отнялъ у него много волостей, въ XVI вѣкѣ однако продолжали считать Новгородскаго владыку самымъ богатымъ между архіереями и къ концу XVI вѣка вотчинные годовые доходы его считали приблизительно въ 10-12 тысячъ рублей. Бѣднѣе были другія епархіальныя каѳедры и изъ нихъ особенно югозападныя. Самою бѣдною въ сѣверовосточной митрополіи при Василіѣ Ивановичѣ считалась Смоленская каѳедра, такъ что на содержаніе ея, по волѣ великаго князя, должны были платить пошлину изъ своихъ доходовъ всѣ русскіе владыки [222]).

Доходность недвижимыхъ имуществъ, приписанныхъ къ епископскимъ каѳедрамъ, кромѣ разныхъ льготъ, зависѣла еще отъ того, какъ пользовались имуществами сами владѣльцы. При избыткѣ земель и угодій, многія изъ нихъ сдавались въ аренду то частнымъ лицамъ, то монастырямъ, то цѣлымъ обществамъ; аренда была или краткосрочная (отъ 1 года и выше), или пожизненная, или потомственная—родовая, или же наконецъ безсрочная; послѣдняя обыкновенно для крестьянъ, которые или жили на этихъ земляхъ, или вновь селились здѣсь по приглашенію. За аренду обыкновенно платился оброкъ деньгами и естественными произведеніями, крестьяне кромѣ того отбывали въ пользу владѣльцевъ личныя повинности (работы) и давали по временамъ разныя пошлины, опредѣляемыя или обычаемъ, или словесными и письменными договорами. Снимая на оброкъ какой либо церковный участокъ, крестьяне подлежали управленію духовнаго владѣльца или его прикащика; когда же снимали церковную землю частныя лица, то они имѣли право точно также управлять ею и жившими здѣсь людьми, какъ управляли бы сами, духовные владѣльцы, и распоряжаться ею какъ своею собственностію, т. е. обработывать ее, устроять разныя хозяйственныя заведенія, приглашать поселенцевъ,

[faint library stamp]

образовывать изъ нихъ крестьянскія общины, села, деревни; но за то не могли ни продавать, ни дарить, ни мѣнять, ни давать въ залогъ арендуемыхъ земель и угодій. Когда кончалась пожизненная и родовая аренда смертію и „изведеніемъ рода“ арендатора, то всѣ постройки и хозяйственныя принодлежности, оставшіяся на снятой имъ землѣ, переходили къ церковному владѣльцу. Сравнительно незначительная часть земель и угодій оставлялась архіереями непосредственно для содержанія ихъ самихъ, ихъ двора и каѳедры; такіе участки и угодья обыкновенно назывались „архіерейскими домовыми“. Такимъ образомъ у архіереевъ были свои пашни, сѣножати, огороды, мельницы и т. п. Здѣсь работали обыкновенно сосѣдніе крестьяне по договору съ церковными владѣльцами за взятые ими участки земли. Излишекъ хозяйственныхъ произведеній шелъ въ продажу[223]).

Окладные и неокладные сборы, шедшіе на содержаніе архіерейской каѳедры и лицъ, участвующихъ въ епархіальномъ управленіи, отчасти были тѣ же, что и прежде, нѣкоторые же явились вновь. Они собирались какъ съ духовенства, такъ и мірянъ, какъ съ церквей и монастырей, такъ и съ отдѣльныхъ лицъ. Отъ церквей и монастырей, собирались: 1) „*святительская данъ*“ или „сборное,“ взимаемая на самаго архіерея, какъ главы епархіи, 2) архіерейскій „*подъѣздъ*“, назначаемый на разъѣзды епископа по епархіи, но впрочемъ собираемый даже и въ томъ случаѣ, если епископъ не обозрѣвалъ самъ епархіи; 3) „*даньскія пошлины*“ и „*отвозныя деньги*,“ платившіяся при доставкѣ дани архіерею; „*съ оброкомъ куница*,“ взимаемая при платежѣ оброка; „*писчее*,“ собиравшеся за запись писцами дани и оброка въ книги. Эти пошлины взимались однѣ деньгами, другія натурою; впрочемъ съ теченіемъ времени и послѣднія перелагались на денежныя: собирались онѣ то дважды, то однажды въ годъ. Размѣры ихъ были не всегда и не вездѣ одинаковы. Все зависѣло отъ воли самого архіерея, отъ произвола его помощниковъ, отъ привиллегій, данныхъ церквамъ и монастырямъ княжескими граматами, и отъ богатства церквей и монастырей. Поэтому иногда бывалъ въ епархіяхъ ропотъ на тяжесть собираемыхъ пошлинъ. Этотъ ропотъ доходилъ нерѣдко до открытыхъ жалобъ; такъ напр. бывало въ Новгородѣ, откуда въ

1353 г. архіеп. Моисей отправилъ въ Константинополь жалобу на митрополита Өеогноста; въ Полоцкѣ, изъ котораго на мѣстнаго епископа Симеона въ 1544 г. подана была жалоба Сигизмунду I [224]): а въ Псковѣ даже отказывали Новгородскому архіепископу въ уплатѣ должныхъ пошлинъ [225]). На Стоглавомъ соборѣ было прямо заявлено, что отъ архіерейскихъ десятинниковъ и заѣздчиковъ, которые прежде собирали архіерейскія пошлины, происходитъ „священникамъ и діаконамъ и всему священническому и иноческому чину нужда и продажа великая и налоги тяжкіе“; поэтому было опредѣлено собирать пошлины не чрезъ архіерейскихъ свѣтскихъ чиновниковъ, а чрезъ поповскихъ старостъ и десятскихъ священниковъ вмѣстѣ съ земскими старостами и цѣловальниками, и собранное сполна представлять епископу на Рождество Христово или на Сборное воскресенье; впрочемъ постановленіе не выполнялось и послѣ собора: пошлины часто то собирались десятинниками, то самими приходскими священниками и настоятелями монастырей доставлялись прямо въ архіерейскую казну. Не всѣ церкви и монастыри платили означенныя пошлины. Своими несудимыми и тарханными граматами князья и епископы освобождали многія изъ нихъ отъ уплаты или всѣхъ архіерейскихъ пошлинъ или только пошлинъ на его помощниковъ. Наконецъ на нѣкоторыя изъ церквей и монастырей налагались еще особыя пошлины: такова напр. пошлина „за великоденское (пасхальное) яйцо“, взимавшаяся съ Новгородскихъ и Псковскихъ монастырей и церквей въ пользу Новгородскаго владыки.

Къ сборамъ, взимаемымъ съ отдѣльныхъ лицъ въ пользу архіерейской каѳедры, принадлежатъ пошлины 1) *ставленныя*, получаемыя за ставленную грамату при поставленіи кого либо на священно-и церковно служительскую должность. Взиманіе этой пошлины сопровождалось нерѣдко злоупотребленіями. Напр. епископы посылали иногда на свои вотчины для работъ новопоставленныхъ лицъ, если тѣ не въ состояніи были заплатить требуемую за поставленіе сумму, такъ что въ виду этого понадобилось запрещеніе Владимірскаго собора. Сумма за поставленіе произвольно поднималась епископами и открывались по мѣстамъ подкупы ихъ кандида-

тами на священно-церковно-служительскія мѣста. Въ народѣ поднялся сильный ропотъ противъ такого „поставленія на мздѣ“; инокъ Акиндинъ въ особомъ посланіи называетъ его ересью [226]); образовался даже расколъ стригольниковъ, которые больше всего вооружались противъ этого именно недостатка въ жизни духовенства. Поэтому-то русскіе соборы (Владимірскій, Московскій 1503 г. и Стоглавый) или опредѣляли таксу за ставленныя граматы, или совсѣмъ отмѣняли плату за нихъ; 2) „*благословенная куница*“ за „благословенныя граматы“, которыя выдавались ставленнику при его отправленіи на мѣсто; 3) плата за „*отпускныя граматы*“, выдаваемыя при переходѣ изъ одной епархіи въ другую; 4) „перехожія“ и „новичныя гривны“—при перемѣщеніи діакона или священника изъ одного прихода въ другой; 5) „*крестцовая* пошлина—за знамя, получаемое въ городахъ крестцовымъ духовенствомъ; 6) плата дьякамъ и печатникамъ за *епитрахильныя и орарныя граматы*, получаемыя вдовыми священниками и діаконами,—такъ называемый „писчій“ и „печатный алтыны;“ 7) *явленная куница съ граматою*,“ взимаемая за представленіе духовенствомъ своихъ ставленныхъ, настольныхъ и благословенныхъ граматъ новому епархіальному владыкѣ и новому десятиннику въ округѣ; отмѣнена она лишь Стоглавымъ соборомъ; 8) *судебная пошлина* за веденіе церковнаго суда (мѣсячнаго и др.) и взимаемые съ виновныхъ штрафы. 9) *Штрафы духовныхъ лицъ* за невыполненіе своихъ обязанностей; 10) *вѣнечная пошлина* за „вѣнечныя знамена,“ которыми разрѣшались браки; она взималась въ значительномъ количествѣ или самими знаменщиками, которымъ поручено было давать разрѣшеніе на браки, или священниками, совершавшими вѣнчаніе. Стоглавый соборъ опредѣлилъ собирать эту пошлину разъ въ годъ вмѣстѣ съ другими архіерейскими пошлинами поповскимъ старостамъ и десятскимъ священникамъ, сообразно съ записью браковъ въ приходскихъ книгахъ, при чемъ назначилъ таксу на „вѣнечныя знамена:“ за первый бракъ—алтынъ, за второй 2, за третій 4. 11) Плата за *архіерейскія службы* по приглашенію архіереевъ въ домовыя и приходскія церкви; 12) различныя *пошлины и штрафы съ поселенцевъ*, проживавшихъ на архіерейскихъ вотчинахъ, тѣ же, какія были у другихъ

церковныхъ владѣльцевъ; 13) *добровольныя приношенія* богатыхъ лицъ и особенно князей; 14) наконецъ въ пользу нѣкоторыхъ архіерейскихъ каѳедръ шли по временамъ и *особенные доходы;* такъ напр. Кіевскій князь Александръ Владиміровичъ своей граматой предоставилъ Московскому митроп. Исидору особую пошлину—„конское мыто" въ Кіевѣ у св. Флора и Лавра [227]). Московскій князь Василій Ивановичъ распорядился, чтобы всѣ русскіе владыки платили пошлину изъ своихъ доходовъ на Смоленскую каѳедру, а Іоаннъ IV не только удѣлилъ Казанскому архіепископу десятину изъ всѣхъ доходовъ Казанской земли, но и приказалъ отъ всѣхъ владыкъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ собирать на него пособіе деньгами и хлѣбомъ [228]). Митрополитъ, кромѣ доходовъ одинаковыхъ съ прочими епархіальными владыками, еще имѣлъ особые доходы по своему митрополичьему управленію: именно всѣ епархіи обязаны были выплачивать ему пошлины [229]), сами епископы являлись къ нему на поклонъ съ „честью и съ дары" [230]); за мѣсячный судъ въ чужихъ епархіяхъ взыскивались въ пользу него пошлины, штрафы и съ духовенства—подъѣздъ; шли на него доходы и съ митрополичьихъ „извѣстныхъ" монастырей, находившихся въ чужихъ епархіяхъ.

Вообще доходы епархіальныхъ архіереевъ были очень велики, особенно до Стоглаваго собора, когда владыки и ихъ чиновники брали большіе поборы. Не даромъ при епископскихъ каѳедрахъ мы видимъ многочисленный штатъ бояръ, стольниковъ, отроковъ и другихъ дворовыхъ людей (до 100 человѣкъ) [231]); не даромъ дворъ и домъ митрополита Московскаго и архіепископа Новгородскаго представлялись похожими на великокняжескіе дворцы [232]). Но за то и расходы епископовъ, особенно же митрополита, были очень велики. Епископы платили оброки и пошлины въ княжескую казну, строили себѣ дворы, дома и заводили хозяйство на своихъ земляхъ, участвовали въ городскихъ и церковныхъ постройкахъ, украшали церкви, содержали благотворительныя учрежденія, тратились на выкупъ плѣнныхъ, на вспомоществованіе бѣднымъ людямъ, церквамъ и монастырямъ, на „поминки" (подарки) князьямъ и знатнымъ лицамъ, на денежное пособіе государству, особенно во время войнъ; Новгородскій архіепископъ и Мо-

сковскій митрополитъ даже содержали свои полки; наконецъ епископы имѣли большую дворню и много помощниковъ по епархіальному управленію. Правда, что въ пользу нихъ производились съ епархіи особые сборы, какъ-то: „сборная куница“ и плата за антиминсы и освѣщеніе церквей — на клирошанъ, а десятинничи, доводчичи, заѣздчичи, зазывщичи или зазывныя пошлины - на свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, „людское“ и др. — на архіерейскую дворню; но этихъ сборовъ было недостаточно. Епископы должны были удѣлять своимъ помощникамъ часть изъ своихъ доходовъ; напр. съ нѣкоторыхъ церквей вѣнечная пошлина была отдаваема въ пользу каѳедральныхъ причтовъ; за поставленіе духовныхъ лицъ клирошане получали отъ нихъ по опредѣленію Владимірскаго и послѣ — Стоглаваго собора наибольшую часть „ставленной“ пошлины. Сумма всѣхъ этихъ архіерейскихъ расходовъ иногда, особенно въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ напр. военныя операціи, или пріѣздъ государя, бывала такъ велика, что сами епископы входили въ долги. Обыкновенно же расходы съ излишкомъ покрывались доходами архіерейскихъ каѳедръ [233]).

Содержаніе бѣлаго духовенства, особенно сельскаго, было гораздо меньше обезпечено. Для содержанія его служили: 1) *церковныя вотчины*, или пожертвованныя князьями, епископами и прихожанами, или же купленныя на церковный счетъ; у сельскихъ церквей вотчины бывали очень малы,— иногда въ 3 десятины пахатной земли и копенъ на 6 сѣна луговой земли; еще рѣже бывали у нихъ маленькія деревеньки отъ 2 дворовъ и выше. „Сельскому причту даются—писалъ одинъ иностранецъ въ началѣ XVI вѣка, маленькіе домики съ полями и лугами, отъ которыхъ они снискиваютъ пропитаніе, какъ и ихъ сосѣди, своими собственными руками... приходовъ, одаренныхъ помѣстьями и владѣніями, немного“ [234]). Городскія и преимущественно соборныя церкви владѣли большими пространствами земли и угодьями, такъ что могли сдавать ихъ на оброкъ, даже продавать или отдавать въ ростъ хозяйственныя произведенія. 2) *Руга* отъ казны и прихожанъ. Первая шла по преимуществу на городскія церкви и сравнительно рѣдко на сельскія; вторая—на тѣ и другія. Первая выплачивалась по жалованнымъ и ружнымъ граматамъ,

вторая по „порядным записямъ", составляемымъ прихожанами по договору съ причтами; какъ та, такъ и другая руга выдавалась или деньгами, или естественными произведеніями: хлѣбомъ, медомъ, рыбою и сукномъ (какъ въ Москвѣ). 2) *Добровольныя приношенія* прихожанъ за совершеніе требъ, какъ за крещеніе, исповѣдь, браки, молебны, похороны, панихиды, сорокоусты и т. п.; соборному духовенству платилось иногда за участвованіе въ соборномъ служеніи по случаю освященія какой-либо церкви или храмоваго праздника. Не довольствуясь добровольными приношеніями, духовенство часто притѣсняло мірянъ, производя „великія продажи" (поборы). Иногда церковная и гражданская власть считала нужнымъ дѣлать внушенія духовенству и даже назначать опредѣленную плату за требы [235]). 4) *Сборы* съ прихожанъ, по меньшей мѣрѣ 4 раза въ годъ, во время великихъ и особенно храмовыхъ праздниковъ. Въ Новгородской области было въ обычаѣ на эти послѣдніе посылать въ монастыри и посадскіе церкви соборнаго дьякона, который кромѣ приношенія, лично ему сдѣланнаго, привозилъ съ собою въ Софійскій соборъ такъ называемыя „праздничныя гривны". 5) Духовенство соборное пользовалось кромѣ того еще различными пошлинами, такова напр. *проскурная* (съ просфоръ) пошлина въ Новгородской области [236]).

Изъ представленныхъ источниковъ, откуда бѣлое духовенство извлекало средства на свое содержаніе, можно видѣть, что городское и особенно соборное духовенство находилось въ несравненно лучшихъ условіяхъ чѣмъ сельское. Это послѣднее должно было пользоваться по преимуществу тѣмъ, что давали ему прихожане, и должны были стоять въ зависимости какъ отъ ихъ усердія, такъ и отъ величины приходовъ. Къ сожалѣнію не всегда прихожане заботились объ обезпеченіи своего причта, приходы же не вездѣ были велики; къ половинѣ XVI вѣка было не мало такихъ приходовъ, которые не въ состояніи были обезпечивать своихъ причтовъ, такъ что иныя церкви стояли лѣтъ по 20 безъ священниковъ, и Стоглавый соборъ вынужденъ былъ запретить постройку лишнихъ церквей, которыхъ не могли обезпечить нужными средствами сами строители. При недостаточности средствъ къ содержанію сельскаго духовенства яв-

ляются съ другой стороны большіе расходы его. Особенно много расходовалось на архіерейскія каѳедры и архіерейскихъ чиновниковъ. Изъ перечня пошлинъ, шедшихъ на архіерея съ бѣлаго духовенства, уже можно видѣть, какъ тяжело было для него архіерейское тягло. Но оно становилось еще тяжеле, когда сами епископы и ихъ помощники допускали злоупотребленія. На Стоглавомъ соборѣ царь Иванъ Васильевичъ заявилъ: „у васъ, святителей, бояре и дьяки, и тіуны, и десятинники, и недѣльщики судятъ и управу чинятъ не право, и волочатъ и продаютъ..., а десятинники поповъ по селамъ продаютъ безъ милости... и церкви отъ десятинниковъ и отъ ихъ великихъ продажъ стоятъ многія пусты, безъ пѣнія, и поповъ нѣтъ“ (гл. 5, вопр. 7); клирошане также „чинили великую продажу о антиминсѣхъ“ (вопросъ 2 и гл. 47). и вѣнечныхъ знаменахъ (вопр. 4). Ко всему этому присоединялись поборы со стороны вліятельныхъ прихожанъ, княжескихъ чиновниковъ и церковныхъ патроновъ при избраніи кандидатовъ на священнослужительскія мѣста; наконецъ, тѣ пошлины и повинности, какія духовенство должно было нести въ пользу государства. Результатомъ всего этого была крайняя бѣдность сельскаго духовенства. По неволѣ оно должно было совершать черныя работы, грязно одѣваться и жить также, какъ поселяне. Неблагопріятны были, поэтому, условія и къ прохожденію пастырскихъ обязанностей; матеріальный интересъ для духовенства былъ настолько насущнымъ, что поглощалъ все его вниманіе и приводилъ къ злоупотребленіямъ. Явилось въ духовенствѣ мздоимство, отдача денегъ и хлѣба въ ростъ, побѣги въ города или монастыри для найма на церковныя службы (крестцовое духовенство), частые переходы изъ одного прихода въ другой (духовенство перехожее) и т. п. Какъ ни ратовали противъ этихъ недостатковъ свѣтская и церковная власти, они продолжали существовать во весь данный періодъ, потому что тѣ же власти не позаботились обезпечить надлежащимъ образомъ матеріальное положеніе сельскаго духовенства и такимъ образомъ оставили жить тотъ корень, изъ котораго выростали злоупотребленія. Правда, митроп. Даніилъ съ Василіемъ Ивановичемъ приговорилъ переписать всѣ приходы въ митрополію, чтобы „полегчить

нѣкоторые изъ нихъ въ даняхъ, на другіе же наложить больше“ [237]); однако приговоръ остался невыполненнымъ. Съ постепеннымъ обособленіемъ духовенства въ сословіе, все сильнѣе и сильнѣе чувствовались экономическія нужды его, потому что больше и больше являлось въ немъ лишнихъ ртовъ и недобычливыхъ рукъ.

§ 18 Установившаяся прежде *связь между церковію и государствомъ*, въ XIII—XVI в. еще болѣе закрѣпляется. Постоянно встрѣчаешься съ фактами вліянія первой на второе и на оборотъ. Но въ исторіи ихъ взаимоотношеній можно замѣтить все болѣе и болѣе усиливающееся преобладаніе государства надъ церковію. Прежде только организовавшееся, и состоявшее подъ опекой церкви, въ настоящій періодъ оно отъ удѣльной, безпорядочной жизни приходитъ къ концентраціи около Московскаго престола на сѣверѣ и польскаго трона—на юго-западѣ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ не только снимаетъ съ себя опеку церкви, но и ее саму ставить въ подчиненіе себѣ. Это послѣднее идетъ также прогрессивно, какъ возвышеніе гражданской власти. Поэтому между началомъ даннаго періода, когда еще существовали удѣлы и при ихъ разрозненности митрополитъ служилъ связующимъ Россію центромъ, и между концемъ, когда удѣлы прекратили свое существованіе и возвысились до самодержавія, Московскій государь и польскій король, замѣтна большая разница въ отношеніяхъ свѣтской власти къ церковной жизни и церковной власти.

Вліяніе свѣтской власти на церковную жизнь выражается въ данный періодъ въ разнообразнѣйшихъ дѣйствіяхъ по всѣмъ сторонамъ церковной жизни. Князья на сѣверѣ Россіи заботятся о насажденіи христіанства во вновь пріобрѣтенныхъ областяхъ и о христіанскомъ просвѣщеніи новообращенныхъ, на югѣ же польскій король подъ вліяніемъ католической партіи старается ослабить силу православнаго христіанства, помогая католической пропагандѣ. Русскіе князья сами строятъ храмы и монастыри, открываютъ епархіи, опредѣляютъ ихъ предѣлы, даютъ средства на содержаніе каѳедръ и церквей, сами вліяютъ на избраніе духовныхъ лицъ, а съ теченіемъ времени сами даже единолично избираютъ высшихъ представителей церковной власти. На

югѣ Россіи это стало однимъ изъ правъ короля, на сѣверѣ же въ концѣ XV и въ XVI вѣкѣ практиковалось такъ часто, что сдѣлалось обычнымъ явленіемъ. Также произвольно свѣтская власть низлагаетъ іерарховъ, какъ и возводитъ: судъ надъ ними польскій король даже приписываетъ себѣ, какъ свое право. Во внутренней жизни церкви вліяніе свѣтской власти было не меньше. Она издаетъ граматы, опредѣляющія права духовенства, характеръ церковнаго управленія и суда; она выдаетъ граматы жалованныя и несудимыя, нарушая ими обычныя и каноническія права іерарховъ; она вмѣшивается въ управленіе монастырями, особенно княжьими, и церквами, особенно ружными; она приписываетъ себѣ право высшаго суда въ сомнительныхъ случаяхъ смѣстнаго суда; она повѣряетъ монастырскую кассу; она отнимаетъ иногда церковныя имущества; она созываетъ нерѣдко соборы, указываетъ здѣсь на церковные недостатки и предлагаетъ іерархамъ ихъ уничтожить; она скрѣпляетъ своими печатями важныя распоряженія митрополита, она принимаетъ доклады отъ епископовъ по церковнымъ вопросамъ; она слѣдитъ за ересями, сама борется иногда съ еретиками (такъ напр. на соборѣ 1503 г.); она сама сносится иногда съ константинопольскимъ патріархомъ по церковнымъ нуждамъ (напр. граматы Василія Васильевича по случаю избранія Іоны); сама, даже непосредственно, уничтожаетъ церковные недостатки (напр. Іоаннъ IV пишетъ граматы въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь противъ тамошнихъ безпорядковъ); сама наконецъ ставитъ различныя стѣсненія для церковныхъ іерарховъ, даже въ ихъ частномъ быту, напр. вмѣшиваясь въ избраніе ими помощниковъ себѣ по управленію домовъ и епархіями. Трудно сказать, гдѣ сильнѣе давила центральная свѣтская власть на церковную жизнь, на югѣ ли, или на сѣверѣ Россіи; но несомнѣнно, что мѣстные чиновники больше стѣсняли ее и злоупотребленія были крупнѣе отъ вмѣшательства свѣтскихъ властей въ церковную жизнь—въ южной Россіи. Граматы, часто издаваемыя князьями и королями на счетъ неприкосновенности церковнаго управленія и суда, были большею частію гласомъ вопіющимъ въ пустыни: на югѣ Россіи ихъ не слушали областные чиновники, имъ не слѣдовали строго и сами короли; на сѣверѣ, если и боялись

ихъ нарушать первые, за то часто обходили великіе князья.

При такомъ положеніи вещей и церковная власть все более и более забиралась въ руки свѣтской и дѣйствовала по его инициативѣ; сравнительно большую самостоятельность она проявляла или въ началѣ періода, когда не настолько еще была сильна свѣтская власть, или въ концѣ—при малолѣтнихъ и неокрѣпшихъ еще политически государяхъ. Соотвѣтственно съ этимъ и степень *вліянія церковной власти* на ходъ гражданскихъ дѣлъ въ различныя времена была различна. При удѣльновѣчевомъ порядкѣ епископы благословляли и „посажали“ князей на княженіе; по ихъ благословенію князья давали жалованныя граматы, ихъ приглашали при написаніи своихъ духовныхъ завѣщаній, имъ ввѣряли опеку надъ малолѣтними дѣтьми; ихъ отправляли для переговоровъ о наслѣдствѣ, раздѣлѣ земель и вообще для взаимныхъ объясненій; они же нерѣдко являются послами при заключеніи мира, обличителями и совѣтниками князя. Вотъ напр. что передаютъ древніе памятники о Симеонѣ, епископѣ Тверскомъ († 1289 г.): „Константинъ, князь полоцкій, называемый Безрукій, желая уколоть своего тіуна, сказалъ въ слухъ всѣхъ епископу: гдѣ будутъ наши тіуны на томъ свѣтѣ? Владыка Симеонъ отвѣчалъ: тамъ же гдѣ и князь. Князю это не понравилось и онъ сказалъ: тіунъ судитъ не право, беретъ деньги, продаетъ и мучитъ людей, дѣлаетъ все худое; а я что дѣлаю? Владыка сказалъ ему: если князь—добръ и богобоязненъ, жалѣетъ людей, любитъ правду и потому выбираетъ въ тіуна или властелина человѣка добраго и богобоязненнаго, умнаго и правдолюбиваго—то князь будетъ въ раю и тіунъ его съ нимъ. Если же князь безъ страха Божія, не жалѣетъ христіанъ, не думаетъ о сиротахъ и вдовахъ, и поставляетъ начальника злаго, неразсудительнаго, только бы давалъ ему купы (деньги), пускаетъ его какъ голоднаго пса на падаль, губитъ людей: то и князь будетъ въ аду и тіунъ его съ нимъ. Говорю вамъ князьямъ и намѣстникамъ: утѣшайте печальныхъ, избавляйте слабыхъ изъ руки сильныхъ. Богатые обижаютъ ихъ, и они къ вамъ приходятъ какъ къ защитникамъ добрымъ. Вы же, князья и намѣстники, подобны дождевой тучѣ, пущающей воду надъ моремъ, а не надъ землею жаждущею. Вы тѣмъ даете и по-

могаете, у которыхъ много серебра и золота, а не тѣмъ, которые не имѣютъ ни пенязя: бѣдныхъ отдаете въ рабство, а богатыхъ надѣляете щедро“ [238]). Между епископами особенно большимъ значенiемъ пользовался, какъ и прежде, Новгородскiй владыка. Имя его въ новгородскихъ граматахъ ставилось выше имени не только посадника, но и князя. У него спрашивали новгородцы благословенiя на войну и миръ, съ его согласiя и даже при его участiи заключались договоры съ удѣльными и великими князьями, даже съ Швецiей, Польшей и Литвой; съ его благословенiя возводились постройки, давались жалованныя граматы; къ нему обращались съ поклономъ и просьбою тѣ, кто хотѣлъ ладить съ новгородцами; имъ скрѣплялись вѣчевыя постановленiя, онъ давалъ свое войско во время войны, деньги при нуждахъ города, онъ же выступалъ въ качествѣ примирителя при внутреннихъ смутахъ и верховнаго судiи—въ спорныхъ случаяхъ. Когда палъ удѣльный порядокъ и не стало удѣльныхъ князей, епископы въ городахъ заняли первенствующее мѣсто. Поэтому-то ихъ можно видѣть иногда во главѣ заговора, когда тотъ или другой городъ поднимается противъ Московскаго государя съ цѣлiю вернуть свою самостоятельность. Напр. Ѳеофилъ Новгородскiй вступаетъ въ переговоры съ Казимiромъ при Iоаннѣ III, Варсанофiй Смоленскiй—съ Сигизмундомъ при Василiѣ III. Поэтому же и сами Московскiе князья расправляются съ епископами такъ, какъ будто это были представители города;—ссылаютъ и заключаютъ въ заточенiе, какъ было напр. съ упомянутыми Варсанофiемъ и Ѳеофиломъ. Поэтому же наконецъ и митрополиты, желая привлечь какой либо городъ къ помощи Московскому князю или подавить тамъ возстанiе, дѣйствуютъ иногда чрезъ мѣстнаго епископа и подчиненное ему духовенство *). Ту роль, какую играли въ политическихъ дѣлахъ епископы, брали на себя иногда архимандриты, игумены и городскiе священники, какъ по своей инициативѣ, такъ и по порученiю князя или епископа. Съ прекращенiемъ удѣльновѣчеваго строя, съ подчиненiемъ городовъ Московскому великому князю и съ вве-

*) Напр. грамоты Филиппа I къ тому же Ѳеофилу, Iоны—къ тверскому еп. Илiи (1451—2 г.).

деніемъ всюду опредѣленныхъ гражданскихъ формъ, епископы утратили свое политическое значеніе. Только соборно осмѣливались они высказывать свое мнѣніе, да и то или по данному на это княземъ дозволенію, или въ угоду великому князю. Такъ напр. на Стоглавомъ соборѣ они высказались за судебникъ Іоанна IV и въ обличительномъ посланіи къ Димитрію Юрьевичу Шемякѣ (1447 г.)—за новый порядокъ престолонаслѣдія, водворившійся въ Москвѣ[239]). Случаи, когда епископы единолично осмѣливались бы давать политическіе совѣты великому князю, не зная какъ этотъ приметъ ихъ, были исключительными: епископы боялись это дѣлать и предоставляли митрополиту. Изъ ряда вонъ выходитъ обличеніе Вассіаномъ Рыло Ростовскимъ великаго князя Іоанна III за его трусость въ дѣлѣ борьбы съ ханомъ Ахматомъ[240]); но нужно замѣтить, что Вассіанъ былъ духовникомъ князя и пользовался его уваженіемъ. Гораздо шире былъ кругъ политическихъ дѣйствій русскаго митрополита. Онъ былъ главою русской церкви и потому могъ простирать свое вліяніе на всѣ области; онъ былъ ближе къ великому князю и потому могъ удобнѣе вліять на самое средоточіе гражданской жизни. Митрополиты вмѣшиваются въ удѣльныя распри и всевозможными средствами стараются прекратить ихъ. Напр. когда въ 1270 г. новгородцы выгнали князя Ярослава Ярославича и выступили противъ него съ своимъ войскомъ, митрополитъ Кириллъ III послалъ имъ письмо, въ которомъ между прочимъ писалъ: „мнѣ поручилъ Богъ архіепископію въ русской землѣ, а вамъ должно слушать Бога и меня; не проливайте крови; Ярославъ оставляетъ всякую злобу, за это я ручаюсь;- если же вы цѣловали крестъ противъ него, я принимаю на себя епитимію за нарушеніе вами клятвы и отвѣчаю за то предъ Богомъ"; новгородцы послушались совѣта и помирились съ княземъ. Когда Борисъ отнялъ Нижній-Новгородъ у своего брата Димитрія Суздальскаго, то митрополитъ Алексій послалъ въ Нижній-Новгородъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, чтобы уговорить Бориса уступить брату, и тотъ затворилъ тамъ всѣ церкви и прекратилъ богослуженіе; Суздальскаго епископа Алексія, поддерживавшаго Бориса, митрополитъ тогда же лишилъ принадлежавшей ему Нижегородской области (1365 г.); Борисъ долженъ былъ смириться. Когда въ 1328 г.

псковичи укрыли у себя вызываемаго въ орду Тверскаго князя Александра Михайловича и не хотѣли его выдать, митрополитъ Ѳеогностъ „посла проклятіе и отлученіе“ на князя Александра и на псковичей, такъ что они должны были уступить. Дѣйствуя такъ въ данномъ случаѣ, митрополитъ боялся, какъ бы ханскій гнѣвъ за неявку въ орду князя Александра не обрушился на всю Россію, и такимъ образомъ косвенно оберегалъ благосостояніе Россіи. Но извѣстенъ случай митрополичьей дѣятельности и прямо для этой цѣли. Когда Бердибекъ, умертвивши своего отца Чанибека, сдѣлался ханомъ орды, то потребовалъ отъ всѣхъ русскихъ князей новой дани и сталъ собираться на нихъ войною; по просьбѣ великаго князя митрополитъ Алексій отправился въ орду, укротилъ гнѣвъ хана и отклонилъ ожидаемыя для Россіи бѣды (1357 г.). Когда приходилось Московскимъ князьямъ бороться съ татарами, митрополиты убѣждали и удѣльныхъ князей выступить на это дѣло. Такъ напр. митрополитъ Іона посылалъ грамоту и Коломенскій епископъ Геронтій къ Можайскому князю Ивану Андреевичу [241]); онъ же призывалъ на помощь и Тверскаго князя Бориса Александровича чрезъ мѣстнаго епископа Илію [242]). Митрополитъ былъ ходатаемъ за побѣжденныхъ князей и тѣ такъ смотрѣли на него [243]). Еще больше дѣлали русскіе митрополиты въ интересахъ Московскаго великаго князя. Они поддерживали его въ борьбѣ съ его врагами, они старались всѣ русскія области стянуть къ Москвѣ. Къ этому побуждалъ ихъ и самъ князь и ихъ собственные интересы, такъ какъ гражданское объединеніе Россіи способствовало и бо́льшему подчиненію епархій власти Московскаго митрополита. Митрополитъ Алексій въ 1364 г. былъ посредникомъ при заключеніи договора между великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ и двоюроднымъ его братомъ Владиміромъ Андреевичемъ; чрезъ нѣсколько лѣтъ тотъ же митрополитъ наложилъ церковное отлученіе на смоленскаго князя Святослава и другихъ князей за то, что они, нарушивъ клятву, пошли вмѣстѣ съ Ольгердомъ войною противъ Димитрія Іоанновича. Митрополитъ Фотій самъ ѣздилъ въ Галичъ, чтобы лично уговаривать Звенигородскаго князя Юрія Димитріевича помириться съ своимъ племянникомъ Московскимъ княземъ Василіемъ

Васильевичемъ; когда тотъ не уступалъ, митрополитъ удалился, не благословивъ ни его, ни города; и наконецъ добился своей цѣли: Юрій догналъ его на дорогѣ, упросилъ возвратиться въ Галичъ, дать благословеніе и ему и городу, обѣщая не поднимать руки на племянника (1425 г.). Въ княженіе Василія Васильевича митрополитъ Іона принималъ живое участіе въ борьбѣ его съ Димитріемъ Юрьевичемъ Шемякою. Въ своей окружной граматѣ (1448 г.) святитель убѣждалъ всѣхъ сыновъ Россія признавать законнымъ великаго князя Василія и не поддерживать Димитрія, сторонниковъ же его уговорилъ покориться великому князю и прекратить кровопролитіе, угрожая въ противномъ случаѣ затворить храмы въ ихъ странѣ [243]); въ слѣдующемъ году митрополитъ даже путешествовалъ съ великимъ княземъ въ Кострому и личнымъ убѣжденіемъ склонилъ Шемяку къ миру. Но примиреніе это оказалось не искреннимъ; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Шемяка поднялся снова въ Галичѣ и, разбитый княземъ, утвердился въ Новгородѣ. Іона нѣсколько разъ посылалъ сюда своихъ пословъ и граматы, убѣждая новгородцевъ не держать у себя князя Димитрія и не ходить съ нимъ на кровопролитіе; архіепископа Евфимія онъ уговаривалъ подѣйствовать, если можно, на Димитрія, склонить его къ уступкѣ, если же это не удастся, не имѣть съ нимъ общенія, какъ съ отлученнымъ отъ церкви (1452—3 г.) [244]). Извѣстны также посланія св. Іоны въ Вятку, гдѣ Шемяка находилъ для себя помощь; въ одномъ посланіи онъ укоряетъ вятичей за то, что они соединились съ отлученнымъ отъ церкви Шемякою и, вопреки крестному цѣлованію, ходили съ нимъ на вотчины великаго князя, грабили и раззоряли церкви, мучили христіанъ, продавали плѣнниковъ въ поганство и убѣждаетъ ихъ исправиться, угрожая своимъ неблагословеніемъ; во второмъ—онъ даетъ выговоръ вятскому духовенству за то, что оно не старается исправить паствы, и угрожаетъ ему отлученіемъ отъ церкви, если вятичи не покорятся великому князю (около 1452 г.) [245]). Извѣстна наконецъ грамата св. Іоны къ Смоленскому епископу Мисаилу, гдѣ онъ уговариваетъ его принять мѣры противъ сторонника Шемяки, Можайскаго князя Ивана Андреевича (1454 г.) [246]). Помогая Московскому князю возвышаться надъ другими кня-

зьями, митрополиты принимали участіе и въ дѣлахъ внутренней политики Московскаго княжества. Иногда это участіе проявлялось только въ благословеніи митрополита, иногда въ совѣтахъ, наставленіяхъ и обличеніяхъ, иногда же и во внѣшней дѣятельности. Митрополитъ своимъ благословеніемъ скрѣплялъ договоры великаго князя, своею подписью и печатію онъ же свидѣтельствовалъ и духовныя завѣщанія князя; его благословенія спрашивали князья въ важныхъ гражданскихъ дѣлахъ: „по благословенію отца нашего митрополита“—встрѣчаемъ мы обыкновенно въ важныхъ княжескихъ граматахъ; [247]) не только въ началѣ, но и въ концѣ періода, встрѣчаемся мы съ этимъ. Напр. даже такой царь, какъ Іоаннъ IV, не терпѣвшій посторонняго вмѣшательства въ свои дѣла и вліянія на него, однако заручался благословеніемъ митрополита и собора, когда издавалъ свой судебникъ (1549 и 1551 г.), или когда колебался относительно войны съ Польшей (1551)[248]). Митрополиты были совѣтниками великаго князя. Это прямо выражаютъ многіе князья. Напр. Симеонъ Іоанновичъ въ завѣщаніи своимъ братьямъ заповѣдуетъ имъ „слушать“ митрополита Алексія, какъ отца; Василій Васильевичъ въ одной изъ граматъ Константинопольскому патріарху заявляетъ, что князю приходится бесѣдовать съ митрополитомъ и о гражданскихъ, иногда сокровенныхъ, дѣлахъ [249]). Іоаннъ IV послѣ страшнаго Московскаго пожара 1547 г. публично обратился къ митрополиту Макарію съ такими словами: „молю тебя, святый владыко, будь мнѣ помощникомъ и поборникомъ въ любви“ [250]). Случаевъ, когда митрополиты дѣйствительно были совѣтниками и помощниками великаго князя очень много. Митрополитъ *Алексій*, которому поручено было умирающимъ княземъ Симеономъ руководительство юными его братьями, былъ главнымъ руководителемъ Іоанна Іоанновича и послѣ—Димитрія Іоанновича; въ малолѣтство же его онъ стоялъ во главѣ боярской думы. Митрополитъ *Геронтій*, хотя не пользовался большимъ вліяніемъ на гражданскія дѣла, тѣмъ не менѣе давалъ совѣты великому князю Іоанну III. Такъ, когда (1480 г.) Ахматъ двинулся въ предѣлы Россіи и великій князь, по внушенію нѣкоторыхъ бояръ, готовъ былъ удалиться въ какое либо безопасное мѣсто, митрополитъ

съ архіепископомъ Ростовскимъ Вассіаномъ и духовенствомъ употребилъ всѣ старанія, чтобы побудить князя на открытую борьбу съ татарами. Тотъ дѣйствительно отправился съ войскомъ; расположивъ его, гдѣ считалъ удобнымъ, однако самъ скоро вернулся въ Москву; митрополитъ и Вассіанъ встрѣтили его здѣсь упреками, предполагая въ немъ трусость; когда же тотъ отправился на битву, митрополитъ благословилъ его; но услыхавъ, что великій князь готовъ заключить съ Ахматомъ миръ, послалъ къ нему отъ лица всего духовенства посланіе, уговаривающее князя вступить въ рѣшительную битву съ татарами и призывающее на это дѣло Божіе благословеніе [251]). При борьбѣ Іоанна III съ Новгородомъ, митрополитъ Геронтій былъ на сторонѣ князя и согласился на мѣсто Ѳеофила послать новаго архіепископа въ Новгородъ [252]). Наконецъ онъ послалъ граматы и въ Вятку, убѣждая туземцевъ покориться великому князю и не опустошать его вотчинъ [253]). Митрополитъ *Даніилъ* при Василіѣ Ивановичѣ пользовался его неизмѣннымъ благорасположеніемъ, хотя это послѣднее окупалось уступками со стороны митрополита; умирая, Василій Ивановичъ даже „приказалъ" (отдалъ подъ опеку) малолѣтняго сына и наслѣдника своего Іоанна IV митрополиту Даніилу. Тотъ немедленно по смерти своего благодѣтеля привелъ бояръ и членовъ царской семьи къ присягѣ новому государю и регентшѣ—его матери Еленѣ: чрезъ нѣсколько времени благословилъ Іоанна на княженіе, и пока была жива Елена, принималъ участіе въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики: бывалъ въ думѣ, благословилъ литовскую войну, былъ посредникомъ въ примиреніи Іоанна IV съ его дядею Андреемъ Ивановичемъ. Но по смерти Елены, когда открылась борьба между Бѣльскими и Шуйскими, митрополитъ, стоявшій на сторонѣ первыхъ, вмѣстѣ съ ихъ паденіемъ, долженъ былъ оставить каѳедру. Ее занялъ митроп. *Іоасафъ* (1539 г). Онъ поддержалъ Бѣльскихъ и вмѣстѣ съ Иваномъ Бѣльскимъ былъ нѣсколько времени самымъ приближеннымъ къ царю лицемъ и „первосвѣтникомъ"; заботою его было умиротвореніе отечества. Но скоро (1542) Шуйскіе опять взяли верхъ, Бѣльскіе пали: Іоасафъ былъ заключенъ въ заточеніе. Избранъ былъ митрополитомъ *Макарій*. Онъ пользо-

вался большимъ вліяніемъ на государственную жизнь и самого царя; это вліяніе продолжалось, не смотря на суровость и капризъ царя, за все время жизни Макарія. Къ нему прибѣгаетъ царь, когда нужно было защитить Воронцова отъ Шуйскихъ, хотѣвшихъ его убить; у него онъ спрашиваетъ совѣта и долго бесѣдуетъ съ нимъ по вопросу о вступленіи въ бракъ; предъ нимъ изливаетъ свою душу и даетъ обѣтъ исправиться послѣ пожара 1547 г.; у него же проситъ помощи и руководительства на слѣдующее время. Такимъ онъ и является послѣ. Только Сильвестръ да Одашевъ могли нѣкоторое время соперничать съ нимъ во вліяніи на царя. Отправляясь въ походъ противъ Казани, царь проситъ молитвъ и благословенія у митрополита; изъ похода нѣсколько разъ списывается съ нимъ; удачу похода приписываетъ мольтвамъ митрополита. На время удаленія изъ столицы царь оставлялъ государство и семью на попеченіе Макарія: „ты, отецъ мой, позаботься, сколько Богъ тебѣ дастъ, во всемъ соблюсти мое царство, а брата нашего и бояръ, здѣсь остающихся, во всемъ наставляй; равно береги духовно и жену мою, царицу Анастасію“ — говорилъ царь митрополиту, оставляя Москву. Зная силу митрополита у царя, Литовскіе паны, чтобы получить отъ послѣдняго желаемое, обращались нерѣдко за ходатайствомъ къ митрополиту Макарію; къ нему же обыкновенно шли съ мольбами русскіе, подвергавшіеся царской опалѣ, и добивались, что царь жаловалъ ихъ „для отца своего митрополита Макарія“. Вліяніе его было такъ сильно, что сдерживало царя отъ тѣхъ безчинствъ, какія онъ сталъ совершать впослѣдствіи. Со смертію Макарія какъ бы кончилось и то время, когда митрополиты могли вмѣшиваться въ гражданское управленіе. Самъ Іоаннъ IV сталъ заявлять, что духовенство во главѣ съ митрополитомъ покрываетъ виновныхъ въ крамолѣ бояръ своимъ ходатайствомъ, что „не подобаетъ священникамъ брать на себя царскія дѣла“. При учрежденіи опричины въ 1565 г. была объявлена царемъ опала, рядомъ съ боярами, и духовенству за прикрытіе имъ бояръ достойныхъ казни. Понятно, что положеніе митрополита чрезъ это стѣснялось; всякій его совѣтъ касательно гражданскихъ дѣлъ могъ показаться подозрительному царю притязаніемъ на его власть. Поэтому-то

митрополитъ Аѳанасій долженъ былъ молча смотрѣть на открывшіяся дѣйствія опричины; поэтому то Германъ, избранный на мѣсто его, былъ удаленъ раньше посвященія; поэтому же Филиппъ II при своемъ вступленіи на митрополичью каѳедру получаетъ отъ царя между прочимъ требованіе „въ опричину и царскій домовый обиходъ не вступаться“, и, когда вступился, подвергся заточенію и мученической кончинѣ; поэтому же наконецъ Кириллъ IV и Антоній являются не только безмолвными свидѣтелями дѣлъ Грознаго, но и его „потаковниками“, по выраженію князя Курбскаго. Можно было бы при слабомъ царѣ Ѳеодорѣ митрополиту Діонисію вліять на ходъ гражданскихъ дѣлъ, и онъ старался объ этомъ; но ничего не могъ сдѣлать противъ сильнаго временщика Бориса Годунова.

Въ южной Россіи еще болѣе ограничено было вмѣшательство церковной власти въ гражданскія дѣла. Католическая королевская власть Польши, конечно, не могла терпѣть вліянія православной церкви и поддавалась лишь вліянію католическихъ бискуповъ и магнатовъ. По Городельскому, не разъ подтверждаемому впослѣдствіи постановленію, православные даже лишались права быть въ польской радѣ и на сеймѣ [254]).

Соотвѣтственно тому, какъ ограничивалось политическое значеніе духовной власти, произошло за данный періодъ и ограниченіе *юридическаго* ея значенія. Именно дѣла по душегубству, разбою и кражѣ съ поличнымъ мало по малу отошли въ вѣдѣніе свѣтскаго суда, спорные случаи смѣстнаго суда разрѣшались княземъ, въ суды по не духовнымъ дѣламъ были пущены цѣловальники и земскіе старосты; сами судьи (бояре епископскіе и митрополичьи) ставились съ согласія великаго князя, выдавались несудимыя граматы церквамъ монастырямъ и нѣкоторымъ церковнымъ вотчинамъ. Такимъ образомъ былъ съуженъ кругъ судебной власти епископа надъ обществомъ и самый судъ его былъ даже поставляемъ подъ контроль власти свѣтской.

Осталось въ прежней силѣ, если только не было расширено, *экономическое* значеніе церкви для государства. Духовенство мало по малу притягивалось къ государственному тяглу, обязываясь платить различныя пошлины и повинно-

сти; получая въ глухихъ мѣстахъ вотчины, оно старалось о заселеніи и обработкѣ ихъ, содѣйствуя тѣмъ экономіи государственной; оно само строило благотворительныя учрежденія, помогало при выкупѣ плѣнныхъ, давало деньги и войско на военныя и другія нужды государства; даже нерѣдко само по своей инціативѣ участвовало въ городскихъ постройкахъ.

При тѣсной связи государства съ церковію и при господствѣ перваго надъ второю постепенно стало обнаруживаться въ самомъ устройствѣ церковнаго управленія вліяніе формъ гражданской жизни. Суды церковные, напр., и все дѣлопроизводство здѣсь копировалось съ свѣтссихъ: дворъ митрополичій и епископскій представлялъ собою подобіе княжескаго двора; управленіе церковными вотчинами было очень похоже на управленіе княжескими вотчинами. Во Псковѣ, подобно земству, само бѣлое духовенство раздѣлилось на общины—купы, приписанныя къ собору и управляемыя поповскимъ старостою; сельскіе приходы, какъ и земскія общины, тянули къ городу и входили въ соборныя купы. Такимъ образомъ въ данный періодъ уже даютъ себя чувствовать въ церковной жизни тѣ гражданскіе элементы, которые впослѣдствіи проявились тамъ еще нагляднѣе.

ГЛАВА III.

Состояніе просвѣщенія и христіанскаго ученія.

§ 19. Еще въ прежній періодъ въ Россіи не было распространено истинное школьное образованіе; оно составляло лишь исключеніе для немногихъ отдѣльныхъ лицъ, по отношенію же къ большинству книжныхъ людей сводилось только на грамотность и начитанность. Не поднялось просвѣщеніе и въ настоящій періодъ, напротивъ какъ будто упало, такъ что постоянно встрѣчаешься съ жалобами лучшихъ людей на общее невѣжество и на скудость образовательныхъ средствъ. Въ объясненіе этого можно указать на слѣдующія обстоятельства. Еще въ X вѣкѣ, когда Владиміръ вводилъ широкое просвѣщеніе, русскіе показали свою неохоту учиться; когда же просвѣщеніе свелось на грамотность, они мало по малу такъ свыклись съ этимъ, что дальше и не думали

идти. Что было въ X—XII вѣкахъ, то, естественно, могло передаться и даже упрочиться въ слѣдующіе вѣка, лишь бы открылись для этого благопріятныя условія. Они и дѣйствительно открылись. Именно: напугавшись татарскаго погрома, греки, знакомившіе прежде русскихъ съ наукой, побѣжали изъ Россіи и послѣ этого, когда въ Россіи все поуспокоилось, въ меньшемъ, чѣмъ прежде, количествѣ, тянули сюда, потому что Русь стала въ менѣе тѣсныя связи съ греческою церковію и митрополичья каѳедра замѣщалась по преимуществу русскими. Съ другой стороны Европейскій Западъ, гдѣ было научное просвѣщеніе, сталъ въ глазахъ русскихъ еретическимъ западомъ, съ которымъ опасно было вступать въ сношенія. Такимъ образомъ для русскихъ закрылись источники, откуда бы можно было черпать школьное разностороннее образованіе.

Оставшись безъ постороннихъ источниковъ и руководителей въ дѣлѣ просвѣщенія, русскіе должны были довольствоваться своими собственными *образовательными средствами*. Что же были за средства?

При нѣкоторыхъ церквахъ, монастыряхъ и въ домахъ частныхъ лицъ существовали *школы*. Онѣ не представляли собою правильно организованныхъ училищъ и были скорѣе частными пансіонами, гдѣ ученики не шли дальше элементарнаго обученія грамотѣ или богослужебной практикѣ [255]). Учителями въ нихъ были духовныя и свѣтскія лица; послѣднія обыкновенно назывались мастерами и большею частію при обученіи своихъ учениковъ имѣли корыстную цѣль. Какъ и чему учили эти мастера въ XV—XVI вѣкахъ, можно видѣть изъ свидѣтельствъ Геннадія, архіепископа Новгородскаго, и Стоглаваго собора. Первый въ своемъ письмѣ къ митроп. Симону (около 1496—1504) пишетъ: „а вотъ мужики-невѣжды учатъ ребятъ, только рѣчь имъ портятъ: прежде выучатъ вечерю и за это мастеру (ученикъ) принесетъ кашуда гривну денегъ, за заутреню тоже или еще и больше, за часы особенно, да подарки еще несетъ кромѣ условной платы; а отъ мастера отойдетъ—ничего не умѣетъ, едва только по книгѣ бредетъ, о церковномъ же порядкѣ понятія не имѣеть“ [256]). На Стоглавомъ соборѣ Іоаннъ IV заявилъ, что „ученики учатся грамотѣ небрегомо“ (не брежно), отцы

собора въ свою очередь заявляютъ: „ставленники, хотящіе въ дьяконы и въ попы ставиться, грамотѣ мало умѣютъ... Когда же святители спрашиваютъ ихъ, почему они мало умѣютъ грамотѣ, тѣ даютъ отвѣтъ: мы учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а больше намъ негдѣ учиться; сколько они знаютъ, тому же учатъ и насъ. А отцы ихъ и мастера сами также мало умѣютъ и силы въ Божественномъ Писаніи не знаютъ, а учиться имъ негдѣ“ [257]). Ко времени Стоглаваго собора открылось даже, что количество такихъ первоначальныхъ школъ не только не было достаточно для Россіи, но даже значительно поубавилось въ сравненіи съ прежними вѣками: „прежде въ Россійскомъ царствѣ, на Москвѣ и въ великомъ Новгородѣ и по инымъ городамъ, многія училища бывали, грамотѣ и писать и пѣть и читать учили, и потому много было тогда гораздыхъ грамотѣ и пѣть и читать“—заявляютъ отцы Стоглаваго собора [258]). Поэтому и архіепископъ Геннадій и Стоглавый соборъ надумали завести побольше училищъ. Въ томъ же письмѣ къ митроп. Симону Геннадій проситъ его бить челомъ государю, чтобы тотъ приказалъ завести училища; очень ограничены были его требованія касательно курса этихъ училищъ: пусть тамъ обучаютъ сначала азбукѣ сполна и потомъ Слѣдованной Псалтири накрѣпко, чтобы ученики, изучивши это, въ состояніи были и канонаршить и читать всякія книги [259]). Просьба его осталась, повидимому, безъ удовлетворенія и Стоглавый соборъ постановилъ: чтобы по городамъ мѣстное духовенство, съ благословенія своего святителя, избрало достойныхъ священниковъ, дьяконовъ и женатыхъ дьячковъ, способныхъ обучать грамотѣ и письму, и въ домахъ ихъ открыло училища для дѣтей духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, чтобы избранные учители учили дѣтей страху Божію, соблюдали ихъ нравственную чистоту и цѣломудріе, пріучали ихъ въ церквахъ ко всякому пѣнію, чтенію и канонарханію, и вообще обучали ихъ грамотѣ, пѣнію и письму, сколько сами умѣютъ, ничего не скрывая и сказывая имъ силу Писанія [260]). Но и это очень умѣренное требованіе не было, повидимому, выполняемо. Есть свидѣтельства иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи послѣ Стоглаваго собора, которыя говорятъ, что „во всей Московіи нѣтъ ни коллегій, ни академій, а

есть только кое-какія школы, въ которыхъ учатся дѣти читать и писать"; или еще болѣе — нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ кромѣ того, чему можно научиться въ монастыряхъ; потому изъ тысячи людей едва найдется одинъ умѣющій читать или писать" [261]).

Въ такомъ же положеніи было школьное дѣло и въ южной митрополіи; разница лишь въ томъ, что здѣсь въ концѣ періода (въ XVI в.) при борьбѣ съ католичествомъ почувствовалась нужда въ научномъ образованіи и стали заводиться училища, какъ частными лицами, такъ и цѣлыми обществами (братствами); извѣстны напр. школы князей Острожскаго и Слуцкаго, братскія — Львовская и Виленская, гдѣ стали обучать не одной только славянской грамотѣ, но и языкамъ греческому, латинскому, польскому, и свѣтскимъ укамъ — на грамматикѣ, риторикѣ, діалектикѣ и др [262]).

Понятно, что при недостаткѣ школъ и школьнаго обученія русскимъ приходилось самообучаться. Это возможно было лишь для сравнительно немногихъ. Большинство же погрязало въ полномъ невѣжествѣ. Между князьями и боярами находились даже въ XVI вѣкѣ такіе, которые не умѣли писать [263]); „малоученные грамотѣ" встрѣчались изрѣдка и между епископами [264]); неудивительно, что подобные епископы не въ состояніи были сказать, сколько въ Новомъ Завѣтѣ Евангелій и сколько всѣхъ Апостоловъ [265]). Въ низшемъ духовенствѣ малограмотность является очень обычною; напротивъ начитанность — очень рѣдкимъ исключеньемъ, встрѣчающимся по преимуществу въ городахъ. Вотъ какъ отзывается о приходскомъ духовенствѣ архіепископъ Геннадій въ упомянутомъ выше посланіи къ митр. Симону: „Приведутъ ко мнѣ мужика (ставиться въ попы или дьяконы), я велю ему Апостолъ дать читать, а онъ и ступить не умѣетъ; велю дать Псалтирь — и по тому едва бредетъ... Я прикажу учить его ектеньямъ, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему то, а онъ совсѣмъ другое; велю учить азбукѣ, а онъ, поучившись немного, просится прочь, не хочетъ учиться... Если отказываюсь посвящать, мнѣ приносятъ жалобу: „земля, господине, такова, не можемъ добыти, кто бы гораздъ былъ грамотѣ" [266]). Лѣтъ 50 спустя почти тоже говоритъ Стоглавый соборъ: „ставленники, хотящіе ставиться

въ дьяконы и попы, грамотѣ мало умѣютъ, и святителямъ ставить ихъ — противно священнымъ правиламъ, а не ставить— святыя церкви будутъ безъ пѣнія и православные христіане начнутъ умирать безъ покаянія" [267]). По неволѣ приходилось ставить малограмотныхъ; отъ этого „мнози суще не умѣюще и книгъ въ тотъ чинъ внидоша" [268]). Много было такихъ, которые даже не знали „основныхъ началъ грамоты" [269]). Понятно, что подобныя лица должны были оказаться плохими учителями и богословами; находились такіе, которые не знали даже основныхъ догматовъ православной вѣры и совершали крещеніе „въ три Отцы, въ три Сыны и въ три Духы" [270]). О простомъ народѣ послѣ этого и говорить нечего; достаточно напомнить, что тамъ, по свидѣтельству одного иностранца, едва ли на 1,000 человѣкъ приходился хотя одинъ грамотный.

Тѣ, сравнительно немногія, лица, которыя выучились граматѣ и имѣли охоту къ дальнѣйшему обученію, могли самообучаться при помощи *Четіихъ книгъ*. Количество ихъ сначала было поуменьшилось отъ татарскихъ нашествій: разрушая города, церкви и монастыри, татары истребляли и бывшіе тамъ запасы книгъ [271]). Но съ теченіемъ времени быстро возстановлялось утраченное и разросталось количество книгъ. Надъ *списываніемъ* книгъ трудились многія лица,— одни смотря на это дѣло какъ на священное, другія, извлекая изъ него матеріальную пользу. На Руси списываніемъ книгъ занимались даже князья, епископы и видные строители монастырей; въ примѣръ можно указать на митрополитовъ Алексія и Кипріана, епископовъ новгородскаго Моисея, пермскаго Стефана, игуменовъ преп. Сергія Радонежскаго, Кирилла, Христофора и Кассіана бѣлозерскихъ, Аѳанасія Высотскаго, Павла Высокаго и др. Нѣкоторые изъ нихъ даже содержали при себѣ переписчиковъ и писали книги не только для себя и своихъ монастырей, но даже посылали въ другія мѣста. Не мало проживало писцовъ въ греческихъ-константинопольскихъ и аѳонскихъ монастыряхъ, откуда книги пересылались ими въ Россію [272]). Особенно быстро пошло дѣло списыванія книгъ, когда уставное (приближающееся къ печатному) письмо было замѣнено болѣе легкимъ полууставнымъ (съ конца XV вѣка) и наконецъ скоро-

писнымъ (въ XVI вѣкѣ). Но впрочемъ въ это же время особенно замѣчается и порча книгъ. За списываніе книгъ брались по преимуществу съ корыстными цѣлями мастера, у которыхъ былъ интересъ списывать скорѣе и больше; отъ этого являлось много недосмотровъ и ошибокъ, впослѣдствіи еще пополняемыхъ руками другихъ писцевъ; къ этому прибавлялись иногда намѣренное искаженіе текста и намѣренныя добавки. Объ исправленіи четіихъ книгъ заботились очень не многіе, немногимъ, наконецъ, это было и возможно [273]). Удобнѣе всего это было русскимъ инокамъ, проживавшимъ въ Греціи, такъ какъ они знали греческій языкъ и могли доставать греческіе подлинники; на самомъ дѣлѣ оттуда часто шли уже исправленныя книги [274]); но количество ихъ было сравнительно не велико и начавшейся порчи книгъ онѣ не могли пріостановить.

Только одно книгопечатаніе въ состояніи было дать однообразные экземпляры книгъ въ достаточномъ количествѣ. О заведеніи *типографіи*, какъ съ этою цѣлью, такъ и въ видахъ болѣе легкаго распространенія четіихъ книгъ, русскіе дѣйствительно подумывали. Въ 1525 году была открыта типографія въ Вильнѣ, въ 1531 году при Кіевопечерскомъ монастырѣ; въ 1553 году строится печатный дворъ въ Москвѣ и печатаніе поручается дьякону Ивану Ѳеодорову и Петру Тимоѳееву Мстиславцу; 10 лѣтъ они готовились къ работѣ, нашли помощника въ мастерѣ Марушѣ Нефедьевѣ, вызвали изъ Новгорода рѣзчика Васюка Никифорова и дѣлали попытку печатать книги „малыми и неискусными начертаньми"; потомъ выписали печатный станокъ и буквы изъ Польши и наконецъ, въ 1563 году начали печатаніе Апостола. 1 марта 1564 г. онъ былъ готовъ; въ 1565 году были изданы еще Часословъ и, какъ кажется, Евангеліе. Въ народѣ, особенно въ недовольныхъ писцахъ, боявшихся ущерба своему ремеслу, стали ходить подозрѣнія въ ереси на счетъ наборщиковъ и выпущенныхъ въ свѣтъ книгъ; типографскій домъ былъ подожженъ; Иванъ Ѳеодоровъ и Петръ Тимоѳеевъ убѣжали въ юго-западную Русь. Чрезъ 2—3 года возстановлено было книгопечатаніе сначала въ Москвѣ, потомъ въ Александровской слободѣ и отпечатана была тамъ и здѣсь одна лишь Псалтирь по одному разу. Московскіе наборщики,

убѣжавшіе на юго-западъ, продолжали тамъ свой трудъ; на своемъ станкѣ они отпечатали въ Заблудовѣ, въ имѣньи гетмана Ходкевича „Учительное Евангеліе“, представляющее собою сборникъ проповѣдей на воскресные и праздничные дни; въ 1570 году одинъ Иванъ Ѳеодоровъ тамъ же приготовилъ Псалтирь и Часословъ, затѣмъ перешелъ во Львовъ и наконецъ, продавши свою типографію одному еврею, у котораго впослѣдствіи перекупило ее Львовское православное братство,—въ Острогъ; здѣсь въ заведенной княземъ Константиномъ Острожскимъ типографіи онъ отпечаталъ (1581 г.) полную славянскую Библію. Петръ Тимоѳеевъ, разставшись въ Заблудовѣ съ своимъ сотоварищемъ, занимался печатаніемъ книгъ въ Вильнѣ, въ только-что (около 1575 г.) открытой типографіи братьевъ Мамоничей [275]).

На самомъ дѣлѣ книгопечатаніе мало принесло пользы. Первые шаги печатниковъ въ Москвѣ были очень несмѣлы, и дѣятельность очень ограничена: кромѣ немногихъ богослужебныхъ книгъ, ничего не было издано ими; правда, въ южной Россіи печатались и четіи книги „къ наученію людемъ христіанскимъ закону греческаго“, какъ напр. „Учительное Евангеліе“, но ихъ было сравнительно очень мало; главная же забота и здѣсь сосредоточивалась на богослужебныхъ и священныхъ книгахъ. Такимъ образомъ количество четіихъ книгъ мало или почти совсѣмъ не пополнялось типографскими работами; по прежнему надъ этимъ должны были трудиться переписчики; и они дѣйствительно трудились въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ съ не меньшей, чѣмъ прежде энергіей.

Четьи книги нерѣдко собирались въ болѣе или менѣе значительныя *библіотеки* — при церквахъ, монастыряхъ, епископскихъ каѳедрахъ и въ частныхъ домахъ. Монастырскія и церковныя библіотеки составлялись также, какъ прежде: пожертвованіями отъ мірянъ и иноковъ, наконецъ, нарочитымъ списываніемъ книгъ при посредствѣ иноковъ и даже свѣтскихъ писцовъ. При нѣкоторыхъ монастыряхъ были довольно большія библіотеки; напр., въ Ростовскомъ монастырѣ Григорія Богослова во время жизни здѣсь Стефана Пермскаго „книги много бяху, довольны суща ему на потребу почитанія ради“ [276]). Въ Супральскомъ монастырѣ (на

югѣ Россіи), количество книгъ въ первой половинѣ XVI вѣка восходило до 200 [277]); въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ по описи 1573 года оно простиралось до 1150 книгъ. Очень большими были также книгохранилища Троице-Сергіевой Лавры и Кирилло-Бѣлозерской обители. Даже малолюдные и бѣдные монастыри имѣли обыкновенно свои библіотеки, хотя, конечно, очень маленькія; напр., въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ монастырей, Корельскомъ-Николаевскомъ — было въ половинѣ XVI вѣка до 57 книгъ. Большинство книгъ принадлежало къ богослужебному отдѣлу, но рядомъ были книги учительныя, историческія, истолковательныя, каноническія и др., назначенныя для чтенія [278]). Особенно богата была великокняжеская библіотека въ Москвѣ. Своимъ обиліемъ она удивила ученаго грека Максима, который былъ вызванъ для ея разборки при Василіѣ Ивановичѣ (1518 г.); „такого книжнаго богатства нѣтъ ни въ Греціи, ни въ Италіи“ — говорилъ онъ государю; эта библіотека состояла изъ еврейскихъ, греческихъ, латинскихъ и славянскихъ книгъ; однѣхъ рукописей съ востока (греческихъ и латинскихъ) было здѣсь при Иванѣ Васильевичѣ до 800 [279]).

§ 20. Благодаря усердному списыванію книгъ, ихъ повидимому, было достаточно для того, чтобы, кто хотѣлъ, могъ пріобрѣсти *начитанность*. Но не всѣмъ однако можно было пользоваться ими. Великокняжеская библіотека стояла запертою, монастырскія были открыты лишь для монаховъ, частныя же и церковныя библіотеки, доступныя для нѣкоторыхъ міряпъ, были ограничены; мірскія занятія и интересы отнимали у членовъ общества не мало времени; такимъ образомъ у большинства грамотныхъ не хватало времени и средствъ къ самообученію и пріобрѣтенію широкой начитанности. Мало по малу въ обществѣ даже распространилось мнѣніе, что не дѣло міранъ „чести книги“ [280]); наконецъ, къ XVI вѣку стали бояться чтенія книгъ: „многіе боялись взять въ руки даже апостолъ и евангеліе“; сами учители—мастера говорили: „грѣхъ простымъ (мірянамъ) чести апостолъ и евангеліе“, и когда любознательные ученики хотѣли „навыкати писанія“, они отговаривали ихъ, замѣчая: „не чтите книгъ многихъ“, чтобы не сойти съ

ума и не впасть въ ересь [281]). Поэтому-то пастырямъ церкви, лучшимъ мірянамъ и книжникамъ приходилось писать обличенія и наставленія. Сохранилось множество отдѣльныхъ наставленій и даже цѣлыхъ поученій „о почитаніи книжномъ", которыя обыкновенно помѣщались въ предисловіи къ различнымъ сборникамъ. Въ нихъ говорилось, что „добро есть почитаніе книжное", что „книгами достоитъ искати пути спасенія", что онѣ „наведутъ на истинный путь и разрѣшатъ духовные соузы", что „велія стремнина и глубока пропасть писаніемъ невѣдѣніе, веліе предательство спасенію, что сіе „ереси родило есть, сіе и житіе растлѣнно введе", что „не мощно, часто не почитая, спасти себе" и что потому напрасно міряне чуждаются этого священнаго дѣла [282]). Къ книжному чтенію приходилось побуждать и бѣлое духовенство. Гораздо удобнѣе было отдаваться „почитанію книжному" и пріобрѣтать болѣе или менѣе широкую начитанность инокамъ, не отвлекаемымъ мірскими занятіями. Въ ихъ средѣ дѣйствительно была развита охота къ чтенію. Иные находили для себя въ немъ отраду,— „жизнь и дыханіе" [283]); иные, смотря на книжное чтеніе, какъ на средство къ религіозно-нравственному совершенствованію, считали его для себя даже обязательнымъ. Въ обществѣ такъ привыкли къ развитію книжнаго чтенія въ монастыряхъ, что даже прямо говорили о немъ, какъ исключительно „чернеческомъ дѣлѣ" [284]). Въ большихъ монастыряхъ, гдѣ находились богатыя библіотеки, иноки успѣвали пріобрѣсти широкую по тому времени начитанность. Напр. Іосифъ Волоколамскій въ своемъ „Просвѣтителѣ" дѣлаетъ ссылки почти на 40, а митрополитъ Даніилъ въ своихъ произведеніяхъ — на 50 отцевъ церкви и другихъ писателей, кромѣ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, кормчихъ, житій святыхъ, прологовъ, синаксарій, патериковъ и т. п. [285]).

Но впрочемъ и ихъ начитанность была въ дѣйствительности очень ограниченною; то же можно сказать и о другихъ книжникахъ. Это зависѣло отъ того, что четьи книги у насъ были по преимуществу—если не исключительно— религіозно-нравственнаго содержанія и вообще церковнаго характера, и наконецъ отъ того, что у насъ развитъ былъ интересъ именно къ такому чтенію еще въ прежній періодъ

и самому чтенію давалась религіозно-нравственная цѣль— наученія догматамъ вѣры, нравственнымъ истинамъ, возвышеніе ума и сердца къ Богу и развитіе воли примѣнительно къ требованіямъ нравственности [286]). Какъ было прежде, такъ стало и теперь: наши книжники XIV—XVI вѣковъ ограничиваются церковной лишь литературой (за исключеніемъ развѣ очень немногихъ лицъ) и совершенно чуждаются свѣтскихъ наукъ [287]). Астрономія и землемѣріе помѣщались иногда въ спискѣ отреченныхъ, запретныхъ книгъ [288]); знакомство же съ философіей признавалось иногда еретичествомъ [289]). Очень характеренъ отзывъ о себѣ одного книжника XV вѣка: „я человѣкъ сельскій, учился буквамъ, а еллинскихъ борзостей не текохъ, а риторскихъ астрономій не читалъ, съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывалъ, учуся буквамъ благодатнаго закона, дабы мощна моя грѣшная душа очистити отъ грѣховъ“ [290]). Пр. Максимъ грекъ, получившій широкое образованіе, обратилъ вниманіе на эту односторонность въ познаніяхъ нашихъ книжниковъ и хотѣлъ побудить ихъ къ занятію свѣтскими науками. Съ этою цѣлію онъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій высказывалъ мнѣніе о значеніи свѣтскихъ писателей и наукъ — философіи, логики, астрономіи, грамматики, риторики и піитики, даже написалъ 2 особыя статьи: „о грамматикѣ“ и „о пользѣ грамматики [291]); но все было напрасно; лишь немногіе непосредственные его ученики усвоили его взглядъ (князь Курбскій, Зиновій Отенскій).

§ 21. Наличная литература даннаго періода, какъ прежде, состояла А) изъ переводныхъ и Б) оригинальныхъ произведеній. *Переводы* обыкновенно дѣлались въ Константинополѣ (въ Студійскомъ монастырѣ и др.), или на Аѳонѣ, гдѣ занимались этимъ дѣломъ многіе русскіе и греческіе иноки; готовые переводы шли изъ Сербіи и Болгаріи; наконецъ, сравнительно немногіе переводы дѣлались въ Россіи. Здѣсь этимъ дѣломъ между прочимъ занимались митрополитъ Кипріанъ и преподобный Максимъ грекъ. Этотъ послѣдній перевелъ толкованіе на книгу Дѣяній Апостольскихъ, Толковый псалтирь, выписки изъ пророковъ съ толкованіями, Метафрастово житіе Богородицы, Псалтирь, нѣсколько главъ 2-й книги Ездры, Даніила и Есѳири, статьи С. Метафра-

ста объ апостолѣ Ѳомѣ, о чудѣ св. Архистратига Михаила въ Ханѣхъ и о мученичествѣ св. Діонисія Ареопагита, Кирилла Александрійскаго объ исходѣ души и пр.; пока не познакомился надлежащимъ образомъ съ русскимъ языкомъ, онъ обыкновенно переводилъ съ греческаго на латинскій языкъ, а на русскій перекладывали его русскіе помощники—Димитрій Герасимовъ и Власъ. Самъ Димитрій Герасимовъ перевелъ другую толковую Псалтирь и два полемическихъ произведенія противъ іудеевъ — Николая Делира и Самуила евреина. Подъ руководствомъ Максима Грека занимался переводомъ Бесѣдъ св. Іоанна Златоуста на евангелія отъ Матѳея и Іоанна старецъ Силуанъ [292]). Въ юго-западной Россіи въ XVI вѣкѣ заботился о переводѣ книгъ князь Курбскій. Онъ самъ изучалъ для этого латинскій языкъ, упросилъ своего родственника князя Михаила Оболенскаго съѣздить въ Краковъ и заграницу для завершенія образованія и заняться переводами, пригласилъ для этого же дѣла Артемія Троицкаго, бѣжавшаго изъ Соловецкаго монастыря, Марка Сарыгозина, московскаго выходца, и какого-то Амвросія; свидѣтельствомъ личныхъ трудовъ Курбскаго служитъ собственный его переводъ толкованій Іоанна Златоуста на посланія апостола Павла. Въ XIII—XVI в. переводная литература въ Россіи обогатилась множествомъ новыхъ книгъ, изъ которыхъ нѣкоторые списки сохранились до нашего времени. Болѣе замѣчательные изъ нихъ:

1) по *библейскому отдѣлу* списки Пятокнижія Моисеева и книгъ историческихъ ветхаго завѣта, принадлежащіе къ XIV—XV вѣкамъ, множество псалтирей XIII и слѣдующихъ вѣковъ, апостолы и евангелія въ порядкѣ богослужебныхъ чтеній или по евангелистамъ XIII—XV вѣковъ; всѣ книги новаго завѣта, написанные въ Константинополѣ рукою митрополита Алексія въ 1355 году, и представляющіе собою переводъ или исправленіе славянскаго перевода по греческому тексту.

2) *По библейскоистолковательному*, кромѣ прежнихъ твореній, появились: толкованіе на Пѣснь Пѣсней (списокъ XIV в.), толкованіе на евангелія Іоанна и Марка—Ѳеофилакта болгарскаго (списокъ XV вѣка), толковый Апокалип-

сисъ—св. Андрея Кесарійскаго (3 списка XIII—XV вѣковъ) и др.

3) *По догматическому и нравоучительному*: творенія Діонисія Ареопагита съ толкованіями на нихъ Максима Исповѣдника, поученія Аввы Дороѳея, Исаака Сирина, Ѳеодора Студита, Нила Синайскаго; подвижническія главы Максима Исповѣдника, постническія слова Василія Вел.; словеса различна Григорія Синаита, творенія Симеона Новаго Богослова, Петра Дамаскина и др.

4) *По историческому* множество отдѣльныхъ житій восточныхъ святыхъ, болѣе двадцати книгъ прологовъ, патерики: азбучный, скитскій, римскій и египетскій.

Не мало было и произведеній *апокрифической или отреченной* литературы. Они шли изъ Греціи, Сербіи, Болгаріи и въ XVI вѣкѣ—съ запада; особенно много ихъ стало появляться съ XIV вѣка. Извѣстнѣйшіе между ними: Адамовъ завѣтъ, повѣданіе Евы, книга Еноха, откровеніе Авраама, завѣты 12 патріарховъ, лѣствица Іакова, хожденіе Даніилово, сказаніе Афродитіана Персіанина, повѣсть о древѣ крестномъ, дѣяніе ап. Павла, посланіе и евангеліе Варнавы, евангеліе Ѳомы, бесѣда трехъ святителей—Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго;—всѣ они касаются библейской исторіи; хожденіе Богородицы по мукамъ, сонъ Богородицы, повѣсть о Макаріѣ Римскомъ, хожденіе Зосимы къ Рахманамъ—догматико-нравоучительнаго содержанія; остронумія, звѣздочетъ, Алманахъ—острологическія книги; Рафли, Шестокрылъ, Аристотель, Аристотелевы врата, Громовникъ, Сносудецъ, Чаровникъ, и волховникъ (употреблявшіеся при гаданіяхъ и волхованіяхъ). Въ XVI вѣкѣ съ латинскаго или нѣмецкаго языка былъ переведенъ „Луцидаріусъ", содержащій въ себѣ цѣлую энциклопедію свѣдѣній о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ, животныхъ, народахъ, странахъ и пр., и проводящій астрологическія воззрѣнія на народныя повѣрья. Въ нѣкоторыхъ изъ апокрифовъ проводились языческія суевѣрныя воззрѣнія на явленія природы, въ иныхъ—богомильскія еретическія мысли, почему такіе апокриѳы называются „балгарскими еретическими баснями" или „бреднями" и иногда приписываются богомиламъ—Богомилу и Іереміи; въ оныхъ наконецъ—миѳологическія

представленія о раѣ, легендарныя прикрасы къ библейскимъ фактамъ и нелѣпыя измышленія на счетъ творенія міра и др. вопросовъ.

Въ „*повѣданіи Евы*“, напр., такъ разсказывается о жизни Адама и Евы: Богъ сотворилъ рай, восточную и сѣверную его части поручилъ на храненіе Адаму, а западную и южную—Евѣ, далъ имъ извѣстную заповѣдь. Они нарушили ее; тогда всѣ деревья въ раю сложили съ себя листья, только смоковница одна удержала ихъ; изъ ея листьевъ первые люди сдѣлали себѣ одежду; по звуку Архангела собрались въ рай ангелы, поставили престолъ здѣсь и Господь открылъ судъ надъ первыми людьми; по повелѣнію Господа ангелы изгнали ихъ изъ рая, „злѣ біюще“; они остались 15 дней около рая: плакали и молились къ самому раю: „милостиве, помилуй мя падшаго“. Господь умилосердился, уступилъ имъ 7-ю часть рая; Архангелъ Михаилъ научилъ Адама воздѣлывать землю; когда же тотъ началъ ее воздѣлывать, пришелъ дьяволъ и заставилъ Адама дать рукописаніе на себя, такъ какъ земля принадлежитъ не Богу, а дьяволу; это рукописаніе онъ скрылъ подъ камнемъ въ Іорданѣ,—въ томъ мѣстѣ, гдѣ крестился Христосъ... Предъ смертью Адамъ послалъ Еву и Сиѳа за масличною вѣтвію изъ рая; но они принесли ему вѣтвь того дерева, изъ-за котораго онъ былъ изгнанъ изъ рая; онъ возложилъ ее въ видѣ вѣнца на главу свою и въ это время увидѣлъ руку Господню, пріемлющую его душу. На мѣстѣ погребенія Адама изъ „вѣнца, иже на главѣ Адамовѣ“, выросло дерево, изъ котораго впослѣдствіи былъ сдѣланъ крестъ Христовъ.

Въ *сказаніи Афродитіана* повѣствуется слѣдующее: въ Персіи была кумирница, наполненная золотыми и серебрянными идолами. Разъ пришелъ въ нее царь. Жрецъ сообщилъ ему, что въ прошедшую ночь ликовали всѣ боги и говорили, что „Ира наречется съ этого времени Ураніей, такъ какъ ее возлюбило великое солнце, что она обѣщана за древодѣля, имя ей Марія! Царь остался на ночь; въ началѣ ея дѣйствительно идолы заиграли и запѣли; затѣмъ вдругъ раскрылась кровля кумирницы, вошла сюда свѣтлая звѣзда и стала надъ „кумиромъ источника“; всѣ идолы пали ницъ, кромѣ этого кумира; въ немъ же показался славный вѣнецъ изъ анфракса и измарагда. На вопросъ царя, что бы это могло значить, мудрецы объяснили: звѣзда указываетъ на преклоняющійся къ землѣ „божескій и царскій корень“, источникъ, надъ кумиромъ котораго склонилась звѣзда, обозначаетъ дѣву Виѳлемской земли, паденіе идоловъ—„скончаніе чести ихъ“, а вѣнецъ—распространеніе Христіанской проповѣди. Посланы были волхвы съ дарами въ Іерусалимъ; сами они нашли матерь съ младенцемъ, снимки съ которыхъ принесли въ Персію.

Въ *бесѣдѣ трехъ Святителей* говорится между прочимъ: „Повелѣ Господень ангелъ согнати пѣну морскую и сотворити землю на 3 китѣхъ великихъ“, на тридцати малыхъ заляжетъ 30 околъ морскихъ.., Глубина моря великаго 5 роготъ, толщина, какъ земля толста. Того же моря дно стоитъ на 7000 столпѣхъ. Туто же есть и адово жилище, туто жь и антихристъ связанъ... того моря столпіе стоитъ на огнѣ неугасимомъ, подъ тѣмъ огнемъ туто же есть денница, яже прежде солнца сотворена. И тутъ есть людіе крилати, летаютъ, яко паутина мыслію, а смерти нѣту имъ .. На небесѣхъ суть 3 комары.., въ тѣхъ камарехъ

Отецъ, Сынъ, и св. Духъ...“ Ангелы сотворены „отъ Духа Господня, отъ свѣта и отъ огня; солнце—отъ утреннія ризы Господни; луна—отъ аера, отъ престола Господня и отъ воздуха. „Адамъ сложился такъ: посла Господь ангела и вз на востоцѣ а, на западѣ д, на сѣверѣ а, на юзѣ м“; онъ сотворенъ „отъ 8 частей: отъ земли тѣло, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ камени кости, отъ облака мысли, отъ огня теплота, отъ вѣтра дыханіе, отъ свѣта свѣтъ, а духъ Самъ Господь вдохнулъ“. Когда Господь уходилъ, чтобы достать солнечныхъ частицъ для созданія Адамовыхъ глазъ, пришелъ сатана и измазалъ Адама вся кими нечистотами; изъ нихъ Господь создалъ собаку и заставилъ ее стеречь Адама; когда же Господь снова ушелъ въ Горній Іерусалимъ „по дыханіе Адамово“ явился другой сатана, взялъ дерево, истыкалъ имъ Адама и „сотвори ему въ немъ 70 недуговъ“.

Не смотря на свое антибиблейское и баснословное содержаніе, многіе апокрифы надписывались именами св. отцевъ церкви, читались и списывались на ряду съ ихъ истинными твореніями. Въ виду этого понадобились обличенія и предостереженія со стороны лучшихъ русскихъ людей (м. Кирилла III, Кипріана, Іосифа Волоколамскаго, князя Курбскаго, авторовъ Домостроя и Стоглава). Въ виду этого же появляются статьи „о книгахъ ложныхъ и истинныхъ“ „о книгахъ, ихъ же подобаетъ чести и внимати, и ихъ же ни чести, ни внимати не подобаетъ“. Отъ XIV—XV вѣка до насъ дошли 3 довольно подробныхъ и отличныхъ другъ отъ друга указателя апокрифическихъ книгъ: одинъ въ молитвенникѣ Кипріана, другой въ Пансіевскомъ сборникѣ (XV вѣки) и третій въ сборникѣ Кирилла Бѣлозерскаго [293]). Съ нихъ списывались копіи и въ различныхъ варіантахъ распространялись по Россіи.

Существовавшія у насъ переводныя сочиненія часто или цѣликомъ, или въ болѣе или менѣе значительныхъ отрывкахъ входили *въ сборники*, гдѣ располагались, то безъ всякаго порядка и однообразія въ содержаніи, то по нѣкоторому плану. Одни изъ нихъ пришли къ намъ готовыми, другіе же были сдѣланы въ Россіи. Изъ первыхъ заслуживаютъ вниманія: 1) обширный сборникъ Никона Черногорца (XI вѣка), распадающійся на 2 части—Пандекты изъ 63 словъ и Тактиконъ или типиконъ изъ 40 словъ, и содержащій въ себѣ безчисленное множество отрывковъ изъ древнихъ писателей догматическаго, нравоучительнаго, аскетическаго, литургическаго и каноническаго характера; 2) Пчела, въ ко-

торой помѣщаются изреченія и притчи Св. Писанія, отцевъ церкви, философовъ, поэтовъ и историковъ касательно различныхъ предметовъ (списки XV в.). Изъ русскихъ сборниковъ особенно извѣстны: 1) библейскій сборникъ XV вѣка, гдѣ больше всего отведено мѣста книгамъ Св. Писанія, но въ разбивку встрѣчаются и отрывки изъ хронографа, Александріи, патериковъ, святоотеческихъ твореній и даже апокрифическихъ сказаній; 2) Измарагдъ XIV вѣка, гдѣ вмѣстѣ съ словами Іоанна Златоуста и другихъ древнихъ проповѣдниковъ помѣщены слова Кирилла Туровскаго; 3) Маргаритъ — собраніе словъ Іоанна Златоуста; 4) Торжественники — сборники словъ на праздники Господскіе, Богородичные и въ честь нѣкоторыхъ святыхъ; 5) сказанія отъ старчества—собраніе наставленій, правилъ и примѣровъ касательно иноческой жизни, выбранныхъ изъ житій св. подвижниковъ и аскетическихъ твореній св. отцовъ; 6) Паисіевскій (около 1400 года) и Сильвестровскій (XIV вѣка) сборники, гдѣ рядомъ съ немногими русскими статьями находится много переводныхъ, разнообразныхъ по содержанію; 7) надъ всѣми ними возвышается обширнѣйшій сборникъ митроп. Макарія, „Четьи-Минеи“, сохранившійся въ нѣсколькихъ, различающихся между собою, спискахъ. Первымъ въ хронологическомъ порядкѣ является Новгородскій, пожертвованный самимъ Макаріемъ въ Новгородскій Софійскій соборъ въ 1541 году и представляющій собою результатъ 12-лѣтней работы Макарія и его многочисленныхъ помощниковъ за время управленія имъ Новгородской архіепископіей. Перейдя въ Москву, Макарій продолжалъ пополнять составленный прежде сборникъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ новые 2 (Московскіе) списка его. Сборникъ раздѣленъ на 12 большихъ книгъ по числу мѣсяцевъ года и въ каждой книгѣ на каждый день мѣсяца (μήν) предлагаетъ для православныхъ приличныя дню чтенія („четіи“ статьи), откуда и получилось самое названіе Чети-Миней. Въ предисловіи къ нему авторъ заявилъ, что его цѣлью было собрать „всѣ святыя книги, которыя обрѣтаются въ Русской землѣ“. Дѣйствительно, кромѣ краткихъ и полныхъ житій, кромѣ сказаній о чудесахъ и мощахъ подвижниковъ, кромѣ назидательныхъ повѣстей и изреченій, кромѣ различныхъ нравоучительныхъ и похвальныхъ

словъ, находятся здѣсь писанія многихъ отцовъ церкви и свящ. писателей, большею частію подъ тѣми самыми числами мѣсяцевъ, когда совершается ихъ память, иногда же въ особомъ приложеніи подъ послѣднимъ числомъ мѣсяца; напр. подъ 1 мая помѣщена книга пророка Іереміи; по 6 мая— книга Іова; 9 мая книга пророка Исаіи; подъ сентября 26— Евангеліе и Апокалипсисъ Іоанна Богослова; сентября 14— Маргаритъ Іоанна Златоуста и т. п. Въ іюльской книгѣ въ качествѣ приложенія между прочимъ помѣщенъ даже цѣлый сборникъ, распространенный тогда въ Россіи,—Пчела; приложеній особенно много въ концѣ послѣдней—августовской книги. На ряду съ переводными произведеніями конечно встрѣчается здѣсь не мало и русскихъ—прежнихъ и новыхъ; въ переводныхъ иногда исправлялись отдѣльныя выраженія, большею частію тѣ, которыя были не совсѣмъ понятны для русскихъ [294]).

§ 22. При отсутствіи научнаго образованія въ Россіи *оригинальными писателями* здѣсь являлись только болѣе или менѣе начитанныя лица; если нѣкоторыя изъ нихъ иногда и обладали повидимому обширными свѣдѣніями, то почти исключительно богословкими; Максимъ Грекъ, на родинѣ и за границей изучившій языки: греческій и латинскій, грамматику, піитику, риторику, діалектику, древнюю греческую и латинскую литературу, философскія системы Платона, Аристотеля и другихъ, богословское же образованіе довершившій на Аѳонѣ, первый внесъ было въ нашу литературу элементъ научнаго образованія, но остался безъ подражателей. Какъ начитанность, такъ и оригинальная литература XIII—XVI вѣковъ у насъ продолжала быть *одностороннею*,—по преимуществу *церковною;* какъ чтеніе книгъ имѣло практическую—религіознонравственную цѣль, такъ и письменныя работы предпринимались въ практическихъ интересахъ церкви и ея членовъ, а отнюдь не изъ научныхъ мотивовъ. Поэтому съ одной стороны мало произведеній свѣтской и много—духовной литературы; поэтому же большинство первыхъ проникнуто религіознымъ духомъ, и большинство вторыхъ относится къ учительному отдѣлу; поэтому же наконецъ временные застой и оживленіе литературы совпадали съ складомъ жизни тогдашняго общества. Въ концѣ XV вѣка въ

русскомъ обществѣ произвела сильное движеніе ересь жидовствующихъ; оно не улеглось еще и въ XVI вѣкѣ; къ нему тогда прибавилась и поддержала его протестанская пропаганда; наконецъ въ XVI же вѣкѣ русскіе, заручившись самостоятельностію русской церкви, видя паденіе Константинопольской имперіи и крѣпость русскаго государства, стали представлять себя истинными хранителями православія, пошатнувшагося на Востокѣ подъ властію турокъ, стремиться къ возвышенію своей русской церкви, въ частности съ этою цѣлію—собирать сказанія о русскихъ святыхъ и канонизовать ихъ на соборахъ. Все это вмѣстѣ значительно подняло застоявшуюся прежде литературу: появляется много догматическихъ и историческихъ сочиненій; самъ митроп. Макарій является во главѣ кружка, который работаетъ надъ собираніемъ и составленіемъ житій святыхъ. Къ XVI вѣку и относятся лучшія произведенія нашей литературы. *Характеръ* нашей духовной письменности обусловливался также отсутствіемъ у насъ научнаго образованія. Русскіе книжники, читая съ религіознонравственною цѣлью существовавшія въ Россіи книги, заботились лишь о томъ, чтобы выбрать изъ книгъ и запомнить побольше полезныхъ правилъ, или же въ крайнемъ случаѣ только услаждались чтеніемъ; все собираемое не подвергалось обработкѣ и систематизаціи. Такимъ образомъ развивалась память, а не мышленіе. Всѣмъ грѣхамъ мати—мнѣніе, „мнѣніе—второе паденіе“—говорили даже нѣкоторые изъ русскихъ книжниковъ [295]). По этому-то для послѣднихъ дорого было не то, что самостоятельно надумано, а то, что вычитано ими изъ книгъ. Самое мышленіе пріурочивалось лишь къ ихъ тексту, подавлялось ихъ авторитетомъ. „Аще кто не имѣя книги мудрствуетъ — сказано въ одномъ древнемъ поученіи—таковый подобенъ оплоту, безъ подпоръ стоящу; аще будетъ вѣтръ, падется, тако и мудръ, а не книжникъ: аще нань грѣховный пахнетъ вѣтръ, падетъ, не имый подпора словесъ книжныхъ“ [296]). Поэтому-то древне русскіе богословы — самоучки всѣ свои умственныя силы направляли къ тому, чтобы выучиться говорить „отъ книгъ“; поэтому-то, вступая въ пренія, они требовали отъ своихъ противниковъ ссылки на книги и отказывались продолжать пренія, если тѣ не могли привести

цитатъ. При развившемся уваженіи къ книгѣ пропадало и критическое отношеніе къ ея содержанію. Отъ этого русскіе черпали матеріалъ для своихъ познаній одинаково какъ изъ библейскихъ и святоотеческихъ твореній, такъ и изъ апокрифическихъ книгъ; даже больше:—такъ какъ послѣднія по своей картинности и простотѣ были болѣе доступны нашей читающей массѣ, то—по выраженію Курбскаго—„мнимые учители тѣхъ вѣковъ чаще занимались болгарскими баснями или, точнѣе, бабьими бреднями, чѣмъ услаждались разумѣніемъ великихъ учителей". Такое состояніе русскихъ книжниковъ должно было отразиться и на ихъ произведеніяхъ. Въ большинствѣ случаевъ авторство русскихъ проявлялось въ собираніи того, что заключалось уже въ разныхъ сочиненіяхъ, и въ освященіи всего этого какой либо идеей догматической или нравственной, или даже нѣсколькими идеями; образовался особый видъ письменности, безчисленное множество памятниковъ которой дошло до нашихъ дней. Это соборники или сборники. Всѣ они скроены по одному плану: въ каждомъ встрѣчаются разнообразнѣйшія выписки изъ церковныхъ писателей, большею частію не связанныя между собою и недополненныя самостоятельными соображеніями автора, иногда же говорящія о неумѣньи его излагать свои мысли и объ ограниченности его знаній. Здѣсь характерно отразился тотъ сборный характеръ познаній, какимъ отличались наши начетчики XIII—XIV вѣковъ, черпавшіе изъ книгъ, что попало и не старавшіеся все это осмыслить и проанализировать. Если взять отдѣльныя произведенія тогдашней литературы, напр. поученія, житія святыхъ и т. п., то и тамъ видна преданность автора церковнымъ книгамъ и стремленіе говорить ихъ языкомъ и мыслями: напр. поученія часто состоятъ или сплошь изъ однѣхъ книжныхъ выписокъ, или же представляютъ мысли самого автора, но облеченныя въ святоотеческія и библейскія выраженія, какъ бы сдѣлавшіяся для него его собственными; въ житіяхъ святыхъ часто обнаруживается подражаніе византійскому напыщенному языку; нерѣдко встрѣчаются даже такія литературныя произведенія, которыя своимъ заглавіемъ свидѣтельствуютъ о своей компилятивности: напр. „словеса душеполезна св. отецъ избрана отъ многа мало", „словеса

выписаны изъ книгъ“ и т. п. Видно, что для писателя, также какъ и для начетчика, книга была источникомъ познаній. Для мысли оставалась здѣсь лишь одна формальная сторона: расположеніе готоваго матеріала по извѣстному плану и частные выводы изъ комбинированія этого матеріала. Благодаря этому самостоятельная мысль русскаго писателя, если пробивалась наружу, то обнаруживалась, какъ поверхностная и пріуроченная къ буквѣ прочитанныхъ книгъ. Отвлеченное, болѣе или менѣе глубокое „мышленіе было не по силамъ нашему начетчику; отсюда антропоморфическое представленіе Бога, если тотъ начиналъ разсуждать о Немъ [1]). Отсюда же стремленіе по преимуществу къ вопросамъ практическаго характера. Преданность книгамъ въ русскихъ писателяхъ, какъ и начетчикахъ, была настолько сильна, что подавляла какое бы то ни было критическое отношеніе къ нимъ и извлекаемому изъ нихъ содержанію. Для нихъ истинныя и ложныя книги сливались въ одну безразличную массу „писаній“ и даже чествовались какъ „Священыя Писанія“, если только касались предметовъ вѣры и нравственности; изъ тѣхъ и другихъ безразлично извлекались доказательства, тѣ и другія вмѣстѣ вносились въ сборники. Даже лучшіе писатели XV и XVI вѣковъ „Іосифъ Волоколамскій и митроп. Макарій“, не свободны отъ этого. Первый въ своемъ „Просвѣтителѣ“ признаетъ одинаковое достоинство за книгами библейскими, святоотеческими и постановленіями византійскихъ императоровъ, сборникъ Никона Черногорца, — простаго монаха XI вѣка, называетъ „богодухновенными писаніями“, даже приводитъ доводы изъ апокрифическихъ и подложныхъ сочиненій; митроп. Макарій въ свои Четьи-Минеи внесъ рядомъ съ священными и отеческими книгами нѣсколько апокрифовъ [297]). Понятно, что при такомъ условіи являлось много недостатковъ въ возрѣніяхъ нашихъ русскихъ писателей. Нѣкоторые изъ нихъ были очень довѣрчивы къ различнымъ баснословнымъ сказаніямъ и вносили ихъ въ свои сочиненія. Очень характерно въ этомъ отношеніи посланіе архіепископа Новгородскаго Василія (1331—1352) къ Тверскому епископу

---

[1]) Іосифъ Волоколамскій напр. выработалъ догматъ о „прехищреніи и коварствѣ Божіемъ“.

Өеодору „о насажденномъ раѣ“. Здѣсь авторъ говоритъ, что на землѣ существуетъ чувственный рай, гдѣ находятся всѣ праведники, и что духовный рай начнется уже послѣ втораго пришествія Христова, когда будетъ новое небо и новая земля; все это подтверждаетъ онъ ссылками на апокрифическія сочиненія и даже на народные разсказы. Такъ напр. съ полною довѣрчивостію авторъ приводитъ изъ „повѣданія Евы“ молитву Адама къ „раю пресвятому“ и разсказываетъ, какъ новгородцы въ какихъ-то горахъ нашли рай: разъ новгородцы были прибиты бурей къ высокимъ горамъ; надъ ними они увидали „самосіяненъ свѣтъ“, икону Деисусъ, написанную какъ будто не человѣческими руками, и услыхали веселые голоса, раздававшіеся тамъ; для развѣдокъ отправили они одного изъ своихъ товарищей,—тотъ взошелъ на гору, засмѣялся, всплеснулъ руками и „побѣже отъ друговъ своихъ къ сущему гласу“; отправили втораго, и съ нимъ случилось тоже; послали третьяго, привязавъ къ его ногѣ веревку: тотъ также побѣжалъ отъ нихъ, но они удержали его и онъ скоропостижно умеръ; напугавшись, они поспѣшили оставить это мѣсто [298]).

Такимъ образомъ въ русской оригинальной литературѣ существенными и общими недостатками являются: 1) отсутствіе самостоятельности и компилятивность; 2) отсутствіе критицизма по отношенію къ почерпаемому изъ книгъ матеріалу. Между наилучшими писателями даннаго періода болѣе типическими представителями такого направленія нашей письменности и книжности являются Іосифъ, игуменъ Волоколамскій [299]), и Московскій митрополитъ Даніилъ [300]). Являлись и противники этого консервативно формальнаго направленія; нѣкоторые изъ нихъ впрочемъ сами доходили до крайностей и становились вольномыслящими и даже еретиками; таковы напримѣръ жидовствующіе, Башкинъ и другіе. Иные же держались разумной середины, требовали критическаго отношенія къ источникамъ религіозно нравственнаго познанія, большей свободы мысли и живаго содержанія въ литературѣ. Такихъ было сравнительно немного и потому они не имѣли большаго вліянія на нашу письменность. Болѣе выдающимся между ними является преподобный Нилъ Сорскій [301]), къ кружку котораго примкнулъ и преподобный Мак-

симъ Грекъ [302]). По взгляду Нила Сорскаго непреложный авторитетъ имѣютъ только Писанія Божественныя, вторую ступень по своему достоинству занимаютъ творенія святоотеческія. Всѣ другія литературныя произведенія важны лишь настолько, насколько они согласны съ Св. Писаніемъ и Преданіемъ. Онъ влагаетъ каждому въ руки Св. Писаніе и совѣтуетъ оттуда черпать руководительныя начала для умственной и нравственной дѣятельности; онъ запрещаетъ рабски благоговѣть предъ каждой буквой, а рекомендуетъ разумное, самодѣятельное изученіе Божественныхъ Писаній, усвоеніе ихъ духа и внутренняго смысла, открывающагося подъ тѣми или другими выраженіями; сдержкой въ дѣлѣ свободнаго изученія Св. Писанія должны быть, по мнѣнію Нила, Апостольское преданіе и святоотеческія творенія. Соотвѣтственно съ этимъ частныя воззрѣнія самого Нила получили отпечатокъ умѣреннаго либерализма и въ своей совокупности составили логически стройное и цѣльное, освѣщенное единымъ евангельскимъ принципомъ, міровоззрѣніе. Духъ свободной и строгой, но разумной и основательной, критики характеризуетъ и Максима Грека. Онъ ясно видѣлъ вредъ того слѣпаго довѣрія къ книгамъ, какое господствовало въ русскомъ обществѣ, и потому рѣшительно требовалъ „здраваго и разсудительнаго испытанія писаній“, говоря, что тогда русскіе не соглашались бы такъ скоро съ каждымъ невѣжественнымъ писаніемъ. Отъ преподобнаго Максима осталось нѣсколько сочиненій, свидѣтельствующихъ, что самъ онъ старался подорвать въ обществѣ довѣріе къ разнымъ апокрифическимъ книгамъ и ходячимъ суевѣрнымъ разсказамъ. Въ особыхъ статьяхъ имъ подробно были разобраны и научно опровергнуты: баснословное сказаніе Афродитіана Персіанина о рожденіи Іисуса Христа и поклоненіи волхвовъ [303]). Папіево сказаніе объ Іудѣ предателѣ, что будто бы онъ не удавился послѣ возвращенія 30 сребренниковъ, а жилъ еще нѣсколько лѣтъ [304]); сказаніе о томъ, что будто по воскресеніи Іисуса Христа солнце не заходило цѣлую недѣлю [305]); книга толкованій Іоанна Людовика Вивеса на блаженнаго Августина, содержащая въ себѣ, кромѣ апокрифическихъ басней, ложныя представленія о раѣ, адѣ, воскресеніи мертвыхъ и проч. [306]), Луцидаріусъ [307])— раз-

личныя астрологическія бредни и вѣра въ астрологію [308]), наконецъ отдѣльныя суевѣрія и ложныя мнѣнія, распространенныя въ народѣ, напр. мнѣніе, что будто Адамъ далъ діаволу рукописаніе на вѣчное рабство [309]), что будто ради погребенія утопленниковъ и убитыхъ бываютъ, гибельныя для земныхъ прозябеній, стужи [310]) и т. п.

Отъ XIII — XVI вѣковъ сохранилось довольно много *оригинальныхъ произведеній* духовной письменности. Ихъ можно свести къ слѣдующимъ отдѣламъ: 1) библейскому и библейскоистолковательному; 2) догматическому; 3) нравоучительному; 4) историческому; 5) описательному; 6) юридическому и богослужебному [1]); кромѣ того осталось еще нѣсколько прощальныхъ граматъ или завѣщаній, статей и посланій публицистическаго характера, произведеній свѣтской литературы — астрономическихъ и грамматическихъ, наконецъ сочиненій смѣшаннаго характера.

1. Существовавшія отдѣльно *книги Священныя Писанія*, хъ XV — XVI вѣкахъ начинаютъ собираться въ библейскій вборникъ; но первые опыты были неудовлетворительны; сохранившійся отъ *XV вѣка библейскій сборникъ* не заключаетъ въ себѣ всѣхъ книгъ Св. Писанія и притомъ рядомъ съ ними помѣщаетъ многія другія—не священныя писанія [311]). Только въ концѣ XV вѣка архіепископу Новгородскому *Геннадію* послѣ значительныхъ трудовъ удалось собрать всѣ Св. книги (кромѣ 3-ей Маккавейской) въ одну полную Библію; для этого однѣ книги были взяты въ готовомъ переводѣ, текстъ другихъ извлеченъ изъ переводныхъ толкованій на нихъ, иныя (2 книги Паралипоменонъ, три книги Ездры, книги Товія, Юдиѳи, Премудрости Соломона, 1—25 и 46 - 51 главы пророка Іереміи, главы 10—11 книги Есѳири) были переведены съ Вульгаты и наконецъ первыя 9 главъ Есѳири — съ Еврейскаго текста. Древнѣйшій списокъ Геннадіевой Библіи относится къ 1499 году [312]). Въ югозападной Россіи объ изданіи полнаго состава Библіи позаботился князь *Константинъ Острожскій*; для этого онъ досталъ людей, знающихъ греческій и славянскій языки, Геннадіевскую Библію, списки Св. книгъ изъ Сербіи, Бол-

1) Литературные памятники этого отдѣла см. въ II и IV главахъ.

гаріи и Греціи, сличилъ и исправилъ славянскія списки по греческимъ подлинникамъ. Результатомъ этихъ работъ было изданіе печатной Библіи въ 1581 году [313]). Кромѣ собранія книгъ Св. Писанія, производился нѣкоторыми лицами въ сѣверной и южной Россіи переводъ отдѣльныхъ книгъ на мѣстныя русскія нарѣчія и инородческіе языки. Таковы напр. переводы *Стефана Пермскаго* на Зырянскій языкъ; таково же четвероевангеліе *Пересопницкаго архимандр. Григорія* (1556—1561 г.) на малороссійскомъ нарѣчіи съ примѣсью польскихъ словъ [314]). Самостоятельныхъ *библейскоистолковательныхъ* трудовъ совсѣмъ почти не было въ Россіи, такъ что выдаются даже очень небольшія 6 статеекъ *Максима Грека*, представляющія собою нарочитое толкованіе лишь отдѣльныхъ мѣстъ Св. Писанія [315]).

2. Къ *догматическимъ* сочиненіямъ относятся: а) митропол. *Григорія Цамблака* нѣкоторыя поученія и статья о вѣрѣ нѣмецкой, гдѣ онъ полемизируетъ съ латинами, перечисляя до 35 пунктовъ несогласія ихъ съ православными [316]); б) *Іосифа, игумена Волоколамскаго*, Просвѣтитель [317]), представляющій собою возможно-полное опроверженіе мнѣній жидовствующихъ еретиковъ и ихъ защитниковъ. Просвѣтитель состоитъ изъ краткаго „сказанія о появившейся ереси новгородскихъ еретиковъ“ и изъ 16-ти „словъ на ересь новгородскихъ еретиковъ“. Первое служитъ введеніемъ и содержитъ извѣстія о происхожденіи, характерѣ и распространеніи ереси, опредѣляетъ задачу слѣдующихъ словъ и даетъ оглавленіе ихъ съ краткимъ содержаніемъ. „Слова“ расположены такъ, что первыя 4 опровергаютъ основанія ереси жидовствующихъ, слѣдующія 7 разбираютъ главнѣйшія слѣдствія, вытекающія изъ этихъ основаній, и наконецъ, остальныя 5 разсматриваютъ практическій вопросъ—объ отношеніи къ еретикамъ. Планъ, по которому построены первыя 4, по преимуществу догматическія — слова, одинаковъ: краткое изложеніе православнаго вѣроученія по данному догматическому вопросу, проклятіе на жидовствующихъ, изложеніе ихъ ученія по тому же вопросу, и наконецъ, подробное опроверженіе ихъ мнѣній и возраженій. Въ 1-мъ словѣ представляются ветхозавѣтныя свидѣтельства о троичности лицъ въ Богѣ; во 2-мъ ветхозавѣтныя пророчества о

пришествіи и рожденіи Мессіи въ лицѣ І. Христа, о Его распятіи, воскресеніи, вознесеніи на небо и второмъ пришествіи; въ 3-мъ пророчества объ отмѣнѣ Моисеева закона съ пришествіемъ Мессіи и указаніе на то, что вмѣстѣ съ паденіемъ іерусалимскаго храма долженъ былъ упраздниться Моисеевъ законъ, выполненіе котораго было тѣсно связано съ самымъ храмомъ; въ 4-мъ опровергаются такія возраженія жидовствующихъ противъ догмата объ искупленіи: „развѣ Богъ не могъ спасти Адама отъ ада, не могъ послать небесныя силы, пророковъ и праведниковъ, что быони исполнили Его хотѣніе? Зачѣмъ же Онъ самъ нисшелъ въ уничиженіи, вочеловѣчился, пострадалъ и тѣмъ прехитрилъ дьявола? Богу не подобаетъ такъ творить". Въ отвѣтъ на это преп. Іосифъ представляетъ ссылки на Священное Писаніе Ветхаго Завѣта, святоотеческія творенія и свои соображенія: онъ доказываетъ, что для Бога все возможно, что въ прехищреніи дьявола нѣтъ ничего недостойнаго Бога, что несогласно было бы съ Божественной правдой однимъ всемогуществомъ Своимъ исторгнуть человѣчество изъ-подъ власти дьявола, и раскрываетъ весь планъ Божественнаго домостроительства.

Пунктами, вытекающими какъ слѣдствія изъ основаній ереси жидовствующихъ, были: отрицаніе всей обрядовой стороны въ христіанской церкви, твореній св. Апостоловъ и отцевъ церкви, праздниковъ, постовъ и монашества. Въ виду этого преп. Іосифъ въ 5-мъ, 6 и 7 словахъ своего „Просвѣтителя", подъ руководствомъ сочиненій Іоанна Дамаскина, доказываетъ, почему нужно покланяться иконамъ, мощамъ и св. храмамъ, а вмѣстѣ опровергаетъ и основанія, выставляемыя еретиками въ защиту своего мнѣнія: въ 8, 9 и 10 словахъ разсматриваетъ возраженія противъ Апостольскихъ и свято-отеческихъ твореній и устанавливаетъ ихъ авторитетъ: а въ 11-мъ словѣ подробно говоритъ о монашествѣ, какъ учрежденіи, стараясь показать, что оно согласно съ Св. Писаніемъ, и объяснить, почему Самъ І. Христосъ и Апостолы примѣромъ своей жизни не освятили монашества и т. п. Въ 12—16 словахъ авторъ, вопреки еретикамъ и ихъ защитникамъ, говоритъ, что всякій православный долженъ разузнавать и доносить объ еретикахъ,

что пастыри церкви должны вооружаться противъ нихъ и даже подвергать ихъ проклятію, когда они приносятъ православію вредъ, что гражданская власть, по осужденіи ихъ, должна наказывать ихъ, употребляя даже смертную казнь, что еретиковъ, кающихся послѣ осужденія, не слѣдуетъ принимать въ общеніе съ церковію, а приносящихъ покаяніе до обличенія—принимать не иначе, какъ оглашенныхъ. Такимъ образомъ „Просвѣтитель" представляется очень обширнымъ сборникомъ, гдѣ обстоятельно раскрыты нѣкоторые пункты христіанской догматики, намѣчены и коротко изложены многіе другіе, афористически представлены, наконецъ, правила христіанской нравственности и религіозной жизни. По содержанію „Просвѣтителя" авторъ представляется человѣкомъ, хорошо понимающимъ современныя нужды, очень начитаннымъ въ Св. Писаніи и святоотеческихъ твореніяхъ, въ сочиненіяхъ другихъ писателей церкви, житіяхъ святыхъ, патерикахъ и т. п., писателемъ, умѣло излагающимъ свои мысли, не чуждымъ діалектическаго развитія, проявившимъ свой сильный природный умъ, хотя подъ часъ впадающимъ въ ошибки. По формѣ „Просвѣтитель", хотя и есть въ собственномъ смыслѣ сборникъ, въ который вошли разновременно (ок. 1493—1515 г.) составленныя „слова" и „сказанія", всетаки довольно строенъ въ расположеніи своихъ частей.

Инока *Максима грека* [1]) нѣсколько статей и посланій,

---

[1]) Родомъ албанскій грекъ, свѣтское образованіе получилъ въ Парижѣ, Венеціи и Флоренціи, богословское—въ Ватопедскомъ монастырѣ на Аѳонѣ; въ 1518 г. прибылъ въ Россію; здѣсь работалъ по переводамъ, исправленію богослужебныхъ книгъ и оригинальнымъ сочиненіямъ; послѣднія многочисленны и разнообразны по своему содержанію, но большею частію очень незначительны по объему, такъ что всѣ вмѣстѣ (около 134) составляютъ небольшія 3 книжки; они изложены то въ формѣ размышленій и разсужденій, то въ формѣ церковныхъ словъ и бесѣдъ, то въ видѣ посланій, разговоровъ, историческихъ разсказовъ, молитвъ и св. пѣснопѣній, отрывковъ, замѣтокъ иногда въ нѣсколько строкъ. Образованность и умъ Максима бросались въ глаза русскимъ, такъ что онъ въ сознаніи ихъ стоялъ какъ ученый человѣкъ, къ нему собирались для бесѣдъ „о книжномъ" и къ нему обращались за разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ недоумѣній іерархи и самъ царь; нѣкоторые даже считали его человѣкомъ выше своего вѣка по уму и образованію. Подвергнутый гоненію за исправленіе книгъ, онъ умеръ въ 1566 г. и погребенъ въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Уваженіе современниковъ къ Максиму

почти исключительно полемическаго характера. Онѣ направлены противъ іудеевъ и жидовствующихъ, язычниковъ, магометанъ, армянъ, латинянъ, протестантовъ, а также различныхъ апокрифическихъ и суевѣрныхъ мнѣній о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ, адѣ, раѣ и т. п. Противъ іудеевъ и жидовствующихъ еретиковъ осталось 5 небольшихъ статей. Въ одной подъ заглавіемъ: „Слово о рождествѣ Господа и Бога и Спаса нашего І. Христа, въ томъ же и на іудея“ [318]) преп. Максимъ въ общихъ чертахъ говоритъ, что І. Христосъ есть истинный Мессія, на которомъ исполнились ветхозавѣтныя пророчества, что въ воплощеніи Бога, какъ и въ чувственныхъ Его видѣніяхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, нѣтъ ничего противнаго Божественному совершенству, что Христосъ потерпѣлъ страданіе плотію, а не Божествомъ, наконецъ, старается убѣдить іудеевъ въ истинности христіанства и ложности іудейства указаніемъ на судьбу іудеевъ, на быстрое и широкое распространеніе христіанской вѣры, на чудеса и силу мучениковъ въ христіанской церкви. Въ другой — „Слово о поклоненіи св. иконъ“ [319]) доказываетъ, что иконопочитаніе не противно 2-й заповѣди и согласно съ повелѣніями Самого Бога въ Ветхомъ Завѣтѣ, а вмѣстѣ выясняетъ, въ чемъ состоитъ истинное иконопочитаніе. Въ третьей — „Слово на хульники Пречистыя Божія Матери“ [320]) — опровергаетъ ту мысль, что будто Божія Матерь была свята и непорочна только въ то время, какъ носила во чревѣ Еммануила, а по рожденіи Его уподобилась прочимъ женамъ. Обѣ эти статьи, кромѣ іудействующихъ, могли имѣть въ виду и протестантовъ; поэтому-то вторая статья иногда надписывается: „Слово о поклоненіи св. иконъ противу явившагося въ нѣмцахъ иконоборца Лютора“. Четвертая и пятая статьи носятъ характеръ частный; одна — „Совѣтъ къ собору православному на Исаака жидовина“ [321]) — побуждаетъ пастырей церкви возревновать о православіи и „предать еретика внѣшней власти на казнь“; послѣдняя же — „Словеса супротивна противу главъ Самуила евреина“ [322]) — опровергаетъ книгу еврея Самуила

перешло и на его сочиненія. Они собрались въ болѣе или менѣе полные сборники, списывались въ XVI и XVII вѣкахъ; цитовались послѣдующими писателями на ряду съ святоотеческими твореніями и вносились въ другіе сборники.

(XI вѣка), существовавшую тогда въ Россіи въ русскомъ переводѣ и, вѣроятно, употреблявшуюся еретиками жидовствующими. Противъ язычниковъ направлено „Слово обличительно на еллинскую прелесть“ [323]). Здѣсь преп. Максимъ старается доказать превосходство христіанской вѣры предъ греческой языческой чудеснымъ распространеніемъ первой и чудеснымъ вліяніемъ ея на людей, сравненіемъ христіанскаго возвышеннаго ученія о Богѣ, Сынѣ Божіемъ, искупленіи, загробной жизни и нравственности съ языческой миѳологіей, гдѣ много разныхъ хульныхъ и нечестивыхъ разсказовъ о безнравственныхъ дѣйствіяхъ боговъ, и съ писаніями даже языческихъ мудрецовъ (Хризиппа, Епикура и др.), гдѣ проповѣдуется всякое студодѣяніе. Противъ магометанъ написаны Максимомъ 3 статьи [324]). Въ „Словѣ обличительномъ на агарянскую прелесть и умыслившаго ее сквернаго пса Моамефа“ онъ доказываетъ, что Магометъ былъ человѣкъ нечестивый и обманщикъ, что ученіе его совершенно несогласно съ ученіемъ св. пророковъ, Апостоловъ и отцевъ церкви, что онъ посланъ не отъ Бога, а отъ антихриста и есть его предтеча. „Слово второе о томъ же къ благовѣрнымъ, на богоборца пса Моамефа, въ немъ же и сказаніе отчасти о кончинѣ вѣка сего“ говоритъ, что близко время пришествія антихриста и кончины міра, такъ какъ магометанство широко распространилось въ христіанскихъ странахъ, въ заключеніе убѣждаетъ христіанъ отложить дѣла тьмы, не скорбѣть среди мусульманскихъ притѣсненій и прославлять Христа добрыми дѣлами. Въ „Отвѣтахъ христіанамъ противъ агарянъ, хулящихъ нашу православную вѣру христіанскую“ авторъ хочетъ дать православнымъ указанія на счетъ того, какъ состязаться съ магометанами относительно существеннѣйшихъ пунктовъ христіанскаго вѣроученія. „Слово на арменское зловѣріе“ [325]) указываетъ 3 болѣе видныхъ заблужденія армянъ — о страданіи І. Христа Божествомъ, о совлеченіи Имъ съ себя плоти послѣ вознесенія на небо и объединствѣ въ Немъ естества, потомъ останавливается на опроверженіи перваго изъ нихъ, ссылаясь на Св. Писаніе, на соображенія здраваго смысла и на историческія указанія. Противъ латинянъ Максимъ написалъ 7 догматико-полемическихъ статей. За исключеніемъ одной—„Слово похвально

къ св. апостоламъ Петру и Павлу, въ томъ же обличенія и на латинскія три большія ереси", —всѣ онѣ написаны или противъ или по поводу сочиненій въ пользу латинства „нѣкоего хульника латыномудренна, нѣмчина родомъ, пишуща развращенна на православную вѣру нашу", Николая Булева, или Люева, главнаго врача при великомъ князѣ Василіѣ III. Въ „Похвальномъ словѣ къ апостоламъ Петру и Павлу" [326]) довольно поверхностно обличаются ученія латинянъ о чистилищѣ, объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, употребленіе опрѣснокозъ въ таинствѣ евхаристіи. „Слово противу льстиваго списанія Николая Нѣмчина, его же списалъ о совокупленіи православнымъ христіаномъ и латыномъ" [327]), говоритъ, что напрасно Николай Нѣмчинъ утверждаетъ, будто римская церковь сохраняетъ неизмѣнно правую вѣру, такъ какъ измѣнила вопреки ученію Спасителя и соборовъ, членъ о Духѣ Св. въ символѣ вѣры, что поэтому латинянъ можно назвать еретиками „что примиреніе ихъ съ православными возможно лишь подъ условіемъ отреченія ихъ отъ ереси. Въ трехъ посланіяхъ къ Николаю Нѣмчину" [328]), написанныхъ по его вызову, преп. Максимъ разбираетъ его доказательства касательно исхожденія Св. Духа отъ Сына и другія отступленія латинянъ отъ православной церкви — постъ въ субботу, безбрачіе священниковъ, употребленіе опрѣсноковъ, — и въ заключеніе убѣждаетъ его принять православіе. Въ двухъ посланіяхъ къ боярину Ѳеодору Карпову [329]), съ которымъ Николай Нѣмчинъ былъ въ перепискѣ, Максимъ грекъ, критикуя какое-то слово Николая Нѣмчина, подробно опровергаетъ основанія, выставляемыя въ пользу filioque и доказываетъ, что въ символѣ вѣры не позволительно ничего измѣнять, прибавлять или убавлять. Эти 2 посланія являются по своей основательности и обработанности лучшими изъ всѣхъ догматико-полемическихъ сочиненій преп. Максима. Слабѣе всѣхъ изъ нихъ „Слово обличительное на агарянскую прелесть", гдѣ ложность магометанской религіи доказывается несогласіемъ ея съ писаніями христіанскихъ писателей, и „Слово на арменское зловѣріе", гдѣ опровергается, напрасно приписываемое армянамъ, ученіе о страданіи І. Христа Божествомъ. Въ своихъ догматическихъ сочиненіяхъ Максимъ грекъ обнаружилъ не малую богослов-

скую начитанность, но всетаки видно, что спѣшилъ ихъ выпускать въ свѣтъ, отчего не далъ имъ такой серьезности, полноты и обработки, какой можно было ждать отъ него, какъ человѣка не только богословски, но и философски образованнаго. Изъ писателей и отцевъ церкви особенно часто онъ ссылается на Іоанна Дамаскина, богословскую систему котораго считаетъ лучшею изъ книгъ и надежнѣйшимъ оружіемъ противъ всѣхъ ересей.

г) *Митроп. Даніила* четыре слова (V, VI, VII и XI), вошедшія въ его „Соборникъ“ [330]). Весь онъ состоитъ изъ предисловія и 16 словъ, неравномѣрныхъ по объему и не имѣющихъ между собою никакой связи. Общій видъ его таковъ, что онъ является справочною книгою для современниковъ, гдѣ они могли найти доводы и опроверженія противъ современныхъ еретиковъ (жидовствующихъ), равно какъ и обличенія современныхъ недостатковъ, это какъ бы „церковная энциклопедія“ XVI вѣка, гдѣ каждое слово есть вполнѣ самостоятельное цѣлое. Всѣ слова имѣютъ одинаковую форму: во всѣхъ нихъ по 3 части: въ первой коротко излагается содержаніе слова, во второй находятся относящіяся къ предмету, болѣе и менѣе значительныя, выписки изъ Св. Писанія съ толкованіями на нихъ, изъ твореній св. отцевъ, изъ правилъ соборныхъ, богослужебныхъ книгъ, житій святыхъ, патериковъ, сборниковъ и пр., и при чемъ авторъ самъ отъ себя ничего не прибавляетъ къ выпискамъ; въ третьей, которая надписывается „наказаніемъ“, преподаются нравственные уроки, наставленія, обличенія, убѣжденія. Въ догматическихъ словахъ Даниловскаго „Сборника“ излагается православное ученіе о таинствѣ воплощенія и опровергается „нетлѣнно—мнимая“ ересь, по ученію которой Сынъ Божій будто бы воспринялъ на Себя какую-то плоть, нетлѣнную съ самаго воплощенія и только казавшуюся подобною тлѣнной—человѣческой плоти (V слово); въ противовѣсъ еретикамъ, говорившимъ, что недостойно Бога принять на себя человѣческую плоть и умереть на крестѣ, и что Богъ могъ спасти человѣчество инымъ способомъ, объясняется, какъ выразилось въ воплощеніи и страданіи безконечная любовь Спасителя къ человѣчеству (VI); какъ проявилась въ дѣлѣ искупленія Божественная мудрость „прехитрившая злаго хитреца діавола“ (VII);

наконецъ подробно разсматривается вопросъ о Божественномъ промыслѣ и его отношеніи къ человѣческой жизни; здѣсь въ частности говорится, что „не подобаетъ намъ непостижимое и недомыслимое и неизслѣдованное Божіе естество и существо испытовати. . Яже Богъ не повелѣ, не подобаетъ пытати“; разбираются разныя обстоятельства человѣческой жизни, повидимому не согласныя съ Божественнымъ промысломъ, выясняются ихъ цѣль и причина, ихъ разумность и согласіе съ Божественною премудростію, правдой и любовью; особо ведется рѣчь о смерти младенцевъ,— изображается ихъ судьба за гробомъ, указываются цѣли, какими могъ руководиться Божественный промыслъ, лишая жизни тѣхъ или другихъ младенцевъ, и дается совѣтъ не оплакивать ихъ смерти (XI слово).

д) *Зиновія, инока Отней Новгородской пустыни* († 1568 г.) два полемическихъ сочиненія, направленныя противъ ереси Θеодосія Косаго. Одно заглавляется „Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи [331]); другое— „Многословное посланіе къ вопросившимъ о извѣстіи благочестія на зломудріе Косаго и иже съ нимъ“ [332]). - Первое содержитъ въ себѣ 12 собесѣдованій Зиновія съ тремя послѣдователями Косаго и расположено въ томъ самомъ порядкѣ, какъ происходили собесѣдованія; кромѣ того оно еще раздѣлено на 56 главъ. Здѣсь доказывается, что ученіе Θеодосія Косаго не Божественно, такъ какъ оно ново, не подтверждается чудесами и такъ какъ самъ Θеодосій нечестивъ въ своей жизни и хулитъ христіанство; подробно раскрываются истины бытія Божія, троичности лицъ въ Немъ и Божественности І. Христа, приводятся изъ Моисеевыхъ книгъ прообразованія, обѣтованія или намеки на воплощеніе Сына Божія и искупленіе человѣчества Христомъ; опровергается мнѣніе Косаго, что иконы суть идолы и все, что говорится въ Ветхомъ Завѣтѣ противъ идоловъ, относится къ иконамъ; раскрывается православное ученіе о почитаніи и призываніи святыхъ, чествованіи ихъ мощей и иконъ, выясняется истинное значеніе креста Христова и его достопокланяемость; показывается, что Василій Великій вовсе не порицалъ церковнаго устава, молитвъ, поста и пр., какъ думаютъ послѣдователи Θеодосія Косаго; отстраняются нападки ихъ на монастыри и епископовъ, разсматривается мнѣ-

ніе противниковъ Зиновія, что будто „нынѣ не должно писать книги, потому что 7-й вселенскій соборъ подъ проклятіемъ запретилъ прилагать, послѣ 7 собора, писанія, а Іосифъ Волоцкій написалъ свою книгу на еретиковъ (Просвѣтитель) послѣ 7 собора законопреступно, —не слѣдуетъ ее читать"; и разрѣшаются нѣкоторые вопросы изъ богослужебной критики. „Многословное посланіе" написано было по вызову нѣкоторыхъ лицъ, приславшихъ Зиновію свои вопросы въ письмѣ. Посланію предшествуетъ „сказаніе" составленное, вѣроятно, не самимъ Зиновіемъ, и сообщающее свѣдѣнія о Өеодосіи Косомъ и его товарищахъ, объ успѣхахъ ихъ ученія между литовцами и самомъ ученіи. „Посланіе", кромѣ предисловія и послѣсловія заключаетъ въ себѣ 8 отдѣленій; каждое изъ нихъ состоитъ изъ вопроса и отвѣта; вопросы заимствованы изъ письма литовцевъ къ Зиновію, отвѣты заключаютъ въ себѣ опроверженіе мнѣній Өеодосія; отдѣленія другъ съ другомъ, не имѣютъ логической связи. Въ нихъ идетъ рѣчь о храмахъ Божіихъ, объ иконахъ, молитвѣ, пѣснопѣніяхъ церковныхъ и постахъ, о приношеніяхъ въ церковь, и монашествѣ, и милостынѣ, почитаніи родителей, повиновеніи духовнымъ наставникамъ и гражданскимъ властямъ, о почитаніи святыхъ и о крестѣ; оправдывается гоненіе на последователей Өеодосія и даются православнымъ совѣты хранить истинное православіе. Въ обоихъ сочиненіяхъ Зиновій обнаруживается какъ мыслящій богословъ, который не довольствуется, подобно митроп. Даніилу, выписками изъ святоотеческихъ и другихъ твореній, но представляетъ свои подробныя толкованія на эти выписки; начитанность Зиновія уступаетъ Іосифовой и Даниловой, языкъ тяжелъ и нѣсколько искуственъ. Содержаніе во многомъ сходно съ „Просвѣтителемъ", такъ какъ направлено на ересь Өеодосія Косаго, сходную съ ересью жидовствующихъ, противъ которой написанъ „Просвѣтитель"; впрочемъ нельзя сказать, чтобы Зиновій компилировалъ Іосифа: онъ иначе, чѣмъ тотъ, ведетъ себя при раскрытіи общихъ съ нимъ пунктовъ, иную, чѣмъ тотъ, даетъ онъ и форму своимъ сочиненіямъ [333]). — с) Митроп. югозападнаго *Спиридона* „Изложеніе. о православнѣй, истиннѣй нашей вѣрѣ"—въ формѣ окружнаго посла-

нія. Послѣ краткаго изложенія исторіи 7 вселенскихъ и 9 помѣстныхъ соборовъ, здѣсь дается довольно подробное исповѣданіе православной вѣры на основаніи этихъ соборовъ, и внушеніе іерархамъ ревностно оберегать паству отъ лжеученія [334]).

3) Произведенія *учительнаго* характера очень многочисленны и довольно разнообразны по содержанію и формѣ. Одни обличаютъ, другія наставляютъ; одни касаются религіозной жизни, другія—нравственныхъ недостатковъ общества; одни имѣютъ въ виду все русское общество, другія—опредѣленную область, третьи—извѣстный классъ людей, иныя же наконецъ — отдѣльныхъ лицъ. Равнымъ образомъ одни имѣютъ форму словъ и поученій, другія—посланій, третьи—небольшихъ статей и цѣлыхъ трактатовъ. Больше всего сохранилось нравоучительныхъ произведеній въ формѣ словъ и посланій. Изъ словъ сравнительно немногія были произносимы въ церкви. Проповѣдничество вообще мало было развито въ то время. А въ XVI вѣкѣ, по свидѣтельству иностранцевъ, у насъ совсѣмъ не говорилось въ церкви проповѣдей Ихъ мѣсто заступило только чтеніе въ церкви прологовъ, житій святыхъ, толковаго евангелія и „другихъ душеспасительныхъ книгъ“ [335]); по рукамъ же стали ходить въ большемъ, чѣмъ прежде, количествѣ, частныя поученія и посланія, составленныя по общей формѣ, напр. „Поученіе княземъ, егда пойдутъ на войну; поученіе митрополита къ князю цареву; посланіе митрополита о утѣшеніи женѣ о мужѣ умершемъ“ и т. п. Между нравоучительными писателями болѣе замѣчательны слѣдующіе: митрополитъ Кириллъ III, епископъ Владимірскій Серапіонъ, митрополиты: Петръ, Алексій, Фотій, Григорій Цамблакъ, Іона, преп. Іосифъ Волоколамскій, Нилъ Сорскій, Максимъ Грекъ, митроп. Даніилъ и протопопъ Сильвестръ. *Митрополиту Кириллу III* приписываютъ нѣсколько (9) нравоучительныхъ сочиненій. Изъ нихъ несомнѣнно ему принадлежитъ „правило“ и вѣроятно—„поученіе къ попамъ“. „Правило“ въ своемъ вступленіи говоритъ объ обязанностяхъ святителей ревностно блюсти священные каноны, о нестроеніяхъ въ русской церкви и причинахъ ихъ; затѣмъ излагаетъ правила собора Владимірскаго 1274 г. съ обращеніемъ къ духовен-

ству. Въ „Поученіи“, которое по всей вѣроятности, составляло заключеніе „Правила“ и только впослѣдствіи отдѣлилось отъ него въ нѣчто самостоятельное, авторъ обращается исключительно къ іереямъ и убѣждаетъ ихъ достойно проходить свое служеніе. „Правило“ имѣетъ видъ слова и было сначало произнесено предъ отцами собора Владимірскаго, а потомъ разослано по епархіямъ [336]). Отъ епископа *Серапіона* († 1275 г.), который многократно предлагалъ своей паствѣ поученія и былъ „зѣло учителенъ“, дошло до насъ 5 словъ, написанныхъ просто, ясно, кратко, безъ многословія и риторизма; во всѣхъ нихъ онъ вооружается противъ господствовавшихъ пороковъ своего времени, возстаетъ и противъ частныхъ обычаевъ—сожиганія волхвовъ и выкапыванія изъ могилъ удавленниковъ и утопленниковъ, во всѣхъ призываетъ слушателей къ покаянію и исправленію, указывая на постигшія ихъ казни Божіи, особенно на Монгольское иго [337]).

Отъ свят. *Петра* сохранилось окружное посланіе къ духовенству, или „поученіе игуменомъ, попомъ и діакономъ“, сходное съ Кирилловымъ поученіемъ; оно говоритъ кратко и просто о высотѣ пастырскаго служенія и обязанностяхъ пастырей въ отношеніи къ себѣ и паствѣ, постоянно ссылаясь на мѣста Св. Писанія [338]). *Митрополиту Алексію* приписываютъ 3 сочиненія. Одно окружное посланіе или поученіе ко всей паствѣ [339]), гдѣ авторъ говоритъ о своей обязанности учить паству, даетъ рядъ наставленій о взаимной любви, о страхѣ Божіемъ объ уваженіи къ пастырямъ церкви, о покаяніи, милостынѣ и добрыхъ дѣлахъ, о хожденіи въ церковь и церковной молитвѣ, наконецъ убѣждаетъ пасомыхъ выполнять эти наставленія, что бы содѣлаться причастниками небеснаго царствія. Другое, сходное съ первымъ по общему характеру, частнымъ мыслямъ и выраженіямъ, въ видѣ посланія адресовано къ православнымъ христіанамъ Нижегородской и Городецкой области [340]). Большею частію святитель обращается здѣсь къ пастырямъ, убѣждая ихъ заботиться объ искорененіи въ паствѣ нравственныхъ недостатковъ, особенно - пьянства, но въ заключеніи однако заявляетъ: „впрочемъ, я пишу сіе не однимъ игуменамъ и іереямъ, но и князьямъ, и боярамъ, и мужамъ, и женамъ,

и всѣмъ православнымъ христіанамъ". Третье—посланіе на Червленый Ярь, отдающее его жителей въ подсудность рязанскому епископу [341]); хотя это —юридическая грамата, но двѣ трети въ ней содержатъ наставленія въ истинахъ вѣры и нравственности, очень близкія по мыслямъ и выраженіямъ къ наставленіямъ „поученія" того же автора. Отъ *митрополита Фотія* сохранилось нѣсколько сочиненій,—почти всѣ они нравоучительнаго характера. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія 8 словъ и нѣкоторыя посланія. Пять словъ написаны на дни праздничные и воскресные (Благовѣщенія, Срѣтенія, недѣлю о блудномъ сынѣ, мясопустную и недѣлю православія), три—по случаю народныхъ бѣдствій - бездождія, моровой язвы и вообще казней Божіихъ [342]). Посланія Фотія были или окружныя—ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, или неокружныя—въ извѣстныя мѣста и къ извѣстнымъ лицамъ; изъ неокружныхъ, напр., можно указать посланія къ литовцамъ, въ Москвѣ по случаю моровой язвы, въ Кіевопечерскій монастырь и др. [343]). Въ словахъ и посланіяхъ Фотія не мало недостатковъ. Видно, что они мало обработаны и составлены на-скоро; большинство бѣдно содержаніемъ; любимыми предметами автора были казни Божіи, обязанности пастырей церкви и скорая кончина міра, ожидаемая въ то время; языкъ многословенъ и по мѣстамъ до того неправиленъ, что трудно добиться смысла; изложеніе невездѣ плавно и послѣдовательно, часто встрѣчаются повторенія и вводныя предложенія. Самъ авторъ сознавалъ, что неискусенъ былъ въ языкѣ русскомъ и славянскомъ [344]). *Григорію Цамблаку* принадлежатъ 22 слова. Господствующее направленіе ихъ - историческое и догматическое, большая часть ихъ посвящена древнимъ событіямъ, исторіи и восхваленію праздника; за исключеніемъ 2—3 проповѣдей, нравственныхъ наставленій слушателямъ нѣтъ. Изложеніе, хотя не вездѣ строго, однако довольно логично; языкъ—чистый славянскій и удобопонятный; онъ богатъ сравненіями, противоположеніями, тропами и фигурами, по мѣстамъ искуственъ и напыщенъ, но нерѣдко дышетъ искреннымъ чувствомъ и одушевленіемъ автора Видно, что этотъ послѣдній имѣлъ ораторскій талантъ, обладалъ воспріимчивостію чуства и гибкостію мысли; съ другой стороны

онъ былъ и довольно начитанъ въ Священномъ Писаніи и святоотеческихъ твореніяхъ, которымъ старался слѣдовать въ мысляхъ, въ построеніи словъ и даже въ оборотахъ рѣчи. Болѣе всего онъ подражалъ Іоанну Златоусту [345]).

Отъ *митрополита Іоны* до насъ дошло 6 учительныхъ посланій. Посланія къ Новгородскому архіепископу Евѳимію и ко всѣмъ новгородцамъ написаны противъ господствовавшихъ тамъ раздоровъ и кровопролитія; посланіе къ новгородскому князю Юрію Семеновичу Лугвеніеву утѣшаетъ его какъ лично къ нему относящимися, такъ и общими разсужденіями, по случаю смерти жены; посланіе въ Боголюбовъ монастырь вооружается противъ непослушанія иноковъ своему игумену и противъ „многихъ безчиній“ между ними; посланіе къ жителямъ Вятки увѣщаваетъ всѣхъ мірянъ и особо—духовенство къ исправленію религіознонравственныхъ недостатковъ, тамъ обнаруживавшихся; наконецъ посланіе къ дѣтямъ, непокорнымъ своей матери, уговариваетъ помириться съ своею матерью какихъ-то молодыхъ князей [346]). Отъ преп. *Іосифа Волоколамскаго* осталось нѣсколько нравоучительныхъ сочиненій, имѣющихъ въ виду или монаховъ, или мірянъ. Къ первымъ относятся монастырскій уставъ, или „духовная грамата,“ наказъ одному старцу о соблюденіи монастырскаго устава, наказная грамата соборнымъ и прочимъ братіямъ не держать хлѣбныхъ напитковъ въ монастырской гостинницѣ [347]); ко вторымъ 2 посланія къ Дмитровскому князю Юрію Ивановичу, говорящія о милосердіи, прощеніи враговъ, покорность государю, о необходимости для князя заботы относительно матеріальнаго благосостоянія подданныхъ, и предлагающія совѣтъ удерживаться отъ блуда [348]); посланіе къ вельможѣ о милованіи рабовъ [349]) и 4 посланія объ епитиміяхъ, написанныя къ какимъ-то вельможамъ, духовнымъ дѣтямъ прп. Іосифа, и заключающія въ себѣ совѣтъ, какъ исполнять епитиміи, а вмѣстѣ и правила относительно пищи и питія, молитвъ, поклоновъ, милостыни и т. п. [350]). Направленіе автора въ этихъ сочиненіяхъ формальное и обрядовое. Преп. *Нилъ Сорскій* († 1508 г.) былъ по преимуществу аскетическимъ писателемъ. Одни изъ его сочиненій сохранились цѣликомъ, другія въ отрывкахъ и въ видѣ коротенькихъ замѣтокъ Нравоучительными—для

монаховъ—являются слѣдующія: а) „Преданіе ученикомъ о жительствѣ скитскомъ“. Послѣ символа вѣры здѣсь излагаются обязанности истинныхъ иноковъ: жить по писаніямъ и преданіямъ Св. Отецъ, трудами рукъ своихъ снискивать пропитаніе, наблюдать простоту въ обстановкѣ келейной и монастырской, вкушать пищу и питіе сообразно своимъ силамъ, безъ пресыщенія и по возможности съ постомъ, самимъ изъ монастыря безъ нужды не выходить, женщинъ туда не пускать и „отроковъ на служеніи не держать“, въ отношеніи къ мірянамъ быть кроткими и милостивыми [351]). б) Монастырскій уставъ въ 2 главахъ. Это-глубоко продуманное и систематически изложенное сочиненіе, служащее какъ бы дополненіемъ къ „преданію“. Въ предисловіи преп. Нилъ говоритъ о необходимости для инока „мысленнаго дѣланія, сердечнаго и умнаго храненія“, т. е. внутренняго самосовершенствованія, постояннаго наблюденія за своимъ умомъ и сердцемъ, затѣмъ указываетъ средство для наученія такому мысленному дѣланію—въ св. Писаніи и замѣчаетъ, что отсюда онъ извлекъ и свои „главы“. Въ нихъ, на основаніи собственнаго психологическаго анализа и твореній восточныхъ подвижниковъ, авторъ подробно изображаетъ борьбу человѣка, стремящагося къ совершенству, съ страстями и указываетъ выходъ изъ этой борьбы. Страсть въ человѣкѣ—по воззрѣнію Нила, проходитъ различные моменты своего развитія—„прилогъ“ (невольная мимолетная мысль, невольное чувство и впечатлѣніе отъ предмета), „сочетаніе“ (удержаніе этой мысли или чувства въ себѣ силою воли, остановка на помыслѣ), „сложеніе“ (склонность или стремленіе къ возникшему въ душѣ впечатлѣнію или образу предмета), „плѣненіе“ (увлеченіе порочною мыслію или чувствомъ) и наконецъ „страсть“ (полное порабощеніе человѣка пороку, когда послѣдній входитъ въ „нравъ“ человѣка, а не есть только временное состояніе его души). Съ этими-то врагами приходится иноку бороться (гл. I). Лучшее для этого средство уничтожать „прилогъ“, зародышъ страсти; второе средство „умная молитва“, по отношенію къ которой внѣшняя обычная молитва есть не больше, какъ подготовка; при умной молитвѣ умъ долженъ сосредоточиваться на „глубинѣ сердечной“ и отрѣшаться отъ всякихъ помысловъ и стороннихъ

впечатлѣній, ничто внѣшнее—ни чтеніе псалмовъ, ни пѣніе не должно нарушать такой молитвы; сходя на сердце, она низводитъ въ него несказанную радость, душа человѣка приходитъ въ изступленіе и какъ бы невольно влечется къ „непостижимому“ (гл. II). Чтобы оба эти средства приложить съ пользою къ дѣлу, необходимо въ человѣкѣ твердая рѣшимость бороться со страстями, неустанная энергія, и рядомъ съ этимъ надежда на благодатную помощь (гл. III). Соотвѣтственно этому, весь порядокъ ежедневной жизни инока долженъ быть проникнуть стремленіемъ къ самосовершенству (гл. IV). Подробно анализируются въ частности 8 главныхъ страстей—чревоугодіе, блудъ, сребролюбіе, гнѣвъ, безмѣрная печаль, уныніе, тщеславіе, гордость—и предлагаются частныя средства для борьбы съ ними (гл. V). Но больше всего нужна для этого помощь Божія (гл. VI), постоянное памятованіе о смерти (гл. VIII), слезы сокрушенія (VIII), охраненіе сердца отъ всякихъ неподобныхъ помысловъ (гл. IX), и полное отреченіе отъ міра, „умертвіе отъ всѣхъ“ (гл. X). Всѣми этими средствами пользоваться и проходить самый путь къ совершенству нужно съ разсужденіемъ—во время и въ мѣру; самый подвигъ монашества нужно брать на себя съ большою обдуманностію, взвѣсивъ напередъ свои силы; изъ видовъ иночества наиболѣе согласно съ человѣческой природой скитничество. (гл. XI). Въ послѣсловіи преп. Нилъ замѣчаетъ, что все это написано имъ отъ „Божественныхъ Писаній“, проситъ извиненія, если гдѣ погрѣшилъ [352]). в) Посланіе къ Бѣлозерскому старцу Герману, говоритъ о необходимости тщательнаго изученія Божественныхъ Писаній и сообразованія съ ними своихъ дѣйствій, вмѣстѣ съ этимъ упрекаетъ современныхъ иноковъ за отступленія отъ этихъ Писаній и преданій святыхъ [353]). г) Посланіе къ Бѣлозерскому старцу Гурію Тушину отвѣчаетъ на 4 предложенные имъ вопроса: какъ бороться съ нечистыми мыслями? какъ отгонять отъ себя мысли хулы? въ чемъ заключается истинное отреченіе отъ міра? и что должно служить иноку путеводителемъ ко спасенію [354])? д) посланіе къ князю-иноку Кассіану Мавнукскому раскрываетъ необходимость и пользу для человѣка скорбей и несчастій въ здѣшней жизни [355]). е) „Посланіе къ брату любовное и о покаяніи“—трактуетъ о вредѣ отчаянія и спаси-

тельности покаянія [356]). ж) Посланіе къ князю—иноку Вассіану Патрикѣеву, который по принужденію былъ постриженъ въ инока и не могъ вдругъ помириться съ своей судьбой. Онъ обращался къ преп. Нилу за совѣтомъ, какъ избавиться отъ „находящихъ помысловъ прежняго мірскаго житія", какъ очистить душу отъ порочныхъ мыслей и какъ вести себя съ окружающими иноками. Преп. Нилъ въ отвѣтъ пишетъ ему о суетности и непрочности всего мірскаго, необходимости страданій въ здѣшней жизни, объ естественности помысловъ для каждаго инока и о средствахъ къ подавленію ихъ [357]). з) Сохранилось еще нѣсколько незначительныхъ замѣтокъ или отрывковъ изъ сочиненій преп. Нила, напр. „о мнисѣхъ кружающихъ стяжаній ради," противъ бродяжничества и попрошайничества современныхъ иноковъ [358]), „о смертномъ воспоминаніи," т. е. о пользѣ памятованія смерти [359]), „наставленіе молодому иноку"—о домашнемъ келейномъ правилѣ [360]) и др. Складъ самого Нила Сорскаго критическій и вмѣстѣ аскетическій до созерцательности (мистицизма); характеръ его сочиненій психологическій и мало имѣющій отношенія къ окружающему міру [361]). Отъ *Максима Грека* осталось очень много нравоучительныхъ сочиненій. Одни имѣютъ въ виду всѣхъ христіанъ, говоря или вообще о христіанской нравственности, или о частныхъ ея правилахъ, другія - извѣстные только классы общества, третьи—отдѣльныхъ лицъ; форма ихъ различна. Къ перваго рода сочиненіямъ относится: а) собесѣдованія Максима съ своею душею; здѣсь авторъ напоминаетъ своей душѣ объ образѣ Божіемъ, о горнемъ ея отечествѣ и вѣнцахъ небесныхъ, ей уготованныхъ, затѣмъ обличаетъ ее въ привязанности къ землѣ и порокамъ, объясняетъ ей, что не иноческими одеждами и подвигами, а воздержаніемъ отъ похотей, плачемъ о грѣхахъ можетъ она достигнуть своего отечества, угрожаетъ ей вѣчными муками за неисполненіе Божьяго закона и убѣждаетъ бѣгать всего грѣховнаго и стремиться къ добру [362]). Въ одномъ изъ собесѣдованій рѣшаются вопросы о томъ, откуда въ насъ страсти и какъ укрощать ихъ, въ частности откуда пристрастіе къ звѣздословію и какъ оно пагубно [363]). б) Нѣсколько словъ, гдѣ авторъ, указывая на Божественную любовь къ человѣчеству, упрекаетъ современниковъ въ неблагодарности

Богу, обличаетъ ихъ въ различныхъ недостаткахъ религіозно-нравственной жизни, и призываетъ къ христіанской любви, покаянію и добрымъ дѣламъ [364]). в) Нѣсколько статей или сказаній относительно частныхъ пороковъ и добродѣтелей; таковы 2 статьи объ обѣтахъ, гдѣ внушается, что должно исполнять разъ данные обѣты и объясняется, въ чемъ состоитъ обѣтъ истиннаго поста [365]); двѣ статьи о значеніи нашихъ молитвъ, вооружающіяся противъ внѣшней набожности, въ которой многіе полагали все дѣло спасенія [366]). Ко втораго рода сочиненіямъ относятся: а) „главы поучительны начальствующимъ правовѣрно; „посланіе къ начальствующимъ правовѣрно“ и, слово, пространно и съ жалостью излагающее нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія“;— всѣ они имѣютъ въ виду правящій классъ общества и въ противовѣсъ господствующимъ недостаткамъ призываютъ его къ любви, къ миру, къ правдѣ [367]) и т. п. б) „слова къ хотящимъ оставляти жены своя безъ вины законныя и ити во иноческое житіе“, „поученіе къ инокамъ о исправленіи иноческаго житія“, посланіе къ нѣкоимъ инокинямъ“ и „сказаніе о иноческомъ жительствѣ между Филоктимономъ (любостяжательнымъ) и Актимономъ (нестяжательнымъ),—всѣ касаются иноческой жизни, или объясняя, что съ размышленіемъ нужно брать на себя иноческій подвигъ, что самъ онъ еще не спасителенъ, что спастись можно и въ міру, что иноку нужно украшаться внутренними добродѣтелями, а не одними одеждами, или обличая иноковъ въ стяжательности и бродяжничествѣ [368]). Къ третьяго рода— частнымъ сочиненіямъ нужно отнести посланія: къ Ивану Васильевичу IV—о заступничествѣ за бѣдныхъ, праведномъ управленіи и чествованіи духовныхъ лицъ; къ князю Димитрію — о терпѣніи въ скорбяхъ, къ нѣкоей инокинѣ—противъ скорби объ умершихъ, къ нѣкоему другу — о томъ, какъ бороться съ блуднымъ помысломъ и малодушіемъ, къ дьякону Григорію — противъ укоренившагося въ немъ порока пьянства. [369]) Во всѣхъ нравоучительныхъ сочиненіяхъ преп. Максимъ является человѣкомъ съ свѣтлымъ и широкимъ взглядомъ на сущность и условія истинной христіанской нравотвенности, вмѣстѣ—назидательнымъ учителемъ и строгимъ обличителемъ современныхъ пороковъ. *Митроп. Даніилъ*

не былъ только догматическимъ писателемъ. Гораздо больше осталось, отъ него сочиненій учительныхъ съ религіознонравственнымъ характеромъ. Таковы отчасти I — IV и преимущественно VIII, IX, X, XII — XVI слова его „Соборника", таковы же его поученія и посланія, вошедшія въ другой его Сборникъ и существующія особо. Въ словахъ „Соборника" авторъ учитъ, что „должно вѣровать и поступать по свидѣтельству божественныхъ писаній", что должно удерживаться отъ ложныхъ пророковъ и учителей кротко вести съ ними состязанія или совсѣмъ не имѣть съ ними мира, если они отвергаютъ отеческіе обычаи (Слово I); что за истину должно стоять твердо и непоколебимо, пусть бы это вносило вражду и разладъ; особенно это требуется отъ пастырей церкви, поставленныхъ для воспитанія паствы, но къ сожалѣнію уклоняющихся отъ своихъ обязанностей и живущихъ не попастырски. (Слово II); что должно исполнять всѣ церковныя преданія — „различныя устроенія, чины и уставы, правила и законы", что бы жить истинными христіанами, а не называться только такими, какъ дѣлаютъ многіе изъ современныхъ христіанъ (сл. III и IV); что Богъ установилъ на землѣ власти въ отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу же благотворцамъ", что поэтому съ одной стороны должно повиноваться властямъ, съ другой—онѣ должны заботиться о соблюденіи людьми божественныхъ законовъ, карать еретиковъ и лжеучителей; что наконецъ всѣ поэтому же должны стремиться къ охраненію отъ еретиковъ и къ исполненію своей жизни Закона Божія (Сл. VIII); что должно удерживаться отъ неправды, ярости, гнѣва, тщеславія, гордости и въ частности—пересудовъ (сл. IX), клеветъ, ябедничества и доносовъ (X); что нужно каждому христіанину въ своей жизни выполнять всѣмъ сердцемъ, душею и мыслію, обѣтъ, данный при св. крещеніи и, замѣтивъ въ себѣ нарушеніе этого обѣта (прибавляется обличеніе современниковъ, покаяться и исправиться (XII); что въ мірѣ возможно спастись; только для этого нужно не предаваться мірскимъ благамъ до увлеченія, а жить въ простотѣ и добродѣтеляхъ, презирая, какъ суетныя, удовольствія міра, подвизаться для будущаго, любомудрствуя о духовномъ, оставлять же совсѣмъ связи съ міромъ — напр.

разводиться съ женою и т. п.—не только нѣтъ необходимости, но иногда нѣтъ и пользы (XIII—XVI). Въ Сборникѣ помѣщено до 14 посланій къ разнымъ лицамъ и монастырямъ; содержаніе ихъ разнообразно; по формѣ они приближаются къ словамъ „Соборника“, почему и надписываются также словами. Одни при нихъ имѣютъ своимъ предметомъ ученіе о монашествѣ, въ частности, или раскрывая богоустановленность двухъ формъ человѣческой жизни — брака и монашества - и необходимость разумно брать на себя иноческій подвигъ (VI), или разсматривая три вида монашества—отшельничество, скитничество и общежитіе (V), или начертывая правила иноческой жизни (I и VII) и идеалъ истиннаго инока (XII); другія разсуждаютъ о цѣломудріи и чистотѣ (X, XI, XIII и XIV); третьи обличаютъ пастырей церкви за нераденіе въ отношеніи къ просвѣщенію паствы и показываютъ имъ, въ чемъ заключается ихъ долгъ и какъ нужно учить паству (II и III); иныя излагаютъ ученіе о страхѣ Божіемъ (IX), ничтожествѣ земныхъ благъ и скоротечности земной жизни, призываютъ къ покаянію и исправленію (IV), рисуя картину страшнаго суда (VIII). Изъ существующихъ самостоятельно сочиненій митроп. Даніила „поученіе“ его вооружается противъ увеселеній, зрѣлищъ и разгула русскихъ; „окружное посланіе“—противъ раздоровъ, несогласій, деспотизма властей и распространенія лжеученій, трактуетъ о „смиреніи, соединеніи, согласіи, любви, соблюденіи православной вѣры и закона“ и объ отношеніи къ еретикамъ; „посланіе къ Діонисію Звенигородскому“ поучаетъ христіанскому несенію скорбей и послушанію монастырскимъ властямъ. Въ нравоучительныхъ своихъ сочиненіяхъ митроп. Даніилъ не только является начитаннымъ писателемъ, извлекающимъ и подтверждающимъ свои мысли изъ святоотеческихъ твореній, но и пастыремъ церкви, внимательно наблюдавшимъ за паствою, учившимъ и обличавшимъ, поэтому посланія и слова его такъ принаровлены къ современнымъ потребностямъ и сами такъ живо рисуютъ картину современныхъ нравовъ и обычаевъ [370]). Отъ благовѣщенскаго попа *Сильвестра* совѣтника при Іоаннѣ IV (XVI в.), кромѣ житія св. Ольги, остались Домострой и 2 посланія къ князю Александру Борисовичу Шуйскому-Горбато-

ву. Домострой не есть собственно произведеніе Сильвестра: онъ только измѣненъ имъ и въ концѣ дополненъ посланіемъ къ сыну Анфиму, представляющимъ собою краткое изложеніе того, что есть въ Домостроѣ. Въ этомъ послѣднемъ подробно представлены общія религіозныя обязанности всѣхъ членовъ семейства, значеніе въ немъ мужа и жены, отношеніе родителей къ дѣтямъ и господъ къ слугамъ, рядомъ съ нравственными даются и практически — житейскіе совѣты [371]). Въ посланіяхъ къ А. Шуйскому авторъ—въ одномъ даетъ наставленія, какъ нужно поступать ему въ качествѣ царскаго намѣстника въ Казани, вмѣстѣ излагаетъ обязанности пастырей церкви и всѣхъ начальниковъ и судей въ казанскомъ краѣ; въ другомъ—утѣшаетъ его въ постигшей его царской опалѣ, совѣтуетъ не отчаяваться, раскрываетъ причины человѣческихъ бѣдствій и призываетъ на него благоволеніе Божіе [372]). Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ Сильвестръ представляется человѣкомъ начитаннымъ, практическимъ, съ твердыми убѣжденіями и даромъ слова [373]). Очень много поученій и посланій осталось отъ *безъименныхъ авторовъ*; ихъ можно находить въ сборникахъ того времени: Златой Цѣпи, Измарагдѣ, Царскаго, Паисіевскомъ и др.

4) Къ *историческому* отдѣлу принадлежатъ сочиненія или съ частнымъ содержаніемъ—житія св. и отдѣльныя историческія сказанія, или съ общимъ—лѣтописи и Степенная книга.

Отъ XIII вѣка до 30-хъ годовъ XVI вѣка осталось сравнительно мало *житій* св. и другихъ церковноисторическихъ сказаній. Но во дни митроп. Макарія ихъ появилось такъ много, какъ никогда. Этому способствовалъ самъ митроп. Макарій своими трудами по собиранію четіихъ книгъ и канонизаціи русскихъ святыхъ (на соборахъ 1547 и 1549 г.), онъ даже самъ принималъ въ развитіи житійной литературы живое участіе. Послѣ него начатое имъ движеніе продолжалось, и въ свѣтъ выходили новыя житія. Отъ *XIII вѣка* извѣстны слѣдующія житія и историческія повѣсти: подробное сказаніе о мученической кончинѣ св. князя Михаила Черниговскаго и боярина его Ѳеодора, написанное о. Андреемъ [374]), житіе св. Александра Невскаго († 1263 г.), составленное неизвѣстно какимъ современникомъ его [375]), житіе

св. Исаіи, еписк. Ростовскаго,—также неизвѣстнаго автора [376]). *Отъ XIV вѣка* остались: краткое житіе св. Кирилла Туровскаго—неизвѣстно чье [377]), житіе св. м. Петра, просто изложенное Прохоромъ еписк. Ростовскимъ (†1327) [378]); отдѣльныя сказанія о св. Довмонтѣ (Тимофеѣ) Псковскомъ [379]), о мученической кончинѣ Михаила Тверскаго [380]), о житіи и преставленіи великаго князя Димитрія Донскаго [381]); къ концу XIV или началу XV вѣка относятся четыре посланія митр. Кипріана съ характеромъ автобіографическимъ [382]) и витіевато составленное имъ житіе митроп. Петра [383]). Въ *XV вѣкѣ* написаны: Григоріемъ Цамблакомъ 3 сказанія о святыхъ Сербіи и 22 слова, господствующее направленіе которыхъ въ однихъ догматическое, въ другихъ историческое; инокомъ Епифаніемъ—житіе св. Стефана Пермскаго [384]) и Сергія Родонежскаго [385]), съ которыми онъ былъ близокъ во время ихъ жизни; игуменомъ Прилуцкаго монастыря Макаріемъ—житіе преп. Димитрія Прилуцкаго [386]) (†1391 г.); архим. Питиримомъ [387]) впослѣдствіи Пермскимъ епископомъ—житіе митроп. Алексія [388]); Суздальскимъ іеромонахомъ Симеономъ, спутникомъ митроп. Исидора,—повѣсть о 8-мъ или Исидоровомъ соборѣ (Флорентійскомъ), гдѣ онъ говоритъ еще о Маркѣ Ефесскомъ и о себѣ самомъ [389]); сербомъ Пахоміемъ, прибывшимъ въ Россію при Василіѣ Васильевичѣ и поселившимся въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, написано 10 житій признанныхъ и непризнанныхъ еще церковью святыхъ, именно, преп. Сергія Радонежскаго, митроп. Алексія, преп. Кирилла Бѣлозерскаго, преп. Варлаама Хутынскаго, великой княгини Ольги, преп. Саввы Вишерскаго, архіепископовъ новгородскихъ Евфимія, Моисея и Іоанна, Никона игум. Троицкаго, три особыхъ сказанія о святыхъ и преимущественно ихъ чудесахъ, вошедшія потомъ въ сокращенномъ видѣ или цѣликомъ въ самыя житія, наконецъ 4 похвальныхъ слова историческаго характера. Изъ всѣхъ этихъ сочиненій только 2 житія и 2 слова можно назвать собственными произведеніями Пахомія; остальныя же представляютъ собою передѣлку прежнихъ,—сокращеніе, измѣненіе, дополненіе предисловіями, заключеніями и сказаніями объ открытіи мощей или чудесахъ,—и по частямъ иногда и простую переписку готовыхъ житій; однако Пахомій пользовался большимъ почетомъ у современ-

ников, произведенія его списывались съ охотою, ему подражали и другіе писатели; слогъ его произведеній, за исключеніемъ приступовъ, простъ и довольно ясенъ [390]); дьякомъ Иродіономъ Кожуховымъ составлено „сказаніе" о чудѣ Варлаама Хутынскаго, 1460 г. [391]); какимъ-то новгородцемъ — „воспоминаніе" о новгородскомъ архіеп. Іонѣ († 1470) [392]), инокомъ Иринархомъ — житіе Діонисія Глушицкаго (въ 1495 г.), Паисіемъ Ярославовымъ — „сказаніе о каменномъ монастырѣ", гдѣ сообщаются извѣстія о монастырѣ, его игуменахъ, замѣчательныхъ подвижникахъ, причемъ о Діонисіѣ Глушицкомъ повѣствуется буквально словами Иринархова житія [393]). *Въ XVI вѣкѣ* появилось житіе преп. Пафнутія Боровскаго, составленное Вассіаномъ архіеп. Ростовскимъ (1506—1515 г.) [394]), преп. Зосимы и Савватія Соловецкихъ, написанное митроп. южнорусскимъ Спиридономъ, жившимъ на покоѣ въ Ферапонтовомъ монастырѣ [395]); 3 похвальныхъ слова въ честь черниговскихъ мучениковъ, Михаила и Ѳеодора, и соловецкихъ подвижниковъ Зосимы и Савватія, составленныя сербомъ Львомъ-Филологомъ черноризцемъ [396]). Отъ Максима грека между другими его произведеніями осталось нѣсколько — сравнительно очень мало — и историческихъ; всѣхъ ихъ 12; это очень небольшія замѣтки и повѣсти о событіяхъ, лицахъ и монастыряхъ; болѣе замѣчательны между ними посланіе къ старцу Вассіану о жительствѣ на св. горѣ Аѳонской и „повѣсть страшна и достопамятна и о совершенномъ иноческомъ жительствѣ": въ первомъ онъ изображаетъ жизнь аѳонскихъ монастырей, во второй — состояніе западныхъ монастырей и дѣятельность Іеронима Савонаролы [397]). Княземъ Курбскимъ была написана въ XVI вѣкѣ исторія Флорентійскаго собора. Когда во главѣ съ митроп. Макаріемъ началось собираніе четьихъ книгъ, большинство изъ существовавшихъ въ Россіи житій и историческихъ повѣстей нашли себѣ мѣсто въ составленныхъ сборникахъ: четьихъ минеяхъ разныхъ редакцій и въ Степенной книгѣ; одни изъ нихъ вошли сюда цѣликомъ, другія измѣнялись въ языкѣ, пополнялись похвальными словами и разсказами о новыхъ чудесахъ и открытіи мощей извѣстныхъ святыхъ. Рядомъ съ этимъ по порученію митрополита, царя и собора 1547 г. собирались свѣдѣнія касательно русскихъ свя-

тыхъ, для чего нарочито предпринимались путешествія по монастырямъ, составлялись новыя записи и сказанія о жизни святыхъ и представлялись на разсмотрѣніе и благословеніе митроп. Макарія. Такимъ образомъ къ составленію житій были привлечены многочисленные русскіе книжники; изъ нихъ извѣстны боярскій сынъ Василій Михайловъ Тучковъ, Савва епископъ Крутицкій, инокъ Іеразмъ, пресвитеръ Василій (въ монашествѣ Варлаамъ), инокъ Маркеллъ, Іосифо-Волоколамскій игуменъ Іосифъ и др. Произведенія ихъ также вносились Макаріемъ въ Четьи-Минеи и въ Степенную книгу. Составленіе житій велось также независимо отъ личности и распоряженій митрополита Макарія, по собственной иниціативѣ писателей; оно продолжалось и послѣ его смерти. За все это время составлены были новыя житія: Александра Невскаго, пр. Никона Троице-Сергіевскаго, Павла Обнорскаго, Михаила Клопскаго, Георгія Болгарскаго, Александра Свирскаго, пр. Іосифа Волоколамскаго, митрополита Іоны, пр. Макарія Калязинскаго, Прокопія и Іоанна,—юродивыхъ Устюжскихъ, князя Константина, сыновей его Михаила и Ѳеодора, св. князя Петра и супруги его Февроніи,—Муромскихъ святыхъ, Евфросина Псковскаго, Всеволода Псковскаго, Саввы Сторожевскаго, Евфимія Суздальскаго, Нифонта и Никона Новгородскихъ, Ѳерапонта и Мартиніана Бѣлозерскихъ, Даніила Переяславскаго, Григорія и Кассіана Авженскихъ, ихъ учителя Стефана Махрицкаго, Антонія Сійскаго, Сергія Нуромскаго, Герасима Болдинскаго, Геннадія Костромскаго, Корнилія Комельскаго и др. Даже объ одномъ и томъ же святомъ писались различныя повѣсти различными писателями. Племянникъ Іосифа Волоколамскаго инокъ Досифей около половины XVI вѣка представилъ опытъ сборника нѣсколькихъ сказаній о подвижникахъ и ихъ произведеній,—именно патерикъ, заключающій въ себѣ разсказы, изреченія, бесѣды Пафнутія Боровскаго, Іосифа Волоколамскаго и ихъ учениковъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что видѣлъ въ ихъ обителяхъ и слышалъ о нихъ самъ авторъ [398]). При составленіи житій и отдѣльныхъ повѣстей не всегда находила себѣ мѣсто здравая критика. Недостатокъ біографическаго матеріала иногда восполнялся общими фразами, аллегоріями и совершенно ненужными

разсужденіями о посторонних предметахъ *). Въ XIII—XIV вѣкахъ языкъ житій обыкновенно простъ и краток; исключеніе представляютъ развѣ житіе Александра Невскаго, наполненное напыщенными сравненіями его съ Іосифомъ, Сампсономъ, Веспасіаномъ и т. п., и Кипріаново житіе митрополита Петра, написанное многорѣчиво и витіевато. Но въ XV и XVI вѣкахъ появляется гораздо больше многословныхъ, напыщенныхъ и искусственно построенныхъ житій. Особенно отличаются этими чертами житія Епифанія, предисловія Пахоміевыхъ житій, житія Иринарха, Льва Филолога и пресвитера Василія-Варлаама.

Въ XIII—XVI вѣкахъ велось продолженіе начавшихся прежде *лѣтописей*. (Лаврентіевской, Ипатіевской,) (Новгородскій) и писались новыя. Таковы: 2-я, 3-я и 4-я Новгородскія лѣтописи, „Роспись или краткій лѣтописецъ Новгородскихъ владыкъ“ [399]), двѣ Псковскія (съ XIII в.) [400]), Волынская (XIII в.), „лѣтописецъ Литвы и хроника русская“ (XV в.) [401]), двѣ Софійскія (XV и XVI в.), Воскресенская или Софійскій временникъ (XVI в.) [402]), Никоновская или Патріаршая [403]) (XVI в.) и Тверская (XVI в.) [404]). Однѣ изъ нихъ мѣстнаго, другія — общерусскаго характера. При составленіи ихъ авторы пользовались словесными показаніями другихъ, своими наблюденіями, частными записями даже наличными лѣтописями. Напр., лѣтописецъ Литвы представняетъ собою сокращеніе древнѣйшихъ Литовскихъ временниковъ; а 4 Новгородская, Софійскія, Воскресенская, Никоговская и Тверская суть скорѣе лѣтописные сборники, чѣмъ лѣтописи. Содержаніе этихъ сборниковъ черпалось почти всецѣло изъ мѣстныхъ лѣтописей по личному выбору составителей; при этомъ вносились иногда передѣлки въ лѣтописные разсказы, вводились цѣликомъ нѣкоторыя произведенія свѣтской и церковной литературы, старинный лѣтописный языкъ замѣнялся въ XVI вѣкѣ многословнымъ, напыщеннымъ языкомъ житійной литературы. Содержаніе ихъ обыкновенно смѣшанное: гражданскія и церковныя событія

---

*) Напр., въ Епифанскомъ житіи Стефана Пермскаго введены „Плачъ Пермскій“ (о кончинѣ Стефана) и разсужденіе объ изобрѣтеніи различныхъ алфавитовъ

находили здѣсь себѣ мѣсто. Но въ 3 Новгородской лѣтописи и въ Росписи Новгородскихъ владыкъ обнаруживается попытка повѣствовать только о событіяхъ церковной жизни, не касаясь гражданскихъ [405]). Порядокъ расположенія историческаго матеріала остается прежній—хронологическій. Только въ Волынской лѣтописи первоначально не было выставлено годовъ въ преемственномъ порядкѣ; въ сознаніи автора уже выступила нужда „писать хронографу все и вся бывшая, овогда же писати въ передняя, овогда же возступати въ задняя“, т. е. нарушать хронологическій порядокъ въ интересахъ цѣльности и связности историческаго разсказа [406]). Дальнѣйшій шагъ на пути отъ хронологіи къ исторіи представляетъ собою „*Степенная книга*“. Начало ей было положено митрополитомъ Кипріаномъ, а при митрополитѣ Макаріѣ (или имъ самимъ или подъ его руководствомъ кѣмъ либо еще) она была дополнена и продолжена до его времени. Въ Макаріевскомъ спискѣ Степенной книги пестрый историческій матеріалъ расположенъ по 17 степенямъ; каждая изъ нихъ обнимаетъ правленіе великаго князя, отъ котораго „оставалось при государственномъ управленіи потомство“, и распадается на нѣсколько главъ. Рядомъ съ извлеченіями изъ существовавшихъ лѣтописей сюда введены многія житія святыхъ, сказанія о чудесахъ и иконахъ, граматы и т. п [407]).

5) Къ *описательному* отдѣлу относятся: „Странникъ“ новгородскаго инока *Стефана*, бывшаго въ Константинополѣ около 1350 г. и описавшаго Софійскій соборъ, нѣкоторыя церкви и монастыри Константинополя вмѣстѣ съ иконами, мощами и другими святынями [408]); описаніе „хожденія“ отъ Москвы до Халкидона и Іерусалима, составленное смоленскимъ іеродіакономъ *Игнатіемъ* около 1389 г. [409]), краткій путеводитель по важнѣйшимъ константинопольскимъ монастырямъ и Софійскому собору дьяка *Александра* (въ концѣ XIV в. [410]); „Ксеносъ“ іеродіакона Троице-Сергіевой Лавры *Зосимы*, описывающій его путешествіе (около 1420 г.) по Аѳону, Солуни, Царьграду, Іерусалиму и другимъ мѣстностямъ востока [411]); „путешествіе Исидора митрополита на Флорентійскій соборъ“ (1437), составленное, по всей вѣроятности тѣмъ же іеромонахомъ *Симеономъ*, который написалъ повѣсть объ „Исидоровомъ соборѣ“ [412]); краткое описаніе

св. Палестинскихъ мѣстъ, написанное какимъ-то гостемъ *Василіемъ* (около 1466) [413]; записки о путешествіи московскихъ купцовъ *Трифона Коробейникова* и *Юрія Грекова* съ товарищами въ Іерусалимъ, Египетъ и на Синайскую гору, бывшія одною изъ любимыхъ книгъ нашихъ предковъ [414]).

Прощальныя граматы или завѣщанія оставили послѣ себя митрополиты Кипріанъ, Фотій и Макарій. Здѣсь находятся біографическія свѣдѣнія о нихъ, прощанье ихъ съ современниками и благословеніе ихъ. *Публицистическая* литература развилась особенно въ XVI в. по вопросу о монастырскихъ земляхъ и отношеніи къ еретикамъ. Изъ *астрономическихъ* заслуживаютъ вниманія: пасхалія Геннадія Новгородскаго. „Міротворный кругъ", присланный ему Димитріемъ Герасимовымъ изъ-за границы, и нѣкоторыя статьи Максима Грека. Изъ *грамматическихъ*—присланныя въ Россію тѣмъ же Димитріемъ Герасимовымъ „книга о 8 частяхъ слова" и замѣтки Максима Грека. Къ произведеніямъ *смѣшаннаго* характера относятся различные сборники, частныя посланія, замѣтки и нѣкоторыя статьи (напр. у Максима Грека).

§ 24. Въ характерѣ духовнаго просвѣщенія, въ состояніи церковнаго управленія и религіозно-нравственномъ складѣ русскихъ заключались условія для появленія и распространенія въ Россіи „ересей и шатаній". Именно слабое развитіе просвѣщенія въ народѣ и недостатокъ живаго учительнаго слова со стороны пастырей церкви открывали свободный ходъ частнымъ религіознымъ мнѣніямъ въ народѣ, какъ бы нелѣпы и противны христіанской религіи ни были они. Обиліе апокрифическихъ книгъ съ богомильскимъ или миѳологическимъ содержаніемъ способствовало воспитанію въ народѣ дуалистическаго міросозерцанія, а нѣкоторыхъ могло настраивать противъ обрядовой стороны христіанской церкви. Недостатки въ духовенствѣ, особенно поставленіе духовныхъ лицъ на мздѣ и поборы ихъ съ мірянъ, давали толчекъ къ протесту противъ іерархіи; борьба іерархическая между митрополитомъ и епископами, равно какъ епископами и низшимъ духовенствомъ, а вмѣстѣ борьба удѣльная между отдѣльными городами и вольность нѣкоторыхъ изъ нихъ служили почвой, на которой удобно могъ разыгрываться начавшійся протестъ и доходить до размѣровъ раскольническаго или еретическаго движенія. Наконецъ все болѣе и болѣе возраставшая церковная обрядность въ религіозной жизни общества, формальность—въ нравственной жизни, крайній консерватизмъ и преданность авторитету—въ литературѣ,

порождали недовольство въ нѣкоторыхъ умахъ, вызывали критицизмъ, который при благопріятныхъ условіяхъ могъ доходить до крайней степени. Конечно, гдѣ больше совмѣщалось этихъ благопріятныхъ для порожденія антицерковнаго движенія условій, тамъ оно раньше выплывало наружу и шире распространялось. Такъ въ XIV и XV вѣкахъ въ Псковѣ, враждовавшемъ съ Новгородскимъ архіепископомъ, и Новгородѣ, извѣстномъ своею вольностію, боровшемся съ Московскимъ митрополитомъ, и наиболѣе открытомъ либеральному западно - европейскому вліянію открываются еретическія движенія стригольниковъ и жидовствующихъ.

Ересь стригольниковъ появилась во Псковѣ въ 70-хъ годахъ XIV вѣка и затѣмъ перешла въ Новгородъ. Во главѣ ея стояли дьяконъ Никита и стригольникъ [1]) Карпъ. При распространеніи своего лжеученія они дѣйствовали очень энергично. Карпъ даже написалъ „писаніе книжное", которымъ и пользовался для совращенія народа. Ученіе ихъ исходнымъ пунктомъ имѣло протестъ противъ недостойныхъ іерарховъ, но дошло до еретическихъ пунктовъ. Всѣ духовныя лица—говорятъ они—ставятся на мздѣ, поэтому суть незаконные пастыри; архіереи и монахи собираютъ себѣ много имѣнія, низшее духовенство беретъ поборы съ живыхъ и умершихъ, живетъ нетрезво, такимъ образомъ незаконно поставленные пастыри суть вмѣстѣ недостойные и по своей жизни. Поэтому недѣйственно все ими совершаемое; не нужно ни слушать ихъ ученія, ни причащаться у нихъ, ни креститься, ни исповѣдываться. Отрицаніе пошло дальше: не нужно совсѣмъ іерархіи, такъ какъ „ап. Павелъ повелѣлъ учить и простому человѣку", не нужно пѣть надъ умершими, „ни поминати ихъ, ни службы по нихъ творити, ни приноса за мертвыя приносити въ церкви, ни милостыни давать, ни пиры творити"; не нужно совершать евхаристіи, крещенья и другихъ таинствъ и обрядовъ, каяться можно и безъ священника, припадая къ землѣ. Подъ вліяніемъ проповѣди Никиты и Карпа образуется секта; сама

[1]) По одному объясненію дьяконъ—разстрига, по другому—цирюльникъ (отъ глагола „стричь").

она выбираетъ себѣ учителей (въ замѣнъ іерарховъ) для руководства жизнію секты, но не даетъ имъ никакого посвященія; въ своей жизни члены секты отличаются аскетическимъ направленіемъ: живутъ строго и постятся. Нѣкоторые изъ нихъ въ своемъ отрицательномъ направленіи зашли такъ далеко, что не признавали въ принципѣ монашества, не принимали соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, апостольскихъ и даже евангельскихъ писаній, не допускали воскресенія мертвыхъ. Распространеніе секты побуждаетъ православныхъ обратить вниманіе на ея вожаковъ. Въ 1375 году[415]) владыка Новгородскій отлучилъ ихъ отъ церкви, а народъ утопилъ въ Волховѣ Карпа, Никиту и еще какого-то „третьяго человѣка съ нимъ". Однако стригольники продолжали существовать. Узнавъ объ этомъ, константинопольскій патріархъ Нилъ пишетъ въ Новгородъ и Псковъ увѣщательную грамату[416]) и посылаетъ съ нею епископа Суздальскаго Діонисія, поручая ему лично подѣйствовать на стригольниковъ и охранить православныхъ отъ уклоненія въ ересь (около 1382 г.). Мысли, раскрываемыя въ этой граматѣ, таковы: Православная соборная и апостольская церковь осуждаетъ симонію и считаетъ непродаемою благодать священства; если же нѣкоторые іерархи виновны въ поставленіи на мздѣ, то они должны быть исправляемы и осуждаемы, какъ недостойные, отрицать же изъ-за нихъ всю іерархію несправедливо; еретики несправедливо смѣшиваютъ „исторы или проторы" (издержки) при поставленіи съ мздою: первые непредосудительны, вторая же незаконна; наконецъ отдѣляться отъ церкви Христовой—значитъ терять возможность спасенія; отвергать же церковь каѳолическую — значитъ не соглашаться съ словами І. Христа, что она пребудетъ до скончанія вѣка. Броженіе въ Псковѣ и Новгородѣ на время стихло подъ вліяніемъ этой граматы и стараній Діонисія. Но скоро опять обнаружилось; толчкомъ къ этому, вѣроятно, послужилъ начавшійся между новгородцами и Московскимъ митрополитомъ споръ о мѣсячномъ судѣ. Преемникъ Нила, Антоній (около 1394 г.) прислалъ по этому случаю новое посланіе противъ стригольниковъ. Здѣсь дается болѣе подробное опроверженіе ихъ лжеученія: кромѣ того, что было и въ граматѣ Нила, Антоній доказываетъ

неразумность исповѣди предъ бездушной землей, незаконность отрицанія евхаристіи, выставляетъ основанія къ поминовенію умершихъ, непосвященныхъ учителей—стригольниковъ сравниваетъ съ татями, которые не дверьми входятъ во дворъ овчій, упрекаетъ ихъ за похвальбу своею праведностію и убѣждаетъ покаяться [417]). Но стригольники оставались при своемъ. Въ XV вѣкѣ съ ними борется Московскій митрополитъ Фотій. Въ своихъ трехъ посланіяхъ къ псковичамъ (1416 и 1427 г.) онъ выписываетъ правила, которыя запрещаютъ производить расколъ въ церкви, и греческія постановленія, которыя опредѣляютъ плату за поставленіе на церковныя должности, убѣждаетъ православныхъ прервать всякое общеніе съ стригольниками, грозитъ послѣднимъ церковными казнями и наконецъ уговариваетъ псковичей подвергать еретиковъ „казнямъ, только не смертнымъ, а внѣшнимъ казнямъ и заточеніямъ" [418]). Псковичи подъ вліяніемъ этихъ посланій похватали стригольниковъ, однихъ показнили, другихъ засадили въ тюрьмы до конца ихъ жизни. Такимъ образомъ секта была уничтожена. Но самое антицерковное движеніе, ею произведенное, не подавилось окончательно. Оно создало почву и дало пищу для вспыхнувшей въ концѣ XV вѣка ереси жидовствующихъ [419]).

§ 25. *Ересь жидовствующихъ* есть смѣсь христіанскаго либерализма съ іудействомъ. Распространителями ея были русскіе книжники и іудеи. Сближеніе между ними состоялось на почвѣ Библіи. Іудеи стояли за Ветхій Завѣтъ; онъ былъ непреложнымъ авторитетомъ и для русскихъ книжниковъ. Правда, у нихъ подъ руками былъ и Новый Завѣтъ, но они не понимали глубокаго различія между первымъ и вторымъ, думая, что оба божественны и потому оба обязательны для христіанина. Отсюда при начавшемся критическомъ отношеніи къ тексту Св. Писанія является стремленіе сгладить или уничтожить тѣ разногласія, какія между ними замѣчаются, равнымъ образомъ—разсмотрѣть съ точки зрѣнія Библіи и то, что есть въ христіанской церкви даннаго времени. Для этого выбирается средній путь: признается обязательнымъ только то, въ чемъ согласны между собою книги Ветхаго и Новаго Завѣта. Понятно, что результатомъ этого вышло отрицаніе многихъ собственно —

христіанскихъ пунктовъ вѣроученія, христіанскихъ авторитетовъ и установившихся въ христіанствѣ формъ религіознаго культа. Жидовствующіе отвергали троичность Лицъ въ единомъ Богѣ—и Божество Іисуса Христа; не допускали возможности Его воплощенія и искупленія, называли Его Сыномъ Божіимъ не по существу, а по благодати, подобнымъ Моисею, Давиду и другимъ ветхозавѣтнымъ пророкамъ, или ограничивали, или совсѣмъ отрицали Его мессіанское значеніе, не признавали Дѣвы Маріи Богородицею, заподозривали истинность нѣкоторыхъ мѣстъ въ Апостольскихъ писаніяхъ, отрицали св. преданіе и святоотеческія писанія вмѣстѣ съ тѣмъ, что на нихъ основано, — почитаніе мощей и иконъ, чествованіе святыхъ, таинства, обряды и монашество. Такимъ образомъ отрицательное направленіе жидовствующихъ простиралось не на внѣшнюю только сторону въ христіанской жизни, какъ было у большинства стригольниковъ, а по преимуществу на внутреннюю—теоретическую, сказываясь въ результатѣ и разрушеніемъ обрядовой — внѣшней стороны. Не у всѣхъ жидовствующихъ отрицаніе доходило до одинаковыхъ размѣровъ: одни напр. допускали поклоненіе иконѣ Христа Спасителя, другіе были полными иконоборцами; одни только умѣренно либеральничали, другіе впадали въ крайній матеріализмъ и говорили: „что то царство небесное? что то второе пришествіе? что то воскресеніе мертвыхъ? ничего того нѣтъ. Умеръ кто инъ, то умеръ,—по та мѣста и былъ“. Вмѣстѣ съ этимъ было не одинаково увлеченіе іудействомъ и отпаденіе отъ христіанской церкви: одни праздновали пасху по іудески, обрѣзывались и т. п., другіе же не чуждались христіанскаго богослуженія и даже сами священнодѣйствовали. Наконецъ было много полуеретиковъ, которые не перешли въ жидовство, но „научились божественныя писанія укорять, на улицахъ и въ домахъ вели пренія о вѣрѣ и имѣли сомнѣнія“ относительно различныхъ ея пунктовъ.

Ересь жидовствующихъ впервые появляется въ Новгородѣ. Жидовство заноситъ сюда прибывшій въ 1470 году ученый, знавшій астрономію, астрологію, свящ. писаніе и даже святоотеческія творенія Литовскій еврей Схарія. Онъ совратилъ своею проповѣдью поповъ Діонисія и Алексѣя.

Скоро пришли изъ Литвы еще 2 жида: Іосифъ Шмойло-Скорявей и Моисей Хапушъ. Ересь быстро стала распространяться: къ ней пристало много духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, между ними видимъ Софійскаго протопопа Гавріила и Григорія Тушина, отецъ котораго пользовался большимъ уваженіемъ въ Новгородѣ. Ересь распространялась тайно и, когда Діонисій съ Алексѣемъ, увлекшись іудействомъ, хотѣли было обрѣзаться, жиды уговорили ихъ этого не дѣлать, а прикидываться православными христіанами. Въ 1480 году Алексѣй и Діонисій взяты были Іоанномъ III въ Москву и сдѣлались одинъ протопопомъ въ Успенскомъ соборѣ, другой—священникомъ въ Архангельскомъ. Ересь начинаетъ распространяться и здѣсь; въ нее совратились Симоновскій архимандритъ Зосима, знатный дьякъ при дворѣ Ѳеодоръ Курицынъ, купецъ Семенъ Кленовъ, даже невѣста Іоанна III Елена и др. Между тѣмъ въ Новгородѣ еретики перестали скрываться; они или уничтожали, или истребляли христіанскія святыни: истребляли кресты и иконы, кусали ихъ, бросали въ скверныя мѣста, обливали нечистотами, спали на нихъ, писали на нихъ срамныя слова, кресты привязывали къ хвостамъ воронъ и т. п. Архіепископъ Геннадій, возведенный на каѳедру въ 1484 г., обратилъ на это должное вниманіе и вступилъ въ борьбу съ ересью. Сообщивъ въ Москву о томъ, что въ Новгородѣ распространилась ересь, и получивъ отъ митрополита и великаго князя приказаніе не допускать ея распространенія, онъ приступилъ къ розыску. Одинъ изъ покаявшихся еретиковъ, попъ Наумъ, выдалъ псалмы, распространенные между жидовствующими и извѣстныхъ ему еретиковъ. Они были схвачены и отданы на поруки. Но четверо изъ нихъ убѣжали въ Москву. Геннадій туда же отправилъ слѣдственное дѣло, приложивъ къ нему списокъ еретиковъ и тетрадь съ ихъ молитвами и псалмами (1487 г.). Изъ Москвы долго не получалось отвѣта. Геннадій обратился съ посланіями къ Прохору Сарскому, Нифонту Суздальскому и Филоѳею Перскому, бывшимъ въ Москвѣ. По ходатайству ихъ, состоялся въ Москвѣ (1488 г.) соборъ, на которомъ были осуждены 3 еретика за кощунство надъ христіанскими святынями и подвергнуты торговой казни, 4-й же былъ признанъ недостаточно ули-

ченнымъ. Геннадію послано было извѣщеніе объ этомъ и приказъ продолжать розыскъ еретиковъ, подвергать покаявшихся церковной епитиміи, а тѣхъ, которые не раскаятся и будутъ достойны градской казни, отсылать къ великокняжескимъ намѣстникамъ въ Новгородѣ. Геннадій такъ дѣйствительно и поступалъ, отправляя въ Москву письменныя показанія еретиковъ. Въ 1489 г. умеръ митрополитъ Геронтій и на его мѣсто въ 1490 г. былъ посаженъ Симоновскій архимандритъ Зосима. Подъ его прикрытіемъ еретики въ Москвѣ стали дѣйствовать смѣлѣе. Попъ Діонисій будто бы дозволялъ себѣ даже плясать за престоломъ и наругаться надъ крестомъ; у Ѳеодора Курицына собирался кружокъ болѣе дѣятельныхъ еретиковъ. Въ Москву бѣжали многіе еретики и изъ Новгорода, прослышавъ, что въ Москвѣ ихъ товарищи проживаютъ покойно. Геннадій подозрѣвался въ неправовѣріи: митрополитъ потребовалъ отъ него исповѣданія вѣры; чернецъ Захаръ всюду разсылалъ граматы противъ него. Въ самомъ Новгородѣ еретики, надѣясь на безнаказанность, опять стали открыто кощунствовать. Геннадій счелъ нужнымъ написать посланія къ митрополиту Зосимѣ, архіепископу Ростовскому Тихону, епископамъ: Тверскому Вассіану, Суздальскому Нифонту, Сарскому Прохору и Пермскому Филоѳею. Онъ уговаривалъ ихъ соборно разсмотрѣть дѣло еретиковъ и принять противъ нихъ рѣшительныя мѣры—казнить, жечь, вѣшать и предавать проклятію. Въ 1490 г. соборъ дѣйствительно состоялся, но безъ участія Геннадія. Нѣсколько еретиковъ были обвинены здѣсь въ распространеніи жидовства, въ стремленіи „погубить православное христіанство, въ праздновaніи пасхи по еврейски, въ нарушеніи недѣльныхъ постовъ, въ совершеніи литургіи по принятіи пищи и питія и т. п., преданы проклятію, лишены сана и сосланы въ заточеніе. Нѣкоторые изъ нихъ, по распоряженію великаго князя, были отправлены въ Новгородъ къ Геннадію. Тотъ приказалъ встрѣтить ихъ за 40 верстъ отъ города, надѣть на нихъ выворoченную одежду, посадить на вьючныхъ лошадей лицомъ къ хвосту, въ берестовыхъ остроконечныхъ шлемахъ съ мочальными кистями и въ соломенныхъ вѣнцахъ съ надписью: „се есть сатанино воинство“. Въ такомъ видѣ ввезли ихъ въ городъ;

встрѣчающіеся съ ними, по приказанію владыки, плевали на нихъ и говорили: „се враги Божіи и хульники христіанскіе“. Затѣмъ на головахъ ихъ были сожжены шлемы. Все это было сдѣлано съ цѣлію устрашить еретиковъ и предохранить православныхъ.

Но торжество православія было кратковременно и не полно. Наказаны были болѣе грубые и невѣжественные изъ еретиковъ, дозволявшіе себѣ открыто ругаться надъ православною святыней; интеллигенція же, составлявшая силу въ еретической партіи, не была затронута: Зосима оставался на митрополичьей каѳедрѣ, Ѳеодоръ Курицынъ и Елена властвовали въ обществѣ и при дворѣ, братъ Курицына Иванъ Волкъ, Кленовъ и др, по прежнему дѣйствовали въ Москвѣ. Поэтому еретическое движеніе должно было обнаружиться и послѣ собора 1430 года. Одно случайное обстоятельство усилило это движеніе. Въ XV вѣкѣ въ Россіи и въ Греціи было общераспространенное мнѣніе, что съ окончаніемъ седьмой тысячи лѣтъ отъ (сотворенія міра) настанетъ конецъ міра и второе пришествіе І. Христа. Бывшая у насъ тогда пасхалія заканчивалась седьмитысячнымъ годомъ, дальше стояла прибавка: „здѣ страхъ, здѣ скорбь;—сіе лѣто и конецъ явися, въ неже чаемъ и всемірное Твое пришествіе“. Этотъ годъ падалъ на 1492 годъ (по Р. Христовѣ). Но вотъ вопреки всеобщему ожиданію, 1492 годъ прошелъ благополучно и кончины міра не послѣдовало. Православные оставались въ недоумѣніи. Еретики стали смѣяться надъ ними и говорить: „7000 лѣтъ окончились и ваша пасхалія прошла; отчего же Христосъ не является?.,. Значитъ ложны писанія и вашихъ Апостоловъ и вашихъ отцовъ, возвѣщавшихъ (будто бы) славное пришествіе Христово по истеченіи 7000 лѣтъ“. Открылось великое „смущеніе въ христіанахъ“, началось критическое отношеніе къ святоотеческой и священной литературѣ, „въ домахъ, на торгахъ и въ пути всѣ—монахи и міряне о вѣрѣ пытали“ и „многіе отступили отъ православія“. Такимъ образомъ ересь опять усилилась; опять появились кощунственныя сцены. Самъ митроп. Зосима будто бы издѣвался надъ крестами и иконами, хулилъ І. Христа, велъ невоздержную жизнь и даже открыто отрицалъ загробную жизнь. Кто изъ православныхъ обличалъ его, тѣхъ онъ

отлучалъ отъ св. причастія, лишалъ сана и даже при помощи клеветы добивался ихъ заточенія въ монастыри и тюрьмы. Архіепископъ Геннадій, увидавши, что практическая дѣятельность въ прежнемъ духѣ мало приноситъ пользы взялся за литературныя работы. Онъ составилъ пасхалію на 70 лѣтъ осьмой тысячи, показавъ въ предисловіи къ ней неосновательность прежнихъ мнѣній относительно кончины міра и способъ веденія пасхаліи на послѣдующее время; затѣмъ посвятилъ свои труды собиранію св. книгъ въ одну библію, чтобы дать православнымъ необходимое средство, котораго у многихъ не хватало для борьбы съ ересью и огражденія православной вѣры. На поприще дѣятельной борьбы съ жидовствующими выступилъ теперь преп. Іосифъ Волоколамскій. Въ посланіи къ Нифонту Суздальскому, очень вліятельному тогда епископу (1493 г.), онъ сообщаетъ ему о развратномъ поведеніи и вѣроотступничествѣ митроп. Зосимы, о плохомъ религіознонравственномъ состояніи православнаго общества, проситъ его свергнуть Зосиму и спасти русскую церковь. Въ это же приблизительно время онъ даетъ окончательную редакцію своимъ первымъ словамъ [1]) противъ жидовствующихъ и, предпославъ имъ исторію ереси до 1490 г , издалъ ихъ особою книгою во всеобщее употребленіе; здѣсь онъ также не щадитъ митроп. Зосиму, называя его Іудою-предателемъ, предтечею антихриста, первенцемъ сатаны и т. п. Зосима долженъ былъ оставить каѳедру и удалиться на покой (1494 г.). Его мѣсто занялъ (1495 г.) Симонъ, игуменъ Троице-Сергіева монастыря, человѣкъ нерѣшительный, уступчивый, хотя и нерасположенный къ еретикамъ. Подъ прикрытіемъ Ѳеодора Курицына и Елены еретики могли дѣйствовать смѣло. Имъ хотѣлось организовать еретическую общину, кромѣ Москвы, и въ Новгородѣ; по настоянію ихъ царь назначилъ въ Юрьевскій Новгородскій монастырь архимандритомъ Кассіана, сторонника жидовствующихъ. Съ прибытіемъ его усилилось еретическое движеніе въ Новгородѣ, и Юрьевскій монастырь сталъ центромъ и притономъ еретиковъ: здѣсь велись совѣщанія, здѣсь совершались крайне-кощунственные поступки. Геннадій ничего не

---

[1]) Или 11, или 14 словамъ „Просвѣтителя“.

могъ сдѣлать съ еретиками, поддерживаемыми въ Москвѣ. Торжеству ихъ способствовало и то, что послѣ открытаго заговора на внука царскаго — Димитрія Іоанновича, сына Елены, онъ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола и вѣнчанъ на великое княженіе; такимъ образомъ партія Елены, покровительствовавшая еретикамъ, становилась еще сильнѣе. Но впрочемъ съ 1499 г. начинается поворотъ. Казнены были нѣкоторые сторонники Елены, вмѣсто Димитрія—внука наслѣдникомъ престола объявленъ былъ (1502 г.) Василій— сынъ, Елена же съ Димитріемъ посажены въ темницу. Ударъ, нанесенный имъ, былъ вмѣстѣ тяжелымъ ударомъ и для еретиковъ. Теперь легче было уговорить Іоанна III на рѣшительныя противъ нихъ мѣры. Объ этомъ старается Іосифъ Волоколамскій. Послѣ собора 1503 г. онъ нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ царемъ и прямо говорилъ ему: „подвигнись, государь, на нынѣшнихъ еретиковъ“; но не успѣлъ еще уговорить его. Тотъ боялся, нѣтъ-ли грѣха казнить еретиковъ, хотя обѣщалъ произвести обыскъ по всѣмъ городамъ. Въ 1504 году, Іосифъ написалъ письмо къ царскому духовнику Митрофану, Андрониковскому архимандриту, прося повліять на царя, написалъ великому князю Василію Ивановичу, побуждая и его къ мѣрамъ противъ еретиковъ. Въ декабрѣ 1504 г. дѣйствительно открылся соборъ въ Москвѣ. Здѣсь присутствовали Іоаннъ III, Василій Ивановичъ, митроп. Симонъ, епископы и множество духовенства. Іосифъ выступилъ обличителемъ еретиковъ. Виновные были приговорены къ различнымъ наказаніямъ. Одни были сожжены въ клѣткахъ, въ Москвѣ (Иванъ Волкъ и др.); другіе, по отрѣзаніи языка, отосланы въ Новгородъ и тамъ сожжены (вмѣстѣ съ архим. Кассіаномъ); иные наконецъ разосланы по монастырямъ въ заточеніе. Казни напугали еретиковъ. Многіе изъ нихъ начали каяться, чтобы получить помилованіе. За нихъ заступились князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ и бѣлозерскіе старцы, говоря. что покаявшихся еретиковъ нужно принимать въ церковное общеніе. Іосифу же казалось, что такое раскаяніе неискренно и что кающихся еретиковъ нужно держать въ заточеніи, не допускать ихъ до причастія и церковнаго общенія; это онъ выражалъ въ своихъ посланіяхъ и послѣднихъ словахъ „Просвѣтителя„. Въ своихъ частыхъ письмахъ

къ Василію Ивановичу, занявшему мѣсто отца (1505 г.), онъ требовалъ продолжать розыски еретиковъ и сурово наказывать ихъ. Завязалась ожесточенная литературная борьба между іосифлянами и бѣлозерскими старцами. Выраженіемъ ея, служатъ сочиненія, написанныя тою и другою сторонами, особенно Іосифомъ и Вассіаномъ Патрикѣевымъ. Вассіанъ доходилъ до такого озлобленія, что называлъ Іосифа человѣконенавистникомъ, учителемъ беззаконія и законопреступникомъ, а тѣхъ изъ жидовствующихъ, которые подвергались казни, не смотря на свое позднее раскаяніе, величалъ мучениками. Мысли Іосифа взяли однако верхъ. Василій Ивановичъ „повелѣлъ всѣхъ еретиковъ побросать въ темницу и держать тамъ неисходно до конца ихъ жизни". По смерти Іосифа (1515 г.) жидовствующіе на время оживились. Исаакъ жидовинъ обольщалъ и увлекалъ православныхъ, такъ что вызвалъ около 1520 г. созваніе особаго собора и написаніе Максимомъ Грекомъ „совѣта" къ отцамъ этого собора подвигнуться ревностію за православіе и предать Исаака на казнь [120]). Ученикъ Іосифа Даніилъ и Максимъ Грекъ считали нужнымъ писать сочиненія противъ остатковъ ереси. Когда вступилъ на митрополичью каѳедру Даніилъ и епископскія каѳедры были заняты большею частію учениками и сторонниками Іосифа, прежніе защитники жидовствующихъ стали подвергаться преслѣдованію. Такъ на соборѣ 1531 г. былъ осужденъ въ ереси и сосланъ въ заточеніе Вассіанъ. Казалось, что ересь прекратилась. Но на самомъ дѣлѣ она тайно еще держалась, особенно въ Бѣлозерскихъ и Вологодскихъ монастыряхъ, и въ половинѣ XVI вѣка снова выступила въ лицѣ Башкина и Косаго [121]).

§ 26. *Матѳей Семеновъ Башкинъ*—книжный и зажиточный человѣкъ. Подъ вліяніемъ своихъ учителей—аптекаря Матѳея Литвина и Андрея Хотѣева, онъ сталъ отрицательно относиться къ христіанскому вѣроученію и формамъ церковной жизни. Онъ не признавалъ Божества Сына Божія и равенства Его съ Богомъ Отцомъ, не допускалъ пресуществленія евхаристическихъ даровъ, отрицалъ покаяніе, утверждая, что какъ перестанетъ человѣкъ грѣшить, хотя бы и не покаялся предъ священникомъ, такъ и нѣтъ ему грѣха; отрицалъ отеческія творенія, житія святыхъ, соборныя по-

становленія, по своему толковалъ св. Евангеліе и Апостолъ, иконы называлъ идолами, не уважалъ вещественные храмы, утверждая, что церковь есть лишь собраніе вѣрныхъ; укорялъ монастыри за владѣніе вотчинами, возставалъ противъ недостатковъ духовенства и бездушности церковной обрядности. Онъ имѣлъ нѣсколько единомышленниковъ, особенно между Заволжскими старцами. Разъ на исповѣди онъ сталъ предлагать „недоумѣнные“ вопросы Благовѣщенскому (въ Москвѣ) попу Симеону; былъ у него на дому, принималъ его къ себѣ и, спрашивая у попа объясненія, самъ давалъ неправильное толкованіе различнымъ мѣстамъ Св. Писанія по своему „извощенному“ (помѣченному воскомъ) апостолу. Симеону все это показалось страннымъ. Онъ сообщилъ объ этомъ протопопу Сильвестру, любимцу Ивана IV. Тотъ уже слышалъ недобрыя вѣсти про Башкина: тоже самое подтверждали протопопъ Андрей и Алексѣй Адашевъ. Сообщено было царю. У Башкина былъ отобранъ апостолъ, самъ онъ былъ захваченъ и подвергнутъ допросу. Онъ самъ письменно изложилъ свое ученіе и указалъ единомышленниковъ. Царь приказалъ составить соборъ и привести на него указанныхъ Башкинымъ сторонниковъ его ереси. Въ 1553—1554 году въ царскихъ палатахъ въ присутствіи самого царя открылся судъ надъ ними. Самъ царь и Башкинъ старались уличить несознававшихся въ ереси лицъ. Нѣкоторые дѣйствительно проговорились, что не поклонялись иконамъ и въ этомъ дали зарокъ на будущее время. Другіе же упорно отрицали обвиненіе. Между обвиняемыми впрочемъ попадались и дѣйствительно невиновные, схваченные только по подозрѣнію, напр. просвѣтитель лопарей Ѳеодоритъ. Между другими были обличаемы Артемій, бывшій игуменъ Троицкій, жившій на покоѣ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, инокъ Савва Шахъ и Исаакъ Бѣлобаевъ. Одинъ изъ епископовъ, именно Кассіанъ Рязанскій думалъ заступиться за виновныхъ; но безуспѣшно. Соборъ былъ настроенъ по отношенію къ нимъ враждебно и иногда пристрастно судилъ ихъ, ставя имъ въ вину совершенно правдивыя ихъ замѣчанія о недостаткахъ жизни міранъ и духовенства и т. п. Башкинъ со своими единомышленниками былъ осужденъ на заточеніе. Артемію однако удалось убѣжать изъ Соловецкаго монастыря въ Литву и тамъ

заявить себя ревностнымъ борцомъ противъ протестантства.

На тотъ же соборъ вызванъ былъ изъ Бѣлозерскаго края и *Ѳеодосій Косой* съ своими единомышленниками—Игнатіемъ, Вассіаномъ и др. Онъ былъ сначала рабомъ одного Московскаго боярина, обокралъ его и убѣжалъ въ бѣлозерье, тамъ постригся, примкнулъ къ партіи бѣлозерскихъ старцевъ въ борьбѣ ихъ съ іосифлянами, заимствовалъ отъ нихъ нѣкоторыя мысли, увлекся крайностями таившейся тамъ ереси жидоствующихъ и съ 1552 г. выступилъ какъ распространитель ея. Не дождавшись соборнаго суда, онъ убѣжалъ въ Литву и тамъ успѣшно распространялъ свое ученіе въ 60 и 70 годахъ. Ученіе его представляется болѣе крайнимъ, чѣмъ ученіе Башкина, и есть ничто иное, какъ ересь жидовствующихъ, только дополненная нѣкоторыми новыми пунктами—по вызову современныхъ запросовъ. По мнѣнію Косаго, истинныя, „столповыя“ книги суть только книги ветхозавѣтныя, другихъ же, какъ неистинныхъ, читать не должно; „ветхія книги“ онъ постоянно носилъ съ собою и давалъ читать ихъ другимъ, перетолковывая по своему; впрочемъ для болѣе легкаго совращенія пользовался иногда и Новымъ Завѣтомъ. Священное преданіе и писанія отцевъ также отрицалъ, какъ преданія и писанія ложныя. Вмѣстѣ съ этимъ онъ не принималъ собственно христіанскихъ догматовъ: о троичности, Божествѣ Сына, воплощеніи и искупленіи, молитвѣ за умершихъ, почитаніи святыхъ и пр. Житія святыхъ называлъ соблазнительными и не вѣрилъ въ чудеса святыхъ. Почитаніе креста, иконъ, мощей, христіанскихъ церквей и христіанскаго богослуженія не принималъ, какъ такого, въ чемъ проявляется идолослуженіе. Отрицая всякую внѣшнюю молитву и внѣшнее богопочтеніе, онъ требовалъ поклоненія Богу въ духѣ и истинѣ; нападалъ на посты, монастыри съ ихъ уставами и обычаями, особенно же съ ихъ вотчиннымъ владѣніемъ, на митрополита, епископовъ и игуменовъ за то, что нѣтъ въ нихъ духа кротости и что они преслѣдуютъ даже покаявшихся еретиковъ. Наконецъ, когда былъ въ Литвѣ, онъ даже возставалъ противъ почитанія родителей, повиновенія земнымъ властямъ и податей въ пользу государства. На литературную борьбу съ этою ересью выступилъ Зиновій Отенскій; памятникомъ

ся служатъ извѣстнѣйшія „Истины показаніе“ и „Многословное посланіе“ [122]).

§ 27 *Попытки папъ и католиковъ подчинить русскую церковь папѣ* не окончились съ предшествующимъ періодомъ. Въ XIII—XVI вѣкахъ онѣ еще болѣе усиливаются. Для этого пускаются въ ходъ письма и посольства отъ папы къ нашимъ князьямъ, открывается давленіе со стороны шведовъ, ливонцевъ и поляковъ; наконецъ ведется тайная и явная пропаганда ревнителями католичества въ самой Россіи.

Въ 1245 г. въ южной Россіи появились папскіе послы, отправленные Иннокентіемъ IV къ Монгольскому хану. Во Владимірѣ Волынскомъ они бесѣдовали съ волынскимъ княземъ Василько и съ нѣкоторыми епископами о соединеніи церквей и вручили послѣднимъ папскія посланія. Узнавъ объ этомъ *Даніилъ*, галицкій князь, послалъ къ папѣ гонца съ извѣстіемъ, что онъ согласенъ соединиться съ римскою церковію, если папа поможетъ ему противъ татаръ и приметъ его княжество подъ свое покровительство Иннокентій (1246 г.) на эти условія отвѣчалъ утвердительно, прислалъ въ Россію двухъ доминиканцевъ для неотлучнаго присутствованія при Даніилѣ, прусскому архіепископу (Генриху) ввѣрилъ должность папскаго легата въ русской церкви съ предписаніемъ одно искоренять, другое насаждать, и съ правомъ поставлять въ Россіи латинскихъ епископовъ. Даніилъ переговорилъ съ духовенствомъ и знатными мірянами и извѣстилъ папу, что намѣренъ признать его главою русской церкви. Въ слѣдующемъ году (1247) папа въ своемъ письмѣ къ Даніилу уже называлъ его „возлюбленнымъ о Христѣ сыномъ“, дозволялъ православному духовенству удержать обряды греческой церкви, а въ посланіи къ прусскому архіепископу побуждалъ его отправиться въ Россію и ввести проектируемую унію — т. е. присоединить къ римской церкви Даніила съ семействомъ, епископовъ и магнатовъ, заявившихъ согласіе на унію. Но князь не спѣшилъ, потому что не получалъ помощи отъ папы. Тотъ надѣялся обольстить его королевской короной; но Даніилъ сознавалъ, что отъ этого не прибавится у него силъ, и отказывался принять ее; наконецъ въ 1249 г., видя, что напрасно надѣется на помоцъ отъ папы, опъ разорвалъ съ нимъ сношенія и вы-

гналъ его легата изъ своихъ владѣній. Только въ 1252 г., чрезъ посредство венгерскаго правительства, переговоры снова завязались. Папа прислалъ Даніилу королевскій скипетръ и корону, убѣждая его чрезъ своихъ пословъ соединиться съ Римомъ и обѣщая помощь. Послѣ непродолжительныхъ колебаній князь принялъ корону и далъ обѣтъ покорности римскому епископу. Папа съ своей стороны объявилъ въ Богеміи, Сербіи, Моравіи и Помераніи крестовый походъ для помощи Даніилу противъ татаръ, но походъ не состоялся, и Даніилъ рѣшился окончательно прервать сношенія съ Римомъ. Преемникъ Иннокентія, Александръ IV, напрасно призывалъ Даніила къ покаянію и соблюденію даннаго обѣта. Даніилъ не внималъ его увѣщаніямъ. Въ тоже время, какъ велись переговоры съ Даніиломъ, южнорусскимъ княземъ, Иннокентій IV завязалъ подобные же и съ *Александромъ Невскимъ*, знаменитѣйшимъ изъ сѣвернорусскихъ князей. Въ своемъ письмѣ къ нему онъ писалъ, что будто отецъ его Ярославъ предъ смертію „искренно и со смиреніемъ посвятилъ себя на повиновеніе римской церкви", уговаривалъ самого Александра оставить греческое исповѣданіе, ведущее (будто бы) къ вѣчному осужденію, и соединиться съ римскою церковію, обѣщалъ помогать ему противъ татаръ и „всегда съ полнымъ усердіемъ стремиться къ увеличенію его славы". Александръ, послѣ совѣщаній съ своими совѣтниками, написалъ отвѣтное письмо и, вручая его папскимъ посламъ, добавилъ: „мы хранимъ преданія св. отцовъ 7 вселенскихъ соборовъ, а вашего ученія не принимаемъ" (1248 г.) [423]. Въ XV вѣкѣ извѣстна попытка русскаго митрополита *Исидора* подчинить русскую церковь римскому епископу. Съ такимъ намѣреніемъ онъ явился въ Россію и скоро началъ здѣсь собираться на предполагаемый флорентійскій соборъ. Князь Василій Васильевичъ отговаривалъ Исидора, тотъ настоялъ на своемъ и, давъ клятву стоять за православіе, отправился (1437 г.) въ Италію. На дорогѣ однако онъ успѣлъ заявить свое расположеніе къ латинству, а въ Феррарѣ и Флоренціи, во время соборныхъ совѣщаній, принималъ дѣятельное участіе, склоняя православныхъ къ уніи увѣщаніями и пирами. Подписавшись подъ флорентійскими постановленіями и получивши отъ папы кардинальскую

шапку и званіе „легата отъ ребра апостольскаго въ земляхъ лифляндскихъ, литовскихъ и русскихъ“, Исидоръ отправился въ Россію. Съ дороги онъ послалъ воззваніе въ подвѣдомыя ему земли, призывая православныхъ къ соединенію съ католиками: „возрадуйтесь и возвеселитесь нынѣ всѣ христіане, — писалъ онъ, — церкви восточная и западная... нынѣ соединились истиннымъ, древнимъ, изначальнымъ единствомъ и миромъ... Да не будетъ у васъ никакаго раздѣленія съ латинянами!... Пусть православные ходятъ и въ латинскія церкви къ божественной службѣ и воздаютъ въ нихъ чествованіе тѣлу Христову, какъ въ своихъ собственныхъ церквахъ, пусть приносятъ покаяніе и предъ латинскими священниками и пріемлютъ отъ нихъ св. причастіе. А латиняне также должны ходить въ православныя церкви... таинство тѣла равно истинно, совершено ли оно греческимъ священникомъ на квасномъ хлѣбѣ или латинскимъ – на опрѣсночномъ“ [424]). Исидоръ самъ подавалъ примѣръ въ этомъ: онъ служилъ въ латинскихъ костелахъ. Чтобы легче вводить унію, на вакантныя епископскія каѳедры онъ ставилъ лицъ, согласныхъ на унію. Народъ былъ враждебно настроенъ къ такой дѣятельности Исидора, но онъ не обращалъ вниманія. Пріѣхавъ въ Москву, онъ вручилъ великому князю посланіе отъ папы, въ Успенскомъ соборѣ при богослуженіи помянулъ папу вмѣсто восточныхъ патріарховъ и заставилъ протодіакона прочитать флорентійское опредѣленіе, въ которомъ говорилось о состоявшемся соединеніи церквей и излагались католическіе догматы. Князь не выдержалъ, всенародно обозвалъ Исидора папскимъ прелестникомъ и еретикомъ, велѣлъ низвести его съ митрополичьей каѳедры и до окончательнаго соборнаго рѣшенія заточить въ Чудовомъ монастырѣ (1441 г.). Состоявшійся соборъ призналъ флорентійское опредѣленіе противнымъ божественнымъ правиламъ, и Св. Преданію и убѣждалъ Исидора покаяться. Но тотъ не согласился и убѣжалъ съ своимъ ученикомъ Григоріемъ въ Римъ. Здѣсь его продолжали считать законнымъ митрополитомъ сѣверной Руси; но не возможно было ему занять московскую каѳедру, невозможно было ввести и унію въ сѣверо-восточной Россіи. Въ виду этого папа Калликстъ III, по совѣщанію съ Исидоромъ, надумалъ отдѣлить отъ московскаго митрополита тѣ

епархіи, которыя находились въ польско-литовскихъ епархіяхъ; избранъ былъ ученикъ Исидора, Григорій и константинопольскимъ патріархомъ-уніатомъ Григоріемъ Маммою поставленъ въ митрополита. Казиміръ IV польскій призналъ его въ этомъ санѣ и упрочилъ за нимъ 9 епархій; даже старался посадить его на московскую каѳедру, но напрасно. Дѣйствуя сначала въ интересахъ уніи, митроп. Григорій долженъ былъ оставить ее, принять благословеніе отъ православнаго константинопольскаго патріарха и подчиниться его власти. Между тѣмъ въ Римѣ за это время не оставляли надеждъ соединить московскую митрополію съ римскою церковію. Для этого выработанъ былъ такой планъ: повѣнчать Іоанна III на Софьѣ Палеологъ, племянницѣ греческаго императора Константина XI, и чрезъ нее, какъ воспитанную въ духѣ Флорентійской уніи, склонить его, а потомъ и всю Россію къ подчиненію Риму. Вѣнчаніе дѣйствительно было совершено (1472), но Софья сдѣлалась православною. Папскій легатъ Антоній, прибывшій съ Софьею, заговорилъ было съ великимъ княземъ объ уніи, но тотъ предложилъ ему побесѣдовать съ митрополитомъ Филиппомъ I. Открылись пренія. Филиппъ и Никита Поповичъ возражали легату „отъ книгъ“ и отъ него требовали книжныхъ свидѣтельствъ; послѣ отвѣта его: „книгъ со мною нѣтъ“ пренія прекратились и легатъ уѣхалъ, не достигши цѣли (1473). Въ XVI вѣкѣ папы пользовались всевозможными случаями къ сношеніямъ съ московскими князьями. Такъ папа Левъ X присылалъ къ *Василію Ивановичу* въ 1518 году доминиканца Николая Шомберга и въ 1519 году епископа Захарію съ предложеніемъ подчиниться папѣ и идти противъ турокъ, обѣщая ему королевскій титулъ, а московскому митрополиту—санъ патріаршій. Но Василій Ивановичъ приказалъ отвѣтить папѣ, что „хочетъ быть съ нимъ въ дружбѣ и согласіи; но какъ напередъ... отъ своихъ прародителей законъ греческій держалъ крѣпко, такъ и нынѣ... законъ свой крѣпко держати хочетъ“. Не смотря на это папа Климентъ VII въ 1525 году прислалъ ему грамату, въ которой напоминалъ о прежнихъ сношеніяхъ съ нимъ римскаго престола и просилъ не отвергать желательнаго союза. Василій Ивановичъ отправилъ въ Италію своего посла, но дѣло не дошло до переговоровъ

о церковныхъ дѣлахъ. На цѣлую четверть столѣтія пріостановились сношенія папъ съ Россіею. При Іоаннѣ IV папами Юліемъ III (1550) и Григоріемъ XIII (1576) были приготовлены письма и посольства на Русь съ цѣлію склонить государя къ союзу съ Римомъ, предполагалось соблазнить царя разными обѣщаніями и титулами; но все это не удалось привести въ осуществленіе. Только въ 1581 г. пріѣхалъ въ Россію папскій легатъ, іезуитъ Антоній Поссевинъ, посланный Григоріемъ XIII. На этотъ разъ сношенія съ Римомъ начаты были самимъ царемъ. Находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, онъ въ предшествующемъ году посылалъ въ Римъ гонца съ просьбою о примиреніи его съ польскимъ королемъ, Стефаномъ Баторіемъ, и съ обѣщаніемъ предпринять вмѣстѣ съ западными государями походъ противъ турокъ; о вѣрѣ и соединеніи съ римскою церковію въ письмѣ царя ничего не говорилось, гонцу также запрещено было вступать въ переговоры объ этомъ. Папа захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ и съ Антоніемъ прислалъ государю письмо и книгу о Флорентійскомъ соборѣ. Антоній имѣлъ съ царемъ бесѣду въ г. Старицѣ и вручилъ ему присланныя вещи. Разговоръ о вѣрѣ былъ отложенъ до заключенія мира съ Баторіемъ. Но и послѣ мира, царь старался оттягивать этотъ разговоръ. Наконецъ въ 1582 г. 21 февраля онъ состоялся, хотя не наединѣ, какъ хотѣлось Антонію, а въ присутствіи бояръ. Въ началѣ разговора царь замѣтилъ, что лучше бы не начинать его, чтобы не наговорить чего нибудь непріятнаго, и прибавилъ; „вѣришь, мнѣ уже 51 годъ, недолго остается жить, и не годится перемѣнять ту вѣру, въ которой я воспитанъ. Настанетъ день суда, когда Богъ разсудитъ, наша ли вѣра истинная или латинская“... Антоній отвѣчалъ, что онъ предлагаетъ не перемѣнять древнюю греческую вѣру, которую проповѣдывали св. Отцы и законные соборы, а только познать, какова она была въ чистомъ видѣ. Царь отклонилъ разсужденіе о догматахъ: „не хочу говорить съ тобою о великихъ догматахъ вѣры, сказалъ онъ, тебѣ было бы это непріятно; а вотъ дѣло неважное: вижу, что ты брѣешь бороду, а брить и стричь бороды не велѣно не только духовнымъ, но и мірскимъ людямъ..... Папу носятъ на престолѣ и цѣлуютъ его

сапогъ, на которомъ вышетъ крестъ съ изображеніемъ распятія Христова... Мы поклоняемся древу честнаго креста и почитаемъ его по преданію св. Апостоловъ и св. Отцевъ церкви, и потому ниже пояса не носятъ у насъ креста.... итакъ папа поступаетъ не по уставу св. Апостоловъ...; обрядъ его (цѣлованія туфли) установленъ гордынею человѣческою. . Папа, который идетъ наперекоръ ученію Христову,—не пастырь, а волкъ"... Антоній обидѣлся и замѣтилъ: „коли де ужъ папа волкъ, и мнѣ что ужъ и говорить? Зачѣмъ же посылалъ ты просить его о помощи?"... Царь разсердился, вскочилъ съ своего мѣста и приступая къ Антонію съ палкою, окованною желѣзомъ, закричалъ: „видно у мужиковъ ты учился, что осмѣливаешься говорить со мною по мужицки;" но видя испугъ и слыша извиненія іезуита, скоро смягчился и замѣтилъ: „я тебѣ давича говорилъ, что разсужденія о вѣрѣ не кончатся безъ непріятности и обидъ; впрочемъ я не вашего папу называю волкомъ, а того папу, который не захочетъ слѣдовать ученію Христову и преданію апостольскому..; но однако оставимъ объ этомъ разговорѣ". Разговоръ дѣйствительно прекратился. Антоній выѣхалъ изъ Россіи, не добившись желаемаго. Царь не хотѣлъ даже дозволить проживавшимъ въ Россіи латинянамъ строить костелы, хотя дозволилъ имъ свободно проживать и исповѣдывать свою вѣру.

Рядомъ съ папами старались ввести католичество въ предѣлы Россіи сосѣднія съ ней государства или по иниціативѣ своихъ правительствъ, или при поддержкѣ и по желанію папъ. Такъ при Александрѣ Невскомъ Шведскій король Биргеръ и ливонскій орденъ предприняли нѣчто въ родѣ крестовыхъ походовъ на новгородскую область; но были поражены (1240 и 1242 г.). Литовскій князь Миндовгъ, опасаясь борьбы съ Даніиломъ Галицкимъ,—по совѣту ливонскаго магистра, принялъ католическую вѣру и получилъ отъ папы королевскій титулъ, по его же благословенію построилъ каѳедральную латинскую церковь въ Литвѣ и открылъ латинскую епископію (1251 г.); папа даже побуждалъ Миндовга воевать противъ Россіи и обращать въ христіанство невѣрныхъ ея обитателей (1255 г.). Въ 60 годахъ XIII вѣка ливонцы вооруженною силою старались ввести латинство

въ псковской и др. областяхъ; только князь псковскій Довмонтъ нѣсколько сдерживалъ ихъ. Послѣ же его смерти орденъ твердо укрѣпился на Балтійскомъ поморьѣ: ливы, латыши и чудь были обращены въ католичество, православію оставлено было очень немногое. Въ 1347 году Новгородской области пришлось снова подвергнуться крестовому походу Шведскаго короля Магнуса. Предварительно въ Новгородъ пришло отъ него посольство съ предложеніемъ пренія о вѣрѣ, чтобы новгородцы или шведы приняли ту вѣру, которая одержитъ здѣсь верхъ; но архіепископъ Василій отвѣчалъ, что вѣру новгородцы приняли отъ грековъ, что поэтому имъ нечего разсуждать о вѣрѣ, пусть объ этомъ король ведетъ переговоры съ Константинопольскимъ патріархомъ. Захватывая города и области Новгородскаго края, Магнусъ всюду крестилъ жителей въ латинство; но когда онъ былъ прогнанъ, они снова обратились въ православіе. Магнусъ не хотѣлъ остановиться на этомъ. Онъ донесъ папѣ Клименту VI, что новгородцы притѣсняютъ кореловъ и ижорцевъ, которые согласно собственному желанію окрещены имъ въ латинство, и что самъ онъ не можетъ теперь помочь имъ. Папа объявилъ противъ Новгорода крестовый походъ; но онъ не состоялся. Въ правленіе Іоанна III православные, проживавшіе въ ливонскомъ городѣ Юрьевѣ-Дерптѣ, подверглись настолько сильнымъ преслѣдованіямъ, что или убѣгали въ Псковъ, или терпѣли мученическую кончину, пока въ 1474 г. не былъ заключенъ договоръ юрьевцевъ съ московскимъ княземъ. Въ то же время юрьевцы старались дѣйствовать и въ Псковскомъ краѣ. Такъ они въ 1491 г. посылали сюда пословъ съ граматой о Флорентійскомъ соборѣ, и тѣ вступали въ преніе о вѣрѣ съ православными псковичами, хотя безъ успѣха.

Гораздо опаснѣе для православія была та пропаганда латинства, которая велась внутри самой Россіи. Въ сѣверной Россіи она не могла дѣйствовать широко, такъ какъ правительство твердо стояло за православіе. Тамъ изъ пропагандистовъ извѣстенъ лишь придворный врачъ Николай Нѣмчинъ (Булевъ). Устными бесѣдами и сочиненіемъ о соединеніи церквей онъ распространялъ въ высшемъ обществѣ ученіе папизма вмѣстѣ съ астрологическими бреднями, пока

не выступилъ противъ него Максимъ Грекъ. Но въ южной Россіи и Литвѣ, благодаря поддержкѣ католическихъ правительствъ, латинская пропаганда имѣла очень значительный успѣхъ. Благопріятныя для нея условія открылись со 2-й четверти XIV вѣка. Со смертію Георгія (1336 г.), послѣдняго потомка изъ рода Даніила, Галиція подпала власти католика — *Болеслава* (племянника Георгія). Онъ началъ принуждать православныхъ къ латинству, за что поплатился своею жизнію. Галиція была захвачена польскимъ королемъ *Казиміромъ III* (1340). И онъ—особенно въ первые годы — „много зла сотворилъ христіанамъ (православнымъ), а церкви святыя претворилъ въ латынское богомерзское служеніе“; ему приписывается открытіе латинской архіепископіи въ городѣ Львовѣ и обращеніе тамошняго православнаго соборнаго храма въ костелъ. *Владиславъ Опольскій* (1370—1379), управлявшій Галиціею послѣ Казиміра, испросилъ у папы Григорія XI дозволеніе открыть латинскія епархіи въ Галичѣ, Перемышлѣ, Владимірѣ и Холмѣ съ возведеніемъ Галича на степень архіепископіи, и обратилъ нѣкоторыя православныя соборныя церкви въ костелы. Въ тоже время въ Галиціи появляются францисканскіе и доминиканскіе монахи и папа представляетъ имъ здѣсь нѣкоторые монастыри (1378 г.). Съ 1379 г. Галиція подпала власти венгровъ, а въ 1387 г.—поляковъ и латинское вліяніе все болѣе и болѣе усиливалось. Въ 1381 г. для Галицкой Руси и сосѣдней съ ней Валахіи папа назначилъ особаго инквизитора. *Ягелло*, соединившій Литву и югозападныя русскія области съ Польшей (1386 г.), при своемъ перекрещеніи далъ латинскимъ бискупамъ клятву, „всѣхъ людей народа литовскаго... къ вѣрѣ католической... всѣми способами присоединить“: Дѣйствительно онъ объявилъ православныхъ схизматиками, лишилъ ихъ права гербовъ, шляхетства и и чиновной службы, запретилъ имъ браки съ лицами католическаго исповѣданія; строилъ костелы и отдавалъ православныя церкви католикамъ. Съ своей стороны и Ядвига награждала тѣхъ, кто изъ православія переходилъ въ латинство, надѣляла пожертвованіями римскіе костелы, поселила въ Краковѣ пражскихъ бенедиктинцевъ, которые стали отправлять богослуженіе на славянскомъ языкѣ для совра-

щенія православныхъ, основала въ Прагѣ даже коллегію для 12 литовскихъ россіянъ, желавшихъ слушать римское богословіе. Католическіе бискупы употребляли различныя мѣры съ цѣлію переселить въ литовскорусскія земли побольше католиковъ и „тѣмъ сильнѣе подавлять" православныхъ. Но всѣ эти дѣйствія приводили лишь къ отдѣльнымъ случаямъ обращенія православныхъ въ латинство, да и то по личнымъ житейскимъ разсчетамъ. Тогда Ягелло, видя стойкость православныхъ, пошелъ на уступки: вмѣсто явнаго католичества задумалъ ввести унію, т. е. соединеніе православныхъ съ католиками подъ условіемъ оставленія для первыхъ въ прежней силѣ всѣхъ догматовъ и обрядовъ, и подчиненія ихъ только папской власти. Но и этотъ планъ не былъ осуществленъ; Ягелло въ концѣ своей жизни долженъ былъ сдѣлаться вѣротерпимымъ. *Витовтъ* (1392—1430), отдѣлившій Литву отъ власти Ягелло, хотя самъ не притѣснялъ православныхъ, но всетаки объявилъ католичество господствующею религіею и открылъ въ Луцкѣ католическую епископію. *Свидригайло* раззорилъ почти всѣ костелы въ областяхъ литовскорусскихъ, умертвилъ многихъ ксендзовъ, выгналъ бискуповъ и закрылъ латинскія епархіи. *Сигизмундъ Кейстутовичъ*, занявши мѣсто Свидригайло, былъ преданъ латинству; при немъ католики разрушили и сожгли въ Литвѣ всѣ русскія церкви, въ Кіевѣ построили костелъ и открыли епископскую каѳедру. Со времени *Казиміра* IV, короля польскаго, у польскихъ кателиковъ является стремленіе ввести Флорентійскую унію. Объ этомъ старался митр. Григорій Булгаръ, но безуспѣшно. Вѣротерпимый самъ по себѣ, Казиміръ однако поддавался вліянію католической партіи и иногда издавалъ стѣснительныя для православныхъ постановленія; таково напр. запрещеніе строить вновь и чинить обветшавшіе православные храмы (1480 г). Въ Галиціи и Подоліи православные подверглись сильнымъ притѣсненіямъ отъ польскихъ пановъ, которые завладѣли тамъ почти всѣми землями и даже цѣлыми городами, равнымъ образомъ отъ католическаго духовенства. *Александръ*, преемникъ Казиміра, строилъ всюду костелы, стѣснялъ въ вѣрѣ даже свою православную супругу Елену, дочь Іоанна III, преслѣдовалъ православныхъ, заставляя ихъ принимать католическое крещеніе; для уси-

ленія латинской пропаганды построилъ для доминиканцевъ монастырь въ Вильнѣ и далъ полную волю виленскому епископу Альберту разъѣзжать вмѣстѣ съ монахами по городамъ и всюду различными мѣрами склонять духовенство къ латинству. Кіевскимъ митрополитомъ былъ въ это время Іосифъ Болгариновичъ. Онъ самъ вступаетъ въ переписку съ Константинопольскимъ патріархомъ и папою касательно введенія Флорентійской уніи и дѣятельно заботится о насажденіи ея въ предѣлахъ Литвы и Польши. Притѣсненія заставили православныхъ бѣжать въ Россію, или просить тамъ помощи. Побѣды Іоанна III надъ Александромъ заставили послѣдняго измѣнить свой образъ дѣйствій въ отношеніи къ православнымъ. Преемники Александра, *Сигизмундъ I* и *Сигизмундъ II* терпимо относились къ православнымъ. Правда, первый четыре раза подтверждалъ постановленіе о недопущеніи православныхъ до высшихъ гражданскихъ должностей, но на самомъ дѣлѣ не выполнялъ его; правда, онъ представилъ львовскому католическому арцибискупу право ставить справцу кіевскаго митрополита въ Галиціи, для усиленія католичества въ ущербъ православію (1509 г.), но онъ же отнялъ опять это право и далъ галичанамъ особаго православнаго епископа. Невыгоднымъ для православныхъ было его правленіе лишь тѣмъ, что онъ слишкомъ широко пользовался правомъ подаванья, злоупотребляя имъ и вводя тѣмъ самымъ безпорядки въ православную церковь, ее ослаблявшіе и внутренно разлагавшіе. При Сигизмундѣ II, который нѣкоторое время увлекался протестантствомъ, произошла отмѣна тѣхъ, стѣснительныхъ для православныхъ, постановленій, которыя были утверждены его предшественникомъ; онъ самъ покровительствовалъ православнымъ, какъ и протестантамъ. Но при немъ совершились два событія, обезпечившія торжество латинства на послѣдующее время въ литовско-русскихъ областяхъ. Это — гражданское соединеніе Литвы съ Польшею (Люблинская унія 1569 г.) и появленіе въ Литвѣ іезуитовъ. Первое допускало литовцевъ въ польскую Раду и сближало православныхъ литовско-русскихъ съ католическими магнатами; польская шляхта получила право владѣть землями, православными крестьянами и даже держать патронатъ надъ православными

церквами; Русская и Литовская народность ослаблялась, возвышалась польская; такимъ образомъ католичество могло легче и удобнѣе вводиться въ православныхъ земляхъ. Появленіе же іезуитовъ въ Литвѣ усиливало партію католическую, обостряло желаніе ея олатинить литвиновъ и руссиновъ и выставляло сильныхъ дѣятелей на поприщѣ латинской пропаганды. Вызванные католическою партіею для борьбы съ протестантизмомъ, они направили скоро главныя усилія на православныхъ. Подъ личиною кроткихъ иноковъ, благотворителей, безкорыстныхъ наставниковъ юношества и проповѣдниковъ слова Божія, они усердно разсѣевали сѣмена католичества. Ихъ проповѣди, диспуты, религіозныя процессіи привлекали къ нимъ народъ и въ католикахъ вызывали фанатизмъ и ревность къ католической вѣрѣ. Ихъ академія Виленская и другія школы пополнялись учениками: католики здѣсь воспитывали въ себѣ нетерпимость къ православнымъ, православные совращались въ католичество. Скоро на мѣсто Сигизмунда вступилъ на престолъ *Стефанъ Баторій*, другъ іезуитовъ. Теперь они могли дѣйствовать свободно и открыто. Хорошо понимая, что нельзя православный народъ обратить прямо въ католичество, они ухватились за унію и стали расчищать почву для ея насажденія. Они обратились къ папѣ Григорію XIII и тотъ одобрилъ ихъ мысль, прислалъ въ Россію латинскаго священника, для расположенія русскихъ къ уніи, получившаго право совершать литургію на квасномъ хлѣбѣ, а въ уніатской коллегіи св. Аѳанасія (въ Римѣ) открылъ нѣсколько вакансій для руссиновъ, чтобы воспитывать ихъ въ уніатскомъ духѣ. Сами іезуиты тонко пользовались недостатками православной югозападной церкви, чтобы насаждать унію. Духовенству они указывали на то, что при подчиненіи папѣ оно сдѣлается самостоятельнѣе въ церковныхъ дѣлахъ и освободится отъ тяжелаго для нихъ гнета міранъ, ласкали его надеждою на то, что оно займетъ такое же положеніе, какъ католическое духовенство, напр. митрополитъ и епископы—мѣста въ сенатѣ и т. п. Князьямъ и православнымъ панамъ указывали на невѣжество православныхъ священниковъ, которые стоятъ не выше мужиковъ, одѣваются въ грубую и грязную одежду, въ чеботищи, смазанные дегтемъ, и не умѣютъ правильно сказать слова, на

опрятность и образованность католическихъ ксендзовъ, которые пріобрѣли себѣ совершенно свѣтскія манеры и говорятъ такъ красно; льстили имъ и тѣмъ, что когда они взойдутъ въ унію, то для нихъ распростерты будутъ объятія, теперь чуждающихся ихъ, католическихъ магнатовъ, то они будутъ, имѣть полное значеніе въ Рѣчи Посполитой, теперь подавляемое враждебной имъ католической партіей. Наконецъ лицамъ, заботившимся о благосостояніи православной церкви, іезуиты указывали на то, что безпорядки въ ней уничтожатся лишь тогда, когда власть надъ югозападной церковію перейдетъ отъ слабаго константинопольскаго патріарха къ сильному римскому папѣ. Въ этомъ духѣ писались даже сочиненія. Такъ іезуитъ Петръ Скарга издалъ въ 1577 г. книгу „о единствѣ церкви“. Здѣсь доказывается, что истинная церковь, внѣ которой невозможно спастись, есть римская церковь, что папа есть преемникъ ап. Петра и всегда пользовался верховною властію въ церкви; указываются мнимыя отступленія греческой церкви и рядъ попытокъ къ соединенію церквей, предлагаются увѣщанія къ уніи подъ условіемъ признанія главенства папы и католическихъ догматовъ съ оставленіемъ въ прежнемъ видѣ русскихъ обрядовъ, не противныхъ вѣрѣ; чтобы сильнѣе склонять литовцевъ и русскихъ къ уніи, указываются безпорядки русской церкви и возможность ихъ исправить съ помощію папы. Іезуитъ Гербестъ издалъ „Выводы вѣры римскаго костела“, Станиславъ Радзивилъ перевелъ съ греческаго апологію Флорентійскаго собора. Въ изданіи книгъ на пользу католической церкви принималъ участіе и извѣстный Антоній Поссевинъ. Многіе изъ православныхъ дѣйствительно поддавались вліянію іезуитовъ. Одни совратились въ католичество, другіе не прочь были принять унію. Особенно влеклись къ ней православные паны, князья и высшее духовенство, въ большинствѣ случаевъ по разсчетамъ. Мысль объ уніи бродила всюду. Даже такія лица, какъ Константинъ Острожскій, ревнитель православія, соглашался на унію, хотя понималъ ее не такъ узко, какъ іезуиты. Такимъ образомъ подготовлялась почва, на которой впослѣдствіи выросла церковная литовскорусская унія. Только простой народъ стоялъ какъ бы внѣ этой подготовки, но на него разсчитывали

давить насильственными мѣрами. Путь къ такимъ мѣрамъ уже начинаетъ открываться въ данный періодъ. Напр. въ 1584 г. толпа шляхтичей, вооруженныхъ саблями и ружьями, по приказанію львовскаго латинскаго архіепископа (Яна-Димитрія Соликовскаго) наканунѣ Рождества Христова напала на православные церкви и монастыри, выволокла священниковъ изъ алтарей, разогнала народъ, запечатала церкви, колокола отдала въ городской замокъ или продала жидамъ и строго запретила отправлять православное богослуженіе. Когда вступилъ на престолъ *Сигизмундъ* III (1586 г.), воспитанникъ іезуитовъ, партія католиковъ могла приступить болѣе рѣшительно къ осуществленію своего плана [425]).

Православная церковь употребляла съ своей стороны различныя мѣры, чтобы оградить себя отъ латинской пропаганды. У насъ переписывались существовавшія прежде полемическія сочиненія противъ католиковъ, переводились съ греческаго языка новыя [1]) и нѣкоторыя писались самостоятельно на Руси. Изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе полемическая статья Григорія Цамблака, 7 статей Максима Грека, „слово избрано отъ Св. Писаній, еже на латыню" (около 1461 г.) [426]), „ключъ царства небеснаго" (ок. 1587 г.) [427]), „исповѣданіе объ исхожденіи Св. Духа" (1588) неизвѣстныхъ авторовъ, „книжица о единой истинной вѣрѣ" (1588) и „исторія о Листрійскомъ, т. е. разбойничьемъ Феррарскомъ или Флорентійскомъ соборѣ" клирика Острожскаго Василія [428]). Пастыри церкви въ своихъ граматахъ увѣщевали православныхъ хранить истинное православіе и чуждаться латинской вѣры [429]). На югѣ Россіи православные князья Андрей Курбскій и Константинъ Острожскій употребляли усилія къ изданію священныхъ, святоотеческихъ твореній и полемическихъ сочиненій греческихъ и русскихъ писателей. Въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ они убѣждали поповъ и горожанъ избѣгать католиковъ, не спорить съ ними, чтобы не поддаться вліянію ихъ діалектики [430]). Для поддержанія православной церкви стали возникать церковныя „братства" (въ Вильнѣ и Львовѣ), устрояемыя по опредѣленному уставу; въ противовѣсъ католическимъ коллегіямъ появились въ Львовѣ,

---

[1]) Напр. Григорія Паламы и Нила Кавасилы.

Острогѣ и Вильнѣ православныя училища; для распространенія православнаго просвѣщенія въ народѣ открылись въ южной Россіи и типографіи. Чѣмъ энергичнѣе велась католиками пропаганда, тѣмъ враждебнѣе становились отношенія къ нимъ православныхъ. Гнетъ, наложенный католиками на православныхъ въ южной Руси, набѣги шведовъ и ливонцевъ въ сѣверной Россіи сдѣлали свое дѣло, и полемическая литература, не находившая себѣ отголоска въ народѣ домонгольскаго періода, теперь сильно стала распространяться. Особенно свободно высказывается враждебное чувство православныхъ къ католикамъ въ сѣверной Россіи, гдѣ народъ дорожилъ своимъ православіемъ и Русь считалъ призванной къ поддержкѣ греческаго православія (въ замѣнъ Византіи). Впрочемъ и въ южной Россіи, гдѣ православные ничего не могли сдѣлать противъ католическаго правительства, народъ нерѣдко поднималъ руку на латинянъ и держался твердо православныхъ обрядовъ. Въ сѣверной же Россіи латинскую вѣру называли не иначе, какъ „поганою", латинянъ—отступниками отъ вѣры, раскольниками и еретиками; писатели приписывали имъ всевозможныя заблужденія числомъ до 72 хъ [433]), большею частію такія, въ какихъ латиняне были неповинны, напр. — учетвереніе св. Троицы; имъ ставили въ вину даже то, что явилось въ Россіи напр. троеперстіе, трегубую аллилуію и т. п. Перечень этихъ заблужденій вносился въ кормчія книги [1]): тонъ противокатолическихъ сочиненій въ высшей степени враждебенъ. Латинскіе обряды и таинства считались недѣйствительными и „богомерзскими", поэтому латиняне, переходившіе въ православіе, перекрещивались, храмы латинскіе не назывались храмами и церквами, а божницами; иконы латинскія не считались святынями, такъ, что русскіе послы, ѣздившіе заграницу, возили туда съ собою свои иконы. Латинскій крестъ назывался не иначе, какъ крыжемъ; латинянамъ запрещалось строить костелы въ русскихъ городахъ, хотя дозволялось свободно проживать въ предѣлахъ Россіи. Епископы обязывались предъ рукоположеніемъ давать обѣтъ въ томъ, что не дозволятъ въ своихъ епархі-

---

[1]) Напр. статья „о фрязехъ и о прочихъ латинянахъ".

яхъ никому изъ православныхъ ни брака, ни кумовства, ни братства съ латинами [134]). Даже самое имя латинянина сдѣлалось русскимъ ненавистно. Въ лѣтописяхъ часто встрѣчаются выраженія „поганая, проклятая, безбожная латынь“, имя латинянина употреблялось какъ ругательное; когда хотѣли кому зла русскіе, тому говорили: „чтобы тебѣ латиняниномъ быть“. Когда хотѣли добиться чего нибудь отъ московскаго митрополита, грозили: дѣлай такъ, какъ намъ хочется, иначе въ латинство перейдемъ. Понятно, что объ это враждебное отношеніе русскихъ къ католичеству разбивались всѣ усилія латинянъ ввести католичество или унію въ Россіи, только на югѣ Россіи благодаря особеннымъ обстоятельствамъ они имѣли нѣкоторый успѣхъ, да и то почти исключительно въ высшемъ сословіи [135]).

§ 28. *Протестантизмъ*, вскорѣ послѣ своего появленія въ Германіи, былъ занесенъ въ сѣверную и южную Россію. Послѣдователи протестанства приходили сюда изъ Ливоніи, Германіи, Даніи, Англіи, Голландіи и Швеціи въ качествѣ пословъ, купцовъ, ремесленниковъ, врачей и художниковъ,— нѣкоторые были приведены изъ Ливоніи въ качествѣ плѣнниковъ и разселены по разнымъ городамъ Россіи. Въ Москвѣ они селились въ нѣмецкой слободѣ по рѣкѣ Яузѣ. Имъ дозволяли свободно исповѣдывать свою вѣру и отправлять богослуженіе; въ Москвѣ Іоаннъ IV дозволилъ имъ даже построить 2 кирки. Самъ царь любилъ бесѣдовать съ протестантами и слушать ихъ пасторовъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже питали надежду на то, чтобы склонить къ аугсбургскому исповѣданію вѣры (Эберфельдъ и др.). Общество также сочувственно принимало ихъ, потому что они, какъ и русскіе, питали сильную злобу къ папѣ и католичеству. Но мало по малу стало обнаруживаться, что протестанты суть злые враги установившихся, дорогихъ для русскихъ формъ обрядовой жизни — постовъ, иконъ, почитанія святыхъ, монашества и т. п.; стало обнаруживаться и то, что они пропагандируютъ свои идеи въ Россіи и даже развращающимъ образомъ вліяютъ на нѣкоторыхъ изъ русскихъ. Поэтому царь и общество начинаютъ враждебно настраиваться по отношенію къ нимъ, а писатели—опровергать ихъ лжеученія. Въ 1563 г. царь приказалъ спустить подъ

ледъ Двины пастора Ѳому за распространеніе протестантства въ Полоцкѣ; въ 1570 г. при торжественной и продолжительной бесѣдѣ съ Иваномъ Рокитою, пасторомъ богемскихъ братьевъ, царь подробно опровергалъ ученіе Лютера и выражался о немъ: „Лютеръ, какъ по своей жизни, такъ и по своему имени, на нашемъ языкѣ былъ человѣкъ лютый, свирѣпый. Какъ сатана съ своими демонами, онъ съ своими спосовниками повсюду обольщаетъ людей;"—О послѣдователяхъ Лютера: „вы враги креста Христова, антихристы, потому что противитесь Христу, собаки, ослы, не слушающіе словъ увѣщанія, аспиды, закрывающіе свои уши. свиньи, растраивающія согласіе въ христіанствѣ; съ вами говорить тоже, что повергать бисеръ;"—О самомъ Рокитѣ: „ты не только еретикъ, но и рабъ антихристовъ, выдвинутый дьяволомъ". Лѣтъ чрезъ 6, когда одинъ лифляндскій пасторъ въ разговорѣ съ Грознымъ вздумалъ было сравнить Лютера съ Ап. Павломъ, царь ударилъ его по головѣ и сказалъ: „ступай къ дьяволу съ своимъ Лютеромъ!" Въ 1579 году царь распорядился разрушить обѣ протестантскія кирхи въ Москвѣ и построить подальше—за городомъ, протестантамъ онъ строго запретилъ ходить въ православныя церкви и совращать православныхъ въ свою вѣру. Въ обществѣ также смотрѣли на протестантовъ, какъ на еретиковъ, и потому перекрещивали ихъ при переходѣ въ православную церковь. Въ сочиненіяхъ Максима Грека, Зиновія Отенскаго и Іоанна Грознаго [1]) опровергались основныя и частныя мнѣнія Лютера. Въ виду всего этого протестанство не могло пустить глубокихъ корней въ сѣверной Россіи, хотя оказывало вліяніе на зародившееся въ Россіи либеральное движеніе (Башкина и т. п.) [437]). *Въ южной Россіи* пропаганда протестантовъ была гораздо успѣшнѣе. Еще при Сигизмундѣ I появились протестантскія сочиненія въ Польшѣ и Литвѣ; многіе стали увлекаться протестантствомъ и нарочно ѣздили заграницу для изученія лютеранства и кальвинизма, такъ что король долженъ былъ грозить смертною казнію всѣмъ, которые совращаются и совращаютъ въ протестанство, привозятъ и распространяютъ протестантскія

---

1) Въ письменномъ опроверженіи или „отвѣтѣ," данномъ. Рокитѣ [436]).

книги, даже запрещалъ ѣздить молодымъ людямъ заграницу. Когда же вступилъ на польскій престолъ Сигизмундъ II, для протестантизма настала лучшая эпоха. Самъ Сигизмундъ, князь Николай Радзивиллъ черный и гетманъ Николай Радзивиллъ рыжій были сильными покровителями протестантовъ. Они заполонили всю Польшу, Волынь, Галицію и Литву. Всюду распространялось лютеранство, кальвинизмъ и социніанство. Изъ пропагандистовъ перваго особенно замѣчателенъ Янъ Винклеръ, виленскій проповѣдникъ, втораго—оба Радзивилла и Симонъ Будный, пасторъ въ г. Клеукѣ [1]), третьяго—духовникъ королевы Бонны Лисманини, бывшій кальвинистъ Симонъ Будный и бѣжавшіе изъ Россіи Θеодосій Косой, Θома и др.; имъ покровительствовалъ витебскій воевода Стефанъ Кишка († 1552 г.) Путемъ устной проповѣди и сочиненій разносили они протестантскія идеи по городамъ Литвы, югозападной Россіи и Польши. Покровители ихъ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ заводили типографіи, гдѣ печатались протестантскія книги, школы, гдѣ совращалась молодежь въ протестантство, строили кирхи, отдавали протестантамъ латинскіе и православные храмы. Пропаганда шла такъ успѣшно, что въ Литвѣ изъ всѣхъ католиковъ едва уцѣлѣла тысячная часть, а въ Новогродской митрополичьей епархіи изъ 600 православныхъ шляхетскихъ домовъ едва осталось 16. Много молодыхъ людей изъ знатныхъ фамилій Ходкевичей, Воловичей, Сапѣгъ, Вишневецкихъ и др. оставили православіе; даже латинскіе епископы иногда переходили въ протестантство и тайно или явно его насаждали въ своихъ епархіяхъ. Только появившіеся въ Польшѣ и Литвѣ іезуиты подорвали значеніе протестантовъ. При Стефанѣ Баторіѣ и Сигизмундѣ III пропаганда ихъ ослабѣваетъ, и сами они подвергаются такимъ же стѣсненіямъ, какъ и православные. Для огражденія отъ протестантской пропаганды ревнителями православія издавались и распространялись сочиненія Зиновія Отенскаго, написанныя имъ по просьбѣ литовцевъ, книжица Клирика Василія, вмѣстѣ съ латинствомъ опровергавшая и нѣкоторыя протестантскія мысли; князь Курбскій и инокъ Артемій, бѣжав-

---

[1]) Минской губерніи.

шіе изъ Россіи, своими бесѣдами и письмами отклоняли многихъ отъ совращеня въ протестантство. Впрочемъ эти сочиненія не подорвали того благорасположенія, какое питали православные къ протестантамъ. При Стефанѣ Баторіѣ и Сигизмундѣ III между ними установились даже болѣе тѣсныя связи въ виду одинаковости постигшей ихъ судьбы: православные входили съ протестантами въ союзы для защиты своихъ правъ предъ правительствомъ, брали отъ нихъ сочиненія, направленныя противъ папъ и католичества и т. п.[438]).

Глава IV.

Состояніе богослуженія.

§ 29. Во время перваго и послѣдующихъ татарскихъ набѣговъ на Россію разрушено было множество христіанскихъ храмовъ, особенно въ южной Россіи. Но внѣшнее благочестіе русскихъ, теперь еще болѣе развившееся, скоро возстановляло ихъ и сооружало новые. Строителями были князья, епископы, посадники и др. Изъ князей выдаются своею ревностію Даніилъ Романовичъ и Владиміръ Васильковичъ Галицкіе, „создавшіе—по выраженію лѣтописцевъ — многія церкви", Іоаннъ Даниловичъ Калита, Іоаннъ Ш, Василій Ш и Іоаннъ IV Московскіе. Побужденія къ постройкѣ храмовъ были различны: то благодарность за побѣду или за освобожденіе отъ бѣдствій, то обѣтъ, *Обѣтныя* церкви обыкновенно бывали обыденными; онѣ большею частію строились во время общественныхъ бѣдствій въ родѣ мора, голода и при участіи всего народа. Иногда созидалась одна обыденная церковь и, если бѣдствіе не прекращалось,—то другая, иногда же двѣ заразъ; на мѣстѣ ихъ впослѣдствіи нерѣдко строились каменныя церкви во имя тѣхъ же святыхъ, какъ бы по завѣту отъ предковъ, и назывались *завѣтными*. Замѣчательнѣйшіе храмы XIII—XVI вѣковъ слѣдующіе: въ *Москвѣ* соборъ *Успенскій*, заложенный (1324 г.) свят. Петромъ и оконченный уже послѣ него (1327 г.);

въ XV вѣкѣ онъ пришелъ въ такую ветхость, что своды его поддерживались деревянными подпорами, а одинъ придѣлъ совсѣмъ разрушился, по 1475—9 г. заново былъ выстроенъ (по мысли митроп. Филиппа I при Іоаннѣ III) венеціанскимъ зодчимъ Аристотелемъ Фіоравенти и расписанъ „чудно" при Василіѣ III (1515 г.); *соборъ Архангельскій и церковь св. Іоанна Лѣствичника* (Иванъ Великій), сооруженные (1332 и 1328) Іоанномъ Калитою и снова перестроенные при Іоаннѣ III (1505—1508); *соборъ Благовѣщенскій* на великокняжескомъ дворѣ, созданный Василіемъ Димитріевичемъ, вновь перестроенный при Іоаннѣ III (1484—9) и украшенный при Василіѣ III (1508); Церковь *Покрова Пр. Богородицы* (Василій Блаженный) о 9 верхахъ, построенная Іоанномъ IV на память взятія Казани (1555); въ *Нижнемъ Новгородѣ* - *Спасо-Преображенскій* и *Михаило-Архангельскій соборы* (1352 и 1358); *въ Твери — соборъ Преображенскій*, сооруженный Михаиломъ Ярославичемъ (1285 г.) и заново перестроенный епископомъ Акакіемъ (1537 г.); въ *Псковѣ Троицкій соборъ*, заново сооруженный на старой основѣ (1365 г.); въ *Холмѣ* церкви *Пр. Богородицы* и *Іоанна Златоуста*, построенныя Даніиломъ Галицкимъ; первую лѣтопись называетъ „превеликою", а о второй говоритъ, что въ ней 4 свода стояли на 4 головахъ человѣческихъ, изваянныхъ какимъ-то художникомъ; при входѣ въ алтарь стояли 2 столпа изъ цѣльнаго камня, на нихъ опирался верхъ алтаря, украшенный золотыми звѣздами по лазурю; полъ былъ слитъ изъ мѣди и чистаго олова, и блестѣлъ подобно зеркалу; двѣ двери были обложены камнемъ бѣлымъ—галицкимъ и зеленымъ—холмскимъ съ разными золотыми узорами и прилѣпками, три окна были «украшены стеклами римскими»; иконы обсыпаны драгоцѣнными камнями и золотымъ бисеромъ; въ *Хутынскомъ монастырѣ* каменная церковь во имя св. Григорія, просвѣтителя Арменіи (1535 г.) „вельми чудная, какой прежде не бывало въ Новгородской области"; она была осьмиугольная и очень высокая, имѣла пять дверей и одинъ верхъ, на которомъ висѣли колокола. *Въ селѣ Коломенскомъ*, любимомъ мѣстечкѣ Василія Ивановича, имъ построена (1532 г.) каменная церковь *Вознесенія Господня*, „весьма чудная

высотою, и красотою, и свѣтлостію, какой не бывало прежде сего въ Руси". Изъ городовъ по количеству церквей первое мѣсто занималъ Новгородъ; въ началѣ XVI вѣка тамъ было 89 церквей, кромѣ загородныхъ монастырскихъ; до половины XV вѣка за Новгородомъ второе мѣсто занималъ Псковъ, и только съ паденіемъ удѣловъ, быстро стала возвышаться Москва количествомъ и богатствомъ церковныхъ построекъ; объ этомъ усердно заботились сами великіе князья. Такъ напр. Василій Ивановичъ въ 1514 г. повелѣлъ заложить разомъ 10 каменныхъ церквей и въ 1527 г. еще 3. Вообще въ сѣверной Россіи храмовъ было такъ много къ половинѣ XVI вѣка, что въ нихъ чувствовался избытокъ: нѣкоторые изъ нихъ „стояли пусты", забытые прихожанами, иные же нечѣмъ было содержать, такъ какъ строители не всегда обезпечивали ихъ; Стоглавый соборъ долженъ былъ обратить на это свое вниманіе и посдержать охоту къ постройкѣ церквей. Въ южной Россіи были не совсѣмъ благопріятныя условія для внѣшняго благосостоянія храмовъ. Тамъ послѣ татаръ Венгерскіе, Польскіе и Литовскіе католики часто разрушали или отнимали у православныхъ храмы; тамъ издавались постановленія, запрещавшія православнымъ строить новые и чинить старые храмы, —тамъ наконецъ не всегда доставало и матеріальныхъ средствъ для желаемыхъ построекъ. Поэтому количество православныхъ храмовъ тамъ сокращалось, особенно во времена Стефана Баторія и Сигизмунда III.

По сѣверно русскимъ городамъ количество каменныхъ церквей значительно увеличилось въ сравненіи съ деревянными; напр. въ Новгородѣ изъ 150 церквей, построившихся въ промежутокъ отъ 1228 до 1462 г., каменныхъ было не менѣе 100; во Псковѣ на 35 построенныхъ въ тоже время церквей каменныхъ было не меньше 23. Въ городахъ деревянными церквами были по преимуществу обѣтныя. Мастера для постройки каменныхъ церквей брались въ Россіи—большею частію изъ великаго Новгорода и Пскова, то выписывались изъ заграницы—Италіи и Германіи. Архитектура церквей къ XVI вѣку стала нѣсколько разнообразиться; своеобразно напр. выглядываютъ церкви св. Василія Блаженнаго въ Москвѣ и св. Григорія Армянскаго въ Хутынскомъ монастырѣ. Колокольни при церквахъ начали

составлять обычное явленіе; иногда же колокольню замѣнялъ верхъ самой церкви, гдѣ и висѣли колокола. Обыкновенно церкви были холодными. Первую теплую церковь построилъ въ Новгородѣ архіеп. Евфимій II въ 1439 г. и только съ половины XVI вѣка этотъ обычай распространился по всей Новгородской области, такъ что появились теплыя церви не только въ монастыряхъ, но и въ незначительныхъ селахъ.

Для украшенія церквей служили различной формы куполы, главы, флюгера, свинцовыя и позлащенныя крыши; наружныя стѣны украшались фресками и живописью; входныя двери дѣлались иногда изъ мѣди; внутри храмовъ бывали колонны и различныя изваянія (какъ напр. человѣческія главы, поддерживавшія своды Златоустовской церкви въ Холмѣ), полъ мраморный или мѣдный и оловянный, окна иногда съ римскими стеклами, двери то позлащенныя, то обложенныя мраморомъ, то мѣдныя, стѣны испещренныя живописью, амвонъ, иногда позлащенный, съ иконами и рѣзными фигурами. *) поликандила, подсвѣчники и лампады.

§ 30. При храмахъ находились различныя *принадлежности богослуженія и святыни.* Таковы колокола, священныя облаченія, сосуды, крестъ, евангеліе, антиминсъ, иконы, мощи святыхъ и другія реликвіи. *Колокола* выливались въ Россіи иностранными или рускими мастерами, нѣкоторые же привозились изъ заграницы, большею частію изъ захваченныхъ во время войны городовъ. Нерѣдко по нѣскольку колоколовъ висѣли на одной колокольнѣ; при Успенскомъ соборѣ царемъ Иваномъ Ш былъ для церковнаго звона привѣшенъ къ другимъ колоколамъ и вѣчевой, бывшій въ Новгородѣ; самый большой колоколъ—въ Москвѣ—былъ въ 1000 пудовъ. *Священныя облаченія* приготовлялись изъ различнаго матеріала: начиная отъ крашенинныхъ они восходили до шитыхъ золотомъ и украшенныхъ жемчугомъ. Церковные *сосуды* также были разнообразны: въ однихъ церквахъ деревянные, въ другихъ серебрянные, въ иныхъ золотые и т. п. Нѣкоторые изъ нихъ служили какъ-бы украшеніемъ храма: напр. въ Холмской церкви св. Богородицы около царскихъ

---

*) Напр. въ Софійскомъ соборѣ архіеп. Новгородскій Макарій (1528) соорудилъ такой амвонъ, поддерживаемый 12 деревянными фигурами въ образѣ людей.

дверей выставлена была мраморная чаша багрянаго цвѣта, чудесно изваянная, съ змѣиными головами вокругъ, принесенная княземъ Даніиломъ изъ Венгріи, употреблявшаяся при освященіи воды на Богоявленіе. Напрестольныя *евангелія* часто жертвовались въ церковь набожными прихожанами и особенно—князьями; поэтому нерѣдко бывали изукрашены серебряными или золотыми досками съ жемчугомъ, и написаны золотыми буквами. *Кресты*, по прежнему бывали различныхъ формъ: четверо - шести—и осьми конечные; иногда двѣ формы совмѣщались на одномъ и томъ же крестѣ: таковы напр. въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ (XIV в.) четвероконечный крестъ съ небольшимъ осьмиконечнымъ по срединѣ [1]),— или въ Виленскомъ соборѣ (XV в.) шестиконечный крестъ съ четвероконечнымъ во срединѣ [2]). Стоглавый соборъ постановилъ, чтобы на будущее время на церквахъ водружались „воздвизальные“ кресты одинаковой формы—осьмиконечные, и чтобы мастера не придѣлывали къ нимъ по всѣмъ ихъ концамъ другихъ малелькихъ крестиковъ больше одного, такъ какъ они часто ломаются отъ вѣтра [3]).

Храмы украшались внутри *священными изображеніями*. Они рисовались или на стѣнахъ или особо на иконахъ. Послѣднія большею частію ставились рядами до самаго потолка, отдѣляя алтарную абсиду и образуя иконостасъ. Иконы писались въ Россіи и вывозились изрѣдка изъ Греціи. Бывшіе въ Россіи иконописцы - греки и русскіе—соединялись обыкновенно въ дружины, или артели, имѣвшія своихъ старостъ и состоявшія иногда подъ покровительствомъ и на содержаніи духовныхъ и свѣтскихъ властей. Болѣе замѣчательны между иконописцами: грекъ Ѳеофанъ, Даніилъ, Андрей Рублевъ, инокъ Митрофанъ, Діонисій (XV в.), сынъ его Ѳеодосій, Андрей Лаврентьевъ, Иванъ Дермоярцевъ (XVI в.) и др. Иконописаніемъ занимались иногда и духовныя лица по своей охотѣ; таковы напр. митрополиты Петръ, Макарій и Аѳанасій, еп Новгородскій Василій, архимандриты, игумены и иноки Діонисій Глушицкій, Ѳеодоръ Симоновскій, Игнатій Кирилло-Бѣлозерскій, Епифаній, ученикъ преподобнаго Сергія, іеромонахъ Ананія, протоіерей Московскій Андрей, сотрудникъ Макарія, и др. Кто писалъ иконы вновь, тѣ же и поправляли старыя: для этого иконы большею частію присылались

изъ другихъ городовъ въ Москву. Какъ писались, такъ и правились иконы по византійскимъ образцамъ („подлинникамъ").

Впрочемъ ко времени Стоглаваго собора не всѣ поступали такъ: нѣкоторые писали не „по божественнымъ правиламъ, по образу и по подобію и по существу, а отъ своего самоизмышленія". Стоглавый соборъ долженъ былъ составить по этому случаю слѣдующія правила: пусть иконописаніемъ занимаются не самоучки, а тѣ, кто научился у искусныхъ иконописцевъ-мастеровъ и получили отъ нихъ отзывы, пусть они пишутъ иконы не по собственнымъ догадкамъ, а по стариннымъ образцамъ, пусть живутъ трезво, цѣломудренно; наблюдать за всѣмъ этимъ предоставлено было особымъ, нарочито выбраннымъ для этого, иконописцамъ подъ особымъ надзоромъ поповскихъ старостъ и самихъ епархіальныхъ архіереевъ [1]). Правила эти дѣйствительно стали входить въ практику вскорѣ послѣ Стоглаваго собора. Иконописаніе по готовымъ образцамъ вводило въ русскую иконопись однообразіе. Народъ такъ привыкъ къ этому однообразію, что, когда появлялось какое нибудь непривычное для глазъ изображеніе, поднимался ропотъ. Выраженіемъ этого служитъ дѣло дьяка Ивана Михайлова *Висковатаго*. Когда послѣ пожара 1547 г. въ Москвѣ новгородскіе и псковскіе живописцы расписали вновь стѣны придворной Благовѣщенской и др. церквей, тамъ появились изображенія, не совсѣмъ похожія на прежнія: рядомъ съ изображеніями Бога Отца въ видѣ „Ветхаго деньми", Св. Троицы въ видѣ трехъ ангеловъ и т. п. были символически, въ лицахъ, изображены символъ вѣры, „хвалите Господа съ небесъ", „Единородный сыне", „во гробѣ плотски" и др. Висковатый видя въ этомъ новшество протопопа Сильвестра, по мысли котораго былъ расписанъ Благовѣщенскій соборъ, публично сталъ порицать новыя иконы и подалъ письменное заявленіе митрополиту. Онъ говорилъ, что не всѣ иконы написаны по старымъ образцамъ, что неразумно изображать невидимаго и непостижимаго Бога Саваоѳа, не слѣдуетъ символически изображать добродѣтели и пороки, что 1-й членъ символа вѣры нужно писать буквами, а не въ лицахъ, что изображать Христа въ видѣ Ангела съ крыльями—зна-

чить, подобно Башкину, представлять Его не Богомъ, равнымъ Отцу. На соборѣ 1554 г. онъ принесъ покаяніе и былъ подвергнутъ трехлѣтней епитиміи; Сильвестръ же указалъ на старые образцы, которымъ иконописцы подражали при росписываніи Благовѣщенской церкви [5]). Рѣзныя иконы вообще не были въ употребленіи въ Россіи; поэтому-то, когда въ 1540 г. принесены были въ Псковъ три такихъ иконы, тамъ стали говорить, что поклоненіе имъ равносильно поклоненію идоламъ; только владыка Макарій успокоилъ волненіе. Впрочемъ въ Новгородской области разныя изображенія существовали и чествовались.

Иконы пользовались большимъ, чѣмъ прежде, уваженіемъ въ обществѣ. Поэтому ихъ украшали бисеромъ, жемчугомъ и дорогими металлическими ризами, ихъ торжественно встрѣчали и провожали, когда онѣ приносились или выносились изъ города, гдѣ поновлялись; князья забирали ихъ съ собою въ плѣнъ, когда овладѣвали какимъ либо городомъ. Особенно много иконъ собралось изъ разныхъ городовъ Россіи въ московскомъ Успенскомъ соборѣ: здѣсь были икона Спаса изъ покореннаго Новгорода, Благовѣщенія изъ Устюга, Одигитріи изъ Владиміра, псковопечерская икона изъ Пскова и др. Наибольшимъ уваженіемъ пользовались *иконы чудотворныя*. Изъ нихъ замѣчательны: *Устюжская* икона Благовѣщенія Пр. Богородицы (XIII в.), *Донская* икона Богоматери, находившаяся въ войскѣ Димитрія Донскаго при Куликовской битвѣ, икона *Одигитріи*, перенесенная преп. Кирилломъ Бѣлозерскимъ изъ Москвы па Бѣлозеро, *Курская-коренная* икона Знаменія Пр. Богородицы, *Θеодоровская*, *Путивльская*, *Муромская* (XIII в.), Толгская, *Чухломская*, *Тихвинская* (XIV), Колочская (XV) и Казанская (XVI в.) иконы Божіей Матери. Нѣкоторыя изъ нихъ были вмѣстѣ и *явленными* иконами

Не мало было въ Россіи *мощей* святыхъ и другихъ священныхъ реликвій Частицы мощей вмѣстѣ съ другими святынями нерѣдко доставлялись изъ Греціи. Такъ напр. въ 1347 г. великому князу Симеону Іоановичу отъ императора Іоанна Кантакузена былъ присланъ наперсный крестъ изъ животворящаго древа съ мощами св. мучениковъ Θеодора Стратилата, Прокопія, Кирика и Іоанна Колокимита, въ

1362 г. Діонисіемъ Суздальскимъ принесены изъ Константинополя „Страсти Господни", — часть крови и гроба Спасителя, терновый вѣнецъ и т. п.

Въ Россіи обрѣтались мощи мѣстныхъ угодниковъ Божіихъ и чествовались или мѣстно или по всей Россіи. Вновь открылись мощи святителей московскихъ *Петра* (съ XIV в.) и *Алексія* (1438 г.), новгородскаго *Іоанна* (1439 г.) ростовскаго *Игнатія* (1288), преподобныхъ *Сергія Радонежскаго* (въ 1422 или 1427 г.), *Варлаама Хутынскаго* (XV в.), *Саввы Крыпецкаго* (1554 г.), благовѣрныхъ князей *Александра Невскаго* (около 1380 г.), смоленскаго и ярославскаго *Θеодора Ростиславича Чернаго* (1298 г., открытіе мощей въ 1463 г.) съ сыновьями *Константиномъ и Давидомъ* и др. [6]).

§ 31 Постепенное упорядоченіе церковной жизни въ Россіи и развитіе въ ней самостоятельности должно было отобразиться и на кругѣ *священныхъ временъ*, т. е. праздниковъ и постовъ. Количество однихъ должно было пополниться, соблюденіе другихъ придти къ опредѣленному однообразію.

Тѣ праздники, которые установлены были въ прежній періодъ, большею частію оставались и теперь. Но явилось много новыхъ—особенно съ половины XV в.—по преимуществу въ честь русскихъ святыхъ, иконъ и въ память русскихъ знаменательныхъ событій. Какъ и прежде, одни святые чествовались мѣстно, другіе во всей Россіи; большинство мѣстно чтимыхъ святыхъ обращались въ общерусскихъ постепенно путемъ практики, главнымъ образомъ благодаря собиранію Россіи около Москвы. Поэтому до половины XVI вѣка не было однообразія въ русскихъ святцахъ: одни подъ извѣстнымъ числомъ мѣсяца помѣщали имена однихъ святыхъ, другіе—иныхъ; одни святцы были полнѣе, чѣмъ другія, въ однихъ не вносились нѣкоторые обще-русскіе святые, между тѣмъ какъ значились мѣстные святые и т. п.; разнообразіе увеличивалось произвольнымъ внесеніемъ въ святцы большаго или меньшаго количества южно-славянскихъ святыхъ. Только митроп. Макарій соборными постановленіями 1547 и 1549 годовъ постарался уничтожить это разнообразіе, опредѣливши, какимъ святымъ праздновать мѣстно и какимъ по всей Рос-

сіи. Между ними въ честь однихъ уже было установлено празднованіе прежде, въ честь другихъ—вновь *). Для этого епископы въ своихъ епархіяхъ собирали свѣдѣнія о жизни и чудесахъ святыхъ и сообщали въ Москву. Собираніе такихъ свѣдѣній и канонизація святыхъ не прекратились и въ послѣдующее время. Къ концу XVI вѣка установилось мѣстно или повсюду празднованіе слѣдующимъ святымъ, прославленнымъ въ русской церкви: митрополитамъ *Петру* 21 декабря въ память открытія его мощей (въ 1339 г.) и 24 августа—перенесенія ихъ въ Успенскій соборъ изъ церкви св. Іоанна Лѣствичника, гдѣ они были помѣщены на время (въ 1479 г.), *Алексію*—12 февраля—въ день его кончины и 20 мая—въ день открытія его мощей (въ 1448 г. установлено празднованіе), *Іонѣ*—30 марта (1547 г.); епископамъ новгородскимъ—*Іоанну*, *Никитѣ*, *Нифонту*, *Евфимію и Іонѣ* (1549 г.), ростовскимъ—*Исаіи* (XV в.), *Игнатію* (XIV—XV в.), *Іакову* (1549 г.), пермскому *Стефану* (1549 г.), тверскому *Арсенію* (1549 г.), князьямъ—*Александру Невскому* (1547 г.), *Михаилу Черниговскому* съ бояриномъ *Ѳеодоромъ* въ память ихъ мученической кончины (въ концѣ XIV в.) и перенесенія мощей (14 февраля 1578 г.), *Ѳеодору* ярославскому съ сыновьями *Константиномъ* и *Давидомъ* — 19 сентября (въ половинѣ XV вѣка), *Всеволоду* Псковскому (1549 г.), *Петру и Февроніи* Муромскимъ (1547 г.), *Константину* Муромскому съ сыновьями *Михаиломъ и Ѳеодоромъ* (1547 г.), *Михаилу* Тверскому (1549 г.), княгинѣ *Евфросиніи* Суздальской (во 2-й половинѣ XVI вѣка), Литовскимъ мученикамъ *Антонію, Іоанну и Евстафію* (1364 и 1540 гг.), *Іоанну Сочавскому* (1549 г.), преподобнымъ *Сергію Радонежскому* — 5 іюля (въ 1422 или 27 г.), *Варлааму* Хутынскому (съ половины XV в.), *Кириллу Бѣлозерскому* (въ началѣ 2-й половины XV в.), *Димитрію* Прилуцкому (около 1450 г), *Пафнутію* Боровскому, *Никону* Радонежскому, *Макарію* Калязинскому, *Діонисію* Глушицкому, *Павлу* Комельскому, *Савватію и Зосимѣ* Соловецкимъ, *Александру Свирскому* (1547 г), *Евфимію* Суздальскому, *Авраамію* Смоленскому, *Саввѣ* Ви-

*) Изъ послѣднихъ на соборѣ 1547 г.—21, и 1549 г.—20 святыхъ.

шерскому, *Евфросину* Псковскому, *Ефрему* Перекомскому, *Григорію* Пельшемскому, *Саввѣ* Сторожевскому (1549 г.), *Григорію и Кассіану* Авнежскимъ (1560 г.). *Іосифу* Волоколамскому (1579 г.), *Елисею* Лавращевскому (1514 г.), юродивымъ *Максиму* Московскому, *Іоанну и Прокопію* Устюжскимъ (1547 г.). Кромѣ того многіе, не будучи оффиціально канонизованы, чествовались мѣстно, какъ святые, или съ разрѣшенія епархіальной власти, или въ силу установившагося обычая. Таковы напр. Романъ Рязанскій Довмонтъ — Тимофей Псковскій, Антоній Кіевопечерскій, Θеодоръ архіеп. Ростовскій, царевичъ Ордынскій Петръ, юродивые Василій Московскій, Исидоръ Ростовскій и др. Въ честь *св. иконъ* установлено было праздновать *26 августа, 23 іюня и 21 мая*—дни Срѣтенія Божіей Матери; первый изъ этихъ дней—въ память перенесенія Владимірской иконы Божіей Матери въ Москву при нашествіи Тамерлана и совпадшаго съ этимъ внезапнаго его выхода изъ предѣловъ Россіи (1395 г.), второй—по случаю избавленія Россіи отъ Ахмата (1480 г.), третій—въ воспоминаніе объ избавленіи отъ крымскаго хана Магмедъ-Гирея (1521 г.); 23 іюня и 21 мая празднованіе сопровождалось крестными ходами въ Срѣтенскій монастырь, построенный на мѣстѣ встрѣчи Владимірской иконы въ 1395 г.; *15 сентября* - по случаю поновленія въ Москвѣ Владимірскихъ иконъ Спасителя и Богородицы (1518—19 г.); *29 ноября*—въ память перенесенія изъ Ржева въ Москву и обратно иконъ преп. Параскевы и великомученицы Параскевы-Пятницы (1531 г.); *11 іюня* — въ честь иконы Ржевской Божіей Матери по случаю принесенія ея въ Москву (1540 г.); *8 іюля* — праздникъ въ честь новоявленной иконы Казанской Божіей Матери (1579 г.); *27 ноября* - новгородскій праздникъ въ память знаменія отъ иконы Божіей Матери сталъ совершаться по всей Россіи (1584 г.); въ Псковѣ въ пятницу второй недѣли Петрова поста праздновалась память явленія *Святогорскихъ* чудотворныхъ иконъ Божіей Матери (1569 г.). Воспоминанію знаменательныхъ событій были посвящены *26 октября* — Дмитріевская суббота, установленная по мысли великаго князя Дмитрія Донскаго послѣ Куликовской битвы, и *21 іюня* — день „общей памяти по всѣмъ православнымъ христіанамъ“,

учрежденный по мысли Іоанна IV (въ 1548 г.); въ первый — изъ этихъ дней было установлено совершать торжественное поминовеніе всѣхъ воиновъ, за вѣру и отечество животъ свой положившихъ, во второй — поминовеніе всѣхъ православныхъ христіанъ [7]).

Празднованіе Господскихъ и другихъ годовыхъ праздниковъ, принятыхъ Греческою церковію, продолжалось, какъ прежде, соотвѣтственно греческимъ святцамъ и греческой пасхаліи. Въ южной Россіи съ 1582 г. папа Григорій XIII хотѣлъ было ввести новый — григоріанскій *календарь*. Стефанъ Баторій даже предписалъ указомъ ввести его между всѣми своими подданными, и католики ревностно взялись за это: но православные твердо держались стараго календаря и побудили короля отмѣнить прежній его указъ [8]).

Прежніе споры касательно недѣльныхъ и годовыхъ *постовъ* въ данный періодъ пришли къ окончательному рѣшенію, благодаря постановленію Константинопольскаго Собора 1301 г. и правиламъ нашихъ митрополитовъ. Соборъ 1301 г. далъ слѣдующіе отвѣты на запросы сарскаго еп. Θеогноста: съ 1 августа до Успенія Св. Богородицы и съ 15 ноября до Рождества наблюдать постъ; недѣльныхъ постовъ не разрѣшать ни для Господскихъ, ни для Богородичныхъ праздниковъ, ни для дней въ честь святыхъ, кромѣ Рождества Христова и Богоявленія, пасхальной недѣли, недѣли по сошествіи Св. Духа и недѣли Мытаря и Фарисея [9]). Тоже повторяетъ въ своемъ „правилѣ“ митроп. Максимъ, внося нѣкоторыя дополненія,—именно: о постѣ въ честь св. апостоловъ Петра и Павла, о разрѣшеніи поста въ промежутокъ между Рождествомъ и Богоявленіемъ, и о постѣ въ навечеріе Рождества и Богоявленія, въ какой бы день недѣли оно ни приходилось [10]). „Правило“ было разослано по епархіямъ; но въ началѣ XV вѣка оно еще не вошло во всеобщее употребленіе: нѣкоторые и тогда разрѣшали постъ въ Преполовеніе, Введеніе Божіей Матери и въ навечеріе Богоявленія. Съ XIV вѣка начинаютъ установляться посты въ день Воздвиженія Креста и усѣкновенія главы Іоанна Предтечи. Извѣстны на этотъ счетъ отвѣты митроп. Кипріана игумену Аθанасію [11]), посланія митроп, Фотія [12]) и добавка („постный уставъ“) къ іерусалимскому уставу. [13]) По-

степенное введеніе этого устава на мѣсто студійскаго *) и появленіе особыхъ статей и поученій, относительно постовъ **), способствовали водворенію однообразія въ русской практикѣ касательно постовъ. Опредѣляемы были даже роды пищи для постныхъ дней [15]).

§ 32. Разгромъ, произведенный въ XIII в. монголами, невыгодно отозвался и на состояніи *богослужебныхъ книгъ* въ Россіи. Вмѣстѣ съ церквами и монастырями уничтожено было много списковъ этихъ книгъ. Даже въ XIV в. чувствовалась нужда въ нихъ. Приходилось удовлетворять ее путемъ покупокъ, частныхъ пожертвованій и нарочитой переписки книгъ; о снабженіи книгами монастырскихъ церквей большею частію заботились сами настоятели и иноки, о приходскихъ церквахъ—епископы; напр. для церквей Новгородской епархіи не мало было списано и разослано книгъ „повелѣньемъ“ мѣстныхъ владыкъ Моисея, Давида, Алексія, Іоанна II и Евфимія.

Въ XIII в., не говоря о XVI, у насъ былъ въ употребленіи полный кругъ богослужебныхъ книгъ [16]); это большею частію тѣ самыя книги, которыя существовали въ домонгольскій періодъ. Изъ вновь явившихся особенно замѣчателенъ *іерусалимскій уставъ* пр. Саввы Освященнаго, съ конца XIV в. начавшій вытѣснять собою въ Московской митрополіи прежній студійскій уставъ. Кругъ отдѣльныхъ чинопослѣдованій, пѣснопѣній и молитвъ значительно пополнился къ концу даннаго періода. Изъ греческихъ, переведенныхъ на славянскій языкъ, извѣстны: *Іоанна Евхаитскаго* (XI—XII в.) канонъ на исходъ души, *Григорія Синаита* (XIII—XIV в.) два канона—одинъ І. Христу, другой св. отцамъ, *Константинопольскаго патріарха Исидора* (XIV в.) акаѳисты арх. Михаилу, Іоанну Предтечи и Николаю Чудотворцу, *Константинопольскаго патріарха Ѳилоѳея* (XIV в.) каноны—молебный І. Христу во время междоусобной брани, І. Христу и Пречистой Его Матери „на поганыя“, его же молитва Св. Духу въ Троицынъ день и др. Всѣ службы

---

*) Іерусалимскій уставъ введенъ былъ въ Московской епархіи въ XIV вѣкѣ и въ XV в. вошелъ въ общерусское употребленіе.

**) Какъ напр. „о праздницѣхъ Господскихъ и великихъ святыхъ, еже въ кои разрѣшается постъ и колѣнопреклоненія творити“. (XVI в.).

греческаго или южно-славянскаго происхожденія то вызывались съ Аѳона, изъ Константинополя, Сербіи и Болгаріи въ готовомъ переводѣ, то переводились и такъ или иначе видоизмѣнялись въ Россіи. Переводами богословскихъ книгъ занимались иногда сами митрополиты, какъ напр. Алексій и Кипріанъ. Кромѣ того въ Россіи по случаю какихъ либо событій и въ честь святыхъ или иконъ составлялись свои собственныя чинопослѣдованія, молитвы и пѣснопѣнія. Особенно много ихъ появилось во второй половинѣ XV и въ половинѣ XVI в. Какъ писатели церковныхъ службъ и молитвъ извѣстны: Ростовскій еп. *Прохоръ* († 1327 г.), написавшій канонъ святителю Петру [17]), митроп. *Кипріанъ* — „разрѣшительную молитву", митроп. *Григорій Цамблакъ* — „стихъ" на Успеніе Богородицы [18]), *Питиримъ* еп. Пермскій— канонъ святителю Алексію [19]), митр. *Ѳеодосій*—кондаки и икосы на Успеніе Пр. Богородицы, инокъ тверскаго Желтикова монастыря *Ѳеодосій* (XV в.)—службу тверскому еп. Арсенію, сербъ *Пахомій Логоѳетъ* (XV в.), въ продолженіи 30 лѣтъ трудившійся въ Россіи по составленію житій, службъ и чинопослѣдованій и составившій каноны Пр. Дѣвѣ, Іоанну Крестителю, княгинѣ Ольгѣ, св. Борису и Глѣбу, Варлааму Хутынскому, митроп. Іонѣ, новгородскому еп. Евфимію, преп. Саввѣ Вышерскому, Стефану Пермскому и 2 канона на праздникъ Знаменія Новгородской иконы Божіей Матери, службы преп. Онуфрію великому, преп. Антонію Печерскому, мученикамъ Михаилу и Ѳеодосію Черниговскимъ (съ 2 канонами), преп. Сергію Радонежскому, ученику его пр. Никону, на преставленіе святителя Алексія, на перенесеніе мощей свят. Петра и преп. Димитрію Прилуцкому; инокъ *Максимъ Грекъ*, написавшій двѣ молитвы — одну Пр. Троицѣ и другую Пр. Богородицѣ, инокъ *Иннокентій* (XVI в.) — канонъ своему учителю Пафнутію Боровскому, инокъ *Пахомій* (XVI в.) — канонъ князю Петру и княгинѣ Февроніи Муромскимъ, новгородскій іеромонахъ *Илія* (XVI в.) канонъ Михаилу Клопскому, пресвитеръ *Филоѳей* (нач. XVI в.) — канонъ на обрѣтеніе мощей князя Всеволода Псковскаго и канонъ Пр. Богородицѣ, инокъ Спасо-Евфиміева Суздальскаго монастыря *Григорій* (2 четверти XVI в.) службы Евфимію Суздальскому, Евфросиніи

Суздальской, Іоанну еп. Суздальскому и новымъ русскимъ чудотворцамъ. Въ эпоху соборовъ 1547—1549 г., когда собрано было много житій и канонизовано много русскихъ святыхъ, писали службы имъ слѣдующія лица: инокъ Владимірскаго Рождественскаго монастыря *Михаилъ*, составившій три канона—св. Александру Невскому, Петру и Февроніи Муромскимъ, князю Константину и дѣтямъ его Михаилу и Ѳеодору Муромскимъ; пресвитеръ *Василій—Варлаамъ*—три канона Евфросину Псковскому, св. великомученику Георгію Болгарскому и Саввѣ Крыпецкому; игуменъ *Маркеллъ*—два канона Никитѣ еп. Новгородскому, какой-то *Ѳеодоръ*—канонъ Максиму Московскому юродивому, инокъ *Матѳей*—Мартиніану Бѣлозерскому, игуменъ *Іоасафъ*—Григорію и Кассіану Авнежскимъ и Стефану Махрицкому, царевичъ *Иванъ*—Антонію Сійскому и старецъ *Фотій* Іосифу Волоколамскому [20]. Кромѣ того много службъ и пѣснопѣній осталось отъ неизвѣстныхъ авторовъ.

§ 33. Съ умноженіемъ богослужебныхъ книгъ и чинопослѣдованій у насъ возрастали *разнообразіе и неисправность* въ ихъ текстѣ. Списки Евангелія и Апостола, даже относящіеся приблизительно къ одному и тому же времени, весьма различны между собою. Списки требника разнятся между собою и своимъ составомъ, и распорядкомъ своихъ статей или чиновъ, и особенностями въ самыхъ чинопослѣдованіяхъ; въ однихъ, напр., запрещается, въ другихъ разрѣшается крестить младенцевъ чрезъ обливаніе, по однимъ таинство елеосвященія совершается въ связи съ богослуженіемъ вседневнымъ, которое приноравляется къ нему, по другимъ—совершенно отдѣльно отъ него; подобныя разности проглядываютъ и во всѣхъ другихъ чинопослѣдованіяхъ, разсматриваемыхъ требниками. Различные списки служебника указываютъ различное число и порядокъ молитвъ, читаемыхъ священникомъ тайно на утрени (6—12) и вечерни (5—11); въ таинствѣ литургіи говорятъ то о трехъ, четырехъ, пяти, шести и семи просфорахъ, то, упомянувши объ одной, не опредѣляютъ количества остальныхъ, самый чинъ литургіи одни излагаютъ по редакціи константинопольскаго патр. Филоѳея (XIV в.), находящейся въ служебникѣ Кипріана, другіе по старой-до-Филоѳейской редакціи, третьи

соединяютъ особенности первой съ особенностями второй, четвертые вносятъ свои сокращенія и другія измѣнія; даже тѣ списки, на которыхъ прямо замѣчено, что они писаны „съ Кипріанства слово въ слово“, на самомъ дѣлѣ далеко не сходны съ нимъ. Больше всего списки служебника разнятся между собою количествомъ и текстомъ молитвъ, читаемыхъ священникомъ; даже молитвенное призываніе предъ освященіемъ даровъ „Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа“... по однимъ спискамъ полагается, по другимъ—нѣтъ. Не было сходства и въ церковныхъ уставахъ, которые составляютъ главное руководство при общественномъ богослуженіи: въ концѣ XIV в. въ сѣверной Россіи входитъ въ употребленіе уставъ іерусалимскій, который многимъ отличается отъ студійскаго, но рядомъ продолжаетъ еще существовать и этотъ послѣдній; въ XV вѣкѣ онъ, правда, уступаетъ первому, по тѣмъ не менѣе, самъ продолжаетъ вліять на измѣненіе его; такимъ образомъ появились довольно крупныя разности въ спискахъ одного и того же іерусалимскаго устава. Кромѣ того нѣкоторые монастыри, рядомъ съ этимъ общимъ уставомъ, имѣли еще свои частные уставы съ новыми дополненіями и особенностями. Даже символъ вѣры читался различно: по однимъ спискамъ „и Маріи Дѣвы“, по другимъ „изъ Маріи Дѣвы“, по однимъ „чаю“, по другимъ „чаемъ“, по однимъ „и жизни будущаго вѣка“, по другимъ—„и жизни будущая вѣки“, по однимъ „и въ Духа Святаго Господа“, по другимъ—„и въ Духа Святаго Истиннаго“, по третьимъ же—„и въ Духа Святаго Господа Истиннаго“.

Такое обиліе разностей въ богослужебныхъ книгахъ русской церкви возникло на почвѣ того разнообразія, какое замѣчалось въ данный періодъ въ практикѣ греческой и южнославянскихъ церквей. Тамъ еще продолжалось развитіе богослуженія; поэтому, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, появлялись постоянныя дополненія и измѣненія богослужебныхъ чиновъ, возникали новые и новые списки ихъ, складывались даже различныя редакціи списковъ одного и того же чина (напр. Филафеевская редакція литургіи). Все это передавалось въ Россію и распространялось въ новыхъ спискахъ. При этомъ разнообразіе основ-

ныхъ заимствованныхъ списковъ должно было расти въ Россіи при существовавшей здѣсь долѣ самостоятельнаго отношенія къ заимствуемымъ формамъ: у насъ производилась своя литургическая работа, сказывавшаяся въ соединеніи между собою различныхъ редакцій богослужебныхъ чиновъ, во внесеніи въ готовые ихъ списки различныхъ дополненій и измѣненій. Кромѣ того простое-механическое списываніе книгъ и чинопослѣдованій при недоглядкѣ писцовъ должно было плодить все больше и больше разностей въ текстѣ книгъ; разъ вкравшіяся въ нихъ отступленія закрѣплялись рукою другаго писца и имъ же прибавлялись еще новыя отступленія. При отсутствіи опредѣленныхъ подлинниковъ, съ которыхъ бы обязаны были переписывать книги писцы, къ невольнымъ отступленіямъ отъ текста легко могло прибавляться и намѣренное искаженіе его, какъ плодъ или личныхъ измышленій писца, или воззрѣній цѣлой партіи. На стоглавомъ соборѣ Іоаннъ IV засвидѣтельствовалъ: „божественныя книги писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ (списковъ), а написавъ не правятъ же; опись къ описи прибываетъ и недописи... и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтутъ и поютъ... и пишутъ съ нихъ“ [21]). Такимъ образомъ рядомъ съ разнообразіемъ богослужебныхъ книгъ въ изложеніи чинопослѣдованій шла все большая и большая порча этихъ книгъ; въ южной Россіи еще больше увеличивали ее католики. „Воззри (православный читатель), аще не лѣностенъ еси, говоритъ одинъ южнорусскій справщикъ книгъ во второй половинѣ XVI в.,—обрящеши ли гдѣ правѣ исписанную безъ всякаго порока въ церквахъ святыхъ книгу; обрящеши ли чинъ и послѣдованіе по указанному святыхъ богоносныхъ отцевъ взаконенію?!..“ [22]) Въ сѣверной Россіи вскорѣ послѣ Стоглаваго собора, когда царь повелѣлъ покупать для новыхъ церквей богослужебныя книги, между купленными „мали обрѣтошася потребни; прочіи же всѣ растлѣни отъ преписущихъ, ненаученыхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ, ово же и неисправленіемъ пишущихъ“ [23]). Докакихъ размѣровъ доходило это „растлѣніе“ (порча) богослужебныхъ книгъ, можно видѣть изъ слѣдующаго. Митр. Кипріанъ писалъ, что „въ толстыхъ сельскихъ сборникахъ много ложнаго, посѣяннаго еретиками на па-

кость невѣжамъ попамъ и дьяконамъ, въ молитвенникахъ лживыя молитвы о трясавицахъ (лихорадкахъ) и о недузѣхъ“ [24]). Максимъ Грекъ, взявшись за исправленіе книгъ, также нашелъ, что онѣ какъ будто побывали въ рукахъ у еретиковъ; — напр., объ І. Христѣ говорилось въ Часословахъ, что Онъ „единъ точію человѣкъ“, въ толковыхъ евангеліяхъ, — что Онъ „безконечною смертію умре“, въ тріодяхъ, что Онъ „созданъ и сотворенъ“, въ канонѣ на недѣлю Ѳомину, что плоть Его по воскресеніи „неописуема“, о Богѣ Отцѣ въ Часословахъ встрѣчалось выраженіе, что Онъ „собезматеренъ Сыну“ и т. п. [25]).

При такомъ состояніи богослужебныхъ книгъ, конечно, не могло быть однообразія и строгой упорядоченности въ самой богослужебной практикѣ. Благодаря мѣстнымъ обычаямъ, произволу, невѣжеству или небрежности духовныхъ лицъ она еще больше разнообразилась. „Нынѣ видимъ и слышимъ, говорилъ Иванъ Васильевичъ на Стоглавомъ соборѣ, что многіе церковные чины совершаются не сполна, не по свящ. правиламъ и не по уставу“ [26]); въ примѣръ этого онъ указалъ, между прочимъ, на слѣдующее: попы совершаютъ утреню и вечерню, дѣтей крестятъ, младенцевъ отпѣваютъ, вѣнчаютъ свадьбы, поютъ молебны и панихиды безъ ризъ, въ однѣхъ епитрахиляхъ [27]); освященіе воды нѣкоторые, по невѣдѣнію или неразумію, совершаютъ не однимъ крестомъ, чрезъ троекратное его погруженіе, а соединяютъ многіе кресты и иконы съ мощами и ихъ погружаютъ [28]); въ московскихъ церквахъ совсѣмъ не поютъ литій и псалмовъ: „хвалите имя Господне..., исповѣдайтеся Господеви, на рѣкахъ вавилонскихъ, когда это положено по уставу [29]); въ Новгородской епархіи по окончаніи проскомидіи и часовъ священникъ велегласно говоритъ въ царскихъ дверяхъ отпустъ, въ Москвѣ же этого не дѣлалось [30]); въ Новгородѣ, Псковѣ и Троицесергіевой Лаврѣ во всѣ воскресные и праздничные дни пѣлись, а въ будни читались на вечерни „Свѣте Тихій“ и на утрени великое славословіе, въ Московской же епархіи, кромѣ монастырей, обѣ эти пѣсни всегда „рѣчью говорились“; равнымъ образомъ въ Москвѣ всегда читалась, а въ Новгородѣ, Псковѣ и Сергіевой Лаврѣ пѣлась на ли-

тургіи пѣснь: „Отца и Сына и Св. Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную“ [31]). Разнообразіе практически вносилось въ самый текстъ пѣснопѣній и въ обряды. Напр., въ XVI в. въ Москвѣ пѣли „поемъ *ти*, благословимъ тя“..., между тѣмъ, какъ въ другихъ мѣстахъ „поемъ *тя*, благословимъ тя“..., въ однѣхъ церквахъ пѣли: святъ, святъ святъ Господь... славы *твоея*, въ другихъ—„славы Его“, въ однихъ двоили, въ другихъ троили аллилуію“ [32]); одни употребляли для крестнаго знаменія такое же двуперстное сложеніе, какое при священническомъ благословеніи, другіе же крестились троеперстнымъ сложеніемъ; въ XV в. одни отстаивали крестное хожденіе „по солонь“ (по солнцу) при освященіи церквей, другіе—противъ солнца.

Подобныя разности и безпорядки иногда неминуемо приводили къ спорамъ, подъ часъ становившимися очень горячими. Такъ, когда митр. Геронтій въ 1479 г. освятилъ Успенскій соборъ въ Москвѣ, какіе-то „прелестники“ наговорили великому князю, что митрополитъ святилъ не по правиламъ,—ходилъ вокругъ церкви съ крестами не по солнцу; великій князь разгнѣвался на митрополита; поднялся вопросъ: какъ совершать крестный ходъ, по солонь или не по солонь? „Рѣчей было много и много спору учинися“. Митрополитъ въ защиту себя ссылался на то, что дьяконъ, при кажденіи престола, начинаетъ съ правой стороны и слѣдовательно ходитъ вокругъ престола противъ солнца; а одинъ игуменъ заявилъ, что у него на глазахъ „во святой горѣ (аѳонской) также свящали церковь,—со кресты противъ солнца ходили“. Противъ митрополита говорили Геннадій, чудовскій архимандритъ, и Вассіанъ Рыло, ростовскій владыка: не представляя никакихъ свидѣтельствъ, они только заявляли, что „Христосъ—солнце праведное наступилъ на адъ, связалъ смерть и освободилъ души; потому и на пасху исходятъ, тоже прообразуютъ на утрени“ *). Споръ тянулся долго; чрезъ три года онъ снова возгорѣлся, и такъ какъ на сторонѣ митрополита было большинство, то великій

---

*) Вѣроятно такой смыслъ: должно ходить при освященіи церквей по солнцу, съ востока на западъ, какъ Христосъ, солнце праведное, притекъ съ востока на западъ, гдѣ побѣдилъ адъ и смерть, и какъ на пасху, и во всякую утреню исходятъ изъ алтаря отъ востока на западъ—въ притворъ для литіи.

князь долженъ былъ уступить и предоставить ему совершать крестные ходы, какъ онъ хочетъ [33]). Горячіе споры представляютъ собою и исторія аллилуіи. Въ концѣ XIV и въ началѣ XV в. являются послѣдователи сугубой аллилуіи, которая за это время нашла себѣ мѣсто и въ нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгахъ [34]). Но вмѣстѣ явились и обличенія ея. Въ „уставѣ о пѣтіи меѳимона“ говорится: „иже мнози поютъ подвоицу алѣлугія, а не втрегубна, на грѣхъ себѣ поютъ... аще подвоижды (поешь), то разлучаешь Отца и Сына и св. Духа“ [35]); въ посланіи къ псковичамъ въ 1419 г. митроп. Фотій предписывалъ троить аллилуію. Но двоеніе ея не было остановлено. Одинъ изъ мѣстныхъ поселянъ Елеазаръ, въ монашествѣ Евфросинъ, основавшій на рѣкѣ Толвѣ свой (Елеазаровъ) монастырь, особенно возревновалъ объ аллилуіи: онъ всѣхъ разспрашивалъ и самъ съѣздилъ въ Грецію, бесѣдовалъ съ патріархомъ Іосифомъ, чтобы рѣшить занимавшій его вопросъ. По возвращеніи изъ Греціи, онъ уставилъ въ своей обители „чинъ дважды глаголати св. аллилуіа“. Тогда поднялось все псковское духовенство во главѣ съ священникомъ Іовомъ и дьякономъ Филиппомъ. Отправлено было въ Елеазаровъ монастырь посланіе, написанное Іовомъ, и посольство съ цѣлью убѣдить Евфросина отказаться отъ сугубой аллиліи. Тотъ остался при своемъ, ссылаясь на патріаршее благословеніе, и въ свою очередь послалъ во Псковъ свое посланіе. Псковичи, руководимые Іовомъ, всѣ вооружились противъ Евфросина, открыто называли его еретикомъ, а его монаховъ — вѣроотступниками. Евфросинъ обратился къ новгородскому владыкѣ Евфимію, и тотъ дозволилъ ему сугубить аллилуію, если есть на то благословеніе патріарха. Споръ утихъ, хотя не прекратился окончательно. Одинъ изъ сторонниковъ Іова въ своемъ посланіи къ „господину Аѳанасію“, ктитору Никольскаго монастыря, старается доказать истинность трегубой аллилуіи и обличеніемъ всѣхъ грековъ въ отпаденіи отъ православной вѣры подорвать значеніе Евфросиновой ссылки на практику греческой церкви въ пользу сугубой аллилуіа. Въ концѣ XV в. эти споры побудили новгородскаго архіепископа Геннадія спросить относительно аллилуіи бывшаго въ Римѣ Димитрія Герасимова. Тотъ отвѣчалъ (1491 г.): „высмотрѣлъ

я въ книгахъ..., и здѣсь въ книгахъ не показано, какъ говорить, трегубно или сугубно... но помнится мнѣ, что и у насъ о томъ бывалъ споръ между великими людьми и они судили, что то и другое одинаково, ибо трегубное аллилуіа, а четвертое „слава Тебѣ, Боже“ являютъ три-ипостасное, единосущное Божество, а сугубая аллилуіа являетъ въ двухъ естествахъ единое божеское лицо Христа; потому какъ ни молвитъ человѣкъ тою мыслію, такъ и добро“. Но и на этомъ дѣло не остановилось. Въ самомъ началѣ XVI в. какой-то [36]) инокъ Елеазарова монастыря, видя въ церкви расколъ и пререканія между двоящими и троящими аллилуію, самъ фанатически преданный сугубой аллилуіи, какъ какой-нибудь святынѣ, въ которой заключается высшая премудрость и „великая тайна“, написалъ повѣсть о преп. Евфросинѣ и въ ней разсказъ о томъ, какъ ему по ночамъ являлись преп. Евфросинъ, Серапіонъ и сама Богородица, требуя восписать тайну сугубой аллилуіи. Многіе довѣрчиво встрѣтили эту повѣсть и сугубая аллилуіа нашла себѣ больше сторонниковъ, даже въ Москвѣ; въ 1547 г. повѣсть объ Евфросинѣ повторена въ новомъ житіи Евфросина, составленномъ псковскимъ священникомъ Василіемъ, и встрѣтила довѣріе въ отцахъ Стоглаваго собора.

Какъ эти споры, возникавшіе по вопросамъ богослужебной практики, такъ недостатки богослужебныхъ книгъ и неупорядоченность богослуженія побуждали лучшихъ людей *позаботиться объ устроеніи церковнаго чина*. Въ частности эти заботы должны были направляться и направлялись на опредѣленіе новыхъ случаевъ изъ богослужебной практики, на уничтоженіе произвола священнослужащихъ при совершеніи церковныхъ службъ, на исправленіе богослужебныхъ книгъ и на введеніе однообразія въ литургическую практику. Еще митроп. *Кириллъ* III счелъ нужнымъ обратить вниманіе на нѣкоторыя отступленія въ совершеніи богослужебныхъ чинопослѣдованій и на Владимірскомъ соборѣ 1274 г. составить на этотъ счетъ нѣсколько правилъ. Тоже сдѣлано было на *Константинопольскомъ соборѣ 1301 г.* по вызову сарайскаго еп. Ѳеогниста. Митроп. московскій *Ѳеогностъ* привезъ съ собою изъ Константинополя въ 1328 г. греческій древній требникъ, исправилъ сдѣланный съ него переводъ и вѣрность его засвидѣтельствовалъ собственноручною подписью по листамъ [37]). *Митроп. Алексій* въ бытность свою въ Константи-

нополѣ въ 1355 г. написалъ Новый Завѣтъ, исправивъ русскій его переводъ по греческимъ спискамъ. Митроп [38]). *Кипріанъ*, лично и по книгамъ ознакомившійся съ литургическими работами, въ то время происходившими въ Греціи и у южныхъ славянъ, съ другой стороны увидавшій въ Россіи неупорядоченность богослужебной практики, всю свою энергію приложилъ къ тому, чтобы поставить ее въ связь съ греческими нововведеніями, и дать ей возможное однообразіе. Онъ перевелъ служебникъ, внести въ него Филоѳеевскую редакцію литургіи, написалъ многія статьи приписываемаго ему требника, въ слѣдованной псалтири сталъ на почву іерусалимскаго устава, перевелъ нѣсколько каноновъ и молитвъ, наконецъ въ своихъ посланіяхъ и поученіяхъ давалъ отвѣты на различные вопросы касательно богослуженія *) или правила для устраненія открытыхъ въ немъ безпорядковъ. Узнавъ, что въ Псковѣ „нѣтъ правильнаго церковнаго правила", онъ послалъ туда вѣрные списки литургіи Златоуста, уставъ божественной службы Златоуста и Василія Великаго, чинопослѣдованія крещенія, браковѣнчанія, водоосвященія на 1 день Августа, обряда православія, совершаемаго въ первую недѣлю великаго поста, указаніе, какъ поминать православныхъ царей и великихъ князей мертвыхъ и живыхъ, а другія нужныя книги обѣщалъ исподволь переписывать и пересылать туда же [39]). Всѣмъ тѣмъ, которые хотѣли переписывать его служебникъ, онъ въ припискѣ къ нему требовалъ, чтобы не измѣняли въ немъ ни одного слова, ни одной даже черты [40]). Но ни это внушеніе, ни всѣ заботы митроп. Кипріана не внесли желаемаго однообразія и порядка въ богослужебную практику: разнообразіе еще увеличилось, потому что къ прежнимъ спискамъ прибавились новые—кипріановскіе, отъ которыхъ, какъ новыхъ типовъ, пошелъ цѣлый рядъ видоизмѣненныхъ списковъ [41]). Митроп. *Фотій*, по вызову тѣхъ же псковичей, писалъ имъ три посланія (1416, 1419 и 1430 г.), гдѣ давалъ указанія относительно недѣльныхъ постовъ, времени

---

*) Относительно числа молитвъ на утрени и вечерни, чина погребенія монаховъ и мірянъ, поминовенія лицъ, умершихъ въ великій постъ среди недѣли, стпѣванія младенцевъ, времени совершенія заупокойныхъ литургій, правила къ св. причащенію и порядка причащенія мірянъ, времени совершенія литургій Златоуста и Василія В., крещенія, проскомидіи, освященія церквей, воздвиженія креста и пр.

совершенія литургіи Василія Великаго и Іоанна Златоуста, погребенія умершихъ безъ покаянія, причащенія нѣмыхъ, пѣнія меоимоновъ, приготовленія агнца на проскомидіи, пѣнія дома церковныхъ чинопослѣдованій священниками и мірянами, аллилуіи, праздника въ честь трехъ святителей, совершенія крещенія и муропомазанія; въ послѣднемъ же посланіи дѣлалъ такую приписку псковичамъ: „да прислали бы есте ко мнѣ единаго отъ священникъ, человѣка искусна, и азъ научу его о всѣхъ церковныхъ правилѣхъ, и о пѣніи церковнѣмъ, и о святыхъ службахъ... и что како будетъ потребно вамъ св. писаніе, и то все, списавъ, пошлю къ вамъ: потребно есть истиннымъ православнымъ христіаномъ по закону жити, и славословія возсылати Богу по преданію и узаконенію св. соборовъ“ [42]). Въ началѣ XVI в. порча богослужебныхъ книгъ сознавалась и въ монастыряхъ; тамъ начали слѣдить за исправленіемъ ихъ; *Іосифъ Волоколамскій* напр. въ наказѣ одному иноку даетъ такой совѣтъ: „а увидитъ что въ книгѣ погрѣшеніе... сказати настоятелю и съ иныя книги исправити“. Ясно сознавалась эта нужда и въ самой Москвѣ при дворѣ великаго князя и митрополита (Варлаама). По ихъ порученію *Максимъ Грекъ* съ своими помощниками, Михаиломъ Медоварцевымъ и старцемъ Силуаномъ, исправили Тріодь, Часословъ, праздничную Минею, толковое Евангеліе и Апостолъ. При этомъ онъ большею частію руководился не старыми русскими списками, какъ дѣлали другіе, а богословской и филологической критикой текста, иногда прибѣгалъ къ греческимъ подлинникамъ; къ сожалѣнію въ это время Максимъ Грекъ не зналъ еще надлежащимъ образомъ русскаго языка и самъ впадалъ въ ошибки. Въ своемъ „Сказаніи, яко подобаетъ извѣстно блюсти исповѣданіе православной вѣры“ [43]), онъ возставалъ противъ чтенія въ символѣ вѣры „изъ Маріи Дѣвы“, „чаемъ“ и „жизни будущая вѣки“, называя все это результатомъ „младенческаго мудрованія“. Кромѣ того онъ оставилъ нѣсколько мелкихъ статей съ толкованіями на нѣкоторыя молитвы, священнодѣйствія и предметы, относящіеся къ церковному богослуженію и обрядности [44]). Ученикъ его, *Зиновій Отенскій*, въ своемъ „Истины показаніи“ также обратилъ вниманіе на нѣкоторыя изъ разностей въ богослужебной практикѣ и по вызову собесѣдни-

ковъ далъ свои отвѣты: такъ относительно чтенія въ символѣ вѣры „и Маріи Дѣвы", и „изъ Маріи Дѣвы" онъ замѣчаетъ: „объ этомъ писалъ Максимъ Грекъ и училъ, что должно употреблять первое выраженіе, а послѣднее возбранялъ. А мнѣ кажется, что если кто, православно вѣруя въ сердцѣ, и выражается, по неискусству рѣчи нашего языка: „отъ Духа свята изъ Маріи Дѣвы", то не будетъ осужденъ, хотя выраженіе: „отъ Духа свята и Маріи Дѣвы", по моему мнѣнію, чище и правильнѣе"; относительно разности въ чтеніи „и въ Духа Св. Господа" и „въ Духа Св. Господа Истиннаго" пишетъ: „если кто говоритъ (то и другое) съ правою вѣрою и нелицемѣрно, то, думаю, здѣсь разности немного, хотя и не одно и тоже. Однако-жъ опасно не говорить (какъ дѣлали нѣкоторые): „и въ Духа Св. *Господа*"; я видѣлъ, что такъ читается въ правилахъ древняго перевода, переписанныхъ при Ярославѣ князѣ и при еп. Іоакимѣ, въ началѣ крещенія нашей земли. Да такъ именно изложили символъ о Св. Духѣ и отцы перваго вселенскаго собора, а всѣ послѣдующіе вселенскіе соборы заповѣдали неизмѣнно содержать символъ и ничего не прибавлять и не убавлять въ немъ". О чтеніяхъ „чаю" и „жду" воскресенія мертвыхъ замѣчаетъ: люди, уже умершіе, „ждутъ" воскресенія, а намъ, еще живущимъ, приличнѣе выражаться: „чаю воскресенія мертвыхъ"; на вопросъ, читать или пѣть на литургіи „Отче нашъ" и „вѣрую", даетъ отвѣтъ: читать—„много согрѣшаютъ поющіе „Отче нашъ" и „вѣрую",— они колеблятъ уставъ святыхъ и недалеки отъ еретиковъ" [45]). На *Стоглавомъ соборѣ* по указанію царя составлено было не мало постановленій касательно богослужебной практики. Противъ произвола духовныхъ лицъ было предписано: „отнынѣ, по всей землѣ русской, во всѣхъ церквахъ совершать литургію и всѣ прочія церковныя службы сполна, по уставу и по священнымъ правиламъ, ничего не претворяя" [46]). виновныхъ же въ неисправности священнослужителей наказывать; въ частности крестить дѣтей, вѣнчать свадьбы, святить воду въ навечеріе Богоявленія, въ самый день Богоявленія и 1 Августа—въ полномъ облаченіи, а вечерни, панихиды, повечерія, полунощницы, утрени и молебны пѣть въ епитрахили и фелони [47]); протопопамъ и старшимъ священникамъ строго наблюдать за всѣмъ этимъ, и

виновныхъ въ неисправности священнослужителей подвергать наказаніямъ [48]) . Для уничтоженія мѣстныхъ разностей въ богослуженіи и обрядахъ постановлено: послѣ проскомидіи и часовъ вездѣ говорить отпустъ [49]); вездѣ пѣть неотложно „хвалите имя Господне, исповѣдайтеся Господеви и на рѣкахъ вавилонскихъ“, по божественному уставу [50]); святую воду крестить однимъ крестомъ въ три погруженія, воду съ него сливать на блюдо, которое держитъ діаконъ и на которомъ лежатъ другіе кресты со св. мощами, и потомъ кропить водою со всѣхъ крестовъ [51]); въ 8 членѣ символа вѣры не соединять вмѣстѣ „Господа“ и „истиннаго“ [52])—„ино то не горазно,—едина глаголати: или „Господа“ или „истиннаго“; „всѣмъ православнымъ христіанамъ говорить сугубую аллилуію, а третье—слава тебѣ Боже, какъ и предала св. с-борная апостольская церковь, а не трегубить аллилуіи; э о не есть преданіе православныхъ, но ересь латинянъ“;*) „подобаетъ всѣмъ православнымъ христіаномъ двумя персты крестное знаменіе на лицѣ своемъ воображати“, соединяя большой перстъ съ двумя нижними, а верхній съ среднимъ; „то есть истинное воображеніе крестнаго знаменія... Аще ли кто не истинно крестное знаменіе воображаетъ, да будетъ проклятъ“. **) Для упорядоченія богослужебной практики и чинопослѣдованій составлены были вновь или подтверждены

---

*) Основаніями для такого постановленія послужили житіе пр. Евфросина и боязнь отцовъ собора учетверить Св. Троицу, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, по-еврейски—аллилуіа, а по-русски—Слава Тебѣ Боже, составляютъ одно и тоже [53].)

**) Основаніями для этого послужили слѣдующія 3 статьи: 1) подложное, во второй половинѣ XV в., составленное въ Россіи, „Слово Св. Ѳеодорита, како благословити и креститися“, гдѣ авторъ, изложивъ ученіе о сложеніи трехъ перстовъ во образъ Св. Троицы и двухъ (не сказано—какихъ)—для означенія естествъ въ І. Христѣ, прибавилъ: „такъ св. отцы указано и узаконено“; 2) искаженная въ XV в., повѣсть о Св. Мелетіѣ Антіохійскомъ, говорящая о томъ, какъ онъ своими перстами хотѣлъ выразить на соборѣ Антіохійскомъ свое мнѣніе о Сынѣ Божіемъ, „показа три персты..., и не бысть знаменія; посемъ же два совокупль, а третій пригну и благослови люди, и изыде отъ него яко огнь молніи; достохвальный онъ испусти гласъ: „три убо разумѣемъ, о единомъ же бесѣдуемъ“; 3) также къ концу XV в. искаженная, статья о принятіи армянъ и другихъ еретиковъ, обращающихся въ православную церковь, гдѣ сказано: „иже не крестится или не знаменуется двумя персты, якоже и Христосъ, да есть проклятъ“ [54]).

существовавшія прежде правила о крестныхъ ходахъ, звонѣ къ литургіи, о чтеніяхъ на заутрени для поученія народа, о крещеніи дѣтей и количествѣ воспріемниковъ, о бракѣ, времени открытія царскихъ дверей, о вынутіи частицъ изъ просфоръ на проскомидіи, и другихъ—иногда мелкихъ—частностяхъ богослужебныхъ чиновъ [55]). Въ виду исправленія богослужебныхъ книгъ постановлено: протоіереямъ и священникамъ въ каждомъ городѣ осматривать по всѣмъ церквамъ священныя и церковныя книги и найденныя неисправными исправлять „соборнѣ съ добрыхъ переводовъ“ (списковъ); писцамъ писать книги съ добрыхъ переводовъ и написанные экземпляры пускать въ продажу не иначе, какъ по исправленіи; если же кто будетъ продавать или покупать неисправленныя книги, то такія отбирать даромъ и, по исправленіи, отдавать въ бѣдныя книгами церкви [56]). Къ сожалѣнію соборъ не указалъ и не разослалъ по городамъ „добрыхъ переводовъ“, съ которыхъ, какъ образцовъ, обязаны были бы списывать писцы. Поэтому и послѣ собора продолжали существовать разнообразіе и неисправность книгъ. Только открытіе типографіи, гдѣ введены были бы опредѣленные образцы и гдѣ можно было бы оттискивать для всей Россіи достаточное количество однообразныхъ экземпляровъ, въ состояніи было уничтожить неисправность книгъ. Іоаннъ IV понялъ это и, переговоривъ съ митроп. Макаріемъ, открылъ типографію. Но въ ней не хватало лицъ, которыя съумѣли бы, какъ слѣдуетъ, исправлять предназначенныя къ печати книги, притомъ же она работала очень вяло; поэтому съ одной стороны вышедшія изъ Московской типографіи книги—Апостолъ, Часословъ и Псалтирь,—оттиснутыя безъ исправленія по греческому тексту, прямо со списковъ славянскихъ, были неисправны, съ другой—ихъ было не настолько много, чтобы выгнать изъ употребленія въ сѣверной Россіи рукописные списки. Нѣсколько успѣшнѣе шло дѣло въ южнорусскихъ типографіяхъ, откуда выходило большее количество и лучше исправленныхъ книгъ; но и тамъ еще многаго не доставало. Такимъ образомъ попытки уничтожить разности въ богослужебныхъ книгахъ и упорядочить богослужебную практику не привели къ вполнѣ желательнымъ результатамъ и удались только отчасти. Условій для этого было много. Глав-

нѣйшими можно считать: 1) то, что въ XIII—XV в. наша богослужебная практика, параллельно съ греческой, еще только развивалась и потому естественно видоизмѣнялась; 2) то, что правила соборовъ или митрополитовъ, опредѣлявшія спорные случаи ея, не всегда были согласны между собою и иногда даже противорѣчили другъ другу; 3) то, что до необходимости завести типографіи и тѣмъ уничтожить естественныя для писцовъ описки, русскіе додумались очень поздно—лишь въ концѣ даннаго періода, а, заведя ихъ, не дали имъ полнаго хода; 4) наконецъ то, что русскіе, привыкши съ уваженіемъ относиться къ буквѣ книжной, неодобрительно встрѣтили исправленіе книгъ. Это сказалось въ волненіяхъ противъ Московской типографіи и съ особенною ясностію—въ дѣлѣ Максима Грека и его помощниковъ по книжному исправленію.

§ 34. Занимаясь переводомъ и исправленіемъ книгъ, *Максимъ Грекъ* находилъ себѣ поддержку въ великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ, митроп. Варлаамѣ, инокѣ Вассіанѣ Патрикѣевѣ и др. Преемникъ Варлаама, митроп. Даніилъ также покровительствовалъ ему. Но когда пр. Максимъ отказался выполнить его просьбу о переводѣ Ѳеодоритовой исторіи, тотъ сталъ злобиться на него. Протестъ Максима противъ развода и втораго брака великаго князя, домашнія бесѣды его съ опальными боярами и даже съ врагами великаго князя (Иваномъ Берсенемъ и Ѳеодоромъ Жаренымъ), поселили разладъ между княземъ и Максимомъ. Строгія обличенія, направленныя на духовенство и монашество, упреки, обращенные къ архіереямъ и монахамъ за владѣніе вотчинами, борьба съ партіей Іосифлянъ, которые горячо ратовали за эти вотчины,—возбудили многихъ изъ среды духовенства противъ Максима. Разоблаченіе грубыхъ ошибокъ, встрѣчаемыхъ въ богослужебныхъ и др. русскихъ книгахъ и исправленіе ихъ вызвало ропотъ въ писцахъ и книжникахъ, преданныхъ буквѣ писанія, какъ святынѣ: стали говорить, что Максимъ портитъ, а не исправляетъ книги, что хулами на нихъ онъ „прилагаетъ велію досаду“ русскимъ чудотворцамъ, которые именно „сицевыми священными книгами благоудиша Богу“; даже между помощниками Максима находились лица съ подобнымъ мнѣніемъ: „Дрожь мя вели-

кая поймала и ужасъ на меня напалъ"—заявляетъ Михаилъ Медоварцевъ,—когда я сталъ „заглаживать", по приказанію Максима, „великій догматъ премудрый"—большой отпустъ Троицкой вечерни. Собиравшаяся такимъ образомъ гроза рано или поздно должна была разразиться. И вотъ въ 1525 г. Максимъ позванъ былъ къ отвѣту. Много обвиненій возвели на него его враги (митр. Даніилъ, протопопъ Аѳанасій, попъ Василій, да протодіаконъ Иванъ Чушка); именно говорили, что будто бы онъ вмѣстѣ съ грекомъ Саввою „посылали граматы къ турецкимъ пашамъ и къ самому турецкому царю, подымая его на нашего благочестиваго государя и его державу", что будто бы называлъ его „гонителемъ и мучителемъ нечестивымъ", что „укорялъ церкви и монастыри за то, что они имѣютъ стяжанія", „укорялъ Свв. чудотворцевъ Петра, Алексія, Іону, Сергія, Варлаама, Кирилла, Пафнутія и Макарія, говоря, что они держали города, волости, села, людей, имѣли богатства, а потому имъ нельзя быть чудотворцами", что не одобрялъ поставленія митрополитовъ въ Россіи безъ благословенія патріарха, считая это проявленіемъ „гордости, самочиніемъ и безчинствомъ" русскихъ. Но самымъ важнымъ обвиненіемъ на Максима было обвиненіе его въ неправославіи; доказательства черпали изъ книгъ, переведенныхъ или исправленныхъ Максимомъ, и изъ словесныхъ показаній свидѣтелей; въ частности говорили, что будто Максимъ Грекъ не допускаетъ дѣвства Божіей Матери, восшествія І. Христа на небо вмѣстѣ съ плотію, вѣчнаго сидѣнія Его рядомъ съ Богомъ Отцомъ и т. п. Въ доказательство послѣдняго обвиненія ссылались на ошибочно сдѣланныя Максимомъ поправки въ тріоди, гдѣ вмѣсто словъ „Христосъ *взыде* на небеса и *сѣде* (оконченное дѣйствіе) одесную Отца", или „*сѣдяй* (настоящее) одесную Отца, было написано „*сѣдѣвъ* (прошедшее дѣйствіе) одесную Отца, *сѣдѣвшаго* одесную Отца, или *сидѣлъ* одесную Отца". Указано было и на другія ошибки, сдѣланныя Максимомъ, напр. „*нестрашно*" или „*безстрашно*" (вмѣсто „*безстрастно*") Божество" и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій Максимъ рѣшительно отвергалъ, въ другихъ не съумѣлъ оправдаться, въ иныхъ оправдывался тѣмъ, что не зналъ надлежащимъ образомъ русскаго языка, когда приступалъ къ переводу и

исправленію книгъ. Наконецъ одно изъ обвиненій—въ томъ, что онъ допускаетъ лишь мимошедшее сидѣніе І. Христа съ Отцомъ—подтвердилось изъ показаній самого Максима; и этотъ не только не каялся въ своей винѣ, но даже не признавалъ своего мнѣнія ошибочнымъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Максимъ былъ осужденъ и для „обращенія, покаянія и исправленія" заключенъ въ тюрьмѣ Іосифова Волоколамскаго монастыря, который служилъ центромъ іосифовской, враждебной Максиму, партіи. Здѣсь ему запрещено было писать и получать письма, его мучили голодомъ, холодомъ, дымомъ и др. „озлобленіями", такъ что „онъ дѣлался иногда какъ бы мертвымъ". Однако онъ продолжалъ считать себя невиннымъ, „покаянія и исправленія" не показывалъ. Между тѣмъ въ книгахъ его перевода или исправленія открылись новыя погрѣшности. Максима снова позвали въ Москву и поставили предъ соборомъ на отвѣтъ (1531 г.). Изъ Метафрастова житія Пр. Богородицы, переведеннаго Максимомъ, были прочитаны мѣста, говорящія повидимому противъ дѣвства Божіей Матери: „Іосифъ... обручаетъ себѣ отроковицу, *совокупленія же до обрученія бѣ*". „тайное отпущеніе устрояше Іосифъ, *аки* (какъ будто, вмѣсто „*яко*" потому что) приведенъ сый... „и носимаго въ ней плода утробы преславнѣ нарицаетъ, *аки* сѣмени мужеска никакоже причастившеся"; изъ книги Дѣяній Апостольскихъ было указано на то, что Максимъ загладилъ тамъ слова 8 гл. 37 ст., свидѣтельствующія о вѣрѣ въ І. Христа, какъ Сына Божія; наконецъ изъ чина вечерни Троицкой представлено было Максиму то, что тамъ заглаженъ большой отпустъ, представляющій премудрое изложеніе о пр. Троицѣ и св. Духѣ. Повторялись и прежнія обвиненія. Максимъ кое-что приписывалъ винѣ своихъ помощниковъ, кое-что оправдывалъ своихъ незнакомствомъ съ русскимъ языкомъ и вкравшимися въ его книги описками; въ прежней своей винѣ—мнѣніи о сидѣніи І. Христа одесную Отца—не раскаявался; но признавалъ себя виновнымъ „въ нѣкіихъ малыхъ описяхъ" и просилъ себѣ прощенія. Однако отцы собора, найдя признаки ереси жидовствующихъ въ книгахъ Максима, осудили его „аки хульника и св. писаній тлителя", отлучили отъ св. Христовыхъ таинъ и въ оковахъ отправили въ Тверской Отрочь монастырь. Михаилъ Медо-

варцевъ, одинъ изъ писцовъ, состоявшихъ при Максимѣ, былъ сосланъ въ Коломну; старецъ Силуанъ, помощникъ Максима, отправленъ въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь и тамъ задушенъ дымомъ. Тверской епископъ Акакій старался, насколько было возможно, смягчить бѣдственную судьбу Максима утѣшалъ его и дѣлилъ съ нимъ трапезу. Максимъ, получивъ дозволеніе писать и держать книги, занялся литературною дѣятельностію; между прочимъ писалъ статьи и въ свое оправданіе. Ему хотѣлось возвратиться на Аѳонъ, объ этомъ просили за него даже восточные патріархи; но Грозный не отпускалъ его. Митроп. Іоасафъ, расположенный къ узнику, съ своей стороны только дозволилъ ему пріобщеніе св. Таинъ, въ остальномъ же „пособити ему не могъ“. Только въ 1551 г. Максимъ былъ переведенъ въ Троице-Сергіеву Лавру и принятъ здѣсь съ честію; но, изнуренный страданіями, прожилъ не долго; въ 1556 году онъ скончался.[57])

§ 35. Общественное и частное богослуженіе XIII—XVI в. предстваляетъ собою много *особенностей*, отличающихъ его отъ настоящаго. Однѣ изъ нихъ, появившись въ предшествующій періодъ или въ началѣ даннаго, успѣли сгладиться къ концу XVI в., другія уцѣлѣли, иныя же только въ XVI в. получили свое начало. Болѣе важными особенностями были слѣдующія.

Въ XIII в. *утреня и вечерня* отличались краткостію: недоставало многихъ молитвъ, читаемыхъ теперь священникомъ тайно. Въ XIV в. количество ихъ прибавилось и порядокъ ихъ чтенія водоизмѣнился; митр. Кипріанъ на вопросъ игумена Аѳанасія, опредѣлилъ читать на вечерни 8, на заутрени 12 молитвъ. Но и послѣ того служебники продолжали разниться количествомъ молитвъ. Митрополитъ Кипріанъ возобновилъ забытое прежде пѣсненное послѣдованіе утрени и вечерни, но оно въ XV в. уже встрѣчается какъ исключеніе. Всенощное бдѣніе, положенное по Іерусалимскому уставу, стало вводиться въ Россіи только въ XV в.

Пасхальная утреня по этому уставу имѣла свои особенности. Именно предъ началомъ звона канонархъ ставилъ 2 сосуда съ горячими угольями—одинъ на срединѣ храма, другой у царскихъ вратъ, а въ алтарѣ вѣшалъ кадило и всюду всыпалъ ѳиміанъ; затѣмъ, испросивъ благословенія игумена, начиналъ благовѣстъ. Облаченные „во весь свѣтлѣйшій санъ“ священники со свѣчами, а игу-

Часы до Стоглаваго собора не имѣли особаго отпуста; послѣ окончанія ихъ сейчасъ же начиналась *литургія*. Сама она представляла много особенностей, особенно по служебникамъ до-филоѳеевской редакціи. Количество просфоръ, употреблявшихся на литургіи, было различно: въ XIV в. обычнымъ было пять, въ XV—шесть; но употреблялись три, четыре и семь. Въ XIV в. три употреблялись, когда литургія совершалась за болящаго; XV на одной изъ нихъ поминались святые, живые и умершіе; въ XIV в. при четырехъ просфорахъ изъ второй вынимались частица въ честь дневнаго святаго, изъ третьей—за живыхъ, изъ четвертой—за умершихъ; при пяти—одна назначалась для чествованія Божіей Матери; при шести—на четвертой поминалось епископство и весь священническій и діаконскій чинъ, на пятой—князья, игуменъ и всѣ живые, а на шестой—всѣ усопшіе; при семи—одна агничная, другая въ честь Богородицы, третья въ честь святыхъ, четвертая за епископа и весь священническій чинъ, пятая—за царей, шестая за игумена и всѣхъ живыхъ, седьмая за умершихъ. Какъ располагать на дискосѣ вынутыя части, не было строго опредѣлено до Стоглаваго собора [58]). Для агнца, по опредѣленію митроп. Кипріана, требовалась просфора съ крестомъ [59]). Вино считалось также обычною принадлежностію литургіи; обыкновенно его смѣшивали съ водою; но въ XIV в. во Псковской области употреблялось одно чистое вино; митроп. Кипріанъ долженъ былъ запретить это. За недостаткомъ вина служили иногда на виноградномъ сокѣ [60]). Это дозволено было Константинопольскимъ соборомъ 1301 г.; онъ только запретилъ употреблять на проскомидіи сухую вѣтвь винограда [61]). Молитвы, читаемыя на проскомидіи, не всегда были согласны съ нынѣшними. Общаго покровенія даровъ въ XIII в. совсѣмъ не было; въ XIV оно стало вводиться, но и

менъ кромѣ того и съ кадиломъ, сѣверными дверями выходили въ притворъ Впереди шли 2 пономаря съ подсвѣчниками и за ними діаконъ съ лампадою. Двери притвора затворялись; игуменъ кадилъ народъ, стоящій тамъ и дьякона, передавая ему кадило; затѣмъ произносилъ возгласъ „слава святѣй“; священники вмѣстѣ съ нимъ пѣли трижды тропарь „Христосъ Воскресе“, пѣвчіе повторяли тоже. Игуменъ произносилъ, положенные и теперь, стихи, на что пѣвцы отвѣчали троекратнымъ пѣніемъ тропаря. Оканчивая стихи, игуменъ снова пѣлъ до половины тропарь, который оканчивали пѣвцы. Въ это время отворялись двери и всѣ вступали въ храмъ.

въ XVI в. еще не вездѣ употреблялось; Стоглавый соборъ окончательно утвердилъ эту практику [62]). Не по всѣмъ служебникамъ положено было прободеніе копіемъ агнца. Константинопольскій соборъ 1301 г. дозволилъ при соборномъ служеніи литургіи вынимать нѣсколько агнцевъ (2—3), но только требовалъ, чтобы «когда бываетъ св. возношеніе, возносился одинъ агнецъ великій, да тѣмъ возношеніемъ освятятся и всѣ прочіе». Въ XIII и XIV в. проскомидію совершали безразлично какъ священники, такъ и дьяконы, хотя Владимірскій соборъ 1274 года и митроп. Купріанъ запрещали послѣднимъ дѣлать это. Съ XIV в. входитъ въ обычай совершеніе проскомидіи дьякономъ послѣ священника; въ XVI в. священникъ — совершитель проскомидіи. Въ послѣдованіи самой литургіи XIII—XVI в. не мало такихъ молитвъ, какихъ теперь совсѣмъ не читается. Съ XV в. во время малаго входа по пути діаконъ указывалъ на жертвенникъ ораремъ и произносилъ: «Благослови, Владыко, святое предложеніе», священникъ отвѣчалъ; „Благословенно предложеніе Божественныхъ твоихъ Таинъ всегда“ и діаконъ заключалъ: „аминь“; возгласа „Господи, спаси благочестивыя“ не было. Сугубая эктенья, слѣдовавшая за евангеліемъ, получила одинаковый съ нынѣшнимъ составъ только въ XV в. Великій входъ съ XIII в. постепенно осложнялся новыми молитвами и возгласами; въ XV в. напр. по одному изъ служебниковъ, священникъ послѣ поминовенія, обращался къ царскимъ дверямъ и говорилъ: „возьмите врата, князи ваша! Господь силъ той есть Царь славы“, предъ самыми дверями еще произносилъ: „въ Сіонѣ велій и высокъ надъ всѣми боги. Отверзите мнѣ врата правды и, вшедъ въ ня, исповѣмся Господеви. Се врата Господня, праведніи внидутъ въ ня“, До XV в. не читали предъ освященіемъ даровъ тропаря „Господи, иже пресвятаго Твоего Духа“. Молитва Господня и символъ вѣры то читались, то пѣлись. Причащеніе священнослужащихъ въ XV в. совершалось такъ: младшій священникъ подавалъ агнецъ старшему, а старшій— ему, давая другъ другу лобызаніе; то-же было и съ чашей. Остальные священнослужители причащались тѣла Христова изъ рукъ старшаго, а крови—младшаго священника; дьяконъ, принимая тѣло Христово, цѣловалъ у священника или

руку и ланиту, или руку и уста, или только руку, или же совсѣмъ ничего не цѣловалъ; тоже и послѣ принятія св. крови. Прежній возгласъ по пріобщеніи священнослужащихъ: „со страхомъ Божіимъ" въ XIII в. принялъ теперешнюю форму и въ XV раздѣлялся такъ, что слово „приступите" напередъ произносилъ діаконъ, затѣмъ остальныя слова— священникъ. Одновременно съ этимъ является обычай, чтобы діаконъ, при причащеніи мірянъ, держалъ одною рукою потиръ, а другою—горящую свѣчу. Возгласъ: „Спаси, Боже, люди твоя" явился въ XV в.; возгласъ: „съ миромъ изыдемъ" предъ заамвонной молитвой произносилъ въ XV в. діаконъ. На *литургіи преждеосвященныхъ даровъ* возгласъ „свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ" съ XIV вмѣсто дьякона, сталъ произносить священникъ, стоя лицомъ на западъ и крестообразно благословляя св. трапезу; въ XV в. къ этому возгласу присоединился предварительный возгласъ дьякона: „повелите" или „встаните" и „премудрость прости". Стихи: „Да исправится молитва моя" и др. пѣлъ священникъ; но съ XV в. стало вводиться пѣніе ихъ и пѣвцами. Пѣснь: „нынѣ силы небесныя", по памятникамъ XV в., или совсѣмъ не читалась священникомъ, или же читалась два и три раза. Причастныхъ было два: „Вкусите и видите" и „благословлю Господа". Относительно совершенія литургіи въ XIV в. возникъ вопросъ: можно ли служить нѣсколькимъ священникамъ безъ діакона; Константинопольскій соборъ далъ отвѣтъ: можно, пусть тогда младшій говоритъ эктеніи въ алтарѣ; но митроп. Кипріанъ утверждалъ, что „неприлично тому быть: попъ есть попъ, а діаконъ—діаконъ", попъ же дьяконствующій „будетъ ни попъ, ни діаконъ". Для совершенія литургіи считали необходимымъ освященный антиминсъ; когда во Псковѣ стали употреблять частицы антиминсовъ, разрывая послѣдніе, митроп. Кипріанъ запретилъ это дѣлать и прислалъ туда 60 новыхъ антиминсовъ. Относительно *причащенія св. Даровъ* встрѣчаются слѣдующія постановленія: преподавать св. евхаристію имѣютъ право лишь епископы и священники и только въ самомъ крайнемъ случаѣ—діаконы (прав. Константинопольскаго собора); тати, душегубцы, неисправимые сквернословы, лица, стоящія въ неосвященномъ церковію бракѣ, а также четвероженцы не допускаются до причастія (Кипріана

и Фотія), троеженцы отлучаются отъ него на 5 лѣтъ и лица, убившія кого либо „на полѣ“ (поединка), — на 18 лѣтъ (прав. Фотія).

Въ чинѣ *воцерковленія* младенцевъ не было словъ „воцерковляется рабъ Божій“; самый обрядъ совершался въ XIV в. такъ: послѣ первой молитвы священникъ бралъ дитя на руки и несъ въ алтарь, прикладывая уста дитяти къ обѣимъ сторонамъ царскихъ дверей, со словами „нынѣ отпущаеши“; обходилъ съ младенцемъ, если онъ мужскаго пола, трижды вокругъ престола, дѣлая по поклону на каждой сторонѣ его,—если же младенецъ былъ женскаго пола, то обходилъ лишь три стороны престола, безъ передней; затѣмъ выносилъ и полагалъ младенца предъ царскими дверями, читалъ нынѣшнюю третью молитву и знаменовалъ чело, уста и перси воцерковляемаго. Въ XV в. дѣтей женскаго пола уже не вносили въ алтарь, а только прикладывали устами къ царскимъ дверямъ съ чтеніемъ молитвы „нынѣ отпущаеши“ и полагали у царскихъ дверей.

Таинство *крещенія* совершалось не всегда въ опредѣленные сроки: въ XIV—XV в. крестили дѣтей „егда позволятъ родители“, по выраженію митроп. Фотія; въ XVI же вѣкѣ обычнымъ сдѣлалось крещеніе въ сороковой день по рожденіи, почему обрядъ воцерковленія сливался съ крещеніемъ; больныхъ дѣтей полагалось крестить неотложно, „да не умретъ кое отроча безъ крещенія“. Константинопольскій соборъ въ крайнемъ случаѣ дозволилъ совершать крещеніе причетнику. Почти во всѣхъ богослужебныхъ памятникахъ до Стоглаваго собора находится указаніе на одного воспріемника, какъ необходимаго при крещеніи; мужчина долженъ былъ воспринимать дитя мужскаго пола, а женщина—дитя женскаго пола. Но на практикѣ былъ сильно распространенъ обычай имѣть двухъ воспріемниковъ и даже больше; противъ него вооружились митроп. Кипріанъ, Фотій и Стоглавый соборъ [33]). На вопросъ, можно ли крестить нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, соборъ Константинопольскій и митроп. Кипріанъ отвѣчали утвердительно, только послѣдній требовалъ особаго чтенія надъ каждымъ запретительныхъ молитвъ и особаго отрицанія; тотъ же митроп. позволялъ крещеніе

нѣсколькихъ дѣтей въ одной купели, не перемѣняя воды,— сперва дѣтей мужскаго пола, потомъ женскаго; о взрослыхъ же писалъ, что „не слѣдуетъ крестить женскій полъ тамъ же, гдѣ и мужескій, а отдѣльно". Въ чинѣ крещенія до XV в. полагалось читать заклинательныя молитвы по 10 разъ, въ XV в. этотъ обычай удержанъ былъ только при крещеніи старыхъ евреевъ, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ эти молитвы читались по 3 или даже по одному разу. Слова молитвы „изжени отъ него всякій лукавый и нечистый духъ..." произносились однажды. Вопросы объ отрицаніи сатаны до XV в. произносились раздѣльно, такъ что всѣхъ вопросовъ и отрицаній на нихъ было пять, и они повторялись троекратно; съ XV в. начинаетъ входить рядомъ съ прежней въ употребленіе и нынѣшняя практика. На бѣса до XV в. только дули, а съ XV стали еще плевать. Помазаніе крещаемаго елеемъ совершалось или безъ всякихъ словъ, или со словами; „мажется рабъ Божій масломъ радости во имя Отца, Сына и Св. Духа". При этомъ въ XIII в. елей смѣшивался съ муромъ. Владимірскій соборъ запретилъ это дѣлать и предписалъ масломъ мазать не все тѣло, а только части его: чело, очи, уши, ноздри и уста. Въ послѣдующее время священникъ дѣйствительно мазалъ только части тѣла— эти или другія—и вслѣдъ за нимъ діаконъ или кто либо изъ присутствующихъ—все тѣло крещаемаго; въ XVI в. этотъ обычай сталъ видоизмѣняться: напр. лицъ женскаго пола мазали только до пояса, помазаніе всего тѣла стали замѣнять помазаніемъ всѣхъ его частей и т. п. Крещеніе обыкновенно совершалось чрезъ троекратное погруженіе. Но существовало и обливаніе; особенно часто встрѣчается оно въ псковской и новгородской областяхъ. Владимірскій соборъ, митроп. Кипріанъ и Фотій должны были вооружаться противъ этого отступленія; подобныя же рѣзкія обличенія можно найти въ требникахъ и въ другихъ памятникахъ. Но обливаніе продолжало существовать и даже указывалось нѣкоторыми требниками; напр. въ XV и XVI вѣкахъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ совѣтуется погружать младенца въ воду по шею, придерживая лѣвою рукою, а правою возливать теплую воду на его голову. Стоглавый соборъ нашелъ нужнымъ замѣтить, что слѣдуетъ „не обливати водою, но погру-

жати въ три погруженія (гл. 17). Греческая церковь въ лицѣ Константинопольскаго собора 1301 г. допустила обливаніе лишь въ крайнемъ случаѣ—при невозможности достать сосуда для крещенія (татаръ Орды). Вслѣдъ за крещеніемъ или сейчасъ же совершалось облаченіе новокрещеннаго, или чтеніе эктеніи, или молитвы облаченія безъ этого послѣдняго.

При *мѵропомазаніи* въ Псковской области во дни Фотія употребляли латинское мѵро; почему Фотій предписалъ „мазать мѵромъ великимъ, еже идетъ изъ Царяграда". Помазывались не всегда однѣ и тѣже части тѣла: по опредѣленію Владимірскаго собора—чело, очи, уши, поздри и уста; въ памятникахъ XV в. еще сердце, чрево и плечи; или же только—чело, перси, плечи и междораміе. Помазанный мѵромъ облачался въ „куколь незлобія" и съ пѣніемъ „Елицы во Христа креститеся" обносился вокругъ купели, въ XV вѣкѣ—вокругъ амвона, иногда же въ XV—XVI в. вносился въ алтарь. Отрѣзанные волосы влѣплялись въ воскъ и клались въ стѣну церковную, если церковь каменная, или же закапывались за алтаремъ, если она деревянная. На литургіи, совершаемой вслѣдъ за мѵропомазаніемъ, новокрещенный или предносился кумомъ или же самъ шелъ на великомъ входѣ со свѣчами въ рукахъ. Со свѣчами онъ провожался въ домъ; если это былъ взрослый человѣкъ, то въ теченіи 7 дней онъ ходилъ въ храмъ за каждую службу и стоялъ съ зажженною свѣчею. Въ восьмой день по крещеніи совершалось *разрѣшеніе новокрещеннаго*, состоявшее въ снятіи съ него бѣлыхъ одеждъ и куколя.

Таинство *покаянія* преимущественно предъ всѣми другими таинствами русской церкви представляетъ большое разнообразіе въ частностяхъ своего послѣдованія. Разнообразіе главнымъ образомъ замѣчается въ размѣщеніи и количествѣ молитвъ и псалмовъ, какъ предшествующихъ исповѣди, такъ и послѣдующихъ за ней. Во внѣшней сторонѣ таинства не мало особенностей и въ сравненіи съ нынѣшнимъ его совершеніемъ; напр. въ XIV в. кающійся стоялъ въ притворѣ до тѣхъ поръ, пока священникъ, взявъ его за руку, не вводилъ въ церковь и не поставлялъ предъ алтаремъ; въ

XVI в. по нѣкоторымъ требникамъ исповѣдующійся клалъ руки и главу на евангеліе предъ алтаремъ.

Въ таинствѣ *священства* при поставленіи діаконовъ и священниковъ до XVI в. не было возглашенія „аксіосъ", равно какъ и обведенія вокругъ престола; въ XVI в. при поставленіи священника пѣли вмѣсто „аксіосъ"—„достоинъ" Молитва поставленія читалась не надъ преклоненнымъ ставленникомъ. По памятникамъ XIV в. новопоставленный діаконъ причащался раньше другихъ священнослужащихъ и, пока тѣ причащались, выносилъ дары и давалъ ихъ народу, если же не было другаго сосуда, то онъ пріобщалъ народъ по причащеніи священнослужителей; новопоставленный пресвитеръ, когда клиръ возглашалъ „достойно и праведно", бралъ отъ архіерея тѣло Господне, преклонялъ надъ нимъ голову, держа его надъ св. трапезой и при возгласѣ „Святая Святыхъ" отдавалъ его назадъ; причащался онъ раньше другихъ, какъ и новопоставляемый діаконъ. При поставленіи епископа его приводили въ алтарь три архіерея; вокругъ престола не обводили, по окончаніи посвященія возглашалось „достоинъ".

Таинство *брака*, по опредѣленію митрополита Кипріана, могли совершать лишь мірскіе священники, но отнюдь не монахи. Митрополитъ Фотій и Стоглавый соборъ назначили возрастъ для брачущихся—именно не меньше 15 лѣтъ для жениха и 12 для невѣсты. Самый чинъ обрученія и вѣнчанія постепенно видоизмѣнялся. Сначала—въ XIII—XIV в.—не произносилось словъ „обручается рабъ Божій", не читались евангеліе и апостолъ, не пѣлись тропари и не было обхожденія вокругъ аналоя; въ XV в. все это постепенно вводится. Обрученіе совершалось посредствомъ золотаго и желѣзнаго перстней; въ XVI в. ихъ стали замѣнять крестами; въ XVI же вѣкѣ по нѣкоторымъ памятникамъ совершалось постриженіе или обоихъ брачущихся или одного жениха. Вопросовъ о свободномъ произволеніи не предлагалось во все разсматриваемое время; лица, вступающія въ первый бракъ, пріобщались преждеосвященными дарами; въ XVI в. они давались только желающимъ. Вѣнцы возлагались на главу только первобрачныхъ; въ XVI в. второбрачнымъ и третьебрачнымъ они воз-

лагались на правое плечо. Скляница, изъ которой давалась „общая чаша“, какъ и прежде разбивалась.

Таинство *елеосвященія* совершалось различно. Въ концѣ XVI в. оно совершалось по уставу іерусалимскому и по другому неизвѣстному: по первому оно соединялось съ вседневнымъ Богослуженіемъ, по второму совершалось особо. Именно по первому на вечернѣ стихиры на Господи воззвахъ и на стиховнѣ имѣли главнымъ предметомъ моленіе объ исцѣленіи больнаго; на сугубой ектеніи поминался онъ же съ пѣніемъ „Господи помилуй“ 50 разъ. Утромъ пѣлась „агрипія“ за болящаго, затѣмъ предварительная часть чина елеосвященія; къ утрени прилагалась также служба за болящаго; на литургіи послѣ великой ектеніи священники выходили на средину церкви и освящали елей; послѣ литургіи совершалось помазаніе имъ больнаго и „всѣхъ требующихъ сего благословенія“; совершивъ елеосвященіе, священники расходились, „мажуще внѣ уду на дверехъ и внутрь уду, глаголюще еще: благословеніе Господа Бога, Спаса нашего І. Христа на дому семъ всегда, нынѣ и присно“. По второму уставу чинъ елеосвященія разнился отъ нынѣшняго по преимуществу инымъ порядкомъ молитвъ и чтенія изъ евангелія и апостола. Въ XV в. этотъ чинъ сдѣлался преобладающимъ, а въ XVI единственнымъ. Въ XVI в. стало вводиться чтеніе особыхъ евангелій при совершеніи елеосвященія надъ женщинами. Елеосвященіе тогда же заканчивалось помазаніемъ священниками другъ друга и мірянъ.

Въ чинѣ *великаго водоосвященія* въ XV в. стали благословлять воду зажженными свѣчами, которыя, по нѣкоторымъ памятникамъ, даже и гасились въ этой водѣ.

Въ чинѣ *погребенія* въ XIII в. появился обычай давать умершему святителю въ руки тѣло Господне; Константинопольскій соборъ запретилъ это; митр. Купріанъ предписалъ совершать отпѣваніе не только взрослыхъ, но и младенцевъ, митроп. Фотій повелѣвалъ отпѣвать и погребать лицъ, умершихъ скоропостижно, кромѣ самоубійцъ и убитыхъ на поединкѣ [64]).

Существовали въ данный періодъ и особые *обряды*, теперь не существующіе. Напр. въ Новгородѣ совершалась особая проскомидія въ честь мучениковъ Гурія, Самона и Авивы, съ цѣлію указать лицъ виновныхъ въ кражѣ. Священникъ

входя въ церковь, читалъ особую молитву св. исповѣдникамъ, — другую предъ иконою и затѣмъ третью—на проскомидіи, вынимая частицы изъ особой крестообразной просфоры; вынутыя части давались подсудимымъ. Этотъ обычай былъ установленъ владыкою Іоанномъ послѣ чуда отъ иконы означенныхъ мучениковъ, открывшаго похитителей церковныхъ сосудовъ, и существовалъ не долго. Въ XV—XVI в. практиковался опредѣленный порядокъ *нареченія и посвященія* митрополита. Избраніе его происходило въ Успенскомъ соборѣ въ придѣлѣ Похвалы Богородицы; избирались 3 кандидата и изъ нихъ предсѣдатель, помолившись, выбиралъ жребій одного; нареченіе происходило тамъ же; нареченнаго приводили къ государю, тотъ иногда отправлялся съ нимъ въ Успенскій соборъ, чтобы знаменоваться предъ св. иконами, а потомъ въ палаты митрополита, гдѣ архіепископы и епископы посаждали нареченнаго митрополита на уготованное мѣсто; иногда же, отпустивъ новоизбраннаго въ митрополичьи палаты, государь отправлялся въ соборъ безъ него и къ нему являлся уже послѣ. Въ день поставленія митрополита въ Успенскомъ соборѣ впереди амвона устрояли возвышеніе, на немъ ставили сѣдалища для государя и архіепископа, по бокамъ—сѣдалища для епископовъ и предъ возвышеніемъ начертывали на полу большаго орла съ распростертыми крыльями. Предъ литургіей новоизбранный митрополитъ долженъ былъ на этомъ орлѣ произнести исповѣданіе вѣры и потомъ, если не имѣлъ епископскаго сана, былъ отводимъ въ алтарь; по окончаніи трисвятой пѣсни онъ былъ рукополагаемъ въ епископа-митрополита и самъ продолжалъ литургію; если же имѣлъ епископскій санъ, то сейчасъ же послѣ исповѣданія вѣры, архіепископъ вставалъ съ своего мѣста и велегласно произносилъ: „благодать пр. Духа нашимъ смиреніемъ имѣетъ тя митрополитомъ всея Россіи“, оставлялъ вмѣстѣ съ государемъ свое мѣсто, и на него входилъ новый митрополитъ, гдѣ и облачался въ новое одѣяніе. По окончаніи литургіи митрополита три раза сажали на возвышеніи среди церкви, произнося: „ис полла эти, деспота“, затѣмъ разоблачали его; государь вручалъ ему жезлъ; по выходѣ изъ храма онъ получалъ отъ протоіерея водвигальный крестъ, садился на осля и, предшествуемый пѣвчими и свѣщеносцами, отправлялся на дворъ государя и объѣзжалъ кремль, преподавая всюду благословеніе. Въ XVI в. въ первый разъ становится извѣстнымъ *шествіе на осляти* митрополита и новгородскаго архіепископа въ недѣлю Вайй. Оно совершалось предъ литургіею. Впереди везли большое дерево (вербу), подъ которымъ стояли 5 малыхъ пѣвчихъ въ бѣлой одеждѣ, затѣмъ шли юноши съ зажженными свѣчами, несли хоругви и иконы, дальше шли священники, бояре; наконецъ государь, идя рядомъ, велъ одною рукою осла, въ другой держалъ вербу; митрополитъ, сидя на ослѣ, лѣвою рукою поддерживалъ на колѣняхъ евангеліе, а въ правой держалъ крестъ и осѣнялъ имъ народъ. Народъ разстилалъ на пути митрополита одежды; процессія, обойдя главныя церкви кремля, возвращалась въ Успенскій соборъ, гдѣ митрополитъ начиналъ литургію. Въ то же время употреблялся у насъ и обрядъ *пещнаго дѣйствія* предъ праздникомъ Рождества Христова въ недѣлю праотецъ или св. отецъ. Для этого въ соборномъ храмѣ на мѣстѣ архіерейскаго амвона ставили большую деревянную круглую печь, избирали трехъ мальчиковъ и двухъ взрослыхъ людей, — первые имѣли представлять собою трехъ св. отроковъ, а вторые—халдеевъ, первые облачались въ стихари и украшались вѣнками, вторые одѣвали халдейское платье, и тѣ и другіе держали въ рукахъ пальмы.

Дѣйствіе начиналось, по благословенію архіерея, на утрени послѣ стиха 7-й пѣсни: „тричисленные отроки составл. св Троиц“. Халдеи выводили изъ алтаря связанныхъ по шеямъ полотенцемъ отроковъ, ставили предъ печью и говорили имъ: „дѣти царевы! видите ли сію вещь, уготованную вамъ на мученіе?“ тѣ отвѣчали: „видимъ, но не ужасаемся ея, ибо есть на небеси Богъ нашъ, ему же мы служимъ; Той силенъ изъяти насъ отъ вещи сея и отъ рукъ вашихъ избавити насъ, и сія вещь будетъ не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе“. Отроки развязывались, получали изъ рукъ архіерея витыя свѣчи и входились въ печь; подъ нею разводился огонь. Протодіаконъ запѣвалъ: „Благословенъ еси, Боже отецъ“, отроки продолжали; затѣмъ при громѣ сходилъ въ печь ангелъ, отроки трижды покланялись ему, халдеи падали ницъ, затѣмъ, ставъ, снимали свои шапки, клали ихъ на пальмы и стояли съ поникшими головами; отроки 3 раза съ ангеломъ обходили печь, затѣмъ выходили, и тѣмъ дѣйствіе кончалось; продолжалась обычнымъ порядкомъ утреня.

Въ *церковномъ пѣніи* съ XV в. также появились свои особенности. Вмѣсто прежняго праворѣчнаго или истиннорѣчнаго пѣнія, когда при немъ слова произносились такъ, какъ и въ обыкновенной рѣчи, явилось раздѣльно—или протяжнорѣчное (хомовое), при которомъ полугласныя буквы замѣнялись гласными, иногда съ прибавкою новыхъ гласныхъ или же съ отнятіемъ согласныхъ; напр. слова пѣсни „съгрѣшихомъ, беззаконовахомъ... предъ тобою..., но не предаждь насъ до конъца“ пѣлись такъ: „согрѣшихом*о* *и* беззаконовахом*о* перед*о* тобою; но не пре*и*даже нас*о* до конеца“. Начавшееся растяженіе все больше и больше усиливалось и доходило до крайности, напр. вмѣсто „Спасъ“ стали пѣть „Спасо“, вмѣсто „во мнѣ“ „во монѣ“ и т. п. Кромѣ того при совершеніи церковныхъ службъ явилось многогласіе, т. е. одновременное выполненіе нѣсколькихъ частей богослуженія, напр. произношеніе возгласа, вмѣстѣ съ пѣніемъ клира и т. п.

ГЛАВА V.

Религіозно-нравственное состояніе общества.

§ 38. Отъ прошлаго періода въ наслѣдіе настоящему передались нѣкоторые *остатки язычества.* Съ ними можно встрѣтиться не только въ XIII—XIV, но и въ XVI в. На окраинахъ сѣверо-восточной Россіи, куда сравнительно поздно стало проникать христіанство и гдѣ жители съ трудомъ поддавались обрусѣнію, язычество въ жизни народа брало даже верхъ надъ христіанствомъ; такъ напр. въ Воцкой пятинѣ въ XVI в. народъ обращался къ арбуямъ совершалъ жертвы прежнимъ своимъ богамъ, кланялся на своихъ мольбищахъ деревьямъ и камнямъ [1]. Но въ центральныхъ областяхъ язычество совсѣмъ уступило свое мѣсто христіанству. Какъ

извѣстная религіозная форма, язычество сдѣлалось въ народномъ сознаніи вѣрою поганою и запретною, православіе же—единственно истинною, которою нужно дорожить и которую нужно всячески оберегать отъ чуждыхъ религіозныхъ вліяній. Остатки языческой старины уцѣлѣли здѣсь лишь въ бытовой жизни общества и въ нѣкоторыхъ суевѣріяхъ. Въ XIII—XIV в. продолжалось умыканіе невѣстъ, браки иногда заключались по язычески у воды, безъ церковнаго ихъ благословенія; по субботнимъ вечерамъ сходились вмѣстѣ мужи и жены для „безстудныхъ игрищъ и скверныхъ дѣяній“, какъ замѣчаетъ Владимірскій соборъ [2]). Въ XVI в. „на мірскихъ свадьбахъ играли органники, гусельники и смѣхотворцы и пѣли бѣсовскія пѣсни“; впереди свадебнаго поѣзда нерѣдко ѣхалъ священникъ съ крестомъ, а „предъ нимъ скоморохи съ бѣсовскими играми рыскали“ [3]). Въ ночь на день Рождества Іоанна Предтечи (Ивана Купалы) ворожеи и волхвы разсѣивались по болотамъ, лугамъ и лѣсамъ, отыскивая различныя коренья и травы „на пагубу человѣкомъ и скотомъ, на потвореніе мужемъ“ и т. п. [4]). Въ то же время по городамъ и селамъ народъ собирался на улицахъ, у рѣкъ и озеръ, всюду подъ звуки гуслей и пѣсенъ предавался скаканію, плясанію и другимъ забавамъ; всюду было безмѣрное пьянство, „отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе“; подъ конецъ ночи всѣ съ великимъ крикомъ спѣшили къ рѣкѣ и купались. Гулянье продолжалось и въ самый день Ивана Купалы до заутрени слѣдующаго дня. Тоже повторялось наканунѣ Рождества Христова и Богоявленія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще въ первый понедѣльникъ Петрова поста. Въ великій четвертокъ „палили солому и мертвыхъ кликали“. Въ Троицкую субботу ходили на кладбища, плакали и вопили на могилахъ, подъ игру скомороховъ, гудниковъ и перегудниковъ скакали, плясали, били въ ладони и пѣли „сатанинскія пѣсни“. Въ пасхальную недѣлю совершали радуницы *) на могилахъ родственниковъ. Все это обращало на себя вниманіе Стоглаваго собора и вызвало особыя постановленія [5]). Суевѣріе существовало въ самой грубой формѣ и въ очень широкихъ размѣрахъ.

*) Нѣчто въ родѣ старинныхъ тризнъ съ плачемъ по покойникамъ и съ шумнымъ гуляньемъ.

Народъ подмѣчалъ различныя явленія и этими примѣтами суевѣрно опредѣлялъ каждый шагъ своей жизни: во снѣ, въ ухозвонѣ, въ окомигѣ, въ воѣ собаки, въ кряканіи утки, въ гоготаньи гуся, въ воронограѣ, въ щебетаніи сороки, мяуканьи кошки и т. п.,—думалъ онъ видѣть указанія на будущее. Въ важныхъ случаяхъ своей жизни или въ затруднительныхъ вопросахъ, которыхъ не могъ разрѣшить своимъ умомъ, онъ обращался къ волхвамъ, чародѣямъ и ворожеямъ. Это были для него лица, имѣющія непосредственныя сношенія съ злыми духами, обладающія таинственною силою угадывать будущее и знать настоящее, врачевать недуги и насылать болѣзни, заговаривать отъ огня, меча и потопленія, привораживать мужа къ женѣ, дѣвицу—къ юношѣ, накликать на народъ всевозможныя бѣдствія и т. п. Народъ боялся, уважалъ, слушалъ ихъ и выполнялъ ими требуемое. Тѣ хорошо пользовались простодушіемъ народа. Всюду ходили они „въ кудесы били, въ аристотелевы врата и въ рафли смотрѣли, по звѣздамъ и по планитамъ глядали, смотрѣли дней и ночей и тѣми дьявольскими дѣйствы міръ прельщали и отъ Бога отлучали“, говоритъ Грозный на Стоглавомъ соборѣ [6]). Народъ хранилъ и носилъ съ собою полученные отъ нихъ камушки, коренья и др. талисманы, видя во всемъ этомъ чудодѣйственную силу. Иногда бывали случаи, когда народъ ожесточался противъ волхвовъ; такъ напр. въ 1411 г. во Псковѣ сжегъ живыми 12 „вѣщихъ женокъ“ по подозрѣнію въ томъ, что онѣ напустили моровую язву. Вѣра въ волхованія и гаданія была распространена даже въ высшихъ слояхъ общества. Супруга Василія III Соломонія обращалась къ знахарямъ, чтобы избавиться отъ неплодія и приворожить къ себѣ мужа; самъ Василій Ивановичъ, женившись на Еленѣ Глинской, также прибѣгалъ къ вѣдунамъ, чтобы они помогли ему произвести потомство: Иванъ Васильевичъ IV пользовался нашептываніями, гаданьями колдуновъ и кореньями знахарей. Борисъ Годуновъ собиралъ отовсюду кудесниковъ, чтобы привлечь къ себѣ любовь царя; они предсказали ему семилѣтнее царствованіе: при воцареніи его русскіе обязаны были присягать такъ: „надъ государемъ царемъ и надъ царицею и надъ дѣтьми въ ѣдѣ, питьѣ и платьѣ и ни въ чемъ другомъ лиха ника-

кого не учинить, зелья лихаго и коренья не давать, слѣду ни вынимать, по вѣтру лиха не насылать" и т. п. Даже такія просвѣщенныя лица, какъ Іосифъ Волоколамскій и Андрей Курбскій не чужды были вѣры въ волхвованія. Такимъ образомъ различные волховники, чаровники, зелейники, и въ XV—XVI в. особенно остромія, зодѣи, альманахи, звѣздочеты и тому подобныя книжки, не смотря на запретъ церковной власти, встрѣчали себѣ въ русскомъ обществѣ хорошій пріемъ и широко распространялись, еще болѣе закрѣпляя существовавшія суевѣрія. Недостатокъ духовнаго просвѣщенія и уваженіе русскихъ ко всякой книгѣ безъ критическаго къ ней отношенія было хорошей почвой, на которой сѣялись астрологическія бредни, держались и росли суевѣрныя мнѣнія.

Всѣ эти остатки язычества должны были стать въ такое или иное отношеніе къ христіанской вѣрѣ. Такъ какъ послѣдняя казалась для народа единственно истинною, то она должна была повліять на существовавшія въ народѣ суевѣрія; не уничтожая ихъ окончательно, какъ взошедшихъ въ народную жизнь, она страннымъ образомъ налагала на нихъ свой христіанскій колоритъ или же въ свои обряды допускала примѣсь языческихъ суевѣрій. Такимъ образомъ древніе заговоры стали получать христіанскую форму, измѣняя въ своихъ воззваніяхъ имена миѳическихъ силъ именами святыхъ; въ молитвенники вносились лживыя молитвы о трясавицахъ и недузѣхъ; нѣкоторыя молитвы передѣлывались въ заклинанья и заговоры чрезъ прибавленіе къ нимъ упоминаній объ островѣ Буянѣ и камнѣ Алатырѣ, какъ талисманы носились простолюдинами на шеѣ или употреблялись въ колдовствѣ; просфирни нашептывали надъ просфорами; священники во многихъ областяхъ держали подъ св. престоломъ отъ великаго четвертка до семика соль на врачеваніе людей и скота; клали на 6 недѣль на престолѣ дѣтскій послѣдъ (сорочки) и мыло, приносимое прихожанами для освященія церквей [7]). А въ Новгородѣ нѣсколько времени существовала особая проскомидія въ честь муч. Гурія, Самона и Авивы съ просфорой для отгадыванія лицъ, виновныхъ въ кражѣ.

Понятно, что все это могло совершаться подъ условіемъ незнанія самаго духа и сущности христіанской вѣры. Прав-

да, русскіе называли себя исключительно православными и гордились этимъ предъ иностранцами, но не съумѣли бы сознательно отличить христіанство отъ другихъ вѣроисповѣдныхъ формъ. Если въ высшемъ духовенствѣ находились лица, незнавшія, сколько евангелистовъ и апостоловъ, если сами священники были невѣжественны, то отъ народа, оставляемаго большею частію безъ просвѣщенія, можно было ждать еще худшаго. Всевозможныя богомильскія басни, миѳологическія сказанія и антибиблейскія легенды своеобразно представляли народному сознанію христіанское вѣроученіе. Успѣхъ пропаганды жидовствующихъ, несмотря на то, что они ниспровергали всю догматику и преданіе христіанской церкви, можетъ косвеннымъ образомъ свидѣтельствовать о томъ, какъ мало понимали многіе русскіе особенности христіанскаго вѣроученія. Большинство представляло себѣ православіе ничѣмъ инымъ, какъ только совокупностію опредѣленныхъ обрядовыхъ предписаній и внѣшнихъ формъ религіозной жизни; большинству эта внѣшняя сторона, по своей видимости и осязательности, только одна и была понятна. Ей-то большинство и было предано. Такимъ образомъ въ религіозной жизни русскаго общества развивается *внѣшняя набожность* или обрядность. Она проявляется въ тѣхъ же чертахъ, въ какихъ и прежде, т. е. въ уваженіи къ храмамъ, святынямъ, духовенству, иночеству, посту и т. п. Множество встрѣчается примѣровъ, когда князья, епископы и др. лица сооружали по нѣскольку храмовъ, украшали ихъ, жертвовали имъ утварь, книги, деньги и т. п. По случаю общественныхъ бѣдствій народъ часто ставилъ обыденныя церкви и иногда отдавалъ монастырямъ и церквамъ все свое имущество; такъ напр. было во Псковѣ въ 1351 г. по случаю моровой язвы [8]).

Въ XVI в. было настроено такъ много храмовъ, что въ нихъ чувствовался избытокъ. Народъ чтилъ ихъ, какъ святыню, поэтому, проходя мимо, снималъ шапки и крестился. Тоже замѣчается въ отношеніи и къ другимъ христіанскимъ святынямъ. Иконы и кресты такъ чтились, что ставились въ каждомъ домѣ, комнатѣ, на площадяхъ и большихъ дорогахъ въ часовняхъ или столбахъ, вѣшались надъ вратами городскихъ стѣнъ и въ другихъ открытыхъ мѣстахъ; кресты носились и на шеѣ; у князей и богатыхъ людей въ домѣ бы-

вали особыя комнаты—молельни, гдѣ всѣ стѣны были увѣшаны иконами и крестами. Благоговѣніе русскихъ къ иконамъ между прочимъ выразилъ Грозный, когда въ спорѣ съ Антоніемъ Поссевиномъ замѣтилъ, что русскіе считаютъ неприличнымъ вѣшать иконы ниже пояса. Иконы украшались золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, предъ ними возжигались свѣчи въ большемъ или меньшемъ количествѣ, болѣе или менѣе толстыя. Иконы считались необходимою принадлежностію въ жизни русскаго, поэтому возились послами съ собою заграницу. Предъ иконами, стоявшими на открытыхъ мѣстахъ, русскій крестился; входя въ чужой домъ, сначала онъ молился предъ иконой, затѣмъ привѣтствовалъ хозяина, тоже было и при прощаньи. Встрѣчая иконы въ крестномъ ходу, останавливался и полагалъ на себѣ крестное знаменіе. Особенно чтились чудотворныя иконы. Когда онѣ привозились въ Москву, ихъ встрѣчала вся Москва и на мѣстѣ встрѣчи строились иногда храмы; въ память принесенія ихъ иногда установлялись праздники и ежегодные крестные ходы. Къ нимъ иногда собирались толпы богомольцевъ. Тоже замѣчается и въ отношеніи къ мощамъ святыхъ. Къ мощамъ иногда прибѣгали, чтобы избавиться отъ народнаго бѣдствія или отъ нравственной порчи народа. Напр. когда въ 1552 г. пришла въ Москву вѣсть, что въ г. Свіяжскѣ свирѣпствуетъ цынга и въ народѣ распространенъ садомскій грѣхъ, митроп. Макарій послалъ туда для окропленія города и жителей воду, освященную погруженіемъ животворящаго креста и омовеніемъ въ ней св. мощей. Тоже сдѣлалъ онъ въ 1557 г., когда въ Новгородѣ открылся голодъ. Любовь русскихъ къ молитвѣ, общественной и частной, была такъ велика, что изумляла иностранцевъ. „Русскіе молились такъ часто, что не легко было найти подобныхъ, а крестнымъ знаменіемъ осѣнялись почти непрестанно“. День начинался молитвой, всякая работа—крестнымъ знаменіемъ; начало и конецъ обѣда состояли въ молитвѣ; каждое новое кушанье осѣнялось крестнымъ знаменіемъ. День оканчивался молитвой. Путешествія или что нибудь подобное предпринималось по благословеніи священника и служеніи молебна. Молились или по молитвеннику, или же безъ него; нѣкоторые произносили только одну из-

вѣстную имъ молитву: „Господи, помилуй"! Молитва сопровождалась земными или поясными поклонами, иногда біеніемъ въ грудь и т. п. При общественномъ богослуженіи въ храмахъ, за недосугомъ, русскій простолюдинъ рѣдко присутствовалъ; но князь, бояре и лица состоятельныя считали своею обязанностію бывать въ храмѣ каждый день. Различные предметы, освящаемые въ церкви, какъ напр. просфоры, св. вода, елей и т. п. съ благоговѣніемъ уносились домой и употреблялись тамъ нерѣдко, какъ цѣлительныя средства. А къ царю каждое утро, какъ только онъ совершалъ дома утреннюю молитву, являлся его духовникъ съ чашею св. воды и окроплялъ его образа молельни и самого царя; каждый день приносилась свѣжая вода; ее присылали царю, какъ священный подарокъ, изъ разныхъ селъ и городовъ, иногда даже очень отдаленныхъ; вмѣстѣ съ водой онъ получалъ въ даръ и просфоры. Присутствующіе при общественномъ богослуженіи считали долгомъ стоять благоговѣйно и внимательно слушать, что тамъ поется и читается. Впрочемъ въ XVI в. изсякло это благоговѣніе и настолько сильно, что въ церкви многіе стояли въ тафьяхъ, разговаривали, даже спорили и ругались срамными словами [9]). Въ тоже время стали особенно обращать вниманіе на церемоніальность богослуженія: поэтому заботились о большемъ количествѣ свѣчей, о „доброшумномъ" звонѣ колоколовъ и т. п. Уваженіе къ общественному богослуженію было настолько сильно, что Домострой хочетъ внести его въ домашнюю жизнь русскаго: онъ совѣтуетъ мужу съ женой, дѣтьми и домочадцами каждый день вечеромъ пѣть вечерню, повечерницу и полуночницу, утромъ — заутреню и часы, а по праздникамъ — еще молебенъ съ молитвою и кажденіемъ. [10]) Въ XIII—XIV было сильно уваженіе и къ пастырямъ церкви, особенно къ епископамъ; какъ и прежде встрѣчаются въ лѣтописяхъ такія похвалы князьямъ: „бѣ іеролюбецъ и мнихолюбецъ, митрополиты же и епископы чтяше и послушаше ихъ, аки самого Христа" [11]). Послушаніе предъ епископами внушалось народу въ ставленныхъ епископскихъ граматахъ, въ посланіяхъ къ народу и поученіяхъ. Но въ тоже время бывали случаи и неуважительнаго отношенія къ епископамъ; особенно сильно ослабилось уваженіе къ пастырямъ церкви

подъ вліяніемъ стригольниковъ и жидовствующихъ, которые, питая злобу къ нимъ, обнаружили ихъ недостатки. За то съ каждымъ вѣкомъ прогрессивно ростетъ уваженіе къ монашеству. Монастыри наполняются пожертвованіями, въ монастыри стекаются богомольцы, въ монастыри бѣгутъ отъ міра аскетически настроенныя лица. На монастыри смотрятъ, какъ на „пристанища сего свѣта“ и на „дома святыхъ“; монашество представляется „лучше царской державы“, въ монашествѣ видятъ идеалъ религіозно-нравственной жизни; монаховъ считаютъ спасителями и молитвенниками за весь міръ, объ нихъ говорятъ такъ: „свѣтъ инокамъ ангелы, свѣтъ же мірянамъ иноки“ [12]). Неудивительно поэтому, что за данный періодъ такъ быстро увеличивается количество монастырей, что въ міру хотятъ подражать монашескимъ подвигамъ, что здѣсь распространяются аскетическіе взгляды. Домострой напр. требуетъ, чтобы слуги, входя въ чужой домъ, напередъ произносили вслухъ молитву Іисусову и дожидались, пока „отдадутъ имъ аминь“, какъ это дѣлалось въ монастыряхъ; онъ же повелѣваетъ всѣмъ носить при себѣ четки *). Иванъ Васильевичъ Грозный въ своей Александровской слободѣ устроилъ нѣчто въ родѣ монашеской общины. „Самъ онъ на себя взялъ должность настоятеля, князю Ивану Вяземскому далъ санъ келаря, Малютѣ Скуратову—пономаря, а другимъ членамъ опричины—другія должности. Въ колокола звонятъ: онъ самъ, два его сына, да пономарь,—всѣ вмѣстѣ. Рано, въ 4 часа утра, всѣ члены братства должны находиться въ церкви, виновный въ нарушеніи этого правила бросается въ монастырскую тюрьму на 8 дней покаянія. Во время божественной службы царь поетъ съ прочими членами своего братства отъ 4 до 7 часовъ. Въ 8 часовъ самъ онъ благовѣститъ и каждый долженъ опять идти въ церковь, гдѣ онъ и поетъ вмѣстѣ съ другими до 10 часовъ. Къ этому времени бываетъ готовъ обѣдъ, и братія, по выходѣ изъ церкви, садится за столъ, но царь, по должности настоятеля, во все время обѣда стоя читаетъ имъ назидательныя книги... Въ 8 часовъ вечера каждый обязанъ идти на вечернее богослуженіе, продолжающееся до

*) Послѣднія и дѣйствительно вошли въ употребленіе въ обществѣ.

9 часовъ... Въ самую полночь царь идетъ благовѣстить, потомъ съ другими братьями идетъ въ церковь, гдѣ и проводитъ время въ молитвѣ до 3 часовъ утра". Вся братія одѣвалась въ тафьи или скуфейки и черныя рясы [13]). Многіе изъ князей, княжескихъ посадниковъ и др. лицъ предъ смертію считали нужнымъ постричься въ схиму. Въ 1331 г много Псковичей приняло постриженіе, боясь смерти отъ мора [14]). Насколько распространенъ былъ обычай постриженія въ обществѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго: жители Тотьмы въ 1554 г. просили у Іоанна IV позволенія на основаніе монастыря, чтобы умирающіе имѣли возможность предъ смертію получать тамъ постриженіе [15]). Понятно, что вмѣстѣ со всѣмъ этимъ должна была развиваться и строгость въ соблюденіи постовъ. Вопросъ о нихъ интересовалъ общество, и пастыри церкви должны были опредѣлять дни посты и качество пищи для постныхъ дней. Русскіе съ особенною строгостію проводили великій постъ: за великій грѣхъ считали ѣсть мясо, молоко и рыбу, такъ что готовы были скорѣе умереть, чѣмъ нарушить постъ; нѣкоторые принимали пищу только по субботамъ и воскресеньямъ, иные же раза 4 въ недѣлю, нѣкоторые не вкушали горячаго во весь постъ, а иные наконецъ принимали пищу не иначе, какъ по закатѣ солнца. Кромѣ общеобязательныхъ постовъ, многіе соблюдали постъ по понедѣльникамъ каждой недѣли.

Съ вѣками постепенно усиливается въ русскомъ обществѣ внѣшняя набожность. Въ XV и особенно въ XVI в. она доходитъ до крайней степени. Въ литературныхъ произведеніяхъ того времени нерѣдкость встрѣтить подробныя правила касательно часовъ для молитвы, количества поклоновъ и молитвъ при чтеніи каѳизмъ, качества пищи, вкушаемой въ тѣ или другіе постные дни (какъ напр. въ посланіяхъ Іосифа Волоколамскаго объ епитиміяхъ). Домострой даетъ наставленія, какъ въ церкви молиться, какъ въ ней стоять; какъ руки держать, какъ креститься и покланяться образу Спасову, какъ цѣловать иконы, „удержавъ въ себѣ духъ и губъ не разѣваючи, губами не плюская", какъ вкушать просфоры, „зубами не кусая, но кладя въ ротъ невеликіе кусочки и ѣдя губами, а ртомъ не чавкая", указываетъ и время для вкушенія пищи [16]). Создаются даже правила, гдѣ дѣло спасе-

нія принимаетъ странный ариѳметическій характеръ. Такъ въ одномъ изъ правилъ читается: „за псалтирю молви 7000 молитвъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго! За каѳизму 300 молитвъ (тѣхъ же). За славу 100, за заутреню полторы тысячи молитвъ... За нефимонъ за великій 500, за малый 400 молитвъ“ [17]). Внѣшней механической молитвѣ придавалось значеніе дѣйствительной молитвы, независимо отъ внутренняго расположенія. Дѣйственность молитвы нерѣдко измѣряли только часами; поэтому говорили, что придти къ церковному богослуженію послѣ чтенія евангелія—тоже самое, что совсѣмъ не ходить въ церковь [18]). Многіе также смотрѣли на посты; не вкушая мясныхъ и рыбныхъ блюдъ, думали, что этого одного достаточно [19]); на нарушеніе же поста смотрѣли, какъ на такой грѣхъ, который равенъ распятію Христа [20]). Поэтому-то иногда поступали очень сурово съ тѣми лицами, которыя отступали отъ правилъ касательно поста. Напр. митроп. Іона вмѣстѣ съ соборомъ епископовъ присудилъ ростовскаго архіепископа Ѳеодосія къ лишенію сана за то, что тотъ ради воскреснаго дня разрѣшилъ постъ въ навечеріе крещенія; а митроп. Геронтій заковалъ въ цѣпи и бросилъ на ледникъ Чудовскаго архимандрита (впослѣдствіи новгородскаго архіепископа) Геннадія за то, что онъ дозволилъ братіи въ тотъ же день вкушать св. воду послѣ принятія пищи [21]). Увлеченіе монашествомъ было настолько сильно, что въ монашеской мантіи видѣли спасительное средство [22]), въ иночествѣ - такой подвигъ, который совершенно избавляетъ человѣка отъ епитиміи [23]); въ обществѣ и литературѣ распространились аскетическія идеи, многіе стали смотрѣть на міръ, какъ на условіе, при которомъ невозможно спастись, чуждались мірскихъ развлеченій въ родѣ пѣнія, игръ, избѣгали брака и разводились съ женами, считали бракъ учрежденіемъ „неполезнымъ“ или даже грѣхомъ, а женщину—сосудомъ грѣха, дьявольскимъ орудіемъ, дьявольскою сѣтью, покоищемъ змѣинымъ, спасаемыхъ соблазномъ и т. п., такъ что вызвали особыя обличенія со стороны Максима Грека, Нила Сорскаго, митроп. Даніила и др. [24]) Формально-обрядовое направленіе выразилось въ большинствѣ литературныхъ произведеній, которыя ставили для себя на первомъ мѣстѣ именно вопросы касательно обрядо-

вой жизни, выразилось въ отношеніяхъ общества къ исправленію богослужебныхъ книгъ, когда напр. враги Максима Грека кричали противъ него: „велію, о человѣче, досаду прилагаеши просіявшимъ въ русской землѣ чудотворцемъ, они бо сицевыми (неправильными) священными книгами благоугодиша Богови", или когда помощники Максима, видя, какъ заглаживается „великій догматъ" — отпустъ вечерни на троицкую субботу, чувствовали „дрожь великую и ужасъ" (Медоварцевъ); оно выразилось со всею ясностію наконецъ въ постановленіяхъ Стоглаваго собора: двоеніе аллилуи, двуперстное знаменіе и небритіе бороды и усовъ разсматриваются здѣсь какъ догматы и тайны великія, которыя ограждаются анаѳемой.

Такое одностороннее—формальное отношеніе къ религіи, конечно, не могло жизненно вліять на общественную *нравственность*. Дѣйствительно, прежніе очень крупные недостатки продолжаютъ и теперь являться во всей своей неприглядности; повидимому нѣкоторые изъ нихъ даже возросли, къ нимъ прибавились еще и новые. Такимъ образомъ рядомъ съ грубостію и жестокостію нравовъ въ обществѣ, рядомъ съ семейною распущенностію, разгуломъ и пьянствомъ здѣсь встрѣчаешься съ развитіемъ лѣности и лжи.

Грубость нравовъ особенно рельефно обнаруживалась во время военныхъ походовъ. Здѣсь человѣкъ съ своею жизнію, честію и имуществомъ дѣлался игрушкою разгоравшихся страстей. Сожигались села и города, опустошались поля, народъ уводился въ плѣнъ и продавался въ рабство, многіе убивались на мѣстѣ, бросались въ воду, сожигались въ избахъ, вѣшались, давились бревнами, травились собаками, инымъ выжигались глаза, дѣти нерѣдко сажались на колья или вздѣвались на копья [25]). При этомъ не полагалось различія между православными и иновѣрцами, соотечественниками и иноземцами. Междоусобицы княжескія, при которыхъ больше всего проливалось крови, — самое обычное явленіе въ XIII—XV в. Противъ своихъ соперниковъ князья употребляли и оружіе, и подкупы, и клеветы въ Ордѣ, и угодничество предъ ханами, ихъ женами и приближенными. Изъ Орды даже брали иногда и рать противъ своихъ сородичей. Падавшій противникъ не получалъ пощады отъ торжеству-

ющаго побѣдителя: по его распоряженію онъ лишался жизни, въ оковахъ заключался въ тюрьму или отпускался на свободу съ выколотыми глазами. Такъ Юрій Московскій клеветами добился въ Ордѣ смерти Михаила Тверскаго. Василій Васильевичъ Московскій ослѣпилъ галицкаго Василія Юрьевича Косаго, а Димитрій Шемяка отомстилъ тѣмъ же самому Василію Васильевичу. Очень часты были въ тоже время и внутреннія смуты, поднимавшіяся въ городахъ; онѣ также сопровождались кровопролитіемъ. Въ Новгородѣ напр. лѣтописецъ насчитываетъ ихъ не меньше 21 за время 1228 1462 г. [26]) О характерѣ ихъ можно судить по слѣдующему случаю: въ 1418 г какой-то простолюдинъ Степанъ схватилъ боярина Даніила Божина и сталъ кричать прохожимъ: „Господа, помогите мнѣ управиться съ этимъ злодѣемъ!“ Прохожіе кинулись, поволокли Даніила къ толпѣ, бывшей на вѣчѣ, стали бить и полумертваго бросили въ Волховъ. Одинъ рыбакъ спасъ его. Народъ за это разбилъ домъ рыбака. Бояринъ хотѣлъ отомстить Степану,—схватилъ его и сталъ мучить. Народъ, узнавъ объ этомъ, собрался на вѣче. Нѣсколько дней раздавался крикъ: „пойдемъ на Даніила, разграбимъ его домъ!“ Наконецъ началось открытое буйство. Дворъ Даніила со множествомъ другихъ боярскихъ домовъ на Козьмодаміанской, Яневой, Чудинцовой и Лиговщевой улицахъ были разграблены; цѣлая Софійская сторона поднялась на торговую. Произошло столкновеніе на мосту; полилась кровь. Мирные обыватели перепугались. Владыка Симеонъ, явившійся въ полномъ облаченіи съ крестнымъ ходомъ въ среду бунтовщиковъ, едва усмирилъ ихъ [27]). Грубость нравовъ проявлялась не только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ войны или смута; она составляла обычное явленіе въ жизни общества. Когда Москва объединила сѣверную Русь, правительство начало деспотически давить на подданныхъ. При Грозномъ деспотизмъ дошелъ до крайнихъ размѣровъ. Съ своей опричиной онъ безъ пощады казнилъ сотнями народъ и отдѣльныхъ лицъ, убилъ даже сына своего Іоанна. Страшно вспомнить о совершенныхъ имъ казняхъ въ Москвѣ, Новгородѣ и Твери. Онъ какъ будто услаждался муками своихъ жертвъ и изобрѣталъ жестокія пытки: обливалъ горячимъ виномъ, палилъ бороды и

волоса на головѣ, рѣзалъ языки и т. п. [28]), Опираясь на поддержку царя, опричники не сдерживали своего произвола и буйствовали. Князья, бояре и другія лица, бывшія намѣстниками въ городахъ и областяхъ, пользовались неограниченною властію надъ средними и низшими классами народа; заботясь объ увеличеніи своего „кормленія", они всячески притѣсняли народъ: „мздами и налогами и великими продажами христіанъ губяху" [29]); недаромъ лѣтописи иногда называютъ ихъ „свирѣными, аки львове" [30]), а князь Курбскій даже считаетъ ихъ „свирѣпѣе звѣрей кровоядцевъ" [31]). Подобно имъ поступали ихъ дворовые люди, тіуны, волостели и другіе чиновники; бѣдный людъ притѣснялся и владѣльцами помѣстій и богатыми горожанами [32]); даже епархіальные чиновники—десятинники, тіуны, доводчики и т. п. совершали „великія продажи" [33]). Такъ было и въ сѣверной и южной Россіи [34]). Каждый заботился о своихъ личныхъ интересахъ и въ жертву имъ приносилъ людское благосостояніе. Эгоизмъ и кулачное право—вотъ что служило мотивомъ и закономъ во взаимоотношеніяхъ членовъ общества. Слабый бѣднякъ презирался, нищій прогонялся отъ дома богача ни съ чѣмъ или же получалъ кусокъ хлѣба, но послѣ предварительныхъ ругательствъ [35]). Сильный и буйный чувствовалъ себя въ своей сферѣ. „Самый убогій крестьянинъ, унижающійся и ползающій предъ дворяниномъ, дѣлается несноснымъ тираномъ, какъ скоро получаетъ надъ кѣмъ либо власть",—говоритъ одинъ иностранецъ о Россіи [36]). Жестокосердіе больше всего проявляется въ отношеніи къ рабамъ и плѣнникамъ [37]). Въ простомъ народѣ сильно развиты были грабительства и разбои. Разбойники цѣлыми ватагами въ 60—100 человѣкъ ходили по селамъ и грабили мирныхъ обывателей, жгли села и убивали людей. При этомъ терялось уваженіе и къ церквамъ [38]). Въ эпоху стоглаваго собора по селамъ буйствовали скоморохи: они „по деревнямъ у крестьянъ сильно ѣли и пили и изъ клѣтей животы грабили, а по дорогамъ разбивали" [39]). Открытый грабежъ иногда совершался даже въ городахъ; при этомъ большею частію грабители пользовались пожарами; такъ напр. въ 1299 и 1340 гг. въ Новгородѣ убивались церковные сторожа и похищалось имущество горожанъ, собранное для безопасности въ церквахъ [40]). Отъ

разбоевъ особенно сильно страдали юго-западныя и юго-восточныя окраины Россіи [41]). Власть сильнаго проявлялась и въ семейной жизни. Мужъ-глава держалъ въ неволѣ свою жену: она обращалась въ покорную рабу и у богатыхъ людей запиралась въ теремѣ; отецъ „сокрушалъ ребра" своихъ дѣтей, уча ихъ послушанію и благочестію; отецъ самъ указывалъ жениховъ своимъ дочерямъ и невѣстъ—сыновьямъ [42]). Грубость нравовъ нашла себѣ выраженіе даже въ судѣ—въ тѣлесныхъ наказаніяхъ и пыткахъ. А въ народѣ она укоренилась настолько сильно, что для него кулачные бои, сопровождавшіеся нерѣдко кровопролитіемъ, стали любимой забавой и „поля" (поединки)—лучшимъ средствомъ отыскивать и карать виновныхъ [43]).

При ненормальной постановкѣ семьи въ высшихъ классахъ сильно ослабѣли *семейныя связи* и пошатнулось семейное начало. Мужья развратничали при живыхъ женахъ, эти послѣднія прибѣгали нерѣдко къ „потвореннымъ бабамъ", или сводницамъ, чтобы сойтись съ какимъ нибудь мужчиной и размыкать съ нимъ скуку теремной жизни. Дочерей отцы боялись пустить на улицу, чтобы не нажить себѣ чрезъ нихъ „позора". Юноши, видя на глазахъ заразительные примѣры, подражали отцамъ и, чтобы привлекать женщинъ, заботились объ украшеніи себя всевозможными косметическими средствами, бритьемъ бородъ, изящными и дорогими костюмами; такимъ образомъ въ высшемъ кругѣ развивается щегольство. Разврату предавались и вдовые священнослужители. Простой народъ, особенно на окраинахъ государства, чуждался церковнаго освященія браковъ; сцены открытаго, наглаго разврата составляли обыкновенное явленіе на народныхъ праздникахъ Ивана Купалы, Троицкой субботы, навечерій Рождества и Богоявленія: здѣсь происходило „отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе". Даже противоестественный порокъ—содомство—былъ сильно распространенъ въ высшемъ обществѣ, въ народѣ и въ средѣ монаховъ, такъ что постоянно встрѣчаешься съ обличеніями и правилами, направленными на этотъ недостатокъ [44]).

Развитію нравственной распущенности не мало способствовали *лѣность* и апатія къ общественнымъ интересамъ, обуявшая высшее общество, а также *кутежи*, въ которыхъ

или топилась тоска дворянина, необходимая при бездѣльи, или разгуливалась широкая русская натура простолюдина, освобождаясь отъ тяжелаго и скучно-однообразнаго труда. Высшій классъ общества презиралъ всякій серьезный трудъ и достоинствомъ значительнаго человѣка поставлялъ недѣятельность, изнѣженность и неподвижность. Богатые и знатные „всуе дни своя иждивали“, по выраженію митр. Даніила. У нихъ „всегда наслажденія и упитанія, всегда пиры и позорища, всегда бани и лежанія, всегда празднество и безумныя (безцѣльныя) тасканія“ (по двору и знакомымъ) [45]; женщины иногда по цѣлымъ днямъ лежали на постели или сидѣли у оконца и посматривали изъ терема на проходящихъ. Пиры въ высшихъ кружкахъ составляли какъ бы часть домашняго обихода: тамъ развита была своего рода страсть къ „тучнымъ обѣдамъ“, гдѣ поѣдалось „многое и сладостное“ и „выше мѣры“ выпивалось. Пьянство было порокомъ всѣхъ классовъ общества. Иванъ Васильевичъ жаловался на Стоглавомъ соборѣ, что священнослужители и причетники напиваются до пьяна и въ такомъ видѣ являются повсюду—въ приходѣ и даже въ церкви, бранятся, говорятъ неподобныя рѣчи и дерутся [46]. Пьянство держалось по монастырямъ и въ простомъ народѣ. Иностранцы, посѣщавшіе Россію, дивились, какъ много выпивалось русскими; по ихъ словамъ „на Руси всѣ безъ различія, мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки заражены порокомъ пьянства самаго неумѣреннаго“; „несчастные работники и ремесленники часто истрачиваютъ въ кабакахъ все то, что они должны были бы принести своимъ женамъ и дѣтямъ, и остаются совершенно голыми“ [47]. Многіе допивались до безчувствія и валились замертво. Больше всего выпивали по случаю праздниковъ и семейныхъ событій. Пьянство не только не считалось за грѣхъ, но признавалось самымъ лучшимъ и достойнымъ провожденіемъ праздника. Понадобилась цѣлая литература противъ пьянства, чтобы уничтожить или ослабить его, но оказалась безсильною для этого [48].

Въ XIII—XVI в., когда сильно развивается эгоизмъ и корыстолюбіе, параллельно растетъ въ обществѣ *хитрость и ложь.* Къ коварству и клеветамъ прибѣгаютъ князья въ борьбѣ съ своими соперниками. Къ пересудамъ и клеветамъ

обращаются бояре, стараясь подорвать довѣріе государя и высшаго круга къ кому-нибудь. Обманъ и отреченіе отъ своихъ словъ пускаютъ въ ходъ наши послы и сановники, когда переговариваютъ съ иностранцами. Ложь и неправый судъ со взятками практикуются судьями и областными чиновниками гражданскаго и церковнаго вѣдомства. Торговый людъ постоянно прибѣгаетъ къ обману и клятвамъ: „онъ клянется часто съ цѣлью обмануть“, какъ выражается одинъ иностранецъ. „Русскіе имѣютъ обыкновеніе клясться вездѣ—въ собраніяхъ, на рынкахъ, при продажѣ и покупкѣ..., во свидѣтельство клятвы цѣлуютъ даже крестъ и иконы, но не всегда слѣдуетъ вѣрить этимъ клятвамъ“ [49]). Русскіе знали это и потому не вѣрили другъ другу [50]). Характерно выразился Иванъ Грозный о развитіи лжи въ его время: „русскіе мои всѣ воры“ [51]). Хитрость и ложь пускали въ ходъ даже жены, чтобы скрыть отъ мужа свое неблагоприличное поведеніе.

Такимъ образомъ въ русскомъ обществѣ уживались рядомъ крайне развитая внѣшняя набожность и нравственная распущенность; религіозно-нравственное состояніе его было какъ бы фарисейское, *раздвоенное*: внутри была всевозможная порча, а совнѣ,—удивлявшее иностранцевъ, благочестіе. Типичнымъ выразителемъ этого можетъ служить Иванъ Грозный. Устроявшій почти монашескую общину въ Александровской слободѣ, самъ проводившій большую часть дня при богослуженіи, самъ звонившій и читавшій въ церкви и на трапезѣ, полагавшій земные поклоны настолько усердно, что на лбу появлялись шишки,—онъ „въ душѣ своей, казалось, не имѣлъ ничего не только христіанскаго, даже человѣческаго, ни искры христіанской любви, чистоты и справедливости. Какъ лютый звѣрь жаждалъ онъ крови человѣческой, услаждался пытками и страданіями своихъ несчастныхъ жертвъ, измучилъ и истерзалъ тысячи невинныхъ: вмѣстѣ съ тѣмъ предавался самому грубому невоздержанію, самому безобразному распутству, семь разъ былъ женатъ; пожираемый ненасытнымъ сребролюбіемъ, онъ грабилъ всѣхъ и все, церкви и монастыри“ [52]). Записавши въ синодикъ имена этихъ истерзанныхъ жертвъ и распорядившись о поминовеніи ихъ въ церкви, онъ успокоивалъ свою совѣсть. Лучшіе современники сами оамѣчали такую раздвоенность въ религіозно-нравственномъ

складѣ русскаго общества и подъ часъ очень мѣтко ее характеризовали. Напр. Максимъ Грекъ, вооружаясь противъ нея, даетъ такое заглавіе двумъ своимъ словамъ: „Сказаніе во грѣсѣхъ живущимъ неотступно, а каноны всякими и молитвами молящимся по вся дни, чающимъ спасеніе получити“, „словеса, аки отъ Пр. Богородицы, къ лихоимцемъ и скверпымъ, и всякія злобы исполненнымъ, а каноны всякими и различными пѣсньми угождати чающимъ“ [53]).

Большинство не замѣчало этого разлада и довольствовалось только однимъ наружнымъ благочестіемъ; такимъ образомъ появляются иногда извращенныя понятія о томъ, что грѣхъ и не грѣхъ, странныя оправданія безнравственныхъ дѣйствій и наконецъ неправильное воззрѣніе на покаянную дисциплину. Русскіе считали страшнымъ грѣхомъ вкусить кусокъ мяса постомъ, но признавали нужнымъ напиться до безобразія въ праздничный день среди поста [54]). Развратъ русской женщины съ иностранцемъ — иновѣрцемъ оправдывался тѣмъ, что родится отъ него православное, „крещеное“ дитя“: развратникомъ признавался лишь тотъ, кто отъ множества проступковъ противъ цѣломудрія „не вѣсть числа ихъ“. Иные, готовясь къ нарушенію цѣломудрія, успокоивали свою совѣсть тѣмъ, что снимали съ себя крестъ и завѣшивали св. иконы [55]). Объ искреннемъ, чистосердечномъ раскаяніи во грѣхахъ не заботились. Многіе откладывали его до смертнаго часа; иные считали исповѣдь обязанностію только благородныхъ и знатныхъ людей; иные не каялись во грѣхахъ, надѣясь, что предъ смертію надѣнутъ на себя схиму и тѣмъ избавятъ себя отъ отвѣтственности за грѣхи; иные же успокоивали свою совѣсть заказомъ сорокоустовъ за себя при своей жизни; наконецъ очень многіе признавали за исповѣдью дѣйственное значеніе только тогда, когда она сопровождается епитиміей, а на послѣднюю смотрѣли, какъ на должное наказаніе, а не средство исправленія [56]). Если когда народъ искренно каялся во грѣхахъ своихъ, то только по вызову общественныхъ бѣдствій, какъ напр. моръ и. п. Но и тогда покаяніе проявлялось не столько какъ внутреннее сильное движеніе, сопровождающееся пересозданіемъ образа жизни, но какъ временная и скоропреходящая вспышка, которая и находила себѣ выраженіе по преимуществу во

внѣшнихъ условныхъ формахъ — въ раздачѣ имущества на церкви и принятіи иноческаго постриженія: въ 1417 г. цѣлое лѣто и зиму въ Новгородѣ, какъ и сосѣднихъ городахъ, свирѣпствовалъ страшный моръ, народъ со слезами обращался къ Богу, каялся, раздавалъ имѣніе и постригался; но прошла бѣда и въ апрѣлѣ 1418 г. произошло страшное кровопролитіе и разбой по случаю столкновенія Даніила Божина съ людиномъ Степаномъ. Чтобы покаяніе было жизненнымъ и постояннымъ чувствомъ русскаго народа, для этого нужно было чтобы постоянно раздавались надъ нимъ страшные громы и чтобы онъ невольно крестился и всматривался въ себя. Безъ этого условія почти не приносила пользы проповѣдь о покаяніи и казняхъ Божіихъ.

Конечно среди русскаго общества, замыкавшаго свою религіозно-нравственную жизнь въ узкія рамки внѣшняго благочестія и чрезъ его призму смотрѣвшаго на сущность христіанской нравственности, встрѣчалось не мало и такихъ *лицъ, которыя правильно понимали* ея требованія и старались о томъ, чтобы исправить современниковъ и направить свою жизнь по истинному пути. Ихъ можно встрѣтить и въ міру—между князьями, и на высшихъ іерархическихъ каѳедрахъ—между митрополитами и епископами, и въ средѣ бѣлаго духовенства, и особенно въ монастыряхъ —между игуменами и иноками. Или въ своей жизни, или въ сочиненіяхъ высказывали они сравнительно широкое пониманіе христіанства. Изъ сочиненій можно сослаться на поученія еп. Серапіона, митроп. Петра, произведенія Максима Грека, старца Артемія, митроп. Даніила, посланіе Сильвестра къ сыну Анѳиму и особенно на сочиненія преп. Нила Сорскаго; кромѣ того осталось много безъименныхъ словъ, поученій и посланій, направленныхъ на формально обрядовой и аскетически-мертвый складъ религіозно-нравственной жизни общества. На это же направлялись нападки жидовствующихъ и Башкина, хотя они до крайности довели свой протестъ противъ обрядности и исказили христіанство [57]).

§ 37. Сильное развитіе въ обществѣ аскетическихъ идей и формально-обрядоваго направленія должно было выгодно отозваться на состояніи *монастырей*. Количество ихъ, значительно поубавленное татарскими набѣгами, быстро возра-

стало. Къ концу періода ихъ возникло болѣе 400 въ одной сѣверной митрополіи. Особенно много ихъ было въ Новгородской области. Въ южной митрополіи условія для этого были мало благопріятны: она чаще подвергалась набѣгамъ татаръ; въ ней скоро стали распоряжаться католическія правительства—литовское и польское, или отнимавшія, или раззорявшія православные монастыри, или же запрещавшія строить ихъ вновь и ремонтировать; матеріальное ея положеніе было сравнительно плохо; наконецъ въ ней общественный интересъ, благодаря борьбѣ съ католической пропагандой, былъ направленъ больше на вѣру, чѣмъ на практическую жизнь. Поэтому здѣсь, разрушенные татарами, монастыри или совсѣмъ не возникали, или долго лежали въ развалинахъ; поэтому при Стефанѣ Баторіѣ и Сигизмундѣ III — рьяныхъ католикахъ количество монастырей, увеличившееся было при Сигизмундахъ I и II, терпимо относившихся къ православной вѣрѣ, снова уменьшилось. Только въ Галиціи, въ то старинное время, когда тамъ княжилъ родъ Даніила Романовича, находила себѣ хорошую почву монастырская жизнь и возникали „многи монастыри"; но съ теченіемъ времени и здѣсь имъ стало хуже, чѣмъ въ Литвѣ и другихъ юго-западныхъ областяхъ. Строителями монастырей были князья, княгини, митрополиты и епископы, богатые міряне и большею частію сами монахи. Цѣли и побужденія ихъ при основаніи монастырей были различны. Одни — особенно князья—воздвигали ихъ, какъ монументы на память о своемъ родѣ; другіе,—какъ центры для миссіонерской дѣятельности между окрестными инородцами *); третьи, какъ пріютъ для тѣхъ, кто хочетъ подъ старость принять монашество, или какъ мѣсто, гдѣ можно предъ смертію принять постриженіе **); иные—въ воспоминаніе объ особенныхъ событіяхъ, какъ напр. побѣда, явленіе чудотворныхъ иконъ и т. п. ***);

*) Таковы напр. монастыри, основанные Трифономъ и Ѳеодоритомъ— просвѣтителями Лопарей; монастыри, основанные Стефаномъ Пермскимъ; астраханскій Троицкій, построенный миссіонеромъ Кирилломъ; казанскіе, построенные по волѣ Ивана IV или по мысли Гурія, Варсанофія и Германа.

**) Въ Тотьмѣ Спасо-Суморинъ, въ Вяткѣ—Трифоновъ Успенскій.

***) Новодѣвичій монастырь въ Москвѣ, основанный Василіемъ Ивановичемъ по взятіи Смоленска; Благовѣщенскій въ Муромѣ, по взятіи Казани Иваномъ Васильевичемъ; Тихвинскій Успенскій — въ память явленія иконы Тихвинской

иные—по обѣту—въ изъявленіе благодарности Богу за полученную милость *), иные для того, чтобы въ своемъ монастырѣ ввести по своему желанію то или другое устройство, большинство же—по чувству благочестія, чтобы себѣ найти и другимъ дать пріютъ для монашескихъ подвиговъ. Очень часто бывало такъ, что какой нибудь любитель отшельнической жизни, вышедшій изъ монастыря или совсѣмъ не бывшій тамъ, уединялся въ глухой лѣсъ, ставилъ себѣ шалашъ или келейку, иногда даже часовенку и подвизался; случайно узнавали объ немъ другіе, собирались къ нему, сообща строили небольшую церковь и кельи, добрые люди помогали имъ своими пожертвованіями и такимъ образомъ монастырь упрочивалъ свое существованіе. Нерѣдко одно и тоже лицо основывало по нѣскольку монастырей. Напр. Галицкій князь Владиміръ Васильевичъ († 1288) создалъ „многи монастыри", митроп. Алексій и архіеп. Новгородскій Моисей—по 5 монастырей, Авраамій Галицкій (XIV)—4, Діонисій Глушицкій (XV в.)—6.—По церковному правилу монастыри должны были строиться по благословенію епархіальнаго владыки. Большею частію они возникали вдали отъ городовъ, по глухимъ мѣстамъ, гдѣ удобнѣе было спасаться отъ міра любителямъ отшельническаго житія. Впрочемъ и въ окрестностяхъ города и внутри его монастыри продолжали строиться, какъ и въ предыдущій періодъ; такъ напр. въ 1386 г. около Новгорода стояло не меньше 24 монастырей, а въ самомъ городѣ въ 1419 г.—не меньше 19 [58]). Количество иноковъ въ монастыряхъ конечно было различно. Въ сѣверномъ краѣ было много такихъ монастырьковъ, гдѣ жило по 6, 5, по 3 и даже по 2 инока; но были и такіе, гдѣ иноки считались сотнями; по свидѣтельству иностранцевъ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ въ началѣ XVI в. было 300, а къ концу 700 иноковъ, кромѣ монастырскихъ слугъ [59]). Болѣе замѣчательны слѣдующіе монастыри: Троице-Сергіевъ, Іосифовъ-Волоколамскій, Кирилло-Бѣлозерскій, Ферапонтовъ

Божіей Матери; Святогорскій Псковскій — явленія иконы Божіей Матери на горѣ Синичьей и др.

*) Өеодоровскій въ Переяславлѣ Залѣсскомъ по случаю рожденія у Іоанна IV сына Өеодора, Устьшехонскій Троицкій—по случаю исцѣленія у Бѣлозерскаго князя Глѣба Васильевича сына Михаила отъ слѣпоты и др.

(въ Бѣлозерьѣ), Спасо-Евфиміевъ (Суздальскій), Андрониковъ, Симоновъ (въ Москвѣ), Спасо-Прилуцкій (въ Вологдѣ), Глушицкій, Свѣтогорскій-Псковскій, Корниліевъ-Комельскій, Боровскій-Пафнутіевъ и Кіевопечерскій — мужскіе, Алексѣевскій (въ Москвѣ) и Зачатіевскій (въ Нижнемъ Новгородѣ)— женскіе.

Монастыри обыкновенно состояли подъ властію мѣстнаго епископа. Но были и такіе, которые зависѣли отъ патріарха, митрополита и князя. Ставропигіальнымъ патріаршимъ монастыремъ, напр., былъ Симоновъ подъ-Москвой; „извѣчныхъ“ мотрополичьихъ къ концу настоящаго періода, вмѣстѣ съ тремя домовыми въ Москвѣ, числилось 11 монастырей въ разныхъ епархіяхъ. Между „княжими“ монастырями извѣстны Ольговъ и Аграфенинскій-Покровскій въ Рязани, Предтечевскій въ Полоцкѣ, Онуфріевскій-Мстиславскій, Троицкій на Березникахъ въ Дмитровѣ, Покровскій высокій въ Боровскѣ, Покровскій въ Садѣхъ и Покровскій Лыщиковъ въ Москвѣ и др. Патріархъ, митрополитъ и князь въ своихъ монастыряхъ были не только покровителями, но и распорядителями: они заботились о содержаніи и защитѣ ихъ, они избирали и смѣняли монастырскія власти, они судили ихъ, они вводили тамъ и внутренній порядокъ. Въ княжихъ монастыряхъ епархіальные епископы могли только судить настоятелей по духовнымъ дѣламъ, да и то вмѣстѣ съ князьями. Рядомъ съ возвышеніемъ великаго московскаго князя въ ущербъ удѣльнымъ князьямъ бывали случаи отобранія у этихъ послѣднихъ ихъ монастырей великимъ княземъ подъ свое покровительство; такъ, напр. Василій Васильевичъ по жалобѣ старцевъ отобралъ у боровскаго князя Василія Ярославича Троице-Сергіевъ монастырь, у ярославскаго Александра Θеодоровича—каменный монастырь и у князей Засѣкиныхъ—монастырь Пречистыя Толгскій; Василій Ивановичъ, по жалобѣ Іосифа Волоколамскаго на Волоколамскаго князя Θеодора Борисовича, разграбившаго Іосифовъ монастырь, взялъ его въ свое непосредственное вѣдѣніе. Въ южной Россіи, въ силу права подаянья, монастыри часто отдавались королемъ и другими въ частное пользованіе разнымъ лицамъ, которыя и считались полноправными распорядителями ихъ. Кромѣ того въ Сѣверной Россіи

князьями часто выдавались несудимыя грамоты тѣмъ или другимъ монастырямъ, освобождавшія ихъ отъ законной власти епархіальнаго архіерея. Было не мало и такихъ монастырей, которые стояли въ зависимости отъ какого-либо монастыря; это именно монастыри приписные. Особенно много въ XVI в. ихъ было у Троице-Сергіевой Лавры и Кирилло-Бѣлозерской обители; иногда къ мужскимъ монастырямъ приписывались и женскіе (напр. Хотьковъ у Троицкой Лавры). Отъ главныхъ монастырей они получали настоятелей и нерѣдко самыя средства къ жизни, туда же они давали во всемъ отчетъ. Рядомъ съ мужскими и женскими монастырями, были смѣшанные, мужско-женскіе монастыри, гдѣ вмѣстѣ жили чернецы и черницы; противъ этого возставали митроп. Фотій [60]), соборъ Московскій 1503 г. [61]) и Стоглавый [62]).

§ 38. По своему *внутреннему устройству* монастыри раздѣлялись на общежительные и необщежительные (особные или скитскіе). Послѣдними были большею частію маленькіе монастырьки, разсѣянные по глухимъ мѣстамъ сѣверной Россіи, гдѣ не такъ сильно, какъ въ городахъ, чувствовалось вліяніе обычныхъ формъ общественной жизни; въ городскихъ же и негородскихъ—большихъ монастыряхъ прививалось большею частію общежитіе. О введеніи его заботилась или церковная власть или сами иноки-строители. Извѣстно, напр., что митроп. Алексій и Константинопольскій патріархъ Филоѳей давали совѣтъ Сергію Радонежскому ввести общежитіе въ Троице-Сергіевой Лаврѣ; самъ Алексій вводилъ его въ устроенныхъ имъ монастыряхъ Москвы. Особенно ревностно заботился объ этомъ митроп. Макарій. Когда онъ былъ еще архіеп. Новгородскимъ, съ согласія Василія Ивановича онъ созвалъ къ себѣ (1528 г.) настоятелей особныхъ монастырей и убѣждалъ ихъ заводить общежитіе; убѣжденіе не пропало даромъ, такъ что въ Новгородѣ и его окрестностяхъ не менѣе 16 монастырей приняли тогда общежитіе. Введенное въ одной обители оно нерѣдко передовалось другимъ, если послѣднія основывались выходцами изъ первой. Но вообще общежитіе прививалось съ трудомъ въ новгородскихъ монастыряхъ; не только маленькихъ необщежительныхъ монастырьковъ много оставалось къ

половинѣ XVI в., даже въ большихъ монастыряхъ, гдѣ прежде вводилось и существовало общежитіе, оно на время замѣнялось „лаврскимъ обычаемъ“; такъ, напр., было при нѣсколькихъ игуменахъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. Въ виду этого Стоглавый соборъ предписывалъ мелкія, существовавшія до того времени пустыни, сносить въ одну, гдѣ иноки могли бы жить вмѣстѣ и по чину; но не вездѣ прилагалось на практикѣ это предписаніе [63]).

Внутренняя жизнь монастырей опредѣлялась соборными правилами, наставленіями и правилами древнихъ св. отцовъ Василія В., Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника, Θеодора Студита и др., житіями святыхъ угодниковъ, преданіемъ строителей, наставленіями игуменовъ, различными поученіями и посланіями, уставными граматами епископовъ или митрополитовъ и наконецъ уставами. Изъ русскихъ соборныхъ постановленій касательно монашеской жизни заслуживаютъ вниманія постановленія соборовъ 1503 и 1551 г.; поученія и посланія оставили послѣ себя митроп. Фотій, Іосифъ Волоколамскій, Максимъ Грекъ, Нилъ Сорскій, митроп. Даніилъ, Кириллъ Бѣлозерскій и неизвѣстные авторы *); изъ уставныхъ граматъ извѣстны: грамата псковскому Снѣтогорскому монастырю епископа Суздальскаго Діонисія [65]), грамата Святодухову монастырю митроп. Макарія [66]) и общая формула святительскихъ уставныхъ граматъ XVI в. [67]) Подробные письменные уставы для монастырей, на основаніи существовавшихъ отдѣльныхъ правилъ и граматъ, стали появляться, какъ кажется, только съ XV в. Самый древній изъ сохранившихся до настоящаго времени относится къ половинѣ XV в. и написанъ пр. Евфросиномъ Псковскимъ для основанной имъ обители [68]); кратко онъ повторенъ самимъ Евфросиномъ въ „Духовномъ завѣщаніи“ братіи [69]); изъ другихъ уставовъ въ Сѣверной Россіи извѣстны: „Духовныя грамоты“ пр. Іосифа Волоколамскаго [70]), кратко изложенная имъ въ „Наказѣ одному изъ братіи“ и въ „наказной грамотѣ соборнымъ и прочимъ братіямъ“ [71]) и дополненная впослѣдствіи „обиходникомъ“ Евфимія Туркова **); уставъ пр. Кор-

*) Заслуживаетъ вниманія „Завѣтъ юнымъ мнихамъ XIV в. неизвѣстнаго автора [64]).

**) Бывшаго въ 1573—1586 г. игуменомъ Іосифова монастыря [72]).

нелія Комельскаго († 1537 г.) [73]), „завѣщаніе“ пр. Герасима Болдинскаго († 1554 г.) [74]): „преданіе о жительствѣ скитскомъ“ и уставъ пр. Нила Сорскаго, „преданіе по уставу пребывающимъ инокомъ скитскаго житія“ неизвѣстнаго автора, вѣроятно инока Ниловскаго скита [75]) Два послѣдніе устава имѣютъ въ виду отшельническое или скитское монашество, остальные—общежительное. Въ южной Россіи извѣстны: уставъ, данный (1510 г) Супрасльскому монастырю ктиторами его митроп. Іосифомъ II Солтаномъ и Ходкевичемъ [76]) и дополненный впослѣдствіи (1568) въ „Завѣтѣ“ двумя братьями Ходкевичами съ архимандритомъ Тихономъ и братіею этого монастыря [77]), и уставъ, написанный (1549 г.) по поученію Сигизмунда I кіевскимъ воеводою Фридрихомъ пронскимъ и дворяниномъ Павломъ Оранскимъ для Кіевопечерской Лавры [78]); оба эти устава общежительные. Изъ всѣхъ уставовъ только одинъ Ниловъ трактуетъ объ „умномъ дѣланіи“, т. е. внутреннемъ подвижничествѣ и нравственномъ самосовершенствованіи инока; всѣ же прочіе имѣютъ въ виду внѣшнюю жизнь монаховъ. Подробными предписаніями они опредѣляютъ монастырское управленіе, пользованіе монастырскими доходами, отношеніе иноковъ къ мірянамъ, ихъ поведеніе въ церкви, на трапезѣ и въ кельѣ, указываютъ одежду, роды и количество пищи для тѣхъ или другихъ дней, порядокъ богослуженія и иногда даже такія мелочи, какъ напр. позу инока во время сна. Большею частію предписанія различныхъ уставовъ согласны между собою.

Въ главѣ монастырей стояли настоятели и настоятельницы; они носили названіе архимандритовъ, игуменовъ и игуменій, и разнились по степени своего достоинства. Иногда женскими монастырями управляли игумены и службу совершали тамъ іеромонахи. Соборы 1503 [79]) и 1551 г. [80]) запрещали это и предписывали служить въ женскихъ монастыряхъ попамъ—бѣльцамъ, не вдовымъ; а митроп. Макарій переводилъ игуменовъ изъ женскихъ въ мужскіе монастыри, и въ первые назначалъ игуменій [81]). Игумены избирались или самой братіей, или назначались епархіальнымъ архіереемъ, или же поставлялись княземъ и другимъ патрономъ монастыря. Игумену помогали: казначей, келарь, и соборъ старцевъ. Соборные старцы избирались братіей и утверждались игуме-

номъ; количество ихъ различно, большею частію 12, если монастырь большой. Вмѣстѣ съ этими помощниками игуменъ завѣдывалъ монастырскимъ хозяйствомъ, смотрѣлъ за поведеніемъ иноковъ въ церкви, кельяхъ, трапезѣ: судилъ ихъ, давалъ имъ совѣты и предписанія; только маловажныя дѣла онъ рѣшалъ единолично; въ его отсутствіе управленіе переходило къ собору старцевъ. Игуменъ подчинялся или епархіальному епископу или митрополиту и князю, если монастырь состоялъ подъ ихъ покровительствомъ. Послушаніе игумену предписывалось инокамъ, какъ ихъ прямая обязанность; по нѣкоторымъ уставамъ инокъ долженъ былъ спрашивать у настоятеля благословеніе и на работу, и на выходъ изъ монастыря, даже на пріемъ къ себѣ родственниковъ — мірянъ и на переписку съ ними. Въ виду охраненія иноковъ отъ соблазновъ, запрещался доступъ въ мужскіе монастыри женщинамъ и голоусымъ ребятамъ. Въ *общежительныхъ* монастыряхъ все было общее: общая одежда, получаемая изъ монастырскаго склада, общая библіотека, общая трапеза, общія богослужебныя собранія и общій трудъ. Инокамъ запрещалось держать по кельямъ пищу и питье, даже воду обязывались они пить въ трапезной; исключенія изъ этого правила не дѣлалось и для монастырскихъ властей. Выручка инока отъ той или другой частной работы составляла общую собственность и шла въ монастырскую кассу. Туда же шли и доходы монастыря; только по нѣкоторымъ уставамъ и грамотамъ они дѣлились въ опредѣленныхъ доляхъ между иноками и монастырскими властями. Къ богослуженію инокъ обязанъ былъ являться въ церковь, какъ только услышитъ „клепаніе“, становиться на свое мѣсто, стоять чинно и невыходить изъ церкви до конца службы; особо приставленные старцы должны были наблюдать за всѣмъ этимъ. На общей трапезѣ читались житія святыхъ или отрывки изъ святоотеческихъ твореній.. Инокъ обязывался вкушать пищу молча, не передавать другимъ то, что приготовлено ему, равно какъ не брать отъ другихъ; нѣкоторые уставы даже запрещали инокамъ смотрѣть, какъ ѣдятъ другіе. Въ кельѣ предписывалось заниматься чтеніемъ положенныхъ молитвъ, чтеніемъ и списываніемъ душеполезныхъ книгъ, рукодѣльемъ, но отнюдь не общими бесѣдами. Соборные старцы или

самъ игуменъ обходили кельи, чтобы надзирать за поведеніемъ иноковъ. Виновные въ нарушеніи уставныхъ правилъ подвергались увѣщаніямъ и разнымъ епитиміямъ—поклонамъ, сухоядѣнію, отлученію отъ причастія, иногда заключались въ монастырской тюрьмѣ или же выгонялись изъ монастыря. Въ *отшельническихъ* и *скитскихъ* монастыряхъ предоставлялось больше самостоятельности иноку и больше времени на келейное подвижничество. Въ первыхъ каждый инокъ жилъ въ особой кельѣ; во вторыхъ келья предназначалась на двоихъ или троихъ. Такія кельи стояли на различныхъ, иногда дальнихъ другъ отъ друга, разстояніяхъ и имѣли общій монастырскій храмъ, иногда и частныя церкви. Примѣръ такого скита представляетъ собою монастырь Нила на рѣкѣ Сорѣ. „Преданіе по уставу пребывающимъ инокомъ скитскаго житія“ представляетъ жизнь скитниковъ такъ. Живя по двое или по трое, они вмѣстѣ совершаютъ тѣ или другія работы, вмѣстѣ вычитываютъ положенныя молитвы и поютъ по псалтирю (если умѣютъ); ихъ келья представляетъ нѣчто въ родѣ маленькаго общежитія. Для отправленія соборныхъ службъ, какъ часы, обѣдница, вечерня, повечеріе и полунощница, они обязаны были собираться каждый день въ общій монастырскій храмъ, если жили въ близи отъ него, или же—если далеко—въ какую нибудь частную церковь и чью нибудь келью, два раза въ недѣлю тамъ совершалось всенощное бдѣніе. Послѣ службы велись общія душеполезныя бесѣды. Настоятель былъ общимъ наставникомъ и главою скитниковъ того или другаго монастыря.

§ 39. *Средства на содержаніе монастырей* извлекались изъ различныхъ источниковъ. 1) Отъ поступающихъ въ монастыри требовались вклады, иногда въ размѣрѣ 300—400 р. и больше; они остались въ силѣ и послѣ Стоглаваго собора, который ихъ запретилъ [82]). 2) Изъ монастырей отправлялись иноки за сборомъ пожертвованій; 3) богомольцы, стекавшіеся въ монастыри, доставляли имъ извѣстный доходъ; богатые иногда жаловали въ подобныхъ случаяхъ по нѣскольку сотъ рублей. 4) Кромѣ этого не мало шло пожертвованій въ монастыри отъ частныхъ благотворителей—деньгами, хлѣбомъ, медомъ, воскомъ, сыромъ, масломъ, рыбой, иконами, сосудами, священными одеждами и т. п. Нѣ-

которые благотворители, особенно князья, присылали вещественныя пожертвованія иногда каждогодно въ тѣ или другіе монастыри. 5) Не малое количество ихъ пользовалось и опредѣленной ругой отъ правительства; напр. въ однихъ Новгородскихъ пятинахъ въ 1577 г. ихъ насчитывалось болѣе 30. Она выдавалась въ различныхъ размѣрахъ (отъ 1 до 25 р.), и на различные предметы—то на расходы только по церкви, то на содержаніе лишь игумена и братіи, то вмѣстѣ на церковь и братію; кромѣ денежной была и вещественная руга. 6) Значительныхъ размѣровъ достигали нерѣдко вклады въ монастыри на поминъ живыхъ и умершихъ. Они вносились людьми всѣхъ знаній и состояній, но самыми большими были, конечно, великокняжескіе. Напр. Иванъ Васильевичъ IV внесъ въ Троице Сергіевъ монастырь всѣхъ вкладовъ до 25157 р. и въ Кирилло-Бѣлозерскій до 18493 р. 7) Нѣкоторые монастыри получали отъ князей право собирать въ свою пользу опредѣленныя пошлины, шедшія обыкновенно въ государственную казну — именно таможенныя, возничныя, помѣрныя (съ людей, торговавшихъ на извѣстныхъ мѣстахъ [83]) и пятенныя (съ лошадей, продаваемыхъ на опредѣленныхъ рынкахъ и пятнаемыхъ монастырскимъ клеймомъ [84]). Но самымъ главнымъ источникомъ монастырскихъ доходовъ была движимая собственность. Правда, не у всѣхъ монастырей были свои села, земли и крестьяне, но за то они были у очень многихъ и, гдѣ были, служили главной поддержкой монастырской экономіи. Они пріобрѣтались, какъ и вообще церковныя вотчины, по грамотамъ жалованнымъ, даннымъ, и вкладнымъ, и духовнымъ, по записямъ купчимъ, мѣновымъ и закладнымъ. Управленіе и пользованіе ими было такое же, какое и на духовныхъ вотчинахъ: игуменъ былъ главнымъ распорядителемъ монастырскихъ вотчинъ, судьею и администраторомъ въ кругу проживавшихъ тамъ крестьянъ; онъ посылалъ туда прикащиковъ, посельскихъ, тіуновъ, недѣльщиковъ, доводчиковъ. Монастырскія земли и угодья пользовались также, какъ и церковныя, разными льготами: монастырскіе крестьяне освобождались отъ княжеской дани, яма, мыта, тамги, городоваго дѣла, строенія княжаго двора, кормленія княжыхъ коней, княжаго сѣнокоса и другихъ пошлинъ—на срокъ или безсрочно; служилые княжіе

люди не въѣзжали къ монастырскимъ крестьянамъ, сборовъ своихъ съ нихъ не брали и не судили ихъ; нерѣдко монастыри освобождались отъ пошлинъ за провозъ и продажу своихъ товаровъ, равно какъ за провозъ всякаго имущества. Благодаря всѣмъ этимъ льготамъ монастырскія вотчины привлекали къ себѣ крестьянъ съ пастныхъ княжескихъ вотчинъ, густо заселялись и такимъ образомъ дѣлались очень доходными. Пользованіе монастырскими вотчинами было такое же, какъ и архіерейскими вотчинами: т. е. тамъ заводилось полное хозяйство, открывались соляныя варницы, рыбныя ловли и т. п.; часть шла въ продажу, часть на непосредственныя нужды монастыря. Количество вотчинъ при нѣкоторыхъ монастыряхъ было очень значительно; самыми богатыми были Кирилло-Бѣлозерскій и Троице-Сергіевъ; при первомъ около половины XVI в. числилось въ бѣлозерскомъ, вологодскомъ и романовскомъ уѣздахъ 15 селъ большихъ, 8 малыхъ, 3 приселка, 986 деревень и всей земли приблизительно отъ 34350 до 78700 десятинъ; при Троице-Сергіевомъ въ концѣ XVI в. числилось только по вкладамъ на поминъ души 1 волость, 88 большихъ селъ, 1080 малыхъ вмѣстѣ съ деревнями и земли отъ 56520 до 113040 десятинъ; кромѣ того были недвижимыя владѣнія, купленныя на средства монастыря (всего на 16934 р.); такъ что ежегодный доходъ этого монастыря опредѣлялся приблизительно во 100 тысячъ рублей.

Двоякая невыгода проистекала изъ накопленія недвижимыхъ имуществъ при монастыряхъ: 1, вносилось омірщеніе и порча въ среду иноковъ, 2) оскудѣвала государственная казна, у которой уменьшались и земли и населеніе остававшихся за нею земель. Поэтому могъ и долженъ былъ подняться *вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ*; а вмѣстѣ съ тѣмъ и двѣ силы должны были выступить на борьбу съ ними: одна-церковнолитературная, ратовавшая за чистоту монастырской жизни, другая гражданская - за интересы государственной казны. Еще митроп. Кипріанъ въ своемъ посланіи къ игумену Аѳанасію писалъ: „святыми отцами не предано, чтобъ инокомъ держать села и людей. Какъ можно человѣку, разъ отрекшемуся отъ міра и всего мірскаго, обязываться опять дѣлами мірскими... и, вмѣсто того, что-

бы памятовать о Богѣ и Ему Единому служить, памятовать о селахъ и мірскихъ заботахъ?.. Когда чернецъ начнетъ хлопотать о селахъ, тогда нужно ему и къ князьямъ ходить, и къ властямъ, суда искать, защищать обиженныхъ, ссориться, мириться, поднимать большой трудъ и оставлять свое правило. Если чернецъ станетъ селами владѣть, мужчинъ и женщинъ судить, часто ходить къ нимъ и объ нихъ заботиться, то чѣмъ онъ отличится отъ міряннна? а съ женщинами сообщаться и разговаривать съ ними—чернецу хуже всего. Если можно, то пусть село будетъ подъ монастыремъ, но чтобъ чернецъ никогда не бывалъ въ немъ, а поручить его какому нибудь міряннну, который бы хлопоталъ объ немъ, и въ монастырь привозилъ готовое житомъ и др. припасами". Такимъ образомъ рѣчь шла не столько о владѣніи монастырей вотчинами, сколько о способѣ управленія ими. Только въ концѣ XV в. сознательно высказывается нѣкоторыми мысль объ отобраніи вотчинъ у монастырей и епископскихъ кафедръ. Іоаннъ III, овладѣвъ Новгородомъ, отобралъ нѣсколько земель у Новгородскаго владыки и монастырей и отдалъ ихъ въ помѣстья служилымъ людямъ. Митроп. Симонъ, непріязненно смотрѣвшій на богатство и силу Новгородскаго архіепископа, благословилъ это. На соборѣ 1503 г. поднятъ былъ уже вопросъ объ отобраніи имѣній у всѣхъ вообще монастырей. На соборѣ столкнулись двѣ партіи, помѣченныя еще прежде, одна — бѣлозерскихъ старцевъ во главѣ съ Ниломъ Сорскимъ, другая—іосифлянъ во главѣ съ Іосифомъ Волоколамскимъ и и Серапіономъ Троице-Сергіевскимъ. Первые говорили, что монастырямъ владѣть вотчинами неприлично, такъ какъ онѣ отвлекаютъ иноковъ отъ ихъ обѣтовъ, обременяютъ мірскими заботами, ведутъ къ духовному разслабленію и нравственной безпечности; вторые утверждали, что имѣнія необходимы для существованія монастырей, что спасаться можно и въ вотчинныхъ монастыряхъ, какъ показываютъ многіе примѣры, что вотчины предназначаются жертвователями нерѣдко и на благотворительную цѣль монастырей, что наконецъ монастыри должны приготовлять іерарховъ церкви, а если не будутъ владѣть вотчинами и иноки всѣ обязаны будутъ содержать себя трудами, то „честный и благородный человѣкъ" не

будетъ постригаться и некѣмъ будетъ замѣстить іерархическія каѳедры. Мнѣнія іосифлянъ восторжествовали. Митр. Симонъ отъ лица собора послалъ Государю письменный отвѣтъ, гдѣ значилось, что ни однимъ соборомъ не было воспрещено монастырямъ пріобрѣтать вотчины, что онѣ „утверждены за монастырями и епископскими каѳедрами страшными клятвами непоколебимо и нерушимо на вѣки, поэтому монастыри отдавать ихъ не смѣютъ и не благоволятъ“ [85]). Но и послѣ собора продолжали высказывать свои мнѣнія партія Бѣлозерскихъ старцевъ; завязалась полемика. Съ одной стороны ратовалъ князь—старецъ Вассіанъ и Максимъ Грекъ, съ другой—Іосифъ Волоколамскій и митроп. Даніилъ. Впрочемъ и здѣсь партія іосифлянъ взяли верхъ: Максимъ Грекъ и Вассіанъ на соборахъ, бывшихъ противъ нихъ, между прочимъ осуждаемы были и за то, что укоряли монастыри и святителей за обладаніе вотчинами. Самъ Иванъ III и Василій Ивановичъ покорились рѣшенію собора 1503 г.; выдавали подтвердительныя и вновь жалованныя грамоты на вотчины монастырямъ. Но и они внесли нѣкоторое ограниченіе въ кругъ монастырскихъ владѣній: во внутреннихъ областяхъ около Москвы и въ нѣкоторыхъ изъ дальнихъ *) они запретили безъ государева соизволенія отдавать земли въ монастыри на поминъ души [86]), и надъ монастырскими имуществами установили государственный контроль — чрезъ великокняжескихъ чиновниковъ, обязанныхъ принимать и сдавать монастырскія имущества по описямъ. А въ малолѣтство Ивана IV, при Еленѣ, состоялось болѣе важное постановленіе, именно, чтобы монастыри вообще не покупали и не принимали отъ кого либо вотчинъ безъ доклада Государю, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, потерять пріобрѣтенное [87]). Иванъ Грозный сдѣлалъ еще больше. На Стоглавомъ соборѣ онъ указалъ на экономическія и нравственныя безпорядки, происходящіе въ монастыряхъ отъ вотчиннаго владѣнія. Соборъ, какъ и митроп. Макарій, не хотѣлъ поступиться вотчинами, и постановилъ: монастыр-

---

*) Именно жители городовъ Твери, Оболенска, Торжка, Бѣлозера и Рязани, равно какъ потомки прежнихъ князей Суздальскихъ, Ярославскихъ и Стародубскихъ.

скихъ и вообще церковныхъ вотчинъ отнюдь не продавать и не отдавать, развѣ только въ тѣхъ случахъ, когда сами вкладчики въ своихъ завѣщаніяхъ оговорятъ выкупъ этихъ вотчинъ наслѣдниками: монастырямъ, у которыхъ довольно есть и земель для содержанія, не просить у Государя льготныхъ грамотъ и угодій, развѣ только въ крайней нуждѣ; но и соборъ согласился, какъ было постановлено прежде, отдать монастырское хозяйство подъ контроль великокняжескихъ чиновниковъ [88]). Это не удовлетворило царя. Уже по окончаніи соборнаго уложенія онъ съ отцами собора въ особомъ приговорѣ постановилъ еще слѣдующее: отобрать у архіеревъ и монастырей незаконно ими присвоенное — насильно отнято у дѣтей боярскихъ и крестьянъ, неправильно записанное за ними писцами, розданное имъ боярами въ малолѣтство Государя, и отошедши къ нимъ по вкладамъ безъ воли Государя отъ жителей тѣхъ областей, которыя по указу Ивана III и Василія III обязаны были давать земельные вклады не иначе, какъ съ согласія Государя; впередъ архіереямъ и монастырямъ не покупать и не принимать земель отъ кого-либо безъ дозволенія Государя, какъ это было постановлено еще при Еленѣ; наконецъ земель, данныхъ на поминъ души, никому не выкупать, если въ данной или духовной грамотѣ не будетъ на этотъ счетъ оговорки [89]). Царь не остановился и на этомъ. Снова раздавшіеся голоса (Артемія, Θеодосія, Курбскаго) противъ вотчинныхъ монастырскихъ владѣній, какъ приводящихъ обители къ внутренней порчѣ, прибавили ему смѣлости въ дѣлѣ осуществленія плана. Въ 1573 г. послѣдовало новое распоряженіе: отписывать вотчины только къ бѣднымъ монастырямъ, да и то съ согласія Государя и по приговору бояръ, „чтобы въ службѣ убытка не было и земля изъ службы не выходила“ [90]). Наконецъ въ 1581 г. соборно архіереями, настоятелями и другими старцами было постановлено: всѣ земли и угодья, принадлежавшія доселѣ епископскимъ каѳедрамъ и монастырямъ, должны неприкосновенно оставаться за ними и никто не долженъ оспаривать ихъ; но тѣ, которыя состоятъ въ закладѣ, или пріобрѣтены отъ служилыхъ князей, должны быть возвращены въ государственную казну за вознагражденіе, какое пожалуетъ самъ государь; на будущее

время архіереи и монастыри никакими путями не должны пріобрѣтать себѣ новыхъ земель; если же кто завѣщаетъ вотчины въ монастыри, то онѣ должны передаваться наслѣдникамъ, если есть, или государю, если ихъ нѣтъ за вознагражденіе по цѣнѣ завѣщанныхъ вотчинъ; исключеніе можетъ быть сдѣлано по волѣ государя только для бѣдныхъ монастырей [91]. Такимъ образомъ съ одной стороны утверждалось за монастырями и епископскими каѳедрами недвижимая собственность, но съ другой—кругъ владѣній съуживался и на будущее время терялъ возможность расширяться. Впрочемъ самъ Іоаннъ IV нарушилъ это постановленіе, выдавая села и деревни такимъ богатымъ монастырямъ, какъ Кириловъ-Бѣлозерскій [92]. Одновременно съ попыткою уменьшить количество церковныхъ вотчинъ, иногда правительствомъ предпринимались попытки и обезопасить казенныя земли отъ ухода съ нихъ крестьянъ на монастырскія и церковныя. Для этого въ жалованныхъ граматахъ XIV—XV в. монастырямъ дозволялось перезывать къ себѣ крестьянъ только съ земель чужихъ княжествъ, а не съ тяглыхъ земель князя, дававшаго грамоту; отнимались нѣкоторыя частныя изъ льготъ, предоставляемыхъ церковнымъ вотчинамъ, льготы стали даваться на болѣе или менѣе короткій срокъ, хозяйство монастырей въ XVI в. стало отдаваться подъ контроль свѣтской власти; самыя вотчины (кромѣ немногихъ) стали полагаться въ „сохи“ или „обжи“ и отбывать нѣкоторыя повинности, какъ напримѣръ „полоняничныя деньги“ [93]), „городовое строеніе“, „обежныя дани и др.“ [94]. Но всетаки церковныя земли продолжали еще быть льготными. Соборъ 1584 г. (при Ѳедорѣ Ивановичѣ), видя „большое запустѣніе за воинскими людьми въ вотчинахъ или помѣстьяхъ“, уложилъ совсѣмъ отмѣнить льготы церковныхъ владѣльцевъ; впрочемъ эта мѣра объявлена была только на время, „пока земля поустоится“ [95]), и въ томъ же году льготы были возстановлены. Гораздо важнѣе было состоявшееся въ скоромъ послѣ этого времени закрѣпощеніе крестьянъ за тѣми или другими землями: эта мѣра помѣшала крестьянамъ сбѣгаться на монастырскія вотчины и тѣмъ богатить ихъ въ ущербъ казеннымъ и частнымъ землямъ.

§ 40. Благодаря тому, что общество съ уваженіемъ относилось

къ иночеству, что въ монастыри шли часто лучшія силы Россіи, и тамъ скоплялось много матеріальныхъ средствъ, монастыри играли видную *общественную роль*. Въ сравненіи съ прежнимъ временемъ она значительно расширилась. Какъ и прежде, игумены иногда посылаются для умиротворенія княжескихъ несогласій (пр. Сергій), принимаютъ дѣятельное участіе въ церковныхъ движеніяхъ (Іосифъ Волоколамскій): иноки являются въ качествѣ учительныхъ монаховъ и къ нимъ обращаются за разрѣшеніемъ различныхъ вопросовъ (Варсанофій, бывшій игуменомъ Тверскаго Саввина монастыря, Пафнутій Боровскій); они осмѣливаются словесно или письменно давать князьямъ наставленія и обличенія (Кириллъ — Бѣлозерскій — Василію Димитріевичу и брату его Андрею [96]), юродивые — Никола Салосъ — Ивану VI, Іоаннъ большой Колпакъ — Борису Годунову и др.); они занимаются списываніемъ книгъ, начитываются въ своихъ монастырскихъ библіотекахъ, въ монастырскихъ школалъ научаютъ тому, что сами знаютъ и выступаютъ какъ писатели; почти всѣ замѣчательные дѣятели на поприщѣ письменности выходятъ оттуда. При недостаткѣ образовательныхъ средствъ въ Россіи, монастырскія школы и библіотеки выдаются, особенно въ XVI в., какъ важнѣйшія средства, такъ что бросаются въ глаза даже иностранцамъ. Общество воспитывается тѣми произведеніями, которыя выходятъ изъ монастырей и потому настраиваются аскетически. Св. обители, принимая къ себѣ на богомолье и на иноческіе подвиги набожныхъ людей, удовлетворять ихъ чувству и вносить нерѣдко покой въ ихъ сердца. Многіе монастыри служатъ центрами миссіонерской дѣятельности для окрестныхъ дикарей (Челмогорскій близь Каргополя, Валаамскій, Каневскій, Мурманскій, Соловецкій, Троицкій Кольскій и др.); многіе устрояютъ „странопріимницы“ для дѣтей, богадѣльни, больницы и гостинницы, съ нѣкоторыхъ имѣній, завѣщанныхъ въ монастыри, весь доходъ употребляется на раздачу нищимъ и на поминовеніе жертвователей, въ Троицкой Лаврѣ установился обычай въ извѣстные дни пропитывать на свой счетъ всѣхъ приходящихъ богомольцевъ; особенно выдается благотворительность монастырей во время общественныхъ бѣдствій. Напримѣръ Пафнутій Боровскій однажды во время голода истощилъ всѣ мо-

настырскія средства на прокормленіе бѣдныхъ, стекавшихся ежедневно къ нему цѣлыми тысячами; пр. Іосифъ Волоколамскій также во время голода открылъ всѣ монастырскія житницы для поселянъ, сдѣлалъ долги, когда не стало хлѣба и кромѣ того, для постояннаго призрѣнія странниковъ и нищихъ устроилъ особый домъ — „Богорадный монастырь", гдѣ ежедневно кормилось по 600—700 человѣкъ; Кирилло-Бѣлозерскій монастырь также въ теченіи года прокармливалъ по 600 человѣкъ ежедневно; самъ Иванъ IV засвидѣтельствовалъ о немъ, что многія страны пропитывалъ въ гладныя времена" [97]). Согласно постановленію Стоглаваго собора монастыри съ своихъ земель начинаютъ выдавать деньги на выкупъ плѣнныхъ; вносятъ нѣкоторую часть и въ государственную казну. Все это такъ или иначе можно было найти въ прежній періодъ. Но въ XIII в. монастыри получили еще особое значеніе, какого не имѣли прежде: они стали способствовать колонизаціи сѣвернаго края. По глухимъ дебрямъ и болотамъ пробираются любители отшельнической жизни, селятся въ дуплахъ, землянкахъ или келейкахъ; начинается обработка дѣвственной почвы. Являются новые ревнители уединенія, строятъ церковь, разрабатываютъ земли, получаютъ ее въ даръ, стягиваютъ сюда крестьянъ, привлекая ихъ обѣщаніями и льготами; образуется такимъ образомъ община; она все больше и больше растетъ; вводится правильное хозяйство по формѣ современныхъ усовершенствованій, появляются ремесла, иногда заводится и торговля. Такимъ образомъ съ одной стороны населеніе въ Сѣверной Россіи, сплоченное густо около Москвы, уравнивается, разселяясь по глухимъ мѣстамъ; съ другой—въ среду невѣжественныхъ инородцевъ вводятся начала культурной жизни, а вмѣстѣ и большее обрусеніе. Никакой глухой лѣсъ, никакой уединенный островъ, никакой суровый по климату край не казался страннымъ для этихъ піонеровъ въ монашеской мантіи: смѣло идутъ они впередъ, покоряютъ дикую природу и сѣютъ сѣмена на пользу государству.

§ 41, Владѣя богатою собственностію, играя общественную роль и встрѣчая уваженіе къ себѣ въ обществѣ, монастыри тѣмъ самымъ попадали въ кругъ соблазновъ и подвергались опасности уклоняться отъ уставной нормы. Недаромъ нѣкоторые

изъ церковныхъ публицистовъ такъ горячо возставали противъ монастырскихъ вотчинъ и пребыванія на нихъ старцевъ. Дѣйствительно въ монастыряхъ, гдѣ прежде было строгое житіе, стали расшатываться „обычаи и преданія ихъ основателей. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ это замѣчается довольно рано: напр. въ Симоновомъ — послѣ первыхъ двухъ настоятелей (Ѳеодора и Кирилла), въ Кирилло-Бѣлозерскомъ — по смерти самого Кирилла и его учениковъ Иннокентія и Христофора, въ Махрицкомъ — послѣ смерти пр. Стефана и его двухъ преемниковъ; въ XVI вѣкѣ порча монастырской жизни доходитъ до очень видныхъ размѣровъ, такъ что являются очень рѣзкія обличенія. Особенно выдаются обличенія Нила Сорскаго, Максима Грека, старца Вассіана, Іоанна Грознаго и Стоглаваго собора. Изъ частныхъ *недостатковъ въ монастыряхъ* бросаются въ глаза слѣдующіе: 1) *бродяжничество иноковъ.* У насъ никому не возбранялось удаляться въ пустыню и открывать тамъ монастырекъ: такихъ монастырьковъ безъ средствъ къ содержанію было очень много; и вотъ иноки, ходя по міру, собирали подаянія. Въ XVI в. постоянно встрѣчались такіе чернецы и черницы съ иконами на торжищахъ, улицахъ, по городамъ, селамъ и деревнямъ, нерѣдко вызывая смѣхъ и производя соблазнъ своимъ поведеніемъ. Нерѣдко иноки достаточныхъ общежительныхъ монастырей безъ благословенія игумена уходили изъ нихъ: то пировали нѣсколько дней и ночей у своихъ родственниковъ или знакомыхъ, то переходили изъ одного монастыря въ другой, отъискивая, гдѣ менѣе строги правила общежитія; иные скитались, нигдѣ не находя себѣ пристанища, такъ какъ не могли внести требуемаго отъ нихъ монастырскаго вклада; иные наконецъ жили при приходскихъ церквахъ — чернецы служили попами, а черницы — просфирнями. Еще митроп. Кипріанъ вооружался противъ бродяжничества монаховъ и въ своемъ посланіи къ игумену Аѳанасію грозилъ имъ запрещеніемъ и отлученіемъ отъ Св. Причастія. Нилъ Сорскій написалъ особое обличеніе на монаховъ „кружающихъ стяжаній ради“; Иванъ Васильевичъ жаловался на это Стоглавому собору, и тотъ для пресѣченія зла постановилъ: маленькіе бѣдные монастырьки соединить въ одинъ общежительный и впредь пустыни устроять не иначе, какъ съ благосло-

венія епископовъ, послѣднимъ давать свое благословеніе съ должною разборчивостію; впредь инокамъ не отлучаться изъ монастыря, кромѣ нужныхъ монастырскихъ дѣлъ, и то съ согласія игумена: да и самимъ настоятелямъ и старцамъ (соборнымъ), безъ царскаго велѣнія и безъ святительскаго благословенія, по городамъ и селамъ не скитаться, кромѣ великой нужды или праздничнаго въѣзда съ освященною водою; чернецовъ и черницъ, скитающихся по міру, собрать и разослать по общежительнымъ монастырямъ — здоровыхъ на испытаніе и затѣмъ на монастырскія службы, а больныхъ — въ монастырскія больницы; на будущее время, если явятся гдѣ иноки съ иконами, собирающіе милостыню, у нихъ иконы отбирать и ставить въ церквахъ, а самихъ прогонять; наконецъ бѣдныхъ иноковъ, не имѣющихъ возможности сдѣлать требуемый вкладъ, принимать „Бога ради, ничто же отъ нихъ истязующе“. 2) *свободный доступъ въ монастыри міряиамъ* безъ различія пола и возраста. Бывали примѣры, что въ особныхъ монастыряхъ — мужскихъ и женскихъ — жили міряне, попы, дьяконы и причетники съ женами и дѣтьми; въ общежительныхъ къ настоятелю и инокамъ нерѣдко наѣзжали гости съ женами и дѣтьми и оставались гостить на нѣсколько дней въ ихъ кельяхъ. По кельямъ кое-гдѣ „женки и дѣвки небрежно (не скрываясь) приходили“, а молодые ребята даже „невозбранно жили“ и „всюду разъѣзжали съ чернецами безъ зазору“. Стоглавый соборъ въ виду этого долженъ былъ повторить уставныя правила: „голоусыхъ ребятъ“ по кельямъ не держать, женщинъ тамъ не принимать подъ угрозою запрещенія и отлученія виновныхъ иноковъ; въ церкви пускать ихъ къ службамъ не иначе, какъ съ мужемъ, сыномъ или братомъ; настоятелю угощать своихъ гостей не въ кельѣ, а въ трапезѣ или келарской *). Внутри монастырей явилось 3) *деспотическое отношеніе настоятелей къ инокамъ и монастырскимъ крестьянамъ*. Нѣкоторые добиваются настоятельскаго мѣста не путемъ обычнаго выбора въ монастырѣ, а подкупами; сами службъ не служатъ, а только покоятъ себя въ кельѣ; всѣмъ распоряжаются сами безъ соборныхъ старцевъ, монастыри и села монастырскія опусто-

*) За исключеніемъ только Троице Сергіева монастыря, гдѣ гости бываютъ безпрестанно.

шаютъ съ своими дѣтьми и племянниками, которыхъ помѣщаютъ при себѣ; доходы монастырскіе отбираютъ себѣ и растрачиваютъ, между тѣмъ какъ братія терпитъ всякую нужду; отъ постригающихся требуютъ злата и сребра; своимъ крестьянамъ даютъ деньги въ ростъ и хлѣбъ въ присыпъ. Максимъ Грекъ и Грозный обличали такое поведеніе монастырскихъ властей; и Стоглавый соборъ, долженъ былъ повторяя прежнія требованія монастырскаго устава, возбранить на будущее время подобныя злоупотребленія. 4) *Невнимательное отношеніе иноковъ къ богослуженію.* Вотъ примѣры: Въ тверскомъ Саввиномъ монастырѣ (XVI в.) блаженный Савва долженъ былъ становиться въ дверяхъ церкви съ жезломъ въ рукѣ и наблюдать за тѣми, кто или поздно приходилъ, или рано уходилъ, кто разговаривалъ или переходилъ съ мѣста на мѣсто во время богослуженія, виновнымъ давать увѣщанія и обличенія, а противъ нѣкоторыхъ употреблять или свой жезлъ или монастырскій затворъ. Въ псковскомъ Снѣтогорскомъ монастырѣ бывали (XV в.) иноки, которые даже не приступали къ таинству покаянія и причащенія, къ „св. Дорѣ и Хлѣбу Пречистыя“ [98]). Наконецъ 5) *отступленіе отъ общей трапезы.* Еще въ XV в. м. Фотій обличалъ кіевопечерскихъ иноковъ за безчинное пьянство; въ XVI в на это жалуются очень многіе обличители монастырской жизни. Изъ вопросовъ Грознаго и постановленій Стоглаваго собора видно, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ для настоятелей и соборныхъ старцевъ готовилась особая лучшая пища, и они вкушали ее въ своихъ кельяхъ, а не въ трапезѣ; настоятели часто принимали у себя гостей и бражничали съ ними; богатые люди, поступавшіе въ монастыри съ большими вкладами, пользовались льготами сравнительно съ другими постриженниками и заботились больше о покоѣ тѣлесномъ, чѣмъ о подвигахъ,—„бражничали и разъѣзжали по селамъ для прохлады“. Особенно много явилось такихъ лицъ въ царствованіе Грознаго: многіе бѣжали въ обители, чтобы укрыть себя отъ царской опалы и пожитки свои отъ царскихъ рукъ, иные же были насильственно постригаемы при немъ и его предшественникахъ. Къ нимъ стали присоединяться вдовые попы и діаконы. Стоглавый соборъ, предписывая настоятелямъ и старцамъ довольство-

ваться общей трапезой, запрещая пить и курить вино, пиво и медъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ нѣкоторое послабленіе: онъ дозволилъ держать въ монастыряхъ „фряжскія вина“ для иноковъ и „испивать ихъ во славу Божію, а не въ пьянство“, кромѣ того замѣтилъ: такъ какъ въ великихъ честныхъ монастыряхъ постригаются князья, и бояре, и великіе приказные люди, въ немощи или при старости, и даютъ великіе вклады и вотчины, то на нихъ, за немощь и слабость, закона не простирать относительно хожденія въ трапезу и употребленія пищи въ кельяхъ, а покоить ихъ пищею и питіемъ по разсужденію и держать для нихъ квасы сладкіе и черствые и кислые, кто какого потребуетъ, также и яствы, и если случится у нихъ свой покой или присылка отъ родителей, о томъ ихъ не спрашивать“ [99]). Послѣдствія такого послабленія скоро стали обнаруживаться. Привыкшіе къ пирамъ и разгульной жизни въ міру, бояре и князья послѣ постриженія переносили съ собою мірскую жизнь и внутрь монастырскихъ стѣнъ. По кельямъ у нихъ или на особомъ дворѣ за монастыремъ появились склады разныхъ яствъ и питій, сами они жили „безъ начала“, какъ хотѣлось. Разсылали „пастилу, коврижки и иныя прянныя составныя овощи“ по кельямъ настоятелю, старцамъ и инокамъ, приглашали ихъ къ себѣ на пирушки и т. п. Монахи соблазнялись, „сходились къ нимъ, пировали съ ними“ и, глядя на жизнь бояръ, сами стали жить какъ хотѣлось, а не какъ предписывалось уставомъ. Дѣло дошло до того, что иные изъ нихъ, по словамъ Вассіана, стали „строить себѣ каменныя палаты, позлащенные узоры съ травами многоцвѣтными, украшать себѣ царскіе чертоги въ кельяхъ и покоить себя пьянствомъ и брашнами“, а въ Сторожевскомъ монастырѣ „затворить монастыря стало некому и по трапезѣ трава поросла“, какъ выражается Грозный. Современники часто указывали на лицъ, виновныхъ въ порчѣ того или другаго монастыря; напр. самъ царь въ посланіи къ инокамъ Кириллова монастыря говоритъ, что тамъ „слабость и нарушеніе преданія учинились отъ послабленій“ Іонѣ Шереметеву, Хабарову и Сабакину, а въ Троице-Сергіевомъ „постническое житіе ниспровергъ“ Вассіанъ Шереметевъ [100]).

Впрочемъ, при всѣхъ этихъ недостаткахъ монастырской

жизни не мало было за всѣ вѣка XIII—XVI славныхъ подвижниковъ, которые тѣмъ ярче свѣтили своею жизнію, чѣмъ мрачнѣе былъ общій фонъ. Не довольствуясь обычными иноческими подвигами, многіе изъ нихъ предавались уединенію, иные заключались въ столпѣ, иные надѣвали на себя вериги, изможддали плоть суровымъ постомъ, въ качествѣ игуменовъ держали братію въ послушаніи уставу и воспитывали ее въ истинноиноческомъ духѣ, были и такіе, которые юродствуя ходили по міру и осмѣливались рѣзкую правду говорить въ глаза сильнымъ міра сего. Даже въ то время, когда больше всего замѣчается порча монастырей (XVI в.), благочестіе не изсякло во многихъ монастыряхъ, такъ что жизнь иноковъ встрѣчаетъ себѣ удивленіе между иностранцами и горячую защиту между нѣкоторыми изъ русскихъ писателей. Напр. Зиновій Отенскій рѣшительно заявляетъ, что нападки Вассіана и Максима Грека на иноковъ очень превеуличены и вызваны раздраженіемъ, которое мѣшало имъ отличать „чистое отъ нечистаго“ [101]).

§ 42. Между святыми подвижниками первое мѣсто по своему значенію для сѣверно-русскаго иночества въ данный періодъ занимаетъ *пр. Сергій Радонежскій.* Онъ родился около 1320 г. въ Ростовской области отъ боярина Кирилла и въ дѣтствѣ вмѣстѣ съ отцомъ, матерью Маріей и братьями Стефаномъ и Петромъ переселился въ Радонежъ. Очень рано стали замѣчаться въ Варѳоломеѣ (Сергіѣ) аскетическія наклонности. Житіе его говоритъ, что онъ, еще будучи младенцемъ, отказывался брать сосцы матери по средамъ и пяткамъ. Съ большимъ трудомъ изучивши грамату, онъ пристрастился къ чтенію книгъ и подъ вліяніемъ ихъ сталъ неопустительно посѣщать церковныя службы, ночи проводить безъ сна въ молитвѣ и наблюдать строгій постъ, по средамъ и пяткамъ ничего не вкушая, а въ прочіе дни довольствуясь хлѣбомъ и водою. Такъ велъ онъ себя въ дѣтствѣ и въ юности. Примѣръ братьевъ, вступившихъ въ супружество, не соблазнялъ его. Онъ хотѣлъ сдѣлаться инокомъ и просилъ у родителей дозволенія на это. „Потерпи немного, отвѣчали они: мы стары, бѣдны и немощны, братья твои больше заботятся о своихъ женахъ, чѣмъ о насъ. Послужи намъ, проводи насъ во гробъ, а тамъ дѣлай, что

хочешь". Варфоломей смиренно исполнилъ ихъ желаніе дождался, когда они, принявъ иночество, отошли на вѣчный покой, отдалъ имъ послѣдній долгъ, уступилъ оставшееся ему по наслѣдству имѣніе младшему брату Петру и и самъ рѣшился уединиться въ глухомъ мѣстѣ для подвиговъ. Вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ Стефаномъ, овдовѣвшимъ и принявшимъ постриженіе, удалился онъ за 10 верстъ отъ Радонежа, выстроилъ тамъ келью и небольшую церковь во имя св. Троицы *). Однако Стефанъ скоро перешелъ въ Москву въ Богоявленскій монастырь. Варфоломей остался одинъ. Приглашенный имъ, игуменъ Митрофанъ постригъ (1337 г.) его въ монашество съ нареченіемъ новаго имени (Сергія). Голодъ, морозъ, уныніе и смущеніе отъ демоновъ предстояли юному постриженнику. Птицы, летавшія вокругъ кельи, волки, съ воемъ рыскавшіе около нея, и медвѣди, съ ревомъ скитавшіеся по глухому лѣсу, а иногда заходившіе къ кельѣ,—вотъ съ кѣмъ долженъ былъ дѣлить свое одиночество пр. Сергій, пока не приручилъ къ себѣ одного медвѣдя. Съ нимъ онъ сталъ дѣлиться своимъ хлѣбомъ, съ нимъ, какъ товарищемъ, разгонять чувство одиночества. Жутко становилось подъ часъ отшельнику: страхъ и сомнѣнія нападали на него даже во время молитвы и чувствовались такъ сильно, что въ ушахъ его какъ будто раздавался чей-нибудь вопль: „бѣги отсюда, не надѣйся здѣсь жить!" Но молитва, постъ и труды прогоняли страхъ и сомнѣнія. Года приблизительно чрезъ два такой уединенной жизни стали приходить къ подвижнику другіе любители отшельничества и просить пр. Сергія принять ихъ подъ свое руководство. Тотъ отговаривалъ, ссылаясь на трудности пустынной жизни; но они не оставляли своего намѣренія. Такимъ образомъ образовалась община человѣкъ въ 12 и настроены были кельи. Братія ежедневно совершала въ церкви полунощницу, утреню и другія службы; для литургіи приглашался со стороны какой-либо священникъ или іеромонахъ. Въ 1354 г. братія уговорила пр. Сергія принять на себя настоятельство и санъ пресвитера;

*) На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Троицкій соборъ

епископъ Волынскій Аѳанасій, управлявшій тогда Переяславлемъ и митрополіей въ отсутствіи митроп. Алексія, посвятилъ его. Новый настоятель дѣйствуетъ такъ, какъ нѣкогда дѣйствовалъ пр. Ѳеодосій Печерскій: самъ совершаетъ церковныя службы, самъ выполняетъ вмѣстѣ съ иноками тяжелыя работы—строитъ кельи, копаетъ землю, мелетъ жито ручными жерновами, сѣетъ муку, печетъ просфоры, носитъ воду, рубитъ дрова, шьетъ одежду и т. п.; самъ руководитъ братіей въ дѣлѣ подвижничества, самъ присматриваетъ за ихъ жизнію въ кельяхъ, самъ наконецъ своимъ примѣромъ побуждаетъ ихъ къ посту, работамъ и смиренію. Вмѣстѣ съ этимъ не забываетъ онъ и свои личные подвиги: ночи проводитъ безъ сна, въ молитвѣ, питается только хлѣбомъ и водою. Около 3 лѣтъ число братіи не превышало 12. Бѣдна была первоначальная обстановка Сергіевой обители. Не доставало часто ладана и вина для богослуженія, въ церкви горѣла лучина, священныя облаченія были изъ грубой крашенины, св. сосуды—изъ дерева, дня по 2—3 не бывало пищи, книги за недостаткомъ бумаги писались на берестѣ; однако ходить по деревнямъ и селамъ строго запрещалось. Иноки вели отшельническое житіе, такъ что каждый самъ снискивалъ себѣ пропитаніе; исключеніе не дѣлалось и для самого настоятеля. Разъ у пр. Сергія не было хлѣба; три дня провелъ онъ безъ пищи, наконецъ пришелъ къ старцу Даніилу и обратился съ такимъ предложеніемъ: „Я слышалъ, что ты хочешь сдѣлать сѣни у себя предъ кельею; я сдѣлаю тебѣ сѣни, а ты мнѣ дай хлѣба за трудъ“. Тотъ отвѣчалъ, что у него остался только гнилой хлѣбъ, но для преподобнаго былъ хорошъ и этотъ; онъ согласился построить старцу сѣни, получилъ гнилой хлѣбъ и, разведя его водою, утолилъ свой голодъ. Слава о строгихъ подвижникахъ все больше и больше распространялась по окрестностямъ; въ обитель потянулись иноки разныхъ монастырей и міряне, желающіе постричься. Преподобный принималъ ихъ и послѣ испытаній облачалъ въ монашескую одежду, постригалъ въ иночество и иногда удостоивалъ схимы. Въ обитель пришелъ Смоленскій архимандритъ Симонъ и на его средства выстроена была новая просторная церковь. Около обители стали селиться землевладѣльцы, мимо

ноя проложена была большая дорога изъ Москвы на сѣверные города. Обитель стали посѣщать поселяне, купцы, вельможи и князья: въ обитель потекли пожертвованія и вклады; она быстро стала обогащаться. Съ умноженіемъ братіи пр. Сергій, по совѣту патріарха Филоѳея и митроп. Алексія, устроилъ общежитіе. Съ этого времени у иноковъ все становилось общимъ, запрещалась частная собственность; устроилась общая трапеза, ввелась однобразная одежда, появились келарь, екклесіархъ и др. должностныя лица. Жизнь иноковъ обставляется болѣе строгими и стѣснительными правилами. Самъ настоятель продолжаетъ слѣдить за братіею: ходитъ по кельямъ, стучитъ въ двери тѣхъ иноковъ, которые ведутъ бесѣду въ неурочное время, дѣлаетъ имъ увѣщанія, даетъ обличенія и наказанія. Личность его становится болѣе начальственною. Но онъ продолжаетъ быть по прежнему смиреннымъ: носитъ одежду изъ грубаго сукна со множествомъ заплатъ, трудится на огородѣ, такъ что поселяне иногда принимаютъ его за монастырскаго слугу; разъ даже, когда иноки отказывались брать на одежду оставшійся кусокъ гнилаго сукна, преподбный взялъ его для себя, сшилъ рясу и носилъ ее, пока не распалась отъ гнилости. Когда монастырскія средства сдѣлались достаточными, пр. Сергій, подобно Ѳеодосію, позаботился о вспомоществованіи бѣднымъ, съ этою цѣлію установилъ при обители страннопріимство. Строгій общежительный уставъ вызвалъ недовольство въ нѣкоторыхъ изъ братіи, а власть настоятеля, увеличенная этимъ уставомъ,—соревнованіе и зависть. Все это не замедлило проявиться. Разъ въ субботу пр. Сергій стоялъ въ алтарѣ и совершалъ вечерню. Братъ его Стефанъ, который пришелъ опять въ обитель, стоялъ на лѣвомъ клиросѣ. „Кто далъ тебѣ эту книгу“?—спросилъ онъ канонарха. — „Игуменъ“—, отвѣчалъ тотъ. — „Кто здѣсь игуменъ?—съ гнѣвомъ сказалъ Стефанъ; не я ли первый основалъ это мѣсто?“ и прибавилъ кое-что еще. Преп. Сергій слышалъ все это; онъ увидалъ здѣсь открытое выраженіе того недовольства имъ, какое существовало въ монастырѣ и прежде высказывалось въ тайномъ уходѣ нѣкоторыхъ иноковъ изъ обители. По окончаніи вечерни, не заходя въ келью, онъ отправился прямо въ Махрицкій монастырь къ своему другу

Стефану и оттуда на рѣчку Киржачъ *). Къ нему стеклись многіе почитатели его и онъ основалъ тамъ Благовѣщенскій монастырь. Только просьбы иноковъ Троицкой обители и убѣжденія митроп. Алексія побудили пр. Сергія вернуться въ покинутую раньше обитель. Здѣсь до самой смерти (въ 1392 или 1397 г.) онъ оставался игуменомъ. За свои подвиги пр. Сергій еще при жизни былъ прославленъ у людей и у Бога. Съ разныхъ сторонъ стекались къ нему иноки, ища у него руководства, къ нему обращались основатели монастырей за благословеніемъ и богомольцы за молитвой; Димитрій Донской шелъ къ нему за благословеніемъ предъ Куликовской битвой, къ его посредству прибѣгалъ для примѣренія съ Олегомъ Рязанскимъ и рѣшенія споровъ между Димитріемъ и Барисомъ Константиновичами изъ-за Нижняго-Новгорода; его избиралъ онъ воспріемникомъ своихъ дѣтей и свидѣтелемъ своего духовнаго завѣщанія; митр. Алексій пользовался его совѣтами и самъ являлся для этого въ Сергіеву обитель; его онъ хотѣлъ было оставить послѣ себя митрополитомъ, но по смиренію преп. отказался; патріархъ Филофей прислалъ ему въ даръ крестъ, парамандъ и схиму. Господь Богъ надѣлилъ его даромъ чудотворенія и прозрѣнія. Иноки иногда видѣли то небесный огонь на престолѣ во время совершенія Сергіемъ литургіи, то — Ангела, сослужащаго ему. Сама Божія Матерь съ Ап. Петромъ и Іоанномъ удостоила его своимъ чуднымъ посѣщеніемъ и обѣщаніемъ „быть неотступной отъ его обители и покрывать ее“. Не задолго предъ смертію онъ въ видѣніи узналъ судьбу своей обители: разъ въ глубокій вечеръ во время молитвы онъ услышалъ голосъ, звавшій его по имени; открылъ окно и увидѣлъ необыкновенный свѣтъ съ неба. Голосъ говорилъ: „Сергій! Господь услышалъ молитву твою о чадахъ твоихъ“. Показалось множество прекрасныхъ птицъ: голосъ продолжалъ: „такъ умножится число учениковъ твоихъ, и послѣ тебя не оскудѣютъ послѣдующіе стопамъ твоимъ“.

Предсказаніе сбылось. Обитель Сергія и послѣ его смерти продолжала рости. Одни ученики Сергія оставались тамъ и поддерживали его преданія; другіе избирались игуменами въ

---

*) Во Владимірскую губернію.

другіе монастыри, третьи расходились по разнымъ областямъ сѣверной Россіи, строили свои обители и всюду вводили тоже устройство, какое видѣли въ Сергіевой. Она была какъ бы образцомъ другихъ монастырей и въ этомъ ея преимущественное предъ ними значеніе. Она для Сѣверной Россіи какъ бы тоже, что Кіевопечерская — для прежней Руси. Отсюда и преп. Сергій получаетъ значеніе организатора монашеской жизни и насадителя монастырей въ сѣверной Россіи. Впрочемъ, кромѣ этого посредственнаго — чрезъ свою обитель—значенія, онъ имѣлъ и непосредственное. Онъ самъ основалъ еще монастыри: Благовѣщенскій Киржачскій, Дубенскій на Стромыни *), Дубенскій на острову **), Голутвинскій подъ Коломной ***) и Высотскій подъ Серпуховомъ ****). По его указанію или благословенію построены были монастыри: Борисоглѣбскій*****), Пѣшношскій ******), Симоновъ *******); онъ приходилъ въ Спасо-Андрониковъ Московскій монастырь, основанный св. Алексіемъ, благословилъ мѣсто и сдѣлалъ указанія относительно устройства монастыря. Нерѣдко онъ, по просьбѣ митр. Алексія, посылалъ своихъ учениковъ на игуменство въ построенныя имъ обители [102]).

Изъ учениковъ преподобнаго Сергія особенно извѣстны, кромѣ *Меѳодія* Пѣшношскаго и *Ѳеодора* Симоновскаго: *Никонъ*, бывшій игуменомъ Сергіевой Лавры послѣ своего учителя, *Аѳанасій*, первый игуменъ Высотскаго монастыря, *Савва*, игуменъ Дубенскаго Стромынскаго монастыря и строи-

---

*) Въ 30 верстахъ на юговостокъ отъ Троицкой Лавры при рѣчкѣ Дубенкѣ, впадающей въ Дубну, гдѣ теперь село Стромынь.

**) Въ 40 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Лавры на другой рѣкѣ Дубенкѣ. Оба въ честь Успенія Божіей Матери.

***) Въ урочищѣ Голутвинѣ,—въ честь Богоявленія. Всѣ три — по желанію Димитрія Донскаго.

**** Въ двухъ верстахъ отъ города при рѣкѣ Нарѣ на *высокой* горѣ; — во имя Зачатія Пр. Богородицы.

*****) Въ 15 верстахъ отъ Ростова на берегу рѣки Устья; основанъ иноками Ѳеодоромъ и Павломъ.

******) Николаевскій въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи въ 15 верстахъ отъ Дмитрова,—основанъ Меѳодіемъ, ученикомъ пр. Сергія.

*******) Подъ Москвой,—основанъ ученикомъ и племянникомъ пр. Сергія Ѳеодоромъ; названіе свое получилъ отъ мѣстечка Симонова.

тель Сторожевскаго Звенигородскаго, *Никита* — строитель Покровскаго Боровскаго монастыря, *Ѳерапонтъ*—Боровскаго Успенскаго *), *Авраамій* — Галичскій, Чухломскій и Городецкій,—основатель 4 монастырей; *Ксенофонтъ*—Тутанскаго **), *Іаковъ*—желѣзно-борскаго ***), *Павелъ Обнорскій* и *Сергій Нуромскій*. *Павелъ*, уроженецъ Московскій, рано сдѣлался ученикомъ Сергія, жилъ нѣсколько лѣтъ въ его обители, 15 лѣтъ отшельнически провелъ въ кельи подъ руководствомъ того же великаго учителя, побывалъ и въ другихъ монастыряхъ, потомъ удалился въ Комельскій лѣсъ (въ Вологодскомъ краѣ), поселился въ дуплѣ старой липы и подвизался въ уединенія, питаясь травой и кореньями; чрезъ нѣсколько времени онъ перешелъ на рѣку Нурму, гдѣ и основалъ Троицкій общежительный монастырь ****); передавъ настоятельство одному изъ своихъ учениковъ, онъ самъ жилъ отшельникомъ и только по субботамъ и воскреснымъ днямъ навѣщалъ братію; кромѣ хлѣба, воды и овощей онъ ничего не вкушалъ, умеръ въ глубокой старости (112 лѣтъ † въ 1429 г.). Въ 4 верстахъ отъ него подвизался въ его время и построилъ Спасскій Нуромскій монастырь *****) преп. *Сергій*, постриженникъ Аѳонскій и ученикъ пр. Сергія Радонежскаго.

Изъ иноковъ строителей, не жившихъ въ обители пр. Сергія, но пользовавшихся его духовными совѣтами, заслуживаютъ вниманія *Димитрій Прилуцкій, Кириллъ и Ѳерапонтъ Бѣлозерскіе*. *Димитрій*, сынъ богатаго Переяславскаго купца, рано обучился граматѣ и постригся въ Нагорномъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ; чрезъ нѣсколько лѣтъ построилъ около города свой Николаевскій монастырь. Познакомившись съ пр. Сергіемъ, когда тотъ приходилъ въ Переяславль за посвященіемъ въ игумена, онъ впослѣдствіи часто навѣщалъ его. Красивый лицомъ, онъ былъ строгій хранитель цѣломудрія и, чтобы не приводить въ соблазнъ женщинъ, закрывалъ лице свое куколемъ. Слава объ немъ

*) Калужской губерніи верстахъ въ 10 отъ Мосальска и 20 отъ Мещовска.

**) Въ Тверскомъ уѣздѣ.

***) Около Галичи Костромской губерніи.

****) Въ 56 верстахъ отъ Вологды.

*****) Въ 60 верстахъ отъ Вологды.

побудила великаго князя Димитрія избрать его воспріемникомъ своихъ дѣтей. Желая уединенія, онъ удалился съ своимъ ученикомъ Пахоміемъ въ лѣса Вологодскіе, при сліяніи рѣкъ Лежи и Великой, недалеко отъ авнежской волости, построилъ церковь Воскресенія Христова, но окрестные жители не дозволили ставить здѣсь монастыря. Преподобный пошелъ къ Вологдѣ и верстахъ въ 3-хъ отъ нея „при Лукѣ“ (излучинѣ) р. Вологды основалъ (1371 г.) общежительный Спасскій монастырь. Онъ скоро обогатился пожертвованіями и наполнился иноками. Самъ Димитрій подвизался въ молитвѣ, пищей его было только просфора съ теплой водой, одеждой служилъ и лѣтомъ и зимой овчинный жесткій тулупъ; нищіе получали отъ него тайно помощь. Господь надѣлилъ его чудотворною силою и даромъ прозрѣнія: умеръ онъ въ 1392 г.[103]). *Пр. Кириллъ* (1337—1427)—въ міру Козьма, сынъ благородныхъ родителей, рано осиротѣвшій и жившій у своего родственника въ Москвѣ, еще юношею постригся въ Симоновой обители. По распоряженію игумена Θеодора онъ 9 лѣтъ несъ послушаніе въ пекарнѣ, гдѣ носилъ воду, рубилъ дрова и топилъ печь. Преп. Сергій, навѣщая своего племянника Θеодора, заходилъ часто къ Кириллу и бесѣдовалъ съ нимъ. Когда Θеодоръ былъ взятъ на ростовскую епископскую каѳедру (1389 г.), Кириллъ былъ избранъ въ игумена Симонова монастыря; онъ продолжалъ вмѣстѣ съ послушниками совершать тяжелыя работы и стремился къ уединенію. Разъ ночь онъ читалъ акаѳистъ Богоматери и услышалъ голосъ отъ ея иконы: „иди на Бѣлоозеро, тамъ тебѣ мѣсто“; въ видѣніи открылась предъ нимъ картина прекрасной мѣстности сѣвернаго края, озаренная яркимъ свѣтомъ. Чрезъ нѣсколько времени возвращается въ симонову обитель изъ Бѣлозерскаго края, посланный туда по монастырскимъ дѣламъ, инокъ *Θерапонтъ*. Онъ былъ другомъ Кирилла и, какъ онъ, пользовался совѣтами пр. Сергія; Кириллъ распросилъ его о томъ, есть ли на Бѣломъ озерѣ мѣста, удобныя для отшельнической жизни, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, тайно вмѣстѣ съ Θерапонтомъ ушелъ туда. Долго странствовали они по Бѣлозерскому краю, наконецъ взошли на гору Мауру. Прекрасная мѣстность, обильная лѣсомъ, лугами и водой, представилась ихъ взо-

рамъ. Кириллъ узналъ въ ней ту картину, которую раньше видѣлъ въ видѣніи; онъ палъ въ умиленіи предъ иконой Богоматери, которую захватилъ съ собою, и рѣшился остаться здѣсь. Сообща выкопали они для себя землянку и жили нѣсколько времени вмѣстѣ; но потомъ Ѳерапонтъ ушелъ верстъ за 15 на берага Бородавскаго озера и сталъ тамъ въ уединеніи подвизаться. Чрезъ годъ или немного больше къ тому и другому начали стекаться ревнители благочестія, — одни изъ окрестностей, другіе изъ Симонова монастыря; построены были храмы въ честь Успенія Божіей Матери Кирилломъ (1397) и Рождества Богородицы Ѳерапонтомъ (1398); съ увеличеніемъ числа иноковъ было введено строгое общежитіе и объ охраненіи его заботились сами основатели этихъ монастырей. Кириллъ даже принялъ настоятельство и былъ сдѣланъ игуменомъ; Ѳерапонтъ же, не смотря на усердныя просьбы братіи, отказался. Иноки занимались списываніемъ книгъ, плетеніемъ сѣтей, обработкой земли и другими работами. Новоосновванные монастыри скоро стали получать вклады и пожертвованія; такъ Ѳерапонтову Можайскій князь Андрей Димитріевичъ подарилъ много угодій и тѣмъ упрочилъ его существованіе. Кириллъ и Ѳерапонтъ продолжали часто видѣться другъ съ другомъ. Но въ 1408 г. Ѳерапонтъ по вызову Можайскаго князя, долженъ былъ переселиться въ Можайскъ, устроилъ тамъ Богородице—Рождественскій въ Лужкахъ монастырь и послѣ 18-лѣтняго настоятельства въ немъ преставился въ глубокой старости (1426 г.). На слѣдующій годъ скончался и Кириллъ, снискавшій у всѣхъ уваженіе и прославленный отъ Бога даромъ чудотворенія и прозрѣнія [104]). Обѣ бѣлозерскія обители служили для дальняго сѣвера разсадниками того общежитія, какое сами заимствовали изъ Сергіевой, и изъ своихъ стѣнъ выпустили не мало основателей новыхъ монастырей.

Изъ подвижниковъ *XV—XVI в.* замѣчательны: Савватій († 1435 г.), Германъ († 1479 г.) и Зосима († 1478) Соловецкіе, Пафнутій Боровскій († 1478), Корнелій Комельскій († 1537 г.), Александръ Свирскій († 1533 г.), Іосифъ Волоколамскій († 1515 г.), Нилъ Сорскій († 1508) и Никандръ Псковскій († 1581 г.).

Постриженникъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, *Савватій*

нѣсколько лѣтъ провелъ въ Валаамской обители на Ладожскомъ озерѣ. Услыхавъ тамъ о необитаемомъ Соловецкомъ островѣ на Бѣломъ морѣ, онъ задумалъ удалиться туда, чтобы жить въ уединеніи и безмолвіи. Братія и игуменъ отговаривали его, но онъ тайно ночью бѣжалъ на берега Бѣлаго моря. На рѣкѣ Выгѣ онъ увидѣлся съ отшельникомъ *Германомъ*, проживавшимъ около часовни и знавшимъ лично о Соловкахъ, сказалъ ему о своемъ намѣреніи, и оба на маленькой лодочкѣ перебрались на желанный островъ. Тамъ поселились они на версту отъ моря близъ горы Сѣкирной и озера богатаго рыбою, водрузили крестъ и построили хижину *). Это были первые постоянные обитатели пустыннаго острова. Изрѣдка только навѣщали его рыбаки. Вздумали были однажды рядомъ съ отшельниками поселиться два семейства съ поморья, но должны были удалиться. Относительно этого существуетъ слѣдующій разсказъ: какъ то разъ Савватій съ Германомъ отправлялъ воскресную всенощную и вышелъ изъ хижины покадить крестъ, воздвигнутый около озера, вдругъ услышалъ женскій вопль, сказалъ Герману и тотъ увидѣлъ плачущую женщину изъ поселившейся на островѣ рыбацкой семьи. „Мнѣ, говорила она, встрѣтились двое свѣтлыхъ юношей съ гнѣвомъ жестоко стали бить меня и сказали: сойдите съ этого мѣста. Богъ устроилъ его для иноческаго житія, для прославленія имени Божія. Бѣгите отсюда, а не то смерть васъ постигнетъ“. Послѣ этого колонисты удалились и подвижники остались одни. 6 лѣтъ провели они здѣсь, не смотря на страшные зимніе холода, осеннюю сырость и безплодность почвы; но потомъ покинули островъ: Германъ отправился по нуждамъ келейнымъ на рѣку Онегу, а за нимъ и Савватій, предчувствуя скорую смерть, ушелъ на Выгу, въ одной часовнѣ причастился отъ игумена Св. Таинъ и скончался. Между тѣмъ Германъ перешелъ на устье рѣки Сумы и тамъ поселился. Случайно встрѣтилъ его пришедшій сюда инокъ *Зосима*. Онъ былъ сынъ одного богатаго землевладельца изъ села Толвуй на берегу Онежскаго озера, рано лишился родителей, роздалъ имѣніе бѣднымъ и постригся. Узнавъ отъ

*) Верстахъ въ 12 отъ нынѣшней обители.

Германа о Соловецкомъ островѣ и прежнихъ подвигахъ тамъ Савватія, онъ уговорилъ его опять идти туда. Пріѣхавъ на островъ, Зосима задумалъ основать здѣсь монастырь; чудесное видѣніе церкви на воздухѣ и необыкновеннаго свѣта вокругъ нея окончательно утвердило его въ этомъ намѣреніи. Они построили келью. Въ исходѣ лѣта Германъ отправился на Сумскій берегъ, чтобы запастись хлѣбомъ; вѣтры и снѣгъ задержали его на берегу всю осень и зиму. Зосима оставался одинъ, тревожимый разными призраками, съ очень скуднымъ запасомъ хлѣба, —но съ теплою молитвою и крѣпкимъ упованіемъ на Бога. Весною Германъ привезъ съ собою рыболова Марка съ снастью для рыбной ловли. Вслѣдъ за тѣмъ начали собираться и другіе любители отшельничества. Сообща построенъ былъ небольшой храмъ Преображенія Господня и при немъ трапеза. Новгородскій владыка далъ свое благословеніе, прислалъ антиминсъ для освященія этого храма и игумена Павла для управленія братіею. Такимъ образомъ устроилась обитель. Для содержанія своего братія рубила дрова, копала подъ огородъ землю, ловила рыбу, доставала соль и мѣняла ее на хлѣбъ. Игуменъ Павелъ и два его преемника, присылаемые изъ Новгорода, не уживались на пустынномъ островѣ. Братія стала просить объ этомъ къ Новгородскому владыкѣ, тотъ вызвалъ къ себѣ Зосиму и убѣдилъ его принять санъ священства и игуменство. Изъ Новгорода онъ вернулся въ Соловки съ пожертвованными церковными сосудами, священными облаченіями, съѣстными припасами и съ обѣщаніемъ Новгородцевъ помогать обители въ нуждахъ. По двумъ граматамъ (Маѳы Посадницы и Новгородскаго вѣча) ей отдыны были земли по рѣкѣ Сумѣ, Соловецкій и другіе сосѣдніе острова. Отовсюду въ еще большемъ количествѣ потянулись иноки и міряне въ Соловецкую обитель, чтобы жить подъ руководствомъ преп. Зосимы или послушать его бесѣдъ. Зосима ввелъ въ обители строгое общежитіе, выстроилъ много новыхъ келій и монастырскія службы, соорудилъ новыя церкви Преображенія и Успенія и перевезъ нетлѣнныя мощи Савватія съ рѣки Выги въ Соловецкій монастырь. Рыбаки и боярскія дѣти нерѣдко обижали соловецкихъ иноковъ, такъ что Зосима вынужденъ былъ жа-

ловаться на это новгородскому вѣчу. Разъ въ одну изъ поѣздокъ въ Новгородъ онъ обнаружилъ въ себѣ даръ прозрѣнія. Побывавши у владыки и другихъ важныхъ лицъ, онъ явился къ Марѳѣ Посадницѣ жаловаться на ея людей: та велѣла его прогнать. Онъ покачалъ головою и сказалъ сопровождавшимъ его ученикамъ: „вотъ наступаютъ дни, когда на этомъ дворѣ изчезнетъ слѣдъ жителей его и затворятся двери дома сего и уже никогда не отворятся, и будетъ дворъ этотъ пустъ". Чрезъ нѣсколько времени Марѳа, наслышавъ о великомъ подвижникѣ, почувствовала предъ нимъ вину свою и пригласила его къ себѣ. За обѣдомъ Зосима былъ посаженъ на почетное мѣсто и сидѣлъ молча. Вдругъ взглянувъ на шестерыхъ бояръ, сидѣвшихъ за столомъ, онъ затрепеталъ и заплакалъ. Марѳа отпустила его, надѣливъ пожертвованіями. По выходѣ изъ ея дома, одинъ ученикъ спросилъ преподобнаго: „Отче! что значитъ, что ты, взглянувши на бояръ, ужасался, плакалъ и не вкушалъ пищи?" —„Я видѣлъ страшное видѣніе, отвѣтилъ ему тотъ: шестеро этихъ бояръ сидѣли за трапезою, а головъ на нихъ не было; и въ другой разъ я взглянулъ на нихъ и тоже увидѣлъ, и третій разъ взглянулъ - и все тоже. Съ ними сбудется это въ свое время, ты самъ это увидишь". Тоже онъ сказалъ одному изъ бояръ, обѣдавшихъ у Марѳы, когда онъ сталъ распрашивать его о причинѣ грусти во время обѣда. Предсказаніе дѣйствительно сбылось во время покоренія Новгорода Іоанномъ III. Вскорѣ послѣ этого умеръ и преп. Зосима. 42 года провелъ онъ на Соловецкомъ островѣ и 26 лѣтъ настоятельствовалъ въ основанной имъ обители. На слѣдующій годъ и Германъ преставился въ обители Антонія Римлянина, куда попалъ случайно, по дѣламъ монастыря пріѣхавши въ Новгородъ. Зосима и Германъ, основавъ монастырь, успѣли обезпечить его содержаніе, дать ему внутренній порядокъ и устроить его совнѣ; Германъ даже положилъ начало соловецкой библіотекѣ [105]. Впослѣдствіи особенно много содѣйствовалъ устроенію этого монастыря игуменъ Филиппъ, взятый на московскую митрополію. Онъ соорудилъ тамъ двѣ каменныхъ церкви вмѣсто прежнихъ деревянныхъ, завелъ колокола вмѣсто билъ, построилъ больницу и двухъ и трехъ этажныя кельи; внѣ монастыря умно-

жилъ соляныя варницы, завелъ водяныя мельницы, сѣвальни, вѣялку, кирпичные заводы и скотный дворъ, осушилъ болота, соединилъ озера каналами, подѣлалъ просѣки въ лѣсахъ, распахалъ новыя земли и проложилъ дороги. При царѣ Өеодорѣ Ивановичѣ монастырь былъ обнесенъ каменными стѣнами и укрѣпленъ бойницами.

Преп. *Пафнутій*, внукъ татарина баскака въ Боровскѣ, принялъ постриженіе въ Боровскомъ Высоко-Покровскомъ монастырѣ и пользовался тамъ руководствомъ ученика Сергіева Никиты. По просьбѣ братіи онъ принялъ игуменство, но на 13 году управленія монастыремъ заболѣлъ, принялъ схиму и отказался отъ должности. Выздоровѣвъ, онъ поселился въ 3-хъ верстахъ отъ Боровска въ глухомъ лѣсу съ однимъ послушникомъ; скоро собрались къ нему другіе и основался монастырь. Самъ Пафнутій провидѣлъ тайные помыслы своихъ учениковъ и во время исцѣлялъ ихъ отъ душевныхъ недуговъ; всѣхъ, говорившихъ несогласно съ Св. Писаніемъ, выгонялъ изъ монастыря. Самъ отличался постничествомъ и смиреніемъ: въ понедѣльникъ и пятницу ничего не ѣлъ, въ среду—сухой хлѣбъ, а въ прочіе дни трапезовалъ вмѣстѣ съ братіею; рубилъ дрова, поливалъ растенія, капалъ землю, въ зимнее время занимался чтеніемъ, плелъ сѣти; въ трудолюбіи всѣмъ подавалъ примѣръ своею жизнію. Дѣвственность сохранилъ онъ до самой смерти; по принятіи схимы, какъ инокъ, обрекшій себя на уединенную молитву, не осмѣливался совершать литургію; только одинъ разъ за все время отъ принятія схимы до смерти, по нуждѣ, совершилъ онъ Таинство Евхаристіи съ глубокимъ умиленіемъ. Много исцѣленій и другихъ чудесъ совершилъ онъ еще при своей жизни; послѣ 63-лѣтняго иночества онъ преставился, за нѣсколько дней предсказавши свою кончину (1 мая 1478 г.) [106]). Между другими учениками подъ его руководствомъ подвизался преп. Іосифъ Волоколамскій.

Іосифъ (въ мірѣ Іоаннъ) происходилъ отъ дворянъ Саниныхъ изъ Волоколамска. Съ 8 до 20 лѣтъ онъ проживалъ въ Волоколамской обители Пр. Богородицы на Возмищѣ; оттуда отправился къ знаменитому тогда подвижнику Варсанофію, жившему въ пустынѣ около Тверскаго Саввина монастыря, и по его совѣту перешелъ въ Боровскъ къ преп.

Пафнутію. Тотъ назначилъ ему тяжелыя испытанія въ поварнѣ, хлѣбопекарнѣ и больницѣ, потомъ взялъ въ свою келью и чрезъ нѣсколько времени сдѣлалъ екклесіархомъ Предъ своею смертію, по просьбѣ братіи, онъ указалъ на Іосифа, какъ на своего преемника и завѣщалъ ему улучшить въ монастырѣ нѣкоторые обычаи. Іосифъ взялся за это и предложилъ инокамъ ввести строгое общежитіе, прежде не вполнѣ соблюдавшееся. Тѣ не согласились. Іосифъ надѣлъ на себя нищенское облаченіе и въ качествѣ послушника обошелъ нѣсколько монастырей, чтобы познакомиться съ правилами общежитія. Устройство Кирилло-Бѣлозерской обители больше всего понравилось Іосифу и онъ, возвратившись въ Пафнутіевъ монастырь, попытался ввести его; но опять встрѣтилъ несогласіе со стороны братіи, оставилъ ее и основалъ свой монастырь въ пустынѣ близъ Волоколамска (1479 г.). Мѣстный князь, княгиня, новгородскій владыка и др. надѣлили его,—кто деньгами, кто землями и угодьями. Явились иноки изъ бояръ и торговыхъ людей, вносившіе при своемъ постриженіи большіе вклады въ новый монастырь. Построено было нѣсколько храмовъ. количество иноковъ дошло до 100 человѣкъ и преп. Іосифъ ввелъ желаемое общежитіе по примѣру Кириллова монастыря. Своимъ уставомъ и наказами онъ опредѣлилъ каждый почти шагъ въ жизни инока. Подъ руководствомъ игумена братія подвизалась усердно. Все время было посвящено или молитвѣ, или тѣлеснымъ трудамъ. Пища была самая простая; всѣ носили худую одежду, обувь изъ лыкъ, терпѣли зной и холодъ безъ ропота; въ кельяхъ находились только книги, иконы и одежда. Кромѣ выполненія обычныхъ монашескихъ правилъ, нѣкоторые полагали по тысячѣ, по двѣ и по три поклоновъ въ день, нѣкоторые носили вериги, иные же острую власяницу или желѣзную броню. Сну предавались иноки на самое короткое время, иной сидя, иной стоя. Самъ Іосифъ подавалъ всѣмъ примѣръ трудолюбія и подвижничества: прежде всѣхъ являлся въ храмъ, пѣлъ и читалъ на клиросѣ, послѣ всѣхъ оставлялъ храмъ, трудился вмѣстѣ съ братіей, совершая тяжелыя монастырскія работы; носилъ одинаково убогую одежду, изнурялъ свое тѣло постомъ и молитвеннымъ бдѣніемъ. Какъ игуменъ, онъ

слѣдилъ за внѣшнею жизнью иноковъ и направлялъ ее согласно правиламъ устава, говорилъ поученія, предлагалъ совѣты, вступалъ въ частныя бесѣды съ иноками; бѣднымъ, приходившимъ въ обитель, благотворилъ; построилъ страннопріимницу—„Богорадный монастырь“, а во время голода цѣлый годъ ежедневно питалъ до 700 человѣкъ. Съ полнымъ уваженіемъ относились къ нему князья, вельможи и высшіе церковные іерархи: сами посѣщали его для бесѣдъ, съ почетомъ принимали его къ себѣ и нерѣдко письменно спрашивали у него совѣтовъ. Въ послѣдніе дни своей жизни онъ принялъ схиму и пребывалъ постоянно въ уединеніи; слабость не дозволяла ему ходить; братія выносила его къ церковнымъ службамъ въ храмъ и тамъ въ уединенномъ мѣстѣ онъ выслушивалъ богослуженіе. Благословивъ братію и преподавъ ей наставленіе, онъ преставился 75 лѣтъ отъ роду (8 сентября 1515 г. [107]).

Пр. *Нилъ Сорскій*—изъ боярскаго рода Майковыхъ, постриженникъ Кириллова монастыря и ученикъ Паисія Ярославова. Онъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ Аѳонскихъ и Константинопольскихъ монастыряхъ, познакомился тамъ съ скитскимъ житьемъ; въ 15 верстахъ отъ Кириллова монастыря на рѣкѣ Сорѣ построилъ часовню и келью, выкопалъ колодезь и началъ подвизаться, какъ отшельникъ. Когда собралась братія, общими усиліями была сдѣлана насыпь, построена на ней церковь Покрова Пр. Богородицы съ усыпальницею, на возвышеніяхъ были поставлены кельи,—каждая на разстояніи брошеннаго камня другъ отъ друга и отъ церкви; и введено было скитское житіе. Скитники, по совѣту Нила, должны были снискивать пропитаніе трудами своихъ рукъ, милостыни не принимать кромѣ случаевъ нужды, отнюдь не выходить изъ монастыря, женщинъ въ скитъ не пускать, въ кельяхъ и даже въ церкви не держать дорогихъ вещей, вотчинъ не пріобрѣтать; молодые и здоровые должны были утомлять тѣло постомъ, жаждою и трудомъ, а старцы и слабые—поститься въ мѣру своихъ силъ и давать себѣ успокоеніе. 2—3 раза въ недѣлю иноки обязывались собираться въ храмъ, прочіе дни каждый молился и трудился у себя въ кельѣ. Всенощная продолжалась въ храмѣ во всю ночь, за каждою каѳизмою предлагалось по 2—3

чтенія изъ святоотеческихъ твореній; во время литургіи пѣлись только трисвятое, аллилуія, хевувимская пѣснь и достойно, все прочее читалось протяжно, на-распѣвъ. Преимущественное вниманіе скитники, согласно съ уставомъ Нила, обращали на внутреннее подвижничество. Преп. Нилъ предалъ свой духъ Богу 7 апрѣля 1508 г., достигнувъ 75-лѣтняго возраста. Предъ кончиною онъ заповѣдалъ своимъ ученикамъ: „молю васъ, бросьте тѣло мое въ пустыню, потому что оно согрѣшило предъ Богомъ и недостойно погребенія; пусть растерзаютъ его звѣри и птицы. Или, если хотите, выкопайте яму и положите его туда безъ всякаго уваженія... Во всю жизнь мою избѣгалъ я чести и славы вѣка сего; того же желаю и по смерти“. Обитель Нила Сорскаго послѣ него, по его заповѣди и подъ его охраной, осталась одною изъ бѣднѣйшихъ обителей и послѣ его смерти. Іоаннъ IV въ 1569 г. хотѣлъ было построить каменный храмъ надъ гробницею пр. Нила, но онъ въ сонномъ видѣніи запретилъ царю эту постройку; въ недавнее время воздвигли было каменную церковь, но своды ея обрушились надъ самою ракою преподобнаго, и мощи его продолжаютъ почивать подъ спудомъ въ убогой часовнѣ [108]).

Пр. *Корнелій Комельскій* происходилъ изъ знатнаго и богатаго рода Крюковыхъ, рано остался сиротою и съ 13 лѣтъ вмѣстѣ съ дядею поселился въ Кирилловомъ монастырѣ. Здѣсь онъ несъ тяжелыя испытанія въ хлѣбнѣ, списывалъ книги, носилъ вериги. Обошедши нѣсколько монастырей, онъ поселился отшельникомъ въ глухомъ Комельскомъ лѣсу, въ 45 верстахъ отъ Вологды. Чрезъ нѣсколько времени тамъ образовался монастырь, самъ Корнелій съ братіей расчищалъ лѣсъ, построилъ три храма, больницу и страннопріимницу и далъ письменный уставъ. Братія за строгость правилъ и широкую благотворительность стала роптать на него; онъ удалился тогда верстъ за 70 на Сурское озеро и сталъ подвизаться въ постѣ и молитвѣ. Но скоро великій князь Василій Ивановичъ заставилъ его возвратиться въ прежнюю обитель и надѣлилъ ее землями. Съ радостью встрѣтила братія своего настоятеля, и онъ неусыпно продолжалъ трудиться по устроенію обители; скончался въ глубокой старости (82 лѣтъ) 19 мая 1537 года [109]).

Пр. *Александръ Свирскій* родился въ селѣ Мандерѣ въ Обонежской пятинѣ *); съ трудомъ давалось ему обученіе; это сильно огорчало мальчика; разъ въ церкви онъ горячо молился о дарованіи ему разума и услышалъ голосъ: „ты получишь, чего просишь". Послѣ этого онъ легко понималъ книжную мудрость. Еще въ отрочествѣ будущій великій подвижникъ, не смотря на увѣщанія матери, изнурялъ себя постомъ и ночной молитвой. Когда пришло время вступать въ бракъ, онъ отклонялъ подъ разными предлогами выполненіе родительскаго желанія, затѣмъ тайно убѣжалъ въ Валаамскій монастырь и на 26 году постригся въ иночество. 13 лѣтъ прожилъ онъ въ этомъ монастырѣ: смиренно прислуживалъ всѣмъ, совершалъ тяжелыя и черныя работы, иногда нарочно тѣло свое отдавалъ въ пищу комарамъ. Въ 1486 г. онъ удалился на озеро Рощинское, въ 6 верстахъ отъ рѣки Свири (Олонецкой губерніи) облюбовалъ себѣ мѣстечко, построилъ хижину и подвизался въ ней строго отшельнически. Только чрезъ 7 лѣтъ случайно встрѣтилъ его бояринъ Завалишинъ и, видя до крайности изможденнаго человѣка, подумалъ, что видитъ призракъ. На усердныя просьбы его, Александръ сказалъ ему: „7 лѣтъ живу я здѣсь не видя никого, ни разу не вкушалъ я хлѣба, а довольствовался травою; иногда же приходилось мнѣ ѣсть одну сырую землю. Вначалѣ было тяжело жить такъ, сильно страдалъ желудкомъ; по временамъ валялся на землѣ, будучи не въ силахъ поднять головы; я совершалъ пѣніе свое, лежа на землѣ; разъ очень сильно страдалъ я, и вотъ вижу кого-то свѣтлаго. Чѣмъ ты боленъ? спросилъ онъ меня. — Желудкомъ, отвѣчалъ я. — Покажи мнѣ больное мѣсто, сказалъ онъ. И когда я указалъ, онъ возложилъ на меня руку и сказалъ: се здравъ еси и, ктому не согрѣшай, но работай Господу. Съ того времени чувствую себя здоровымъ". Рядомъ съ голодомъ и болями тѣлесными приходилось часто испытывать и душевные недуги: грозныя привидѣнія смущали душу отшельника. Но молитва и сила воли препобѣждали все. Завалишинъ разсказалъ о великомъ подвижникѣ другимъ, стали стекаться къ нему,—одни чтобы жить съ нимъ,

*) Каргопольскаго уѣзда Олонецкой губерніи.

другіе чтобы побесѣдовать и получить совѣтъ. Бояринъ Завалишинъ по временамъ доставлялъ хлѣбъ. Построился храмъ во имя Св. Троицы. Самъ Александръ принялъ настоятельство и санъ игумена. Однако, и послѣ этого продолжалъ трудиться наравнѣ съ другими, носить одежду, покрытую заплатами, и смиренно выслушивать на этотъ счетъ насмѣшки; аскетизмъ его между прочимъ проявлялся и въ томъ, что онъ спалъ всегда на голой доскѣ или сидя. Господь наградилъ его даромъ прозрѣнія; не задолго предъ кончиной, онъ сподобился видѣнія Божіей Матери, обѣщавшей не забывать его обители и умножить число богоугодной братіи; давъ письменное завѣщаніе братіи, онъ скончался 30 августа 1533 г. на 85 году отъ рожденія [110]).

Пр. Никандръ (въ мірѣ Никонъ) былъ сыномъ одного поселянина, обучался дома чтенію, въ молодыхъ лѣтахъ обошелъ нѣсколько монастырей и поселился въ безлюдномъ мѣстѣ на рѣкѣ Демьянкѣ между Псковомъ и Порховомъ. Когда народъ сталъ посѣщать его, онъ, избѣгая мірской славы, удалился въ общежительный монастырь пр. Саввы Крыпецкаго, постригся тамъ въ иночество и строгостію своей жизни обратилъ на себя вниманіе братіи. Тогда опять онъ ушелъ на рѣку Демьянку и 15 лѣтъ провелъ въ уединеніи. Приходившіе къ нему посѣтители опять заставили его уйти въ Крыпецкую обитель, гдѣ онъ продолжалъ свои аскетическіе подвиги: сверхъ возложеннаго послушанія, носилъ воду и дрова для братіи, ночью молился, вареную пищу вкушалъ только по субботамъ и воскресеньямъ, а въ остальные дни— хлѣбъ съ водою; иногда удалялся въ лѣсъ и, обнаживъ тѣло до пояса, давалъ его на съѣденіе комаровъ, а самъ пряль шерсть и распѣвалъ псалмы. Строгое выполненіе порученной ему должности келаря тяготило нѣкоторыхъ изъ братіи. Замѣтивъ это, онъ удалился версты за 3 на одинъ островъ; но скоро оставилъ его, по недовольству иноковъ Крыпецкой обители, и возвратился въ прежнее мѣстечко на Демьянкѣ. Каждый годъ онъ приходилъ отсюда въ сосѣдній Демьянскій монастырь, чтобы отслушать вечерню въ великій пятокъ и пріобщиться на другой день. За 8 лѣтъ до кончины онъ принялъ схиму. Пищу его въ пустынѣ составляли обыкновенно растенія и только по заходѣ солнечномъ онъ вкушалъ

немного хлѣба, если ему приносили; въ великій постъ принималъ пищу не больше одного раза въ недѣлю. Никто ни заставалъ его лежащимъ для отдыха: онъ только сидя засыпалъ немного. При жизни Господь наградилъ его прозрѣніемъ и чудотворною силою [111]).

Изъ подвижницъ даннаго періода особенно замѣчательна супруга великаго князя Димитрія Донскаго Евдокія, въ иночествѣ *Евфросинія*. При жизни мужа она благотворила бѣднымъ и самого его поддерживала въ борьбѣ со скорбями. По смерти его она всюду являлась пышною княгинею, съ веселымъ лицомъ, въ богатыхъ одеждахъ съ драгоцѣнными украшеніями; появились сплетни, которыя заподозривали цѣломудріе княгини. Она радовалась только, что подвергается безславію; но когда узнали объ этомъ сыновья, она тайно призвала ихъ въ свою молельню и сняла предъ ними часть своей одежды: взорамъ ихъ представилась изсохшая кожа, ужасная худоба тѣла — результатъ поста, а на тѣлѣ вериги. Разсѣявъ такимъ образомъ подозрѣніе своихъ дѣтей, она просила ихъ никому не говорить о видѣнномъ и не обращать вниманія на ходячія сплетни. Княгиня заложила Вознесенскую дѣвичью обитель и сама перешла въ одну изъ ея келій, гдѣ усилила свои постническіе и молитвенные подвиги; но скоро (7 іюля 1407 г.) преставилась [112]).

Въ XIII—XVI в. находилось много такихъ подвижниковъ, которые брали на себя особенные, очень тяжелые подвиги. Не говоря о постничествѣ, отшельничествѣ и ношеніи веригъ, что очень часто встрѣчалось въ жизни иноковъ, находили себѣ представителей и подвиги затворничества, столпничества и особенно юродства. Изъ *затворниковъ* извѣстенъ напр. *Арсеній Новгородскій* († 1570 г.), родомъ изъ Ржева-Владимірова, основавшій на Торговой сторонѣ въ Новгородѣ свой монастырь съ храмомъ Рождества пр. Богородицы [113]). Жизнь въ *столпѣ* проводилъ *Савва Вишерскій* († 1461 г.). Уроженецъ г. Кашина, сынъ тверскаго боярина Ивана Борозды, онъ съ ранней молодости обнаружилъ склонность къ подвижничеству, поступилъ въ одинъ монастырь на своей родинѣ, безпрекословно несъ послушаніе, потомъ побывалъ на Аѳонѣ, обошелъ нѣсколько сѣверно-русскихъ монастырей и въ 7 верстахъ отъ Новгорода на рѣкѣ Вишерѣ

сталъ подвизаться въ уединеніи. Разъ одинъ изъ новгородцевъ случайно увидалъ его: онъ стоялъ въ знойный день недвижимый на молитвѣ, лицо его было покрыто комарами и кровью, но онъ какъ будто и не чувствовалъ боли. Скоро узнали и другіе о немъ. Съ благословенія владыки онъ построилъ деревянный храмъ въ честь Вознесенія Господня, нѣсколько келій для иноковъ и столпъ—для себя. На немъ онъ и подвизался въ постѣ и молитвѣ; только въ субботу сходилъ онъ съ него, слушалъ воскресную службу, раздѣлялъ съ братіею трапезу и опять возвращался на столпъ. Разъ пришелъ къ нему родной братъ, онъ сошелъ со столпа, молча благословилъ его и самъ возвратился сейчасъ же на столпъ: такъ строго выполнялъ онъ свободно наложенное на себя послушаніе [114]). *Юродивые* встрѣчались въ монастыряхъ, но большею частію они жили въ міру по большимъ городамъ, гдѣ чаще приходилось терпѣть поруганія. Изъ юродивыхъ извѣстны: въ XIII в. *Прокопій Устюжскій* († 1285 г.). Онъ былъ иностраннымъ купцомъ и торговалъ въ Новгородѣ; принявъ православіе, онъ роздалъ имѣніе бѣднымъ и началъ юродствовать сначала въ Новгородѣ, затѣмъ въ Устюгѣ. Ночи проводилъ онъ въ молитвѣ на паперти соборной устюжской церкви, а дни ходилъ по городу, подвергаясь насмѣшкамъ, брани и побоямъ. Отдыхать ложился онъ то на навозѣ, то на камнѣ, то на голой землѣ: любимымъ мѣстомъ, гдѣ онъ подолгу просиживалъ, былъ камень на берегу рѣки Сухони; часто молился онъ здѣсь за путешествовавшихъ по этой рѣкѣ. Одежда его была вся въ клочкахъ и въ ней онъ переносилъ сильнѣйшіе морозы. Разъ въ Устюгѣ была такая жестокая стужа, что птицы падали мертвыми, скотъ и люди замерзали. Терзаемый морозомъ, Прокопій пытался отогрѣться въ хижинахъ у нищихъ при соборной церкви, но тѣ прогоняли его или запирали двери; онъ зашелъ было въ одинъ сарай и легъ вмѣстѣ съ собаками, но и тѣ отъ него ушли; тогда онъ возвратился на паперть и тамъ предался молитвѣ; ангелъ Божій, явившійся къ страдальцу, прекрасною вѣткою коснулся его и вдругъ пріятная теплота разлилась по закостенѣвшимъ членамъ его тѣла. Господь наградилъ его даромъ прозрѣнія и силою молитвы. Отъ богобоязненныхъ людей онъ принималъ пищу,

а отъ богачей, наживавшихся неправдою, не бралъ ничего. Жители Устюга замѣчали, что когда Прокопій носилъ кочерги, съ которыми обыкновенно ходилъ, вверхъ головами, въ тотъ годъ бывалъ урожай на хлѣбъ и другіе плоды, когда же внизъ головами,—бывалъ недостатокъ во всемъ. Разъ онъ предсказалъ городу погибель отъ каменнаго града, если жители не умилостивятъ Бога постомъ и молитвою. Тѣ не хотѣли вѣрить, но когда стала надвигать грозная и мрачная туча, тогда испугались и бросились въ храмы. Самъ юродивый горячо молился въ соборномъ храмѣ; по силѣ его молитвы изъ иконы Богоматери истекло благоуханное муро и туча разразилась каменнымъ градомъ надъ пустынными мѣстами верстахъ въ 20 отъ города [115]). Въ XIV в. *Өеодоръ и Николай Кочановъ* новгородскіе († 1392 г.), оба родомъ Новгородцы и подвизались въ одно и тоже время; оба были надѣлены прозрѣніемъ и даромъ чудотворенія. Первый юродствовалъ на Торговой, другой—на Софійской сторонѣ. Когда первый переходилъ на сторону втораго, этотъ гналъ его, говоря: „не ходи, юродивый, на мою сторону, а живи на своей". Разъ гонимый Өеодоромъ, Николай перебѣжалъ по Волхову, какъ по сушѣ, кидалъ въ своего противника капустными кочнами; съ этого времени и осталось за нимъ прозваніе „Кочановъ" [116]). Въ XV в. *Максимъ Московскій* († 1434 г.), ходя почти нагимъ, постоянно училъ народъ терпѣнію и обличалъ живущихъ несогласно съ требованіями христіанской нравственности. Народу онъ говорилъ: „не все по шерсти, ино и напротивъ. Не верти головой, какъ бѣшеная коза, не продали-бы татарамъ. За дѣло побьютъ, повинись, да ниже поклонись. Не плачь битый, плачь небитый". Купцамъ и знати московской говаривалъ: „божница домашня, а совѣсть продажна. По бородѣ Авраамъ, а по дѣламъ Хамъ. Всякъ крестится, да не всякъ молится. Богъ всякую правду сыщетъ. Ни Онъ тебя, ни ты Его не обманешь [117]). *Михаилъ Клопскій* († 1452 г.), изъ княжескаго рода, бросилъ міръ, скрылъ свое званіе и пришелъ въ Клопскій Новгородскій монастырь*); во время утрени, когда кельи были пусты, онъ зашелъ въ одну изъ нихъ и сѣлъ за писанье книги; на распросы братіи отвѣ-

*) Въ 20 верстахъ отъ Новгорода.

чалъ одними и тѣми же словами, какъ глупецъ. Игуменъ далъ ему келью и онъ подвизался въ ней, какъ юродивый. Въ кельѣ онъ спалъ на землѣ и вкушалъ пищу одинъ разъ въ недѣлю. Онъ предсказалъ паденіе Новгорода въ часъ рожденія Ивана Грознаго [118]). *Исидоръ Ростовскій* (1574 г.), родомъ изъ Германіи, тайно покинулъ родителей, принялъ православіе и перешелъ въ Ростовъ. На топкомъ мѣстѣ устроилъ онъ себѣ шалашъ изъ хвороста и въ немъ проводилъ ночи въ молитвѣ. Ходя по міру, безотвѣтно переносилъ насмѣшки и побои. Еще при жизни онъ совершалъ чудеса: разъ спасъ утопавшаго въ морѣ купца, чудесно явившись ему; другой разъ по его молитвѣ наполнились виномъ пустые сосуды на трапезѣ у князя [119]). *Іоаннъ Устюжскій* († 1494 г.), сынъ поселянина изъ села Пухова, близъ стараго Устюга, еще въ дѣтствѣ наблюдалъ строгій постъ. Когда по смерти мужа, мать постриглась въ инокини, Іоаннъ на нѣсколько времени оставался при ней. Потомъ перешелъ въ Устюгъ и сталъ здѣсь юродствовать. Ночи проводилъ онъ въ молитвѣ, а дни—въ юродствѣ; хижина близъ соборной церкви и навозъ на улицахъ города—служили ему пріютомъ лѣтомъ и зимою. Юродствуя по городу, пр. Іоаннъ скрывалъ свою домашнюю жизнь отъ людскихъ взоровъ. Разъ одинъ священникъ Григорій подсмотрѣлъ, какъ горячо блаженный молился съ воздѣтыми къ небу руками за творящихъ неправду и потомъ, помѣшавъ въ печкѣ уголья и осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, легъ на нихъ, чтобы согрѣться. Господь наградилъ его даромъ чудотворенія [120]). Въ XVI в. извѣстны: Василій и Іоаннъ Московскіе, Николай Псковскій и Симонъ Юрьевскій. Блаженный *Василій* († 1552 г.) родился близъ Москвы, лѣтъ еще съ 16 онъ началъ подвигъ юродства; безъ крова и пристанища ходилъ онъ по Москвѣ едва не нагой, лѣтомъ жарясь на солнцѣ, а зимой терпя трескучіе морозы; на тѣлѣ своемъ носилъ тяжелыя вериги. 72 года провелъ онъ въ такихъ подвигахъ. Господь сподобилъ его дара прозрѣнія и чудотворенія. Особенно извѣстны слѣдующіе случаи. Въ 1547 г. блаженный пришелъ въ монастырь Воздвиженія, сталъ предъ церковью и, творя умную молитву, безутѣшно плакалъ; на другой день въ Москвѣ вспыхнулъ страшный пожаръ, истребившій оба города—старый и новый. Разъ Грозный пригласилъ къ себѣ блаженнаго

па именины; поднесли заздравную чашу; блаженный три раза выливалъ ее за окно. Грозный разсердился, думая, что юродивый смѣется надъ нимъ. Но тотъ ему отвѣчалъ: „не кипятись, Иванушка: надобно было заливать пожаръ въ Новгородѣ и онъ залитъ“. Посланный царемъ гонецъ подтвердилъ истинность этихъ словъ. Въ другой разъ одинъ бояринъ упросилъ юродиваго принять отъ него богатую шубу для прикрытія обнаженнаго тѣла; увидавъ па блаженномъ шубу, недобрые люди обманомъ хотѣли выманить ее: одинъ легъ па дорогѣ, притворился мертвымъ, товарищи же стали просить блаженнаго подать что-нибудь на погребеніе. Тотъ отдалъ шубу, прибавивъ: „лукавнующіе потребятся“, и когда отошелъ, обманщики нашли товарища дѣйствительно мертвымъ. Персидскіе купцы разсказывали, что однажды Василій спасъ ихъ на морѣ, ходя по морю какъ по суху, между тѣмъ какъ въ это время онъ былъ въ Москвѣ. Царь, митрополитъ, бояре и народъ уважали блаженнаго Василія, такъ что, когда онъ умеръ, самъ царь съ боярами несъ его одръ, а митрополитъ соборне совершалъ погребеніе. Отъ мощей блаженнаго Василія (съ 1588 г.) также стали совершаться чудеса, какъ совершались имъ самимъ при жизни[121]). *Блаженный Іоаннъ*, уроженецъ страны Вологодской, въ молодыхъ лѣтахъ работалъ на соловарняхъ и получилъ названіе „водоносца“. Перейдя въ Ростовъ, онъ началъ здѣсь подвигъ юродства; на тѣлѣ своемъ носилъ онъ вериги изъ толстыхъ желѣзныхъ крестовъ, на пальцахъ нѣсколько колецъ и на головѣ тяжелый желѣзный колпакъ. Ростовцы прозвали его „большимъ колпакомъ“. Скоро онъ появился въ Москвѣ. Съ распущенными волосами, въ веригахъ и почти нагой бродилъ онъ по улицамъ Москвы; предъ смертію самъ указалъ мѣсто для своего погребенія: пошелъ въ баню, снялъ съ себя вериги, легъ на скамью, подложилъ подъ голову вериги, и скончался (3 іюля 1589 г.). По волѣ царя Ѳеодора Ивановича было совершено торжественное отпѣваніе блаженнаго. При этомъ разразилась сильная буря съ грозой, нанесшая не мало вреда, и послѣ нея открылись благодатныя исцѣленія отъ гроба угодника Божія[122]). *Николай Псковскій*, по прозванью Салосъ († 1576 г.) извѣстенъ по слѣдующему случаю: въ февралѣ 1570 г. Іоаннъ Грозный прибылъ ко Пскову, готовя ему страшную участь. По требованію блаженнаго Николая по улицамъ го-

рода, предъ каждымъ домомъ поставлены были столы съ хлѣбомъ и солью, и, когда проходилъ царь, граждане съ женами и дѣтьми становились на колѣна. Юродивый, на палочкѣ верхомъ, въ длинной рубашкѣ и съ веревкой вмѣсто пояса подскакалъ къ царю, приговаривая: „Иванушка, Иванушка! покушай, вотъ тебѣ хлѣбъ-соль. Чай не наѣлся мясомъ человѣческимъ въ Новгородѣ“. Грозный разсердился и приказалъ опричникамъ схватить юродиваго, но тотъ успѣлъ скрыться. При выходѣ царя изъ собора онъ опять подступилъ къ нему и упросилъ зайти къ нему въ келью подъ соборную колокольню. Тамъ на лавкѣ на чистой скатерти лежалъ огромный кусокъ сыраго мяса. „Покушай, покушай, Иванушка“, приговаривалъ Никола съ поклономъ царю. „Я христіанинъ и не ѣмъ мяса въ постъ“, сурово отвѣчалъ тотъ.—„Мяса не ѣшь, а людей губишь и кровь христіанскую пьешь, и суда Божія не боишься!“ Царь разгнѣвался, велѣлъ снимать колокола съ соборной церкви и грабить ризницу. „Не тронь насъ, прохожій человѣкъ, ступай скорѣе прочь. Если еще помедлишь, не на чемъ тебѣ будетъ бѣжать отсюда“, строго замѣтилъ ему юродивый. Въ ту же минуту вошелъ Малюта Скуратовъ и доложилъ, что палъ любимый царскій конь. „Вотъ только тронь кого нибудь въ богоспасаемомъ Псковѣ“, закричалъ юродивый, „или церкви начни грабить, сейчасъ же издохнешь, какъ конь твой“. Грозный испугался и оставилъ городъ[123]). *Блаженный Симонъ* († 1584 г.), сынъ поселянина, жившаго недалеко отъ Юрьевца Поволгскаго, тайно ушелъ изъ родительскаго дома въ глухой лѣсъ. Тамъ нашли его поселяне с. Ялнатскаго и привели съ собою. 15 лѣтъ прожилъ онъ здѣсь въ домѣ священника, исполняя даваемыя ему работы, и являясь глупцомъ предъ людьми: одеждою его зимою и лѣтомъ служила только рубашка, обуви не носилъ совсѣмъ; спалъ на голой землѣ. Отъ суровой жизни кожа его почернѣла. Перейдя въ Юрьевецъ, онъ не имѣлъ уже никакого пристанища: босой и полунагой ходилъ онъ по городу; любимымъ мѣстомъ его была паперть какой нибудь церкви, гдѣ онъ подолгу молился. Въ обществѣ встрѣчалъ онъ только толчки и насмѣшки. Но все переносилъ безропотно. Духъ его настолько окрѣпъ отъ строгой жизни, что онъ прозрѣвалъ въ будущее и читалъ иногда то, что было въ мысляхъ у другихъ.

Приложенія.

ГЛАВА I.

Пособія: *Григорьева* О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ. Москва 1842 г. стр. 33—50; *Макарія* Исторія русской Церкви т. IV (1866 г.) стр. 115—148; VI (1870), 319—350. Взглядъ на первые слѣды христ. вѣры между монголами — Христ. Чтеніе 1848, I. стр. 32—46; Православіе и русская народность въ Литвѣ—Христ. Чт. 1851, I, 430 и слѣд. Успѣхи хр. Церкви въ періодъ монгольскій—ibid. 1859, I, 436 и слѣд. Литва въ отношеніи къ Россіи и Польшѣ—Вѣстникъ югозап. и западн. Россіи 1860, I отд. II. О мирномъ распространеніи христіанства въ Россіи — Прибавл. къ Твор. Св. Отц. 1845 г. стр. 263—291. Русская Церковь въ Сѣверномъ поморьи въ XV—XVII в. — Правосл. Собесѣдн. 1860 г. ч. II, стр. 3 и 256.

[1]) Олегъ Ингваревичъ Красный и Василько Константиновичъ Ростовскій. Толстаго Разсказы изъ исторіи Р. Церкви стр. 98, 100; Полн. собр. р. лѣтоп. I, 198—199.

[2]) Свидѣтельство Пило-Карпини. Сл. собр. путешествій къ татарамъ Языкова. Спб. 1825. стр. 87.

[3]) Макарія Ист. Р. Ц. т. IV, 115—116.

[4]) Григорьева стр. 184—185; Собраніе Госуд. Граматъ т. II, № 2, стр. 6 (Ярлыкъ Менгу-Темира).

[5]) См. Макарія IV, 118.

[6]) Полн. Собр. Р. Лѣтоп. I, 201; V, 182—186; VII, 153—156; XV, 387—391 и др.

[7]) Ibid. VII, 170; XV, 403 и др.

[8]) Ibid. V, 208—215; VII, 188—197; XV, 411—412 и др.

[9]) Исторія монголовъ—перев. съ персидскаго. Спб. 1834, стр. 49.

[10]) См. Полн. Собр. Р. Лѣтоп. V, 211.

[11]) Дочь Менгу-Темира Анна, жена Θеодора Ярославскаго и Смоленскаго; сестра Узбека Кончака — Агаθья, жена Юрія Московскаго, и др. См. Полн. Собр. Р. Лѣт. VII, 174, 188; I, 228 и др.

[12]) Жены Ногая, Тохтагу и Узбека. См. Христ. Чт. 1848 г. I, 34.

[13]) Собр. путешествій къ татарамъ Языкова стр. 41—43, 134—5; Voyage du Rubruquis изд. Бержерона стр. 48, 78.

14) Вопросы Θеогноста Сарскаго на Константинопольскомъ соборѣ 1301 г.— Макарія Ист. IV, 121.

15) Отрывки изъ его житія. См. у Макарія IV, Прилож. № XVII, стр 339.

16) См. Макарія IV, 123, 125—6; Христ. Чт. 1848, I, 38—40.

17) Полн. Собр. Р. Лѣтоп. VI, 297, 299.

18) Соловьева, Исторія Росс. т. VII (1857 г.), стр. 177.

19) О крещеніи Казани, см. Макарія VI, 334—345; Христ. Чтен. 1848, I, 40—46. Житіе Гурія см. въ Правосл. Собесѣдн. 1868, II, 16—17; Житіе Варсанофія ibid. 23—29; Елисѣевъ, Жизнеописанія свв. Гурія, Германа и Варсанофія, Каз. 1847 г., стр. 31—46.

20) Докладъ митр. Казанскаго Гермогена. См. Макарія X (1881 г.), 73.

21) Соловьева ист. VI (1856), 135.

22) Полн. Собр. Р. Лѣт. II, 341.

23) Макарія IV, 126—136; V (1866 г.), 329—338.

24) Ibid. IX (1879), 70.

25) Филарета Ист. р. Церкви періодъ III (Москва 1857), стр. 57—62.

26) Соловьева VII, 86.

27) Макарія X, 77—78.

28) Ibid. IV, 204—209; VII (1874 г.), 28—52.

29) Отрывки изъ его житія см. у Макарія IV, прилож. № XVIII, стр. 341.

30) Акты историч. т. I № 112 стр. 168.

31) Свидѣт. Герберштейна. Макарія VI, 322.

32) О христіанствѣ въ Перми. См. у Макарія IV, 136—146; VI, 318—322. Знаменскаго Руководство по исторіи р. Церкви 94—96; 119—120; Разсказы изъ ист. р. Церкви Толстаго (1873 г.) 221—227.

33) Толстаго 230—231.

34) Сочин. Максима Грека (Казань) ч. III стр. 265.

35) Житіе его см. въ Правосл. Собесѣдн. 1859, II. 89—120.

36) Макарія VI, 322—329.

37) Ibid. 348; X. 75.

38) Ibid. VI, 347: X, 66—67.

ГЛАВА II.

Пособія: *Макарія* Исторія р. Церкви IV, 1—113; V, 1—124, 276—303. VI, 1—317, 354—357; VIII 143—308; IX, первыя три главы. *Чистовича* Очеркъ исторіи западно-русской Церкви на Волыни — Христ. Чтеніе 1855 г. I, стр. 144—165. Митрополія Кіевская въ началѣ своего отдѣленія отъ Московской—Прибавл. къ Твор. св. Отц. 1854 г. т. XIII. Мѣсячный митрополичій судъ—Правосл. Обозрѣніе 1863, 3. Митр. Кириллъ III—Прибавл. къ Твор. св. Отц. 1843 г. т. I; Воскресное Чтеніе

1855, IX, 233, 251 и слѣд. Св. Петръ, митр. Московскій — Прибавл. къ Твор. свят. Отц. 1844, II. Митр. Кипріанъ — ibid. 1848, т. VI; Правосл. Собесѣдн. 1862 г. ч. I стр. 3 и слѣд. Митр. Фотій—Прибавл. къ Твор. св. Отц. 1852, т. XI. Митр. Московскій Іона—ibid. 1846, т. IV; Воскр. Чтеніе 1855 г. XIX, стр. 127 и слѣд. Митр. Ѳеодосій и Филиппъ I—Приб. къ Твор. св. Отц. 1857, т. XVI. Митр. Даніилъ и его сочиненія—Чтеніе въ Общ. исторіи и древн. 1881 г. янв. — іюнь; Отдѣльное изданіе *(Жмакина)* 1881 г. Москва. Филиппъ II — Воскр. Чтеніе 1841 г. V, стр. 345 и слѣд. Митр. моск. Макарій—Журн. Минист. Нар. Просвѣщенія. 1881 г. окт.; Чтенія въ Общ. Любит. Духов. Просвѣщенія 1877 г. II, 1878, I, 1882 г.; Отдѣльное изданіе *(Лебедева)* въ Москвѣ 1872 г. *Перова* Епархіальныя учрежденія въ русской Церкви въ XVI и XVII вв. Рязань, 1882 г. *Лохвицкаго* Очеркъ церковной администраціи въ древней Россіи. *Знаменскаго* Администрація дух. въ древней Руси — Прав. Обозр. 1867 г. № 3, стр. 307—322. *Каптерева* Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси. Опредѣленія Владимірскаго собора 1274 г.—Прав. Собес. 1863 г. ч. I, стр. 221 и слѣд.; Христ. Чтеніе 1852 г. ч. I, стр. 312—8. Свѣдѣнія о соборахъ въ Россіи XIII — XV в. — Христ. Чт. 1852 г. ч. I. Свѣдѣнія о соборахъ XVI в. — Ibid. ч. II, стр. 11, 529 и слѣд.; Духовн. Бесѣда 1864 г. № 29, стр. 31 и слѣд. Свѣдѣнія о Стоглавомъ соборѣ см. въ Исторіи Макарія IV, 220—246; Христ. Чт. 1852, II, стр. 238 и слѣд.; Правосл. Собесѣдн. 1860, II, стр. 107, 219, 362 и слѣд. О Стоглавѣ—Правосл. Собесѣдн. 1863 г. ч. I, стр. 317, 421 и слѣд. Правосл. Обозр. 1863 г. XI, 189—235. Чтенія въ Общ. Любит. Дух. Просвѣщ. 1882 г. I. Опредѣленія Виленскаго собора 1509 г. Православн. Собесѣд. 1863 г. III стр. 113 и слѣд. Церковное право на Руси при Монголахъ *(Макарія)*—Духовн. Вѣстникъ 1863 г. февр. стр. 134—158. Древнерусское церковное право *(Мысовскаго)*—Правосл. Собесѣдн. 1863, ч II и III. *Б. Розенкампфа* Обозрѣніе кормчей. О первоначальномъ составѣ кормчей книги — Христ. Чт. 1851 г. май. *Бѣляева* О поземельномъ владѣніи въ московскомъ государствѣ.—Временникъ моск. истор. общества т. XI отд. I, стр. 11—24. *Горчакова* о земельныхъ владѣніяхъ всеросс. митрр., патрр. и Св. Синода, Спб. 1871 г. *Милютина* о недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи — Чтенія въ Моск. Истор. Общ. 1859 г. IV; 1860, III; 1861, II и III.

39) Макарія Ист. т. IV, Прилож. № VIII, стр. 319—322; т. IV, стр. 41.
40) Макарія IV, 70
41) Новгор. лѣтоп. III, 238.

42) См. эти граматы въ Acta patriarchatus Constantinop. I, 261—271, edit. Miklosich Vindob. 1860; въ переводѣ см. Журн. Минист. Нар. Просвѣщ. 1847. ч. LIV, отд. II; Макарія Ист. т. IV, Прилож. № V.

43) См. граматы въ Прилож. къ Ист. Макарія т. IV, №№ VI и VIII.

44) См. подробности въ граматахъ 1361 г. Константин. собора и патріарха-Acta patriapch. Const. I, 425—430; 434—436; Журналъ Минист. Нар. Просв. Ibid. грам. 13-я, Никон. Лѣтоп. III, 207, 214.

45) См. грамату Констант. собора 1380 г.—Acta part. Const. II, 12.

46) Acta patr. Const. I, 580.

47) Ibid. 177 и 582; Журн. Мин. Нар. Просв. Ibid. грам. 27 и 30. Ист. Макарія т. IV, Прилож. № XIII.

48) Acta part. Const. II, 12.

49) Ibid. 116—129.

50) См. Мак. Ист. IV, 84.

51) Акты Западной Россіи т. I, № 25: Никон. Лѣтоп. V, 52—4; 58—59; Полное Собр. Р. Лѣтопп. т. II стр. 353; III, 106 и др.

52) См. Акты Историч. т. I, стр. 275; Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. VIII, 149; VI, 169 и др.

53) См. грамату о поставленіи митр. Алексія—въ Acta patr. Const. I, 336; Ист. Макарія V, 281.

54) См. Акты Зап. Россіи №№ 23—25.

55) Акты Истор. т. I, № 39.

56) Ibid. №№ 41 и 262.

57) Мак. Ист. VIII, 346.

58) См. Сочиненія Максима Грека, Казань 1859 г. ч. III, стр. 154—164.

59) Макарія IX, 63—64, 68—69.

60) Ibid. 83.

61) Макарія VI. 40, 50.

62) Acta Const. I, 339 — грамата патр. Филоѳея по случаю поставленія митР. Алексія.

63) На митр. Ѳеогноста — изъ Новгорода; на м. Алексія — отъ Ольгерда и тверскаго князя; на м. Фотія — отъ Витовта и югозападнаго духовенства; на Митяя—отъ Діонисія суздальскаго.

64) акарія VI, 2.

65) См. напр. въ Актахъ Ист. № 254, стр. 482—4.

66) До 1483 или 1484 года. См. Воскрес. лѣтоп. VIII, 215: Новгор. III т. III стр. 243; 1 Софійская т. VI, 36; 2 Псковск. т. V, 41.

67) Акты Ист. I, № 18, стр. 27.

68) Знаменскаго, Руководство ко Ист. Р. Ц. стр. 80.

69) Акты археогр. экспедиціи т. I, № 375.

70) Акты Ист. I №№ 53, 56, 60, 61, 62, 64, 65, 66, 104, 114, 129, 274, 277; Акты Экспед. I, №№ 75, 99, 229, 238; Дополн. къ Ист. Акт. т. I, № 35: Акты Юридич. № 360.

71) Примѣръ такого „исповѣданія“ см. въ Акт. Эксп. I, № 370.

72) Макар. VIII, 177—180 и др.

73) Полное Собр. Рус. Лѣтот. VIII. 174; Никон. Лѣт. III, 69; Полн. Собр. Р. Л. I, 227.

74) Ibid. I, 228; VII. 186; Никон. III. 108.
75) Полн. Собр. Р. Л. VII, 215; Никон. III, 193.
76) Никон. IV, 195—197.
77) Ibid. 315; Троицкая Лѣт. у Карамз. въ Ист. V, прим. 232.
78) См. Памятн. Стар. Русск. Литер. IV, 208.
79) Полн. Собр. Р. Л. III, 83, 86.
80) См. Акты Ист. I, №№ 8, 9; 20; 34, 35; 60: 22 и 30.
81) Полн. С. Р. Л. IV, 211, 214.
82) Макар. V, 106—107.
83) Ibid. 84—89.
84) Знаменскаго, Руков. 80—81.
85) Acta patr. Const. I, 348—Грамата патр. къ Моисею Новгородскому.
86) Знаменск. 82—3; Макар. V, 107.
87) Акты Ист. I, №№ 44, 268, 269.
88) Макар. VIII, 177.
89) Акты Ист. V, 298 стр. 528—пост. Виленскаго собора 1509 г. Макарія IX, 335—жалоба митр. Сильвестра Сигизмунду.
90) Герберштейнъ. См. Макар. VI, 149—150.
91) Макар. VI, 150.
92) Ibid. 166.
93) Ibid. 296.
94) Ibid. 205.
95) Христ. Чт. 1855, I, стр. 160—161.
96) Мак. IX, 234—5.
97) Ibid. VI, 166.
98) Ibid. 204.
99) Ibid. 295—306.
100) Ibid. 171—177.
101) Ibid. IX, 90; 93—107.
102) Ibid. 192, 268; 289, 336, 477 и др.
103) Христ. Чт. 1855, I, 160—1, Соловьева Ист. V, 463—464 (1855 г.).
104) Прав. 14 Виленскаго собора.
105) Христ. Чт. 1855, I, 165. Макарія IX, 264—7.
106) Макар. ibid. 293.
107) Ibid. VI, 75
108) Ibid. 151—2.
109) Соловьева Ист. V, 248.
110) Знаменск. Руков. 134.
111) Мак. IV, 211.
112) Христ. Чт. 1855, I, 162—4.
113) Стоглавъ, изд. Кожанчикова, Спб. 1863 г. стр. 250.
114) Напр. см. у Мак. VI, 142.
115) Акты Зап. Россіи II, № 212.
116) Мак. VIII, 205; IX, 263.
117) Ibid. IX, 204.
118) А. Ист. I, № 285; Акты эксп. I, №№ 382 и 383.
119) Макар. VI, 51, 120—121; 145; VIII, 180—181

120) Ibid. VI, 356.

121) См. Окружн. грам. Θеодосія. Акты истор. I, № 64.

122) Сочин. Максима Грека II, 372.

123) Макар. VI, 204.

124) Ibid. 236—8.

125) Ibid. VI, 107—9; VI, 348—357; IX, 131—2, 288, 392 и др.

126) Ibid. VI, 354—5.

127) Акты ист. I, № 251, стр. 471—2; Полн. Собр. Рус. Лѣт. VIII, 48, 60, 78 и др.

128) Макар. IV, 113..

129) См. ibid. V, 106; Собр. Лѣт. VIII, 48.

130) См. Макар. IV, прилож. № X.

131) Акты ист. I, № 173, стр. 331—3.

132) См. рѣчь его на Владим. соборѣ въ Русск. Достопамм. т. I, стр. 106—107.

133) См. Славянорусскія рукоп. Ундольскаго №№ 35, 36.

134) См. въ Правосл. Собес. 1860 г. II, 316 и слѣд. Объ обоихъ этихъ номоканонахъ см. у *Павлова* Номоканонъ при большомъ Требникѣ, Одесса, 1872 г. стр. 19—28; у *М. Горчакова* къ Исторіи епитим. номокан. правосл. Церкви. Спб. 1874 г. стр. 16—22.

135) См. объ нихъ у *Калайдовича,* Опис. рукоп. Толст. 79, 169, 510, 701, 705 и *Варлаам.* Обозрѣніе рукопис. пр. Кирилла Бѣлозер. Чтенія въ Общ. Истор. 1860 г. т. II, отд. II, стр. 45—55.

136) Варлаам. ibid. стр. 26—68.

137) Русскія Достопам. II, стр. 138—200. *Калачева,* О мѣрилѣ праведномъ въ Архивѣ историкоюридическихъ свѣдѣній о Россіи т. I, отд. III, стр. 28—40.

138) Правосл. Собес. 1865, I, 51 и слѣд.

139) Ibid. 189 и слѣд.

140) Ibid. II, 9 и слѣд.

141) Списокъ правилъ этого собора, см. въ Русск. Достопам. ч. I, „Поученіе Кирилла къ попомъ“ см. въ Прибавл. къ Твор. св. От. 1843 г. т. I, стр 425.

142) См. эти постановленія въ Акт. Экспед., т. 1, №№ 382 (уложеніе Августовскаго засѣданія) и 383 (Сентябрскаго). Слич. Макар. VI, 118—125.

143) См. въ Акт. Истор. I, № 289.

144) Полную редакцію см. въ изд. Казанской Дух. Академіи 1862 г.; краткую — въ изд. Кожанчикова, Спб. 1863 г (я цитирую по нему); черновую или первоначальную безъ главъ—у Калачева въ Арх. историч. и практич. свѣдѣній о Россіи кн. V, ст. 5, Спб. 1863 г. Прав. Собес. 1863. III, 159 и слѣд.

145) См. объ нихъ въ Правосл. Собес. 1863, III стр. 78 и слѣд.

146) Акты, относ. къ Исторіи Зап. Росс. I, № 166. Соловьева V, 271.

147) Ibid. II, № 65.

148) Такихъ граматъ очень много въ Акт. Ист. и въ Дополн. къ нимъ. См. жалованныхъ граматахъ монастырямъ въ Прав. Собес. 1863 г. III, стр. 262, 329 и слѣд.

149) Акты Эксп. I, стр. 226—228, 270.

150) Стогл. гл. 68: Макар. IX, 292.

151) См. Акты Истор. I, № 77, стр. 126—7; сл. № 68, стр. 120—121 и Стогл. гл. 64.

152) Стогл. гл. 63; Акты Зап. Росс. I, № 166; II, № 65.

153) Григорьева, О достов. ханскихъ ярлыковъ 36—51. Акты истор. I, № 215; Акты эксп. I, №№ 5, 7, 34, 35, 37, 38; Акты Зап. Росс. I, №№ 14 и 43.

154) Акт. эксп. I, №№ 4, 17, 18, 19, 28, 31, 36, 37, 41; Акты Истор. I №№ 15, 25, 28, 178.

155) Гл. 67, стр. 206.

156) Ibid. гл. 66—68.

157) У Макарія въ Исторіи т. VIII, стр. 202 безъ достаточныхъ оснований допускается одинъ только судъ по духовнымъ дѣламъ въ епархіи—при епископской каѳедрѣ; но въ т. IX стр. 178 онъ говоритъ совсѣмъ иное, допуская, что и въ южной и московской митрополіи были еще окружные суды по духовнымъ дѣламъ. Тоже см. у Перова Епарх. учрежд. въ Русск. Ц. стр. 169, 172—173. Равнымъ образомъ Макарій и Перовъ расходятся по вопросу о томъ, всѣ ли дѣла окружныхъ судовъ должны были провѣряться и рѣшенія утверждаться мѣстнымъ архіереемъ: первый отвѣчаетъ отрицательно (VIII, 209), второй также отрицательно—о судахъ духовныхъ (стр. 174) и утвердительно—о недуховныхъ (стр. 176).

158) Судебн. Іоанна IV ст. 30, въ Акт. Истор. I, № 153, стр. 227; Стогл. гл. 67, стр. 207.

159) Акты эксп. I, №№ 159, 164, 166, 171, 175 и др.; Акты истор. I, №№ 131, 141, 147 и др.; Акты юридич. №№ 10, 11.

160) Акты истор. I, №№ 149, 165; Акты эксп. I, № 259.

161) Дополн. къ Акт. ист. I, № 17; Акты эксп. I, № 175 и др.

162) См. Макар. VIII, 201—211; IX, 278; Перова 169—200.

163) Акты истор. I, № 155, стр. 273.

164) См. у Перова стр. 64—94; Макар. V, 53—62; VIII, 257—262.

165) Макар. IX, 290.

166) Дополн. къ Акт. истор. I, №№ 46, 48, 113 и др.

167) Стогл. гл. 58—68; Акты истор. I, № 77 и др.

168) См. Историческій словарь о святыхъ, прославленныхъ въ Росс. Церкви, изд. 2, Сбп. 1862, стр. 49—50, 110.

169) Перова стр. 12.

170) Полн. Собр. Рус. Лѣт. III, 110, 140, 183; IV, 120.

171) Псковскіе споры въ Правосл. Обозр. 1872 г. ч. I и II; Макар. VI, 56—58, А. Ист. I, № 9.

172) Стогл. гл. 68; Акты Южн. и Зап. Росс. т. I, №№ 103, 118; т. II, № 118; Акты Зап. Россіи т. III, №№ 6 и 12; Виленскій археограф. Сборникъ т. VI, № 4, стр. 6, 16; № 13 стр. 22.

173) Стогл. гл. 69 стр. 216.

174) Гл. 67, стр. 206.

175) Макар. VIII, 194.

176) Макар. IV, 36.

177) Ibid. IX, 203.

178) Ibid. 238.

179) Ibid. 215—217.

180) Ibid. 245—246.

181) Стогл. гл. 34, 69; Акты истор. I, № 155 стр. 276.

182) Гл. 99 стр. 217. См. объ архіер. помощникахъ у Макар. VIII. 193—201; 257—262; IX, 293; у Перова 106—117; 122—3.

183) Макар. VI, 124.

184) Толстаго Разск. изъ ист. р. Церкви, стр. 219.

185) Русскіе святые Филар. Черниг. февр. (1862 г.) стр. 7 и 8.

186) Ibid. янв. (1861 г.) стр. 112—118.

187) Ibid. февр. стр. 52—56.

188) Ibid. мартъ (1862 г.) 68—77.

189) Макар. IX, 338.

190) См. Посланіе галицко-русскихъ дворянъ къ митр. Онисифору—въ Акт. Зап. Росс. III, № 146, сн. т. IV, стр. 43.

191) См. Макар. IX, 288—289; 388; 449—450; 464—6; 478—9; 683; Знаменск. Руков. 190.

192) Макар. VIII, стр. 182, примѣч. 238.

193) Акты истор. I, № 289.

194) См. Макар. IX, 180—181.

195) Стогл. гл. 25; 26; 41, вопр. 14 и 15; Акты Эксп. I, № 229.

196 Макар. IX, 686.

197) См. Стогл. гл. 77.

198) Ibid. гл. 78.

199) Ibid. гл. 80.

200) Отпечатано въ Чтен. Моск. Историч. Общ. 1848 г. т. VI отд. IV, стр. 45—54.

201) См. Макар. V, 50.

202) См. Стогл. гл. 80, стр. 241—242.

203) По другой редакціи съ дьякона и попа—„полтора рубля съ алтыномъ“ Стогл. гл. 87 и 89; сравни Дополн. къ Акт. Истор. I, № 46.

204) Макар. IX, 181—2.

205) См. образецъ въ Акт. Ист. I, № 109.

206) См. объ этомъ у Макар. VI, 118—125; VIII, 182—193; IX, 168—183.

207) Акт. Южн. и Зап. Росс. I, №№ 226, 227, 228; Акты Виленской комм. т. III, № 2.

208) См. Макар. VIII, 191, примѣч.

209) Ibid. IX. 201.

210) Ibid. V, 42 и 50.

211) Акты эксп. I, 229, Стогл. прилож. стр. 281.

212) См. Макар. V, 40—41, 46.

213) Полн. собр. р. лѣт. I, 203, 226; Никон. лѣт. III, 37, 59.

214) Макар. VIII, 278, 299—300.

215) Ibid. IX, 468.

216) Ibid. V, 52; VIII, 301—2; IX, 468 и др.

217) Ibid. VIII, 300—1; 5 гл. 10 вопр. и 72 гл. Стогл.

218) Стогл. гл. 72.

219) Акты истор. I № 215; Никон. лѣтоп. III, 190.

220) Акты эксп. I № 9; акты ист. I, № 215.

221) Акты ист. I №№ 111, 141, 148, 151, 163, 166, 177, 200; Акты эксп. I, №№ 48, 52, 60, 130, 131, 148, 159, 164, 171, 174, 177 и др.

222) Макар. VIII, 230—235.

223) Ibid. 266—276.

224) Ibid. IX, 264—6.

225) Ibid. VIII, 109—110.

226) См. въ Памятн. древнерусск. канонич. права т. I, № 16 стр. 150—158.

227) Акты Истор. I, № 259.

228) Макар. VIII, 234.

229) Никон. лѣт. III, 204; IV, 70; Полн. Собр. р. лѣт. VIII, 29; Степенн. кн. I, стр. 452; Акты Экспед. I, №№. 370 и 375.

230) Никон. лѣт. V, 47.

231) У Новгор. владыки до 126 челов. См. Перова стр. 95; Макар. VIII, 296.

232) Полн. Собр. р. лѣт. IV, 100; V, 256; VI, 147; VIII, 29; Акты Экспед. I № 9.

233) См. у Перова стр. 76—99; у Макар. V, 121; VIII, 210—226; 280—281; 296--308; IX, 28, 127—9, 257 и др.

234) Свѣд. Герберштейна. Записки о Московіи, перев. Анонимова Спб. 1866 стр. 47.

235) См. граматы Іоанна IV въ Акт. Эксп. I, № 288; грам. Сигизмунда I, въ Акт. Зап. Росс. II, № 231.

236) Макар. VIII, 240 — 2; 289 — 294; IX, 127 — 9; 194, 199, 257; 382, 456 и др.

237) Акты Истор. I № 129.

238) Русскіе святые Фил. Черн. февр. стр. 7—8.

239) Соловьева IV, 80; Макарія V, 119.

240) См. его посланіе на р. Угру—Полн. Собр. р. Лѣт. VI, 225—6; VIII, 207—213; Степ. кн. II, 140—149.

241) Акты Истор. I, № 56.

242) Ibid. № 51.

243) Акты Истор. I, № 43.

244) Ibid. № 53; Акты Эксп. I, № 372.

245) Акты Истор. I, № 261.

246) Ibid. № 56.

247) Соловьева IV, 303 и др.

248) Собр. госуд. граматъ и договоровъ I, № 24 стр. 38.

249) Акты Ист. I, № 39.

250) Макар. VI, 210.

251) Акты Ист. I, № 90.

252) Макар. VI, 77.

253) Акты Ист. I, №№ 97 и 98.

254) Макар. IX, 284.

ГЛАВА III.

Пособія: *Макарія* Исторія р. Церкви т. V стр. 125—258; 308—367; т. IV стр. 148—162; т. VII, стр. 113—528; т. VI, 80—103, 114—118, 152—157, 247—275; т. VIII, 370—414; т. IX, 129—

131, 137—148, 284—287; 299—304, 462—4, 469—477; *Лавровскаго* о древнерусскихъ училищахъ Харьк. 1854 г. *Евгенія* Словарь дух. писателей; *Архангельскаго* Нилъ Сорскій (Спб. 1882 г.) въ памятн. древн. письм. и искусства т. 16, особенно стран. 185—283. *Жмакина* митр. Даніилъ и его сочиненія Москва. 1881 г. *Преображенскаго* нравственное состояніе русскаго общества въ XVI в. Москва 1881 г. (гл. I). Списываніе книгъ въ древнія времена Россіи—Прав. Собес. 1862 г. ч. I стр. 131 и слѣд., 350 и слѣд. О чтеніи книгъ въ древнія времена Россіи—Прав. Собес. 1858, II, стр. 173, 443 и слѣд. Характеръ и направленіе древнерусскихъ читателей и переписчиковъ книгъ—Чтенія въ Общ. Любит. дух. просвѣщ. 1873 г. Апрѣль, стр. 482 и слѣд. Обзоръ русскихъ лѣтописей въ содержаніи и характерѣ ихъ, преимущественно церковноисторическомъ—Прав. Собес. 1860, II стр. 46, 176 и слѣд. Объ ереси жидовствующихъ—Прав. Обозр. 1862 г. №№ 6—8, Журн. Минист. Народн. Просвѣщ. 1877 г. янв., февр. и мартъ. Римскій католицизмъ въ Россіи *Д. Толстаго* Спб. 1876 г. глл. 1—2, стр. 1—69. Покушеніе папъ на подчиненіе себѣ русской Церкви (1431—1461 г.)—Руководство для сельск. пастыр. 1867 г. III, 486, 529 и слѣд. Очеркъ исторіи правосл. церкви на Волыни—Христ. Чтеніе 1855 г. I стр. 123 и слѣд. Православіе и русская народность въ Литвѣ — Христ. Чт. 1851 г. I и II. *Завитневича* Палинодія Захаріи Копыстенскаго и ея мѣсто въ исторіи западно-русской полемики XVI и XVII вв. Варш. 1883 г. *Чистовича* очеркъ западно-русской Ц. т. 1. *Цвѣтаева* Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра В. въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1883 г. Сент.

255) См. въ V т. Ист. Макарія примѣч. 202, гдѣ собраны житійныя свидѣтельства о школахъ.

256) Акты Ист. т. I № 104, стр. 148.

257) Стогл. гл. 5 вопр. 6; гл. 25 стр. 91.

258) Ibid. гл. 25.

259) Акты Ист. I № 104 стр. 148.

260) Стогл. гл. 26 стр. 93.

261) Свидѣт. 1581 г. Антонія Поссевина и 1576 Іоанна Кобевцеля (Макарія Ист. VII, 116). Можно догадываться, что послѣ Стоглаваго Собора пришли въ упадокъ и монастырскія школы, существовавшія прежде: этотъ соборъ запретилъ держать въ монастыряхъ „голоусыхъ ребятъ“ (гл. 49 стр. 166); нѣкоторыя поученія XVI—XVII в. прямо заявляютъ, что не должно пускать въ монастыри мальчиковъ, хотя бы они шли туда учиться грамотѣ, и иноку не должно заниматься обученіемъ ихъ (Сбор. Каз. Дух. Акад. См. Прав. Собес. 1862 г. I, 167—9).

262) Мак. Ист. т. IX стр. 469; Соловьева Ист. т. VII стр. 242.

263) Сборн. государ. граматъ т. I № 184 стр. 556; Соловьева Ист. VII, 242.

264) Сказаніе о приходѣ Максима Грека на Русь. Опис. рукоп. синод. библ. отд. II кн. 2 стр. 580.

265) Свидѣтельство Флетчера объ одномъ вологодскомъ епископѣ. Чт. въ Общ. Ист. 1871 г. III стр. 170.

266) Акты Ист. I № 104 стр. 147.

267) Стогл. гл. 25 стр. 91.

268) Волокол. сборн. XVI в. въ библіотекѣ Моск. Дух. Акад. № 566 л. 69—70. См. *Архангельскаго* Нилъ Сорскій стр. 188.

269) Свидѣт. Антонія Поссевина у Преображенскаго стр. 19.

270) Памятн. древнерусскаго канонич. права I, № 117 стр. 794.

271) Напр. при нашествіи Тохтамыша татары „безвѣстно сотвориша многое множество книгъ“, собранныхъ въ Московскихъ соборныхъ церквахъ. Полн. Собр. р. лѣт. VIII, стр. 46 (подъ 1382 г.).

272) Чтенія въ Общ. Любит. дух. просв. 1873 № 4 стр. 485—7; 497; Прав. Собес. 1858, I, 95—6; 1862, I, 152—4, 162—4; Архангельскаго Н. С. стр. 18, Христ. Чт. 1853, II, 291—317; Журн. Мин. Нар. Пр. 1848 ч. LVIII стр. 128—142.

273) Исторія Макарія VII, 124.

274) Прав. Собес. 1858, I, стр. 95.

275) Мак. VII, 120—123; IX, 470—472; Прав. Собес. 1858, I, 163—164.

276) Памятн. стар. русской литературы т. IV, стр. 121.

277) Ист. Мак. IX, 301.

278) Ibid. VII, 118—120; Архангельскаго Н. С. стр. 18—19; Прав. Собес. 1862, I, 163—4.

279) Мак. VII, 116—118; см. въ Журналѣ Минист. Нар. Пр. 1834 г. II, отд. 2 стр. 401—414 статью Клоссіуса „Библіотека в. кн. Василія Іоанновича и Іоанна IV“.

280) Прав. Собес. 1858, II, 176.

281) Свидѣтельства Курбскаго и Артемія. Преображенск. стр. 20.

282) См. Чт. въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1873 г. № 4 стр. 488—489; Прав. Собес. 1858, II, 176—177.

283) См. поученіе м. Петра—Приб. къ Твор. Св. От. 1844, II, стр. 87 и 88; Стогл. гл. 6 стр. 61.

284) Напр. Нилъ Сорскій. Прав. Собес. 1858, I, 508—509.

285) Наказаніе о чтеніи книжномъ, приписываемое Кириллу Туровскому—рукоп. гр. Уварова т. II, вып. I, стр. 71.

286) Жмакина М. Даніилъ стр. 3—4; Прав. Собес. 1858, I, 489—494; II, 181.

287) Свидѣт. англичанъ, пріѣзжавшихъ въ Россію около 1575 г. см. Мак. VII, 116 прим. 109.

288) Прав. Собес. 1858, іюль, 458.

289) Дѣло Максима Грека въ Чт. Общ. Ист. и древност. 1847 г. т. VII.

290) Прав. собес. 1861, II, 84.

291) Сочин. Максима Гр. 1859 г. Казань. Т. I, стр. 29—34; 248, 351, 356, 459, 462; т. II стр. 75; т. III, стр. 75—92 и др.

292) Мак. VII, 268—270.

293) См. ихъ въ Истор. Христом. Буслаева стр. 533 (Москва 1861) и въ

матер. для исторіи Р. Церкви Макарія I, 36—42. Перечень апокрифическихъ книгъ по Кирилловой книгѣ см. въ Прав. Собес. 1858, II, 455—461. Нѣкоторые изъ нихъ помѣщены въ памятн. стар. р. литерат., изд. Кушелевымъ—Безбородко вып. III; въ памятн. отреченной р. литературы, изд. Тихонравовымъ, два тома 1863 г. Москва и въ Историч. очеркахъ русской народной словесности и искусства—Буслаева, т. I стр. 484—504.

294) О переводахъ и переводной литературѣ XIII—XVI в. см. Истор. Макарія V, 243—257, VII, 425—433; IX, 302; Архангельскаго 20—21, 198—201. Преображенскаго 53—60; Прав. Собес. 1858, II, 184—198, 444—446.

295) Прибавл. къ твор. св. от. ч. X стр. 508.

296) Правосл. Собес. 1858, II, 176—177.

297) См. Жмакина 3—24; Архангельскаго 241—243; Чтенія въ Общ. Л. Дух. Пр. 1873, № 4, 505—506.

298) Напечатано въ Полн. Собр. р. лѣт. VI, 87—89; VII, 212; Степен. кн. I, 480.

299) См. объ немъ у Казанскаго—Препод. Іосифъ Волоколамскій. Москва 1847; Булгакова—Пр. Іосифъ Волок. С.-Пб. 1865; Хрущева—Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Савина, пр. игумена Волоцкаго. Спб. 1868; Панова Ересь жидовствующихъ—Журн. Мин. Нар. Просв. 1877 г. № 2 стр. 252—295. Просвѣтитель пр. Іосифа Волоцкаго—Прав. Собес. 1859, III, 153—179; Жмакина—М. Даніилъ стр. 13—24. Макарія Ист. VII, 192—241; Христ. Чтеніе 1879, ч. II.

300) Жмакина М. Даніилъ; Мак. VII, 308—398.

301) Архангельскаго Нилъ Сорскій Спб. 1882; Преп. Нилъ Сорскій, первооснователь скитскаго житія въ Россіи и уставъ его о жительствѣ скитскомъ съ приложеніемъ всѣхъ другихъ его писаній. Спб. 1864. Правдина, Нилъ Сорскій и уставъ его скитской жизни—Хр. Чтеніе 1877 г. ч. I стр. 114—157; Шевыревъ—Исторія русской словесности. Москва 1860, ч. IV, стр. 177—196; Костомаровъ—Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ I отд. вып. 2 гл. XVI, 371—385; Панова—Ересь-жидовств.—Журн. Мин. Н. Просв. 1877, февр. 277—287.

302) Преп. Максимъ Грекъ, исповѣдникъ просвѣщенія въ XVI в.—Приб. къ Твор. Св. От. 1859 г. ч. XVIII; Хр. Чт. 1862, I, 113 и слѣд. Журн. Мин. Нар. Просв. 1834 г. № 8; Москвитянинъ 1842 г. № 11; Макарія VII, 265—308; сочинія пр. Максима Грека, Казань. 1859 г.

303) Сочин. Максима Грека т. III стр. 125—149.

304) Ibid. 150—153.

305) Ibid. 164—169.

306) 205—226.

307) 226—236.

308) т. I стр. 347, 377, 399, 435, 446, 455, 457; II, 52, 59, 79, 154; III, 205 и др.

309) т. I, 533—541.

310) т. III, 170—178.

311) См. В. М. Ундольскаго—Славянорусскія рукописи Москва 1870 г. стр. 1—9.

312) См. Опис. Рук. Синод. библ.

313) Опис. старопеч книгъ графа Толстаго №№ 21 и 22 стр. 45—60.

314) Ibid. стр. 30—31 Рукопись хранится въ Полтавской дух. Семинаріи, описана Н. Думитрашко въ Полт. Епарх. вѣдом. 1874 г. №№ 8 и 9.

315) Соч. Максима Г. т. III стр. 5—41, 49.

316) См. Истор. Макарія Прилож. къ т. V № X.,; статью о нѣмецкой вѣрѣ См. въ Опис. рукоп. синод. библ. кн. IV, № 330 стр. 741.

317) Просвѣтитель изданъ Казанскою Академіей съ довольно обстоятельными о немъ свѣдѣніями (Каз. 1855). О Просвѣтителѣ писали Макарій Ист. VII, 191—232; Шевыревъ Ист. Росс. словесности IV, 148—175 (Москва 1860), свящ. Булгаковъ въ соч. Препод. Іосифъ Вол. стр. 95—145; Хрущовъ въ изслѣдованіи о сочиненіяхъ Іосифа Савина, преп. игумена Вол. Спб. 1868, стр. 133—162, 189—192; Правосл. Собес. 1859, III, 153 и слѣд. См. примѣч. 299.

318) Сочин. Макс. Гр. т. I стр. 39—51.

319) Ibid. стр. 485—494.

320) Стр. 495—508.

321) Стр. 51—55.

322) Стр. 55—62.

323) 62—77.

324) 77—168.

325) 169—180.

326) 180—212.

327) 213—234.

328) 323—346; 509—532.

329) 235—322.

330) Жмакина стр. 320—392; Макарія VII, 312—316; 329—340. Списокъ Соборника XVI в. находится въ библіот. Моск. Дух. Акад. № 197; списки XVIII в.—въ библіот. Моск. Синод. № 237 (Опис. II, 3, 147 и слѣд.) и въ бывшей библ. Царскаго (Опис 722—725).

331) Издано въ Прав. Собес. Каз. 1863 г.

332) Рукк. см. въ библіот. Спб. Дух. Акад. №№ 1108 и 1241.

333) Макарія VII; 487—526.

334) Рукоп. сборн. Новгор. Соф. библ. въ Спб. Дух. Акад. № 1451 л. 243—261; Макарія IX. 64—67.

335) Наказн. грам. м. Макарія—Прав. Собес. 1863, I, 103; 6 гл. Стоглав. стр. 61; Объ упадкѣ проповѣди см. Преображенскаго 47; Прав. собес. 1858, I, 289; Жмакина 306—309; Журн. Мин. Нар. Просв. 1868, № 2 стр. 379.

336) „Правило" см. въ Русск. Достопам. I, 106—108 и въ Памятн. древнерусскаго канон. права (Спб. 1880) I, 83—102; „Поученіе"—въ Прибавл. къ твор. св. От. I, 428—432. О сочиненіяхъ Кирилла III см. у Макарія V, прил. № IV стр. 383—408.

337) 4 слова отпечатаны въ Приб. къ Твор. св. От. I, 92 и слѣд. Пятое издано Шевыревымъ (поѣздка въ Кирилло-Бѣлоз. мон. II, 36). Въ Прав. Собес. 1858, II, 472—484 изданы еще два слова, по догаткѣ приписываемыя Серапіону. О Серапіонѣ, какъ писателѣ см. въ Прибавл. къ Твор. св. От. 1843 года ч. I.

338) Отпечатано въ прибавл. къ Тв. св. От. т. II, 85—90; другой списокъ см. въ VI приложеніи къ VII т. ист. Макарія

339) Прибал. къ Тв. св. От. т. V стр. 30.

340) Душепол. Чтеніе 1861, ч. I стр. 449.

341) Акты истор. I № 3.

342) Слово на Благовѣщеніе см. въ Дополн. къ Ист. Акт. I № 182; слѣдующія 4 слова—въ Прав. Собес. 1860, II, 453; III, 222, 354 и 481; два слова о казняхъ Божіихъ—въ Прав. Собес. 1861, II, 181, 303; замѣчанія о третьемъ такомъ же словѣ см. въ Дополн. къ ист. Акт. т. I прим. стр. 14.

343) Большая часть посланій напечатана въ Акт. Экспед. т. I, Акт. Истор. т. I, Дополн. къ Ист. Акт. т. I, въ полномъ собр. р. лѣтоп. IV, 116; Никоновск. лѣт. V, 65. О Фотіѣ, какъ писателѣ см. у Макарія V, 193—211.

344) См. его посланіе въ Кіево-Печ. мон.—Дополн. къ Ист. Акт. I, 323.

345) Обзоръ сочиненій Гр. Цамблака см. у Макарія т. V прил. № X стр. 422—468. Тамъ же см. и указанія на то, гдѣ помѣщены сочиненія Цамблака.

346) Ист. Акт. I, № 44, 46, 265, 267; Дополн. къ нимъ I, № 11.

347) Дополн. къ Ист. Акт. I № 211 и 213; Макарія Четьи-Минеи. Сент. 9, стр. 499—615.

348) Памятн. стар. р. литерат. IV, 192; Дополн. къ А. И. т. I № 216.

349) Дополн. къ А. И. I, № 213.

350) Хрущова о сочиненіяхъ пр. Іосифа Волоцкаго стр. 88—89.

251) Препод. Отца нашего Нила Сорскаго Преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ; изд. Оптиной пустыни 1849 г. стр. 1—20.

352) Ibid. стр. 21—154.

353) Препод. Нилъ Сорскій—изд. Елагина стр. 178—183.

354) Ibid. стр. 169—177.

355) Ibid. стр. 184—196.

356) Волокол. сборн. XVI в. въ библіот. Моск. Дух. Акад. № 491, лл. 34—8. Архангельскаго Нилъ С. стр. 85—87.

357) Изд. Елагина стр. 161—169.

358) Архангельскаго 72.

359) Ibid. стр. 121.

360) Ibid. 122—123.

361) Ibid. 48—184; см. примѣч. 301; и др.

362) Сочиненія Максима Грека т. II, 5—52, 119—147, 148—152; 247.

363) стр. 52—88.

364) Стр. 185, 260, 277, 251.

365) Стр. 214, 245.

366) Стр. 213, 241.

367) Стр. 157, 338, 319.

368) Стр. 231, 220, 394 и 89.

369) Стр. 346, 388, 425, 248, 386.

370) Жмакина стр. 263—274; 392—449; 470—742: Макарія VII, 316—329; 336—397. Тамъ же см. указаніе на то, гдѣ находятся рукописныя или печатныя сочиненія М. Даніила; нѣкоторыя изъ нихъ см. у Жмакина въ Прилож.

371) Изданъ б. во Временникѣ Моск. Истор. Общ. кн. I отд. II; Кн. VI, отд. II (Москва 1849—1850 г.) и Кожанчиковымъ Спб. 1867 г. О Домостроѣ писали: Аѳанасьевъ—Отечеств. Зап. 1850 г. № 7; Соловьевъ—Ист. Росс. VII, 223 и слѣд.; Галаховъ—Ист. р. словесн. I, 141; Перфирьевъ—Прав. Собес.

1860, III, 279 и слѣд.; Некрасовъ—Чт. Моск. истор. Общ. 1872 г. III, отд. I стр. 1—184.

372) См. Христ. Чт. 1871, мартъ, въ особомъ приложеніи.

373) Макарія VII, 481.

374) Полн. собр. р. лѣт. V, 182—6; VII, 152—156, см. Прилож. къ ист. Макарія № V.

3375) Полн. с. р. лѣт. V, 2—6.

376) Прав. Собес. 1858, I, 432—9.

377) См. въ Прологахъ подъ 28 апр.

278) Макарія IV, прилож. № III.

379) П. с. р. лѣт. IV, 180; V, 192.

380) Ibid. V, 207; VII, 188; Степ. кн. I, 425.

381) П. с. р. л. VI, 104; р. истор. сборн. III, 81 и др.

382) Прав. Собес. 1861, II, 75—106.

383) Степ. кн. I, 410.

384) Памятн. стар. русск. литер. IV, 119-171

385) Сборн. библіот. м. Моск. Макарія № 42, л. 1—269.

386) Матеріалы для ист. р. церкви Макарія II, 57—77.

388) П. собр. р. лѣт. VIII, 26—28.

389) Матер. для ист. р. Ц. I, 60—76.

390) О Пахоміѣ см. у Макарія Ист. Ц. VII, 144—169; тамъ же указано, гдѣ помѣщены произведенія Пахомія

391) П. собр. р. лѣт. VI, 320—325.

392) Пам. стар. р. литер. IV, 27—35; Ключевскаго Древнерусскія житія св. Москва 1871 г. стр. 184—188.

393) Прав. Собес. 1861, I, 197; Ключевскаго 189—192.

394) Сборникъ библ. м. Макарія № 100; Ключевскаго 204—206.

395) Правосл. собес. 1859, II, 28 и слѣд.

396) Макаріевскія Четьи-Минеи подъ 20 сент.; Правосл. соб. 1859, II. III. О Львѣ Филологѣ см. въ Прибавл. къ твор. св. От. XVIII, 522 и слѣд.

397) Сочин. Максима Гр. II, 290, 447, 448; 449, 450; III, 178. 240, 243, 259, 263. 269, 281.

398) См. Макарія VII, 433—462; 526—527.

399) Всѣ ихъ см. въ III и IV т. П. собр. р. лѣт.

400) Въ IV—V т. П. с. р. л.

401) Изд. Даниловича. Вильна 1827 г.

402) V—VI т. П. с. р. л.

403) VII—VIII т.

404) IX—XIV т.

405) XV т.

406) О лѣтописяхъ см. въ предисловіяхъ къ тексту ихъ въ изд. Археогр. коммиссіи; Правосл. Собес. 1860, II, 46 и 176 и др. Соловьева Ист. IV, 383.

407) О степ. кн. см. въ предисловіи къ ней по изд. Миллера (Москва 1775 г.)

408) Изд. Сахаровымъ въ „Путешествія русск. людей по св. Землѣ“ ч. II стр. 7—8.

409) Напечатано въ Никон. лѣт. IV, 158—184.

410) Сахарова. Пут. р. л. по св. Землѣ II, 65—70.

411) Ibid. 31—62.

412) Ibid. 81—112; П. собр. р. лѣт. VI, 151—161; VIII, 100—106; древняя росс. Вивліоѳика VI, 27—70.

413) Буслаева Историч. Христом. 750—752.

414) Сахарова. Сказанія р. народа II т. Сн. п. собр. р. лѣт. III, 263.

415) Такъ въ П. с. р. л. IV, 72, V, 235; VIII, 24; но въ III, 231 это событіе отнесено къ 1376 г.

416) Одна грамата сохранилась въ греческомъ подлинникѣ (см. въ Acta patriarchatus Constant. t. II p. 31—34 изд. Миклошича и Мюллера); другая— въ двухъ нѣсколько различныхъ спискахъ въ славянскомъ переводѣ (см. въ Акт. ист. 1, № 4: памятн. древнерусскаго канон. права ч. I № 22 стр. 191—198).

417) См. Акт. ист. I, № 6 стр. 9—16; въ Памятн. древне-русск. канон. пр. I, № 25 стр. 211—228 помѣщено посланіе, очень похожее на Антоніево, но приписываемое Стефану Пермскому.

418) Акты ист. I, № 21, 33 и 34; Памят. древ. р. кан. пр. I, № 42.

419) О расколѣ стригольниковъ см. у Макарія IV, 148—162; Архангельскаго стр. 256—263; Иконникова „Опытъ изслѣдованія о культ. значеніи Византіи" 376—389; Костомарова Исторія въ жизнеописаніяхъ Вып. II отд. I стр. 316—319.

420) Соч. Максима Грека I, 51—55.

421) Объ ереси жидовствующихъ см., кромѣ указанныхъ раньше статей, у Архангельскаго стр. 264—274; Жмакина 37—78, 196—232, 1 примѣч. на стр. 38 и др. Отрошеніе иноковъ Кириллова и Іосифова мон. въ XVI в.—Прибавл. къ твор. св. От. 1851, X, 506.

422) Макар. VI, 247—262; 268—275; Соловьева ист. VII, 124—130; Христ. Чт. 1852, II, 529—538; Московскіе соборы на еретиковъ XVI в.—Чтен. въ Моск. Истор. Общ. 1847, III, отд. II.

423) См. Historica Russiae monumenta I, №№ LXI—LXXVIII, LXXXVIII, XCV.

424) Полн. с. р. л. VI, 159; VIII, 106; Никон. лѣт. V, 148.

425) См. Макар. V, 308—367; VIII, 370—414; IX, 19—20; 30—32; 76—79; 89—119; 284—7; 351—8; 368—373; 420—435; 462—6; Христ. Чтеніе 1855, I, 123 и слѣд.

426) См. Попова Историко-Литерат. обзоръ полемич. сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.) Москва 1875 г. стр. 360—395.

427) Напеч. при книгѣ Малышевскаго (выпустить) Александр. патр. Мелетій Пигасъ Приложе. III стр. 101—118 (Кіевъ 1872 г.).

428) Очеркъ славяно-русск. библіографіи Ундольскаго № 102, 104. Опис. рукоп. Румянц. муз. № 295; „Исторія листр. собора" отпечатана при книгѣ „Апокрисисъ" (1870 Кіевъ).

429) См. Акты истор. I №№ 63, 65, 66, 272, 275, 281.

430) Макар. IX, 422—4; жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни 2 т. Кіевъ 1849 г.—Изд. временной комм. для разбора древн. актовъ.

431) Макар. IX, 409—419. Подробнѣе будетъ сказано въ слѣдующемъ выпускѣ.

433) Вопр. въ статьѣ о преніи греч. философа Панагіота съ латинами, находимой часто въ рукоп. XV—XVI в.

434) Акты эксп. I стр. 471.

435) См. Макарія VIII, 370—373.

436) Отпеч. Поповымъ въ Чтен. Общ. Ист. и древн. Росс. II кн. 1879 г. стр. 1—53.

437) Макарія VIII, 402—412; Соколова — Отношеніе протест. къ Россіи, стр. 4—8, 57—67 (Москва 1880 г.).

438) Макарія IX, 310—328; Соколова 257—275; Христ. Чтен. I, 137—143.

ГЛАВА IV.

Пособія: *Макарія* ист. Ц. т. V стр. 228—301; т. VIII, стр. 1—142; т. IX стр. 134—136; 294—299; 466—8. *Павлова* Каноническіе памятники до XV в.—Русск. Истор. библіот. 1880 г. т. VI. *Одинцова* Порядокъ общественнаго и частнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI в. Спб. 1881 г. *Его же* Послѣдованіе таинствъ въ русской церкви XVI в.—Странникъ 1880 г. кн. 3—4, 9 и 10. *Дмитріевскаго* Богослуженіе въ русской церкви въ первые 5 вѣковъ—Правосл. собес. 1882 г. ч. II и III; 1883 г. Іюль—Авг. и Дек. *Мансветова* м. Кипріанъ въ его литургической дѣятельности (Москва 1882 г.). Правила м. Кипріана—Прав. Собес. 1865 ч. II стр. 9 и слѣд. Правила м. Фотія—Ibid. 1866 ч. I стр. 88—104. О трудахъ м. Кипріана по части Богослуженія—Приб. къ твор. свв. От. 1882 г. кн. I, 2 и 3. О трудахъ Максима Грека по исправленію книгъ.—Воскр. Чтеніе 1858, XXII стр. 249 и слѣд.

1) См. рисунокъ въ Извѣст. Археолог. Общ. III, 423.

2) Макарія ист. р. Ц. т. IX стр. 136.

3) Стогл. гл. 41 вопр. 8, стр. 131—132.

4) Ibid. гл. 5 вопр. 3; гл. 41 вопр. 1 и 7; гл. 43 и 27.

5) См. Макарія Ист. VI, 262—7.

6) См. Макарія IV, 228—256; VIII, 1—38; IX, 134—6; 294; 468; Соловьева Ист. т. IV стр. 231—6; 267—270.

7) Макарія IV, 250—261; VI, 215—218; VIII, 27—50.

8) Макарія IX, 427—434.

9) Варлаамія Обозр. рукоп. пр. Кирилла Бѣлоз. въ Чтен. Моск. ист. Общ. 1860 г. II, 32—8.

10) См. Макарія IV, прилож. № XXIV.

11) Акты Историч. I; № 253, стр. 476.

12) Ibid. № 22, стр. 45—6; Дополн къ Акт. ист. I, № 181, стр. 329—330.

13) Мансветовъ м. Кипріанъ въ его литург. дѣят. стр. 198—200.

14) Ibid. 194—5.

15) См. Макар. IV, 261—6; Мансветова 155—202.

16) Указаніе богослуж. книгъ, сохранившихся отъ монгольской эпохи см. въ ист. Макарія т. IV, прилож. № XXV, стр. 367 и слѣд.

17) См. печатныя Минеи подъ 21 дек

18) См. у Макар. IV т. прилож XXVI.

19) Печатн. Мин. подъ 20 мая. Степенн. кн. I, 445.

20) Указаніе на то, гдѣ помѣщены эти службы, см въ Ист. Макарія VIII. примѣч. 70—86.

21) Стогл. гл. 5, вопр. 5.

22) Опис. рукоп. Румянц. муз. стр. 316 и 317.

23) См. послѣсловіе къ первопечатному Моск. Апостолу, — Опис. староп. кн. Толстаго стр. 26.

24) Опис. рукоп. Румянц. муз. стр. 717.

25) Максима Гр. соч. I, 28—30; III, 62, 63, 67.

26) Стогл. гл. 5, вопр. 1.

27) Ibid. вопр. 23.

28) Гл. 41 вопр. 6.

29) Ibid. вопр. 9 и 10.

30) Ibid. вопр. 12.

31) Ibid. вопр. 33 и 34.

32) Зиновія Истины показ., 952, 961.

33) Полн. собр. р. лѣт. VI, 221—222, 233.

34) См. Макар. VIII, прим. 160.

35) Ibid. прим. 162.

36) Правосл. Собес. 1861 г. I стр. 111—112.

37) Словарь дух. писат. въ Россіи II, 281.

38) Горскаго опис. Моск. синод. библіот. I, 290.

39) Акты истор. I, № 8.

40) Служебн. Кипріана см. въ Моск. синод. библ. № 601.

41) См. у Мансветова М. Кипріанъ въ его литург. дѣят.

42) См. 1 и 3 граматы въ Акт. ист. № 22 и 35, а вторую въ XXVIII прил. къ IV т. ист. Макарія.

43) Максима Гр. сочин. т. III, стр. 54—60.

44) Ibid. стр. 92, 104, 115, 117, 118, 122 и 124.

45) Зиновія Истины показ., собес. 12 гл. 47—56.

46) Стогл. гл. 6, стр. 58—59.

47) Гл. 14, стр. 76.

48) Гл. 29, стр. 98—99.

49) Гл. 41, вопр. 12 стр. 133—4.

50) Ibid. вопр. 10 стр. 133.

51) Ibid. вопр. 6 стр. 130.

52) Гл. 9, стр. 68 ср. стр. 290, № 3.

53) Гл. 42, стр. 148—9.

54) Гл. 31—32; стр. 103—8; см. Макар. VIII, 116—120.

55) Въ глав. 6, 7, 8, 9, 10, 11, 17, 18—24, 35; 41, вопр. 6, 7, 9, 11, 13; прилож. №№ 1—2, 5, стр. 287—290, 291—296.

56) Гл. 27 и 28, стр. 95—97.

57) См. Макарія VI, 177—202; Филарета Ист. р. Ц. III, § 31 стр. 117—119.

58) Стогл. гл. 41 вопр. 11, прилож. № 2 стр. 289.

59) Акты Ист. I, № 478.

60) Ibid.

61) См. Чтен. въ Общ. истор. и древн. Росс. 1860 г. кн. 2 отд. III стр. 36.

62) Прилож. къ Стогл. № 2 стр. 289.

63) Русская Истор. библіот. 1880 г. т. VI стр. 238, 254, 275, 284, 517; Стогл. гл. 17, стр. 81.

64) Одинцовъ, Дмитріевскій, Странникъ 1880 г., Макарій IV, 281—294.

65) Стогл. гл. 5 вопр. 23 стр. 51, Макарія IV, 294—6; VIII, 63—75.

ГЛАВА V.

Пособія: *Макарія* Исторія р. Церкви т. V гл. VII; т. VIII, гл. VIII; т. IV, гл III; т. VII, гл. IV; т. VIII стр. 235—308; т. IX, стр. 133—135. *Жмакина* митр. Даніилъ ч. II отдѣл. II и III стр. 470—736; *Архангельскаго* Общее состояніе умственнорелигіозной жизни на Руси въ концѣ XV и нач. XVI в.—Памятн. древн. письм. и искусства т. XVI Спб. 1882 г. (Приложеніе къ изслѣдов. о Нилѣ Сорскомъ). *Рущинскаго* Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей (Москва 1874 г.) *Преображенскаго* нравственное состояніе русскаго общества въ XVI в. (Москва 1881 г.) *Костомарова* очерки великор. нравовъ. Смѣсь христіанства съ язычествомъ и ересями въ древнерусскихъ народныхъ сказаніяхъ о мірѣ—Правосл. Собесѣд. 1861 г. ч. I стр. 249 и слѣд. Попеченіе отечественной Церкви о внутреннемъ благоустройствѣ р. гражд. общества въ XIII—XV в.—Ibid. стр. 77 и 173. О борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Россіи—Правосл. Собес. 1865 г. ч. II, 211 и слѣд. О недостаткахъ р. народа по изображенію Стоглава—Ibid. 128 и слѣд. *Дубакина* о вліяніи христіанства на семейный бытъ русскаго общества въ періодъ до времени появленія Домостроя—Христ. Чтеніе 1880 г. ч. I стр. 311—361, 627—676. *Его же* о вліяніи хр—а на сем. бытъ р. по Домострою ibid. Май—Іюнь. Древнерусскія пустыни и пустынножители—Правосл. Собес. 1860 г. ч. III. Окт. *Филарета* Черниговскаго Русскіе Святые. *Толстаго* Разсказы изъ исторіи Русской Церкви.

1) См. выше I гл. § 4.

2) Акты арх. Экспед. т. I № 369 стр. 461: Опис. рукоп. Румянц. музея стр. 321.

3) Стоглавъ гл. 41 вопр. 16.

4) Полн. Собр р. лѣт. IV, 279; См. Дополн. къ Акт. Истор. I, № 22.

5) Стогл. гл. 41 вопр. 23, 24, 26 и 27, гл. 92.

6) Ibid. гл. 41 вопр. 17 стр. 136.

7) Ibid. гл. 5 вопр. 11; гл. 41 вопр. 26, 2 и 3.

8) Полн. Собр. р. Лѣт. IV, 60.

9) Стогл. гл. 5 вопр. 21 и 22, гл. 38 и 39.

10) Гл. XII.

11) Полн. Собр. р. лѣт. V, 5, 8; см. II, 221; IV, 183, 200; Ник. III, 60, 66 и 99.

12) См. Жмакина стр. 479 прим. 3.

13) См. у Преображенскаго стр. 117—118 (изъ Аделунга).

14) Полн. Собр. р. лѣт. IV, 60

15) Христ. Чт. 1880, II, 41.

16) Гл. XIII, XIV и III.

17) Волокол. Сборн. XVI в. библіот. Моск. Дух. Акад. № 566 лл. 1—2. (Правило неумѣющему грамотѣ). Ср. совѣтъ Домостроя: Молви: „Господи Іисусе Христе, сыне Боже, помилуй мя грѣшнаго". Сице глаголати 600 молитвъ, а седьмое 100 Пречистей: „Владычице моя, пр. Богородица, помилуй мя грѣшнаго", и паки обращатися на первое, и сице глаголати всегда. Аще кто сію молитву, требуя ея, глаголетъ, яко изъ ноздри дыханія, по первомъ лѣтѣ вселится въ него Христосъ Сынъ Божій, по второмъ лѣтѣ внидетъ въ него Духъ Св., по третьемъ лѣтѣ пріидетъ къ нему Отецъ и, вшедъ въ него, обитель въ немъ себѣ сотворитъ Св. Троица (Чтен. въ Общ. ист. и древн. Росс. 1881 г. II, стр. 37).

18) Максима Грека, соч. ч. III сл. XII стр. 98—104.

19) Ibid. ч. II стр. 68, 161, 218; См. Прав. Собес. 1859, ч. I стр. 128—146 и др.

20) Посланіе Іосифа Волок. объ епитиміяхъ см. у Хрущова о сочин. Іосифа Вол. стр. 88—89.

21) Макарія исторія Р. Церкви VIII, 328.

22) Максима Грека II, 231 и др.

23) Посланіе Іосифа Вол.—Хрущова стр. 88—89.

24) Жмакина 482—483; Костомарова 103; Христ. Чт. 1880, II, 28—30.

25) Никон. лѣт. IV, 55, 153; V, 125; Акты Истор. I, № 261 и др.

26) Соловьева Ист. госуд. Росс. IV, 223.

27) Полн. С. Р. Л. III, 87, 107—108.

28) См. напр. П. С. р. Л. IV, 307. См. сказанія Курбскаго.

29) Никон. лѣт. VII, 48.

30) П. С. р. Л. IV, 304.

31) См. Правосл. Собес. 1863, I, 315—316.

32) См Преображенскаго 88—101; Жмакина 520—528; Макарія VIII, 334—335.

33) См. Стогл. гл. 5, вопр. 7; гл. 68 и 69. Наказн. грам. Макарія по стогл. собору Прав. Собес. 1863, I, стр. 98—99.

34) Макарія IX, 307—Свидѣт. Михалона.

35) Максима Гр. II, 174—175, 260—276; Стогл. гл. 5, вопр. 12.

36) Флетчеръ о государствѣ русск. гл. 28 стр. 103 (Преображенскаго 129).

37) Ульфельдъ (Макарія VIII, 340).

38) Стогл. гл. 41 вопр. 20 стр. 138; Ист. Соловьева VII, 182; Макарія IX, 306 (Свидѣт. Михалона о южной Россіи, Литвѣ и Польшѣ).

39) Стогл. гл. 41 вопр. 19, стр. 137.

40) П. С. р. Л. III, 66, 80; IV, 54.

41) Соловьева VII, 64—65; 188—189; 240.

42) См. Домострой.

43) См. Макарія V, 271; Преображенскаго 99; Жмакина 606—607.

44) Соч. Жмакина 534—539; 568—578; Преображенскаго 107—9, 134—5, 138 и др.

45) Преображ. 109.

46) Стогл. гл. 5 вопр. 23 стр. 51.

47) См. у Преображенскаго отзывы Маржерета, Контарини, Флетчера, Олеаріи, Герберштейна и др.; у Макарія—свидѣтельство Контарини о южной Россіи.

48) Русск. проповѣдь противъ пьянства—Правосл. Собес. 1862, I, 263 и 369.

49) Слова Контарини, Герберштейна, Олеарія, Флетчера и др.—Преобр. 124—5.

50) Флетчеръ о Русск. госуд. гл. 28 стр. 103.

51) Соловьева Ист. VII, 205.

52) Макарія VIII, 333—4.

53) Максима Гр. II, 213 и 241.

54) Ibid. II, 161, 218 и др. Жмакина 546; Преображ. 132—3

55) См. Жмакина 536, прим. 2 и 3.

56) Ibid. 639—640.

57) См. Макарія V, 258—278; VIII, 308—344; Преображенскаго гл. II, III и V; Жмакина 470—640; Архангельскаго 202—247.

58) См. П. С. р. Л. III, 232; IV, 241; VIII, 50; III, 138—139; IV, 119; VIII, 91.

59) См. у Макарія VII, 57 прим. 67.

60) Акт. Эксп. I № 369, стр 462.

61) См. Макарія VI, 122—3.

62) Гл. 5 вопр. 37 и гл. 82.

63) Гл. 85.

64) Отпечат. въ Матер. для Истор. Р. Церкви I, 23—25; 156—161.

65) Акты Ист. I № 5, стр. 7—8.

66) Ibid. № 292, стр. 531—4.

67) Акты Эксп. I № 381.

68) Библіот. Макарія № 100—Макарія Ист. VII, 61—64.

69) Акты Эксп. № 108 стр. 83.

70) Макарія Четьи—Минеи сент. 9 стр. 499—615.

71) Дополненія къ Ист. Акт. I №№ 211, 213.

72) Опис. рукоп. синод. библ. III, I, 394—402. Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847 г. отд. IV—Опись книгъ Іосифо-Волокол. мон. стр. 9.

73) Исторія росс. іерархіи IV, 661 и слѣд.

74) См. Опис. Смоленской епархіи стр. 293, 294.

75) Опис. синод. библ. II, 3 стр. 730—732.

76) Акты Виленской комм. I № 10.

77) Виленскій археогр. сборн. т. IX, № 22 стр. 58.

78) Акты Зап. Россіи III, № 10.

79) Акты Эксп. I № 383 стр. 486.

80) Гл. 82.

81) П. С. р. Л. VI, 285.

82) Гл. 50, стр. 170.

83) Акты Ист. I, № 253 стр. 479—480. Напр. Череповскій Воскресенскій монастырь бралъ пошлину съ возовъ и лодокъ, приходившихъ для торга на Бѣлоозеро.

84) Напр. Троице-Сергіева лавра имѣла свое „пятно" въ Москвѣ, Казани и Свіяжскѣ.

85) Макарія Ист. VI, 125—133. Приб. къ Твор. Св. От. 1851 г. т. X стр. 502—527 и др.

86) Акты Эксп. I, № 277 стр. 219.

87) См. Ист. росс. іерарх. III, 712—714.

88) Стогл. гл. 61, 63, 64, 75. гл. 49; Прилож. № 32 стр. 302; Акты Истор. I, № 155 стр. 273.

89) Акты Эксп. I, № 227 стр. 218—219.

90) Акты Истор. I, № 154 стр 270.

91) Собр. госуд. граматъ I, № 200; Акты Эксп. I, № 309 стр. 372—3.

92) См. Макарія VIII, 255.

93) Стогл. гл. 5 вопр. 11; гл. 72.

94) Дополн. къ Акт. Ист. I, № 113; Акты Эксп. I, № 323.

95) Собр. госуд. грам. и догов. I, № 202.

96) См. его посланія къ этимъ князьямъ въ Акт. Истор. I, № 12 и 16.

97) Акты Ист. I, № 204, стр. 383.

98) Ibid. № 26, стр. 54.

99) Стогл. гл. 5, 41, 49, 50, 52, 71, 76, 85, 86; Прилож. №№ 31, 33, 34, 35, 36.

100) Акты Ист. I, № 204, стр. 376—386.

101) Истины показ. (Казань 1863 г.) стр. 894, 898—901, 904, 906, 909; о нравственномъ состояніи мон. см. у Преображенскаго IV гл.; Макарія IV, 222—7; VII, 90—112; Жмакина гл. IV, 616—627; 650—690 и др.

102) См. Филарета Черниг. „Русскіе Святые" (1865) сент.; описаніе Троице-Сергіевой Лавры; Макарія ист IV, 177—189; Прилож. № XX; Толстаго Разсказы изъ ист. р. Церкви (1873 г.) кн. 2 стр. 164—196; Костомарова р. исторія въ жизнеописаніяхъ вып. I (1873 г.) стр. 194—204.

103) Филарета Черниг. рус. святые февр. 76—86.

104) Филарета іюнь стр. 40—58; Макарія IV прилож. XXI.

105) Костомарова Ibid. стр. 235—239; Толстаго кн. III стр. 342—351 и др.

106) Толстаго Ibid. стр. 304—6; Филарета май стр. 5—21.

107) Макарія VI, 106—111; Толстаго ibid. стр. 327—333.

108) Филарета Апр. стр. 15—23. Толстаго 338—341.

109) Филарета Май стр. 124—133; Толстаго 364—7.

110) Филарета Авг. стр. 136—144; Толстаго 360—363.

111) Толстаго кн. IV стр. 482—4.

112) Ibid. кн. II стр. 240—242; Филарета іюль 43—51.

113) Филарета ibid. 81—4; Толстаго кн. IV стр. 442—3.

114) Филарета Окт. Толстаго III, 301—3.

115) Филарета Іюль стр. 51—56.

116) Ibid. Янв. 84—7; Толстаго II, 232—3.

117) Толстаго III, 306.

118) Филарета Янв. 56—62.
119) Ibid. Май 97—100.
120) Ibid. 192—4.
121) Ibid. Авг. 5—10.
122) Ibid. Іюнь 34--37.
123) Ibid. Февр. 141—4; Толстаго IV, 443—4.
124) Толстаго ibid. 489—490.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава III.—Состояніе просвѣщенія и христіанскаго ученія.

Глава IV.—Состояніе богослуженія.

Глава V.—Религіозно-нравственное состояніе общества.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
4	7	сверху	не удерживали	ни удерживали
—	19	—	плетями	пятами
—	20	—	Ремапецъ	Романецъ
5	7	—	казанскій	рязанскій
6	6	—	Беклеминъ	Беклемишъ
—	16	—	Строгоновыхъ	Строгановыхъ
—	10	снизу	придѣлахъ	предѣлахъ
7	10	сверху	поспѣлъ	поспѣшилъ
9	18	—	начали	тѣ начали
10	1	—	Въ XIII—XIII вв.	Въ XIII—XVI вв.
—	6	—	Лапарей	Лопарей
—	9	снизу	самъ	сынъ
12	4	—	короля	польскаго короля
13	7	сверху	Крещеніе	съ красной строки
14	2	—	и Чуди	и у Чуди
—	5	—	Черногорскій	Челмогорскій
—	13	—	россійскій	ростовскій
—	5	снизу	населеніе	поселеніе
15	13	сверху	окружаютъ	окружатъ
—	—	—	саломой	соломой
16	12	снизу	новой великой	новой—великой
17	5	сверху	разсадинками	разсадниками
—	16	—	перскомъ	пермскомъ
—	18	снизу	По	по
—	13	—	привлекла	привлекала
18	16	сверху	монастыряхъ:	монастыряхъ
20	1	—	*Въ Сибирь:*	*Въ Сибирь*
6	18	снизу	церковныи	церковная
—	7	—	поселенцы приходящіе,	поселенцы, приходящіе

Стран.	*Строка.*		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
23	6	—	подолжаетъ	продолжаетъ
24	11	—	въ Волыни	и Волыни
25	16	сверху	уговаривалъ	уговариваетъ
—	19	—	помогло	помогало
—	23	—	въ заключеніи	въ заключеніе
—	4	снизу	(1370)	(1373)
26	6	сверху	князей,	князей
27	9	снизу	послѣдуя	наслѣдуя
28	18	сверху	и литовскими	литовскими
—	8	снизу	— на бывшіе	, на бывшіе
—	1	—	въ Витовтомъ	съ Витовтомъ
29	14	сверху	(1438 г.)	(1448 г.)
31	1	—	Новгородскаго	Новогродскаго
—	13	—	прислать	«прислать
32	14	—	Рядомъ...	не скрасной строки
33	17	—	наряжаетъ [63])	[63]) наряжаетъ
—	2	снизу	Осталась	не съ красной строки
34	19	сверху	разрушенія	разрушеніемъ
—	4	снизу	является	являлся
35	4	сверху	на судъ по митрополичьему зову на соборъ.	по митрополичьему зову на соборъ или на судъ.
—	11	снизу	въ 1351 г. Петръ	Петръ
—	10	—	митрополитъ	въ 1351 г. митрополитъ
—	8	—	его	его ею
40	9	сверху	Іоаннѣ IѴ,	Іоаннѣ IѴ
—	13	—	митрополита	митрополитовъ
41	8	снизу	знаю	узнаю
42	3	сверху	нашу	нашу ли
—	22	—	На соборѣ	не съ красной строки.
43	3—4	—	Кириллъ XѴ	Кириллъ IѴ
44	9	—	(1515 г.)	(1514 г.)
—	2	снизу	Россіи, и	Россіи;
45	19	сверху	аруибискупа	арцибискупа
46	8	—	Стоя	§ 9. Стоя
—	22	—	чисто	часто
—	8	снизу	воеводу,	воеводу и
47	5	сверху	королями	и королями
—	13	—	Цамбланъ	Цамблакъ

Стран.	*Строка.*		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
49	2	—	ярлики	ярлыки
51	6	—	наставленiй	«наставленiй
—	8	—	своемъ	и своемъ
—	—	—	не брегло	небрегло
—	9	—	пути	пути» [121])
—	12	—	нѣкоторыхъ—	нѣкоторымъ
—	20	—	(1522—1532 г.)	(1522—1539 г.)
—	22	—	Волоколанскомъ	Волоколамскомъ
—	4	снизу	правдимаго Максима	правдиваго Максима [122])
52	1	—	Малдавiи	Молдавiи
54	12	сверху	1500 г.),	1500 г.).
56	14	—	раѣ	краѣ
60	9	—	Iосифа	Iоасафа
—	2	снизу	и иногда	а иногда
61	21	сверху	собора [149]),	собора [149]);
—	22	—	Iоанна IV	Iоанна III и Iоанна IV
65	20	—	судебныя	судебныя и
—	21	—	вотчинымъ	вотчиннымъ
66	5	—	для нихъ *),	для нихъ *);
—	20	—	извѣстные	извѣчные
67	2	—	Стефанъ Баторiй и Сигизмундъ II	Сигизмундъ II и Стефанъ Баторiй
—	3	снизу	удовыхъ	вдовыхъ
69	4	—	когда	иногда
70	1	сверху	«справцу»,	«справцу»;
—	6	—	*десятники*	*десятинники*
—	11	—	судьи	суды
—	19	—	поставлено	постановлено
71	5	—	, святительскую	«святительскую
—	6	—	собираютъ	собираютъ»
73	13	—	правилъ»	правилъ
—	15	—	канoновъ.	канoновъ».
—	19	—	учителемъ	учителенъ
—	21	—	Новогородскихъ	Новгородскихъ
78	7	—	прав. II	прав. 11
82	11	—	онъ	отъ
84	12	—	Иногда	Не съ красной строки.
85	3	—	священникъ	священникомъ

Стран.	*Строка.*		*Непечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
86	21	—	павинностемъ	повинностямъ
88	2	—	обозпачено	обезпечено
89	3	снизу	сами,	сами
93	21	сверху	«извѣстныхъ»	«извѣчныхъ»
96	1	снизу	митрополію	митреполіи
97	16	—	самодержавія,	самодержавія
99	4	сверху	его	ея
—	8	снизу	купы	купы
102	18	сверху	коломенскій епископъ Геронтій	Коломенскаго епископа Геронтія
103	11	—	уговорилъ	уговаривалъ
104	17	—	(1551) [248]).	(1551 г.).
—	21	—	отца;	отца [248]);
107	12	снизу	не духовнымъ	недуховнымъ
109	7	—	вечерю	вечерню
—	6	—	кашуда	кашу да
—	1	—	(не брежно)	(небрежно)
111	15	сверху	укамъ—на	наукамъ
114	2	снизу	много	многи
116	15	сверху	духовенство.	духовенство [283]).
—	20	—	дыханіе» [283]);	дыханіе» [284]);
—	15	снизу	дѣлѣ» [284]).	дѣлѣ» [285]).
—	8	—	синаксарій, патериковъ и т. п. [285])	синаксарей, патериковъ и т. п. ·
117	2	сверху	наученія	наученіе
—	15	—	мощна	мощно
118	2	—	Ханѣхъ .	Хонѣхъ
119	6	снизу	на народныя	и народныя
—	1	—	оныхъ	иныхъ
120	11	сверху	остались	оставались
—	10	снизу	сами	тамъ
121	16	—	Пансіевскомъ	Паисіевскомъ
124	16	сверху	*Характеръ*	съ красной строки
—	16	снизу	Всѣмъ	«Всѣмъ
—	15	—	«мнѣніе	мнѣніе
—	5	—	древне русскіе	древне-русскіе
125	15	снизу	XIII—XIV	XIII—XVI
126	9	сверху	«умышленіе	мышленіе

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
127	11 снизу	консервативно формаль-наго	консервативно - формаль-наго
—	7 —	середины	средины
128	8 —	волхвовъ [303]).	волхвовъ [303]);
129	7 сверху	Отъ	§ 23. Отъ
130	19 —	Просвѣтитель	«Просвѣтитель»
131	10 —	что бы они	чтобы они
—	22 —	Пунктами	не съ красной строки.
132	18 снизу	«сказанія»	«сказаніе»
—	2 --	въ 1566 г.	въ 1556 г.
133	10 —	явившагося	явльшагося
—	9 —	нѣмцахъ	нѣмцехъ
135	17 сверху	«что	; что
—	19 —	Нѣмчину»	Нѣмчину
136	16 снизу	и при чемъ	при чемъ
—	12 —	Даниловскаго «Сборника»	Даніиловскаго «Сборника»
138	20—19—	и монашествѣ, и	о монашествѣ, о
139	8 —	*Митрополиту*	съ красной строки
—	6 —	привило	правило
—	5 —	попамъ	попомъ
141	17 сверху	Посковъ	Псковъ
—	7 снизу	строго	стройно
143	11 сверху	въ 2 главахъ	въ 11 главахъ
144	14 снизу	проситъ	и проситъ
146	11 сверху	нравовѣрно	правовѣрно
—	20 —	сказаніе	стязаніе
147	2 —	осталось,	осталось
—	13 снизу	своей	въ своей
—	6 —	современниковъ,	современниковъ)
148	6 сверху	при	изъ
—	6 снизу	обличавшимъ,	обличавшимъ;
150	3 —	и по	а по
151	5 сверху	Хутынскаго,	Хутынскаго
153	13 —	Ипатіевской,) (Новгород-скій)	Ипатіевской, 1 Новго-родской)
—	18 —	(XV и XVI в.),	(XV и XVI в.) [402]),
—	19 —	XVI в.) [402])	XVI в.) [403])
—	20 —	Патріаршая [403] (XVI в.)	Патріаршая (XVI в.) [404])

Стран.	*Строка.*		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
—	—	—	Тверская (XVI в.) [404])	Тверская (XVI в.) [405])
154	4	—	гражданскихъ [405]).	гражданскихъ.
157	13	—	съ нимъ»	съ ними»
160	5	снизу	Перскому	Пермскому
162	15	сверху	1430 года	1490 года
—	18	—	отъ (сотворенія	(отъ сотворенія
175	18	снизу	представляетъ	предоставляетъ
178	15	сверху	пополнялись	наполнялись
—	15	снизу	уніи,	уніи
—	8	—	нихъ	него
181	8	—	такъ, что	такъ что
182	4	сверху	латынь»	латына»
—	19	—	художниковъ,—	художниковъ;
—	25	—	кирки.	кирхи.
—	27	—	склонить	склонить его
184	10	—	Клеукѣ	Клецкѣ
186	1	снизу	весьма	вельми
187	7	—	брались	то брались
189	14	сверху	во срединѣ	въ срединѣ
190	4	—	Впрочемъ	не съ красной строки
191	10	—	разныя	рѣзныя
—	1	снизу	Колокимита,	Колокимита;
192	12	сверху	(1298 г.	(† 1298 г.
193	10	снизу	1540 гг.	1549 гг.
194	4	сверху	*Елиею* Лаврашевскому	*Елисею* Лавришевскому
195	2	—	въ первый—	въ первый
196	1	снизу	(XVI в.).	(XVI в.) [14]).
197	1	сверху	вызывались	вывозились
—	4	—	богословскихъ	богослужебныхъ
199	4	—	Кипріанства	Кипріанова
200	6	снизу	всѣ	вси
202	15	сверху	становившимися	становившимся
—	25	—	ходить	ходитъ
205	2	—	Митр. [38])	[38]) Митр.
212	21	—	приведенъ	праведенъ
—	9	снизу	своихъ	своимъ
213	13	—	видоизмѣнился	видоизмѣнялся
—	6	—	въ XV в.	въ XV в. (*)

Стран.	*Строка.*		*Напечатано;*	*Слѣдуетъ читать:*
214	16	—	это.	это [60]).
—	15	—	сокѣ. [60])	сокѣ.
217	2	сверху	(поединка)	(поединкѣ)
221	4	—	XVI в.	XIV в.
223	2	—	составл. св. Троицу.	состави св. Троица.
—	23	—	Спасо,	Сопасо,
—	27	—	и т. п.	и т. п. [65])
225	1	—	Народъ	не съ красной строки
227	9	снизу	Въ XVI в.	не съ красной строки
228	15	—	садомскій	содомскій
229	12	сверху	его	ею
231	6	—	1331 г.	1351 г.
233	17	—	являться	проявляться
234	10	снизу	смута	смуты
239	6	сверху	лихоимцемъ	лихоимцамъ
242	8	снизу	700	до 700
243	15	сверху	Предтечевскій	Предтеченскій
—	4	снизу	подаянья	подаванья
244	12	сверху	мужско—	мужеско—
245	7	—	чину;	чину [63]);
—	8	—	предписаніе [63]).	предписаніе.
—	7—8	снизу	Духовныя грамоты	Духовная грамата
246	13	сверху	поученію	порученію
249	12	—	знаній	званій
—	23	—	движимая	недвижимая
250	6	—	пастныхъ	частныхъ
251	15	снизу	помѣченныя	намѣченныя
252	3	—	жители	жителямъ
253	5	сверху	есть	селъ
—	12	—	отнято	отнятое
—	15	—	отошедши	отошедшее
255	13	снизу	удовлетворять	удовлетворяютъ
—	—	—	вносить	вносятъ
256	9	снизу	обрусеніе	обрусѣніе
—	7	—	страннымъ	страшнымъ
259	11	сверху	(XVI в.)	(XV в.)
267	3	снизу	Галичи	Галича
271	17	—	просить	просить Зосиму принять

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
			въ свои руки управленіе монастыремъ; онъ отказывался; тогда они обратились съ просьбою
—	10 —	отдыны	отданы
280	14 —	Сухони	Сухоны
284	1 —	у другихъ.	у другихъ [124]).

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
281.947 D65R C001 v.2
Rukovodstvo po istorii russkoii tserkv
3 0112 088177248